НЁМАН

9/2015
СЕНТЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Вера ЗЕЛЕНКО. Благопристойная жизнь. *Роман.* Окончание . . . 3
Михаил КУЛЕШ. Зреет колос в лучах солнца жаркого. *Стихи* . . . 53
Александр БРИТ. Японская свадьба. *Рассказы.* Перевод с белорусского автора . . . 57
Изяслав КОТЛЯРОВ. Эхо зова. *Венок сонетов* . . . 72
Ганад ЧАРКАЗЯН. Человек из прошлого. *Рассказы* . . . 78
Анатоль ЗЭКОВ. И нет роднее ничего. *Стихи.* Перевод с белорусского автора . . . 87
Сергей НОСОВ. Две таблички на газоне. *Рассказ* . . . 89

«Сябрына»: Беларусь — Казахстан

Римма АРТЕМЬЕВА. Мне б судьбой насладиться. *Стихи* . . . 105
Римма АРТЕМЬЕВА. Дом, хранящий вдохновенье... . . . 108
С. Б. БУЛЕКБАЕВ, А. Ж. СЕЙДУМАНОВ. К истории идеи евразийской интеграции . . . 111

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. *Роман. Окончание.*
Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни . . . 118

Национальные приоритеты

Владимир МАКАРОВ. Войны нового века: постмодернистские технологии . . . 151

Документы. Записки. Воспоминания

Диалог сотворчества. *Переписка Миколы Лобана и Евгения Мозолькова.*
Подготовка к публикации и предисловие А. Ващенко . . . 159

Культурный мир

Театр
Зоя ЛЫСЕНКО. Традиции российские, опыт — мировой . . . 175

Collegium musicum

Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Инструмент, объединивший мир . . . 192

Литературное обозрение

С точки зрения рецензента
Михаил КЕНЬКО. Будущее, запечатленное в прошлом . . . 204
Геннадий АВЛАСЕНКО. Энциклопедия казахского народа . . . 207
Виктор АРТЕМЬЕВ. Цветет душа поэта . . . 210

Напоследок

Олег СУДЛЕНКОВ. Тень Пушкина его усыновила . . . 212
Мара РУСОВА. Петровна . . . 218

Авторы номера . . . 224

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гигин, Наталья Голубева, Олег Ждан (редактор отдела прозы),
Алесь Карлюкевич, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Владимир Мозго (зам. главного редактора),
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Таргонская*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 14.09.2015. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,14. Тираж 2126. Заказ .

Цена номера в розницу 23 500 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2015
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2015
© РИУ «Издательский дом «Звязда», 2015

ВЕРА ЗЕЛЕНКО

Благопристойная жизнь[1]

Роман

Катя диву далась, откуда такие прагматичные мысли у ее дочери. Никогда она не говорила Вере ничего подобного, это вообще не ее стиль общения с детьми. Скорее у Дарьи в разговоре можно было бы ожидать не по годам циничные высказывания, даром, что ли, она дочь Ариадны, но вот Дарья как раз выглядела трогательным подростком с неиспорченной детской душой.

Девочка продолжала искренне восхищаться Верочкой, хотела знать как можно больше подробностей о жизни своей новоиспеченной тети.

— Скажи, пожалуйста, а на пальчиках больно танцевать?

— Ну как тебе сказать? — снова повторила свой банальный ответ в форме банального вопроса Верочка. — Сначала было очень больно. У меня даже кровь из пальцев шла. А теперь я могу долго-долго танцевать только на одних пальчиках.

— А можно, я к тебе в Москве приеду в гости и ты дашь мне померить свое балетное платье? — почти шепотом попросила Даша.

— Ты что, с ума сошла?! Во-первых, оно называется пачкой, во-вторых, ты же толстая, оно на тебе просто треснет.

— Неправда, я не толстая, — чуть не плача, пробормотала Дарья и надолго замолчала. Наверно, обиделась.

— Даша, — Катя повернулась к девочке, — приезжай, пожалуйста. Я сама помогу тебе надеть это платье. Оно ведь на резинках. Я даже сфотографирую тебя и сделаю великолепную фотографию в рамке. Приезжай!

— Ой, тетя Катя, как я вас люблю! — и Дарья весело защебетала что-то Верочке, не замечая, как та зло поджала губу.

А Лера уже успела подружиться с Танечкой, внимательно следила за каждым ее жестом: за тем, как девушка откидывает прядь волос, как щурится, когда слушает другого, как улыбается чуть отстраненно. Вот вернутся они в Неа Рода, и попытается Лера у зеркала, когда мамы не будет рядом, повторить каждое движение новой подруги. Мамины жесты уже давно не производят на Леру должного впечатления, а так хочется что-то этакое ухватить, и присвоить, и стать загадочной и прекрасной. Хотя бы как Таня. А еще лучше — как Марина. Вот только все равно она не понимает, как Марина могла выйти замуж за Лериного отца. Ведь он такой старый, с желтой кожей и темными пятнами на лице, с гусиными лапками морщин вокруг выцветших глаз.

В четыре утра автобус остановился у придорожного кафе. Заведение, похоже, только открылось. Сонные официанты в полутемном помещении лениво расставляли пластиковые стулья вокруг таких же пластиковых столов, продавцы мостили на витрине пирамидки из тарелок с незатейливой едой.

---

[1] Окончание. Начало в № 8 за 2015 г.

Диана, русская девушка греческого происхождения, или, наоборот, греческая девушка русского происхождения, что, собственно, одно и то же, с великолепной русской речью, кстати, филолог по образованию, приобретенному где-то на Украине, отправилась к стойке заказывать всем чай, но прежде предусмотрительно выстроила детей в очередь в туалет. Вот понаедут сейчас туристы, и черта с два пробьешься в заветную комнату.

Катя достала из багажника коробку со снедью — не тратить же деньги на безумно дорогую еду в кафе. Все-таки Марина — умница, все предусмотрела. Да и знает, по-видимому, что Катя по укоренившейся советской привычке будет считать каждую копейку.

Дети еще не совсем проснулись после ночного, не слишком комфортного сна в автобусе, аппетит явно не нагуляли. Андрюша лениво пощипывал булку с марципаном, Павлик занялся яблочным пирогом. Девочки вообще есть не стали. И только Гаврилыч с огромным энтузиазмом поглощал свой завтрак.

— Знаешь, Катя, что я думаю? Конечно, здорово, что наши дети, — тут он слегка осекся, все-таки перегнул слегка с этим «наши», — прекрасно, что дети уже в юном возрасте познакомятся с достопримечательностями Древней Эллады, воочию узрят Афины. Я вот большую часть жизни думал, что так и помру, не выехав за пределы Садового кольца.

Катя грустно улыбнулась в ответ.

Первым делом Диана привезла своих подопечных к Олимпийскому стадиону. Стадион был выполнен сплошь из серого мрамора, и в утреннем, еще не совсем прозрачном воздухе от него исходило тусклое лунное сияние.

Дети плохо слушали Диану и все норовили перебраться через формальное ограждение стадиона на его территорию. Катя зябко поежилась, представив, что вот сейчас ей придется присесть на холодную мраморную скамью, чтобы понаблюдать в экспресс-режиме некий турнир по легкой атлетике либо чемпионат мира по спортивной гимнастике. Воздух еще не прогрелся до средней афинской температуры.

— А теперь я вас поведу к греческому парламенту, — торжественно объявила Диана. — Как раз наступает момент смены караула. Прямо скажу, это завораживающий ритуал. Когда офицер будет разводить своих солдат, они эвзонами называются, предупреждаю, близко подходить к ним нельзя. А вот когда солдаты уже заступят на пост, вот тогда к ним можно приблизиться и даже сфотографироваться рядом. Только не пытайтесь разговаривать с ними. Это категорически запрещено.

Лишь только с левой стороны парламента показался офицер с двумя греческими солдатами, мальчики, Павлик и Андрюша, замерли на месте, с напряженным вниманием стали следить за их передвижением. Двое других эвзонов продолжали нести караул у своих будок. Все воины были наряжены, именно наряжены, а не одеты, очень необычно, совсем не так, как русские солдаты. Да и вообще любые другие солдаты мира. На них были какие-то кафтаны песочного цвета, коротенькие юбочки с множеством складок. На голове у каждого сидела, как влитая, маленькая черная шапочка. Ноги были в шерстяных чулках такого же цвета, как и кафтаны, и обуты ноги были в деревянные сабо с огромными черными помпонами и узкими, задранными кверху носами. Одним словом, вид у них был вполне сказочный.

— Каждый такой лапоть весит три килограмма, — не скрывая восхищения, произнесла Диана, — а складок на юбке вообще не счесть, а если уж быть совсем точной, то четыреста. Для солдата, несущего службу у парламента, главное все эти складки тщательно выгладить. И заметьте, все эвзоны — красавцы, настоящие гренадеры. Других здесь не держат.

Когда Диана заговорила об одеждах греческих солдат, девочки принялись лениво вглядываться, и правда, в очень необычные одеяния солдат. Все-таки это смешно, когда взрослые мужчины надевают платья с многочисленными складочками, а еще плотные чулки — на свои кривые ноги со стопами невообразимого размера. Не говоря уже о том, что днем в Афинах будет за тридцать. И каково это в такую несусветную жару шлепать по плацу в шерстяных чулках!

В этот момент солдаты, как покидающие плац, так и вновь прибывшие, стали что-то немыслимое выписывать ногами, что больше, пожалуй, смахивало на ритуальный танец древних пастухов, нежели на рядовой развод воинского караула. Во всем этом было что-то сюрреалистическое, плохо поддающееся осмыслению. Андрюша, однако, не мог оторвать от солдат восхищенных глаз, зрелище и впрямь гипнотизировало.

— Будто серебряными копытцами алмазы выбивают, — прошептала Гаврилычу Катя.

— Только ради этого стоило в Грецию приехать, — весело отозвался Гаврилыч.

Он еще не успел ни проголодаться, ни почувствовать жажду, ни просто устать и потому радостно, подобно малому ребенку, реагировал на происходящее.

Катя оглянулась на Танечку, стоявшую чуть позади. Девушка зачарованным взором следила за одним из вновь прибывших солдат. Ну вот, и эту глупую девчонку готов своей стрелой Амур сразить, — подумала с улыбкой Катя.

Как только смена караула была завершена, немногочисленные туристы, собравшиеся в семь утра у греческого парламента, образовали небольшую очередь, чтобы сделать памятные снимки себя, любимых, чуть ли не в обнимку с суровыми греческими воинами. К последним можно было подойти совсем уж близко, но все же прикасаться не рекомендовалось. Все дети, один за другим, почти по стойке смирно, словно и они в течение короткого промежутка времени должны были нести нелегкую воинскую службу, на долю секунды торжественно замирали рядом с симпатичными греческими парнями, в то время как Катя без устали щелкала фотоаппаратом.

Последней фотографировалась Танечка. Она закрыла на мгновение глаза, наверно, от удовольствия, и Кате даже показалось, что она чуть ближе, чем позволяла ситуация, прильнула к рослому красавцу.

— Ты только глянь, — снова шепнула Катя Гаврилычу, — он будто истукан стоит, ни одна жилка на лице не дрогнет. Вот это выдержка. Как неживой! — поразилась Катя.

— Уж и не знаю, из какого дерева сделаны греческие парни, если на такую красотку не реагируют. Верно, из той же породы, что и их деревянные лапти.

— А теперь мы с вами отправимся на Парфенон — святое место для любого грека. Кстати, храм отлично виден отсюда, так что не заблудимся. Напоминаю, отъезд в двенадцать, с этой же площади. — Диана еще раз окинула взором каждого, кажется, пересчитала, подняла высоко над собой смешную «ромашку» и со словами «Ну, с Богом!» устремилась вперед.

— Катя, сжалься надо мной, отпусти! — взмолился Гаврилыч. — Ну его к черту, этот Парфенон! Не по мне таскаться по этакой жаре по долинам и по взгорьям. Да и нудеж экскурсоводов мне вот уже где, — резким движением пухлой ладони он будто отсек свою голову. — Я лучше в баре посижу, пивка выпью.

— Даже не знаю, Гаврилыч, — неуверенно протянула Катя, — я же взяла тебя для подмоги… Все-таки с нами дети… Ну ладно, так и быть. Ты только,

ради бога, не напейся и не заблудись. Вот здесь, на площади, хотя бы вон в том баре, и глуши свое пиво. И отсюда ни на шаг!

— Договорились. Хотя напоминаю тебе на всякий случай, я не ребенок, и у меня в Испании замок и виноградники. Так что я тертый калач. Да и в Афинах уже бывал. Правда, до Парфенона так и не добрался. А ты поторопись, а то дети разбредутся.

Через четверть часа, когда вся честная компания с нетерпением ожидала открытия касс Парфенона, к Кате приблизилась Таня.

— Екатерина Андреевна, я вас очень прошу, отпустите меня до двенадцати!

— Вы как сговорились! — в сердцах воскликнула Катя. — Я же не справлюсь в одиночку с этой галдящей оравой. И даже Диана вряд ли спасет положение. Андрюшу вообще за руку держать приходится.

— Екатерина Андреевна, ну пожалуйста, я вас очень прошу! Для меня это важно, — и Таня умоляюще сложила руки. — Я ведь все время будто прилеплена к Андрюше и к дому Ильиных в Неа Рода. Я там, скажу вам честно, иногда задыхаюсь. Станьте для меня доброй волшебницей, подарите глоток свободы.

Катя растерялась и все-таки кивнула головой. Вот не научилась она отказывать хорошим людям. Это всегда ей мешало в жизни.

— Ладно, иди. Только не опоздай к автобусу. Надеюсь, ты не побежишь снова к греческому парламенту.

— Нет! — ответила Таня и густо покраснела.

— Что-то ряды наши на глазах редеют, — со смешком произнесла Диана.

— Главное — дети с нами, — уклончиво ответила Катя и тут же переключилась на подопечных: — Даша, Павлик, не отвлекайтесь, Лера, присматривай, пожалуйста, за детворой.

Пока ждали открытия кассы, подъехал автобус, битком набитый греческими солдатами, все в тех же юбочках и шерстяных чулках. Их выстроили в ряд, все были как на подбор. И Лера, еще минуту назад расстроенная внезапным исчезновением Тани, онемела при виде такого количества молодых здоровых парней.

— Диана, а эти что здесь делают? Да еще в таком количестве? — спросила Катя, несколько нервно, у вернувшейся с пачкой билетов Дианы.

— Как что? Службу несут.

И Диана взмахом руки дала команду детям следовать за нею в направлении Пропилей — загадочных ворот к главному храму Греции.

Она рассказывала очень подробно и, несомненно, интересно о том, как врата эти имели обыкновение сами открываться и закрываться, впуская и выпуская исключительно достойных. Дети слушали ее минут десять, не больше, потом затеяли, как обычно, дежурную потасовку. Катя шикнула на них, но и сама нет-нет да и отвлекалась мыслями от темы. Мысли эти беспорядочно роились в голове, вызывая попеременно то восторг от прикосновения к подлинной истории человечества, то сожаление о том, как мало выпало ей в жизни таких мгновений. Перед нею как на ладони лежали Афины — город, покрытый патиной времени, запечатленный во всех учебниках античной истории мира, древний и вечно юный город.

Вскоре заканючила Верочка, она первой не выдержала напряженного восхождения к вершине Акрополя. Дарья извертелась, но все-таки внимала рассказу Дианы. Павлик мужественно пытался вникнуть в подробности повествования. И только Валерия оказалась по-настоящему благодарной слушательницей. Хорошую девочку Анна воспитала, — подумала с завистью Катя.

Это не Дарья, крученая, нервная, угловатая. Впрочем, у Дарьи возраст сейчас такой. Да и Ариадна кого угодно до истерики доведет. Верочка же всюду ищет свое отражение, чтобы еще раз полюбоваться собою. И это вовсе не Катина вина. Такой уж она уродилась.

Андрюшу Катя не отпускала от себя ни на шаг. Он начал уставать, — они уже бродили больше часа, — и его приходилось временами просто тянуть за собой, уговаривая: «Ну еще немножко, малыш».

— А теперь посмотрите перед собой!

— Какие-то развалины, — буркнул уныло Павлик.

— Ну что ты такое говоришь! — искренне возмутилась Диана. — Это наша гордость! Парфенон! Давайте подойдем поближе.

И она с радостным возбуждением повела за собой свой юный отряд, высоко задрав «ромашку». Забавно было наблюдать за маленькими путешественниками из страны, которую она когда-то считала своей родиной. К тому же Диана была лично знакома с Георгием Ильиным. Историю этой русской семьи ей в подробностях поведала однажды девушка из ильинской прислуги. Афон — полуостров маленький.

— Георгий Сергеевич был бы счастлив провести это время с вами. Он мечтал о совместной экскурсии задолго до вашего приезда, разрабатывал подробный маршрут, обсуждал его со мною.

Диана долго водила детей и Катю по мраморной бугристой вершине Акрополя, вокруг величественного Парфенона и храма Эрехтейона с его каменными кариатидами, дети послушно следовали за ней — настолько магически подействовало на них упоминание имени отца.

...Когда пропал Андрюша, никто так и не понял. Вроде бы все вместе внимательно рассматривали барельеф, служивший своеобразными кулисами театра Диониса. А на нем такие настоящие, как, собственно, и все в Греции, фигуры то ли древних богов, то ли древних героев. Их можно было даже потрогать руками. И Андрюша тоже гладил внушительные фигурки своей маленькой ладошкой и все приговаривал:

— Я обязательно расскажу папе, что видел самый древний театр мира.

Потом он бегал вместе с Павликом и Верочкой вдоль бесконечных мраморных скамей, вернее, того, что от них осталось. Чуть позже здесь же, на скамьях, все пили кока-колу, заедали ее булочками, обсуждали увиденное. Но никто так и не смог вспомнить, когда же Андрюша исчез — во время перекуса или когда гурьбой пошли на выход, смешавшись с толпой покидающих Акрополь туристов. Катя первая поняла, что детей стало как-то мало. Она бросилась к Валерии, которая последней держала Андрюшу за руку, но та со слезами на глазах сказала, что отпустила его к тете Кате.

Первое, что предприняли Катя с Дианой, — вернулись вместе с детьми к театру Диониса. Катя теперь ни на секунду не выпускала детей из поля зрения. Сердце бешено колотилось. У Дианы тоже был довольно бледный вид. Ступенька за ступенькой они прошли весь «зрительный зал». Андрюши нигде не было.

— Пошли в полицейский участок! — решительно произнесла Диана и тут же направилась к выходу.

В полицейском участке к заявлению Дианы отнеслись спокойно. Дети везде пропадают и чаще всего находятся. Катя тоже пыталась вставить на английском несколько фраз, вроде того, что пропал не простой ребенок, а сын известного на весь мир физика и не менее известного сценариста в одном лице. Но это вовсе не произвело какого-то особенного впечатления на бравых греческих ребят, не придало им расторопности.

— Господи, вот ведь правду говорят, что греки никогда никуда не торопятся! — горестно всплеснула руками Катя.

— Они действуют по инструкции, — удушливым голосом возразила Диана. Она никому не позволит ругать греков и греческий стиль жизни.

Все расселись по скамейкам в небольшом помещении полицейского участка. Дети испуганно молчали. Верочка и вовсе, страдальчески поморгав, закрыла глаза. На часах было полпервого.

— Надо позвонить Ильиным, — неуверенно произнесла Катя.

— Подождите! Не стоит их волновать. Тем более что Георгий Сергеевич сейчас в больнице. Попробуем выпутаться сами.

— Черт, и Гаврилыч с Таней уже нас заждались! — Катя нервничала все больше.

— Оставайтесь здесь. Я сбегаю сейчас за ними, — решительно произнесла Диана.

— Может быть, лучше схожу я? Все-таки вы, Диана, в состоянии объяснить им здесь, — Катя сдержанно кивнула в сторону полицейских, — насколько мы в отчаянном положении.

— Нет-нет! — воскликнула Диана. — Если пойдет кто-то из вас и, не дай бог, тоже потеряется, мы вообще никогда не вернемся в Неа Рода.

Через час она вернулась с Таней, но без Гаврилыча.

— Он остался у автобуса — вдруг Андрюша придет на площадь.

— Хорошо, но что делать нам?

— Ждать. Только ждать! — решительности в голосе Дианы явно поубавилось.

Дежурный в полицейском участке что-то сказал Диане. Она возразила. Тогда он обрушился на нее со всем своим греческим темпераментом.

— Что? Что случилось? — испуганно спросила Катя.

— Просит освободить помещение. Говорит, что на улице есть свободная скамейка. Мы можем там подождать.

— А Андрюша? И потом, там нет кондиционера.

— А что Андрюша?! Говорит, что вызвали еще один патруль, прочесывают всю музейную территорию.

— О Господи!

День катился к завершению.

Гаврилыч уже давно ощущал себя по жизни созерцателем. Любимейшим его занятием было засесть с бутылочкой пива где-нибудь на открытой, но достаточно затененной террасе кафе или таверны и наблюдать, наблюдать, наблюдать. Он, наконец, почувствовал себя свободным. От изнуряющей необходимости преследовать какую-нибудь смазливую, но слишком щепетильную в вопросах морали бабенку, долго окучивать ее, удобряя почву дешевыми подношениями, безвкусными, затасканными комплиментами, лживо бурлящей энергией. И все во имя ночи, да где там ночи — часа, а то и получаса вакханалии человеческой плоти. Теперь ему куда больше импонировало коллекционировать чужие лав-стори, наблюдать за охотниками за сладкой дичью слегка отстраненно, как будто в кино, следовать усталым взором за их кружением, их грубым танцем, их страстью, которая со стороны всегда чуть-чуть смешна.

Вот и сейчас он сидел в тени разлапистой пальмы, торчащей из пластиковой кадушки, и медленно наливался пивом, и не пытался даже оторваться взглядом от парочки напротив. Русских, между прочим.

По правую руку от него расположились две греческие семейки с оравой малолетних детей. Ведь что интересно, бабы курят, громко болтают, ни

на кого не обращают внимания, заняты своими женскими проблемами, — в общем, отводят душу. А папашки бегают за своими кудрявыми сорванцами, взгляда не могут отвести от их смуглых мордашек. И такая любовь к родным чадам светилась у них в глазах, что Гаврилыч смущенно отвел взгляд. Не по себе ему стало. Вот ведь не думал никогда, что снова заболит то место в области диафрагмы, куда он загнал когда-то свои самые тайные страдания. Один из малышей, трогательный топтыжка, подбежал к Гаврилычу, стал что-то совать ему в руки. Оказалось, липкий пластиковый стаканчик от мороженого. Стаканчик был похож на кепку бейсболиста. Малыш что-то лепетал на своем сложном языке и смешно вытягивал губки. Гаврилыч не удержался, взял его крошечные смуглые ладошки в свои, прикоснулся губами к его пружинистым колечкам абсолютно черных волос. Пахнуло молоком и солнцем. За ним уже стоял его крепкий, пружинистый папашка, улыбался и точно так же складывал в улыбке губы.

— Good, good boy! — браво проговорил Гаврилыч и отечески похлопал грека по плечу.

Крепко сбитый папаша подхватил своего юного Аполлона и вернулся к своим. Стол их ломился от яств. Гаврилыч продолжал наблюдать за ними. Будто сидит и смотрит в другую сторону, занятый своими мыслями, а потом раз — и резко наведет на них проницательный взгляд. Папашка вдруг растопырил ладонь в сторону приятеля, второй рукой он продолжал придерживать кудрявого малыша. Его глаза при этом, казалось, налились кровью. Приятель, у которого на руках сидела такая же кроха-дочь, запрокинул голову и щелкнул языком, глаза его были прикрыты веками. Через секунду они замахали одновременно свободными руками, стали громко переговариваться, почти кричать, и были, кажется, готовы растерзать друг друга. Девочка, тем не менее, заснула на руках у чрезвычайно разволновавшегося отца.

«Ну и ну! — только и успел подумать Гаврилыч. — Вот тебе и спокойные, размеренные греки, с их философским восприятием жизни! А помнят ли они о том, что завтра снова наступит день? И работают ли они где-нибудь вообще? Сегодня ведь, кажется, не суббота и даже не воскресенье, да и до вечера еще далеко. Самое время тяжело вкалывать на благо семьи».

Гаврилыч помахал официанту, и когда тот, не слишком торопясь, все-таки подошел к нему, заказал еще одну бутылку пива. Он все поглядывал на ту часть площади, где должна была появиться Катя с детьми, но их не было. Прошел час, и он догадался, что что-то все же пошло не так. Боже правый! Только этого не хватало! Что он скажет Марине и Георгию, как станет оправдываться перед ними? А Катя? Что будет с Катей, если все-таки что-то случилось? Сердце закололо, лишь только Гаврилыч подумал о Кате.

Покинув ильинский дом в Неа Рода, Таня почувствовала вдруг, насколько она устала жить в чужой семье, ее радостями и проблемами. Она была благодарна Марине и, разумеется, Георгию Сергеевичу за то, что приютили ее, не унижали, не напоминали всякий раз, что она всего лишь прислуга в их доме, предоставили замечательную возможность путешествовать по миру вместе с собою. Но чем больше она проникала в обстоятельства жизни этой семьи, тем больше в ней нарастало желание вырваться за ее пределы. В Афинах Таня ощутила это настолько сильно, что уже прямо здесь, в абсолютно чужом городе, ей нестерпимо захотелось глотнуть воздуха свободы. Пересилив страх оставить Андрюшу, — в конце концов, он остался с Катей и детьми, почти десять пар глаз будут неотступно наблюдать за ним, — она тут же и отпросилась у всей честной компании, то есть у Кати. Когда еще выпадет шанс вот

так, налегке, прошвырнуться по древнему городу, почувствовать на губах вкус растворившихся в этом мгновении тысячелетий, подышать воздухом, которым дышали древние боги, может быть, ощутить идущие из глубины веков вибрации времени? Таня была девушкой начитанной, восприимчивой и очень живой. К тому же, утром у парламента где-то внутри у нее, в области, что ближе к сердцу, что-то такое щелкнуло, задрожало, да так и повисло на долгой, высокой ноте. Она, не мигая, следила за греческим эвзоном, представителем самой экзотической армии мира, а он, в свою очередь, не мигая, следил за ней. Во что бы то ни стало ей захотелось вернуться к парламенту, чтобы снова увидеть этого эвзона и подать ему некий тайный знак, уловив который, он бы понял, какое неизгладимое впечатление произвел на русскую девушку. И вообще, чем черт не шутит!

Таня с трудом нашла дорогу назад. Толпы туристов сновали по центральным улицам Афин во всех направлениях. Они внезапно останавливались, создавая помеху движению, извлекали на свет божий свои неизменные фотоаппараты и фотографировались у каждого цветущего куста бугенвиллий, у каждой фигуры Венеры или Аполлона, каждой мало-мальски примечательной колонны или вычурной решетки внутреннего дворика. Женщины, задрав головы, изучали содержимое многочисленных витрин. В Греции, как известно, все есть.

Оказавшись, наконец, на знакомой улице, Таня перевела дух. Теперь и до здания парламента рукой подать. Приблизившись вплотную к цели своей прогулки, она предположила, — по сгустившейся толпе зевак, — что очередная смена караула произошла совсем недавно. Среди вышедших на «сцену» греческих воинов ее эвзона не было. Прослонявшись по площади почти час, поняв по нарастающему оживлению, что начинается очередное представление, она пристроилась ближе к «подмосткам». Каково же было ее разочарование, когда она увидела, что ее эвзона и среди вновь прибывших тоже нет.

Офицер, присматривавший за порядком во время несения караула, периодически приближался к часовым и вытирал у них пот с лица. Часовые стояли как истуканы.

Прошатавшись безрезультатно еще два часа, устав от палящего солнца, жажды, она решила уйти. «Ну что за дурочка! — корила она себя. — Прямо как Ариадна. Ладно, еще один караул, и все!»

Но он так и не появился. И чем больше она думала о нем, тем нестерпимее хотелось его снова увидеть. Вновь прибывшие солдаты еще раз станцевали ритуальный танец, мистический, завораживающий. «Ну, предположим, я его увижу. Что дальше? Да если я к нему прикоснусь только, мне тут же выломают руки и со скандалом выпроводят вон. А уж записочку с телефоном мне и вовсе сунуть некуда. Даром что четыреста складок, а толку-то никакого. И в башмак с помпоном тоже не засунешь. Скажут: «А что эта русская там потеряла?!» Таня грустно рассмеялась от нелепости своих намерений и побрела прочь. Приближался момент встречи с Катей и детьми.

...Стремительно надвигалась ночь. Надо было принимать какое-то решение. Дети устали и явно проголодались, пора было их обустраивать на ночь. Но самое страшное было не это. Пропал Андрюша, потерялся, а может быть, его вообще украли. Не приведи бог!

Катя пересилила себя и набрала на мобильном телефоне Маринин номер. Телефон не отвечал. Через пятнадцать минут она повторила вызов. С тем же результатом. «Господи, помоги!» — взмолилась она.

— Диана, мы сейчас все вернемся на площадь, я посажу вас в автобус, и вы все поедете домой. Я остаюсь. Я буду искать Андрюшу. Днем и ночью. Надеюсь, мне в этом помогут доблестные полицейские Греции.

Диана растерялась. В ее практике всякое случалось. И она всегда несла ответственность за происходящее. Но с взрослыми было проще, в худшем случае, какую-нибудь вертихвостку похищал на ночь горячий парень, а таких в Греции пруд пруди, но через день или два девицу благополучно возвращали в отель. Здесь совсем другой случай. Потерялся ребенок. И не просто ребенок, а маленький сын Ильина, человека, с которым она была знакома, который внушал ей огромную симпатию и который всегда щедро оплачивал ее услуги.

— Хорошо! Пусть едут! С Гаврилычем. Я остаюсь, Катя, с вами. Мы будем вместе искать Андрюшу.

На том и порешили. После долгих препирательств со стороны Гаврилыча и нервных всхлипываний Тани автобус отправился в ночь по тому же маршруту, что и день назад, но теперь в обратном направлении.

Ильин парил между небом и землей, легкий, почти невесомый — боль ушла. Он лежал с открытыми глазами, в сумерках, не шевелясь и почти не дыша. С улицы доносились звуки, так похожие на звуки любой другой улочки мира, где живут простые люди: плач ребенка, требующего любви, усталые увещевания матери, гул машин, торможение колес, громкий разговор на греческом с раскатами смеха, где-то совсем рядом, песня из таверны напротив и свободно льющийся, обворожительный женский голос, богатый обертонами, который обещает счастье, много счастья... Неужели все это потеряно для него навсегда? Неужели не будет больше лунной дорожки на морской глади, привкуса соли на губах, ощущения тягучего мокрого песка и перехваченного дыхания во время бега вдоль кромки моря, легких прикосновений теплого ветра, а главное — присутствия любимой, единственной, неповторимой женщины и такого же единственного, неповторимого ребенка? Сколько ни рисовал себе счастье Ильин, оно всегда выглядело приблизительно одинаковым — у моря, рядом с любимой и сыном, а за плечами рюкзак с его мудреными теориями сотворения мира и, может быть, с начатым сценарием нового фантастического фильма. Женщина в его видениях всегда была молодой, а ребенок всегда маленьким. В общем, Ильин хорошо знал, как выглядит счастье, и самое интересное — время от времени оно настигало его.

Неужели завтра передышка закончится и боль снова накатит мертвым удушьем, постыдным дрожанием рук, отберет волю, способность любить, созидать, радоваться любому мгновению, будь то касание любимой женщины, или нежный поцелуй его ребенка, или долгая, завораживающая глубиной и родством мироощущений беседа с Кевином, или искрящийся воспоминаниями треп с Гаврилычем, разумеется, под стакан виски, или... Как много существует в мире вещей, о которых он может думать с блаженством! Но странное дело, сколько ни перебирал он в памяти разные события своей жизни, сколько ни вспоминал своих женщин, которых, несомненно, любил когда-то, о своих детях он думать себя принуждал. Может быть, дело было в том, что мысли о них были мучительным напоминанием о его греховности, уязвимости его совести или того, что должно где-то там теплиться на дне души. Он хотел их любить, он очень хотел их любить, но оставался равнодушным. Может быть, Всевышний именно это и не смог больше терпеть в нем. Тогда пусть ниспошлет ему ныне хотя бы плавный переход в мир иной. Ведь вот что интересно, как физик, стоящий на современных позициях Суперструнной теории существования мира, Ильин твердо знал, что смерти нет, — есть лишь постоянное странствие души из одного измерения в другое. Но как человек с мощно развитой логикой он чувствовал, что душа в новое свое измерение непре-

менно должна привнести что-то из прежней жизни и даже, скорее всего, всю себя. Иначе что будет стоить новая жизнь, если все прекрасное, и не только прекрасное, но все сложное, трудное, переборенное однажды — все канет в Лету? Все те бесчисленные колебания мембран, из которых соткана его душа и которые всякую секунду ткут к тому же, подобно ткацкому станку, немыслимое полотно его жизни, где и когда погаснут их вибрации?

Он не будет помнить уютных движений руки своей горячо любимой матери. Рука была белая, теплая, мягкая, и было таким наслаждением следовать взглядом за ее плавными, завораживающими движениями, которыми она поправляла воротничок на его школьной рубашке, или приглаживала вкривь и вкось торчащие его вихры, или крестила, когда он уходил в неизвестность.

Отец же всегда оставался чуть более жестким, чуть более отстраненным, чем требовала ситуация, чуть более равнодушным к результату — даже тогда, когда выпадал повод поздравить сына с очередной победой. Позже Ильин оценил эту его манеру не захваливать сына. Тем самым побуждать его искать все новые возможности удивлять родителей, а потом и весь мир, манеру эту оценил и полностью перенес на свои отношения с собственными детьми. И только с Андрюшей он оставался мягким, терпеливым, пребывающим в постоянном волнении по поводу того, как мальчик дышит, что думает и что говорит. Ильин страстно желал себе долгих лет жизни, чтобы видеть взросление своего ребенка, его успехи, его победы, его счастье.

Ариадна, потом Жоржик давно вылетели из гнезда, вернее, он сам покинул сначала одно свое гнездо, потом другое — прежде чем птенцы обрели крылья. А потом смотрел с любопытством стороннего наблюдателя за всеми их промахами и упущениями, он их судил как чужой.

Валерию он узнал недавно, привязаться не успел. Но то хорошее, что он увидел, а не увидеть это было невозможно, он приписал здоровой наследственности, но гордиться этим не стал. Большой личной заслуги он в этом за собой не числил.

Верочку и Павлика он успел полюбить, иногда тосковал по ним, но и это быстро прошло. Когда расстаешься с женщиной, дети уходят вместе с нею. И здесь ничего нельзя поделать. Любая встреча с ними — еще один укол в зараженное равнодушием сердце. К тому же дети выросли, и Павлик из пытливого малыша превратился в нервного, замкнутого мальчугана, а продираться сквозь шипы и колючки у Георгия не было ни малейшего желания.

Все. Спать! Иначе от мыслей можно сойти с ума. А завтра будет что будет...

Жоржик временами отца ненавидел. И не только потому, что тот разлюбил его мать. Может быть, он и вовсе не любил ее никогда. Жоржик осознал это много позже, когда стал много читать о причинах развала той огромной империи, из которой родом был отец. Возможно, в те трудные времена, когда нельзя было вырваться за пределы железного занавеса, отделявшего империю от прочего мира, отец воспользовался доверчивостью его матери, — даром что испанка, в крови которой доверчивость отродясь не струится, — закрутился роман, потому что так сошлись звезды на небе. Родители поженились, и вот уже отец — испанский подданный, и никто никогда не узнает, Жоржик — дитя любви или голого расчета. Это мучило его долгие годы. Явилось побудительной причиной к развитию странных комплексов. Понадобилось немало времени, чтобы преодолеть их. Испанец, который не уверен в себе, уже не совсем испанец. Зря, что ли, испанцы когда-то завоевали полсвета, подмяли под себя всех соседей? Не для того ведь, чтобы теперь их дети испытывали чувство неловкости от того, что кто-то там в Европарламенте позволил себе сказать: «Хватит кормить пол-Европы, всяких там греков, пор-

тугальцев и испанцев». Во-первых, как это можно испанца поставить на одну ступень с португальцем? Во-вторых, ничего — покормите, еще и благодарны будете за то, что вам позволили сделать это.

В общем, Жоржик полжизни вытравлял в себе русского, а потом возвращал его вновь. Ибо отец не только не забыл о своем испанском сыне, но по-своему любил, заботился о нем, пусть и не баловал при этом. И уже Жоржику радостно было стоять рядом с отцом где-нибудь на красной дорожке в Каннах и пожимать руки таким мастодонтам мирового кино, как Кевин Кларк или Майкл Адамс, а потом заваливаться в какой-нибудь шикарный бар с отцом и его коллегой-физиком Кристофером Фарреллом и слушать их туманные речи о Суперструнной теории мира.

Жоржик знал, что отец считает его своей робкой и невыразительной копией. Пусть так. Жоржик не станет переубеждать его. По крайней мере, не теперь. Ему надо время, еще немного, чтобы понять, как, из чего отец творит свои сценарии. Ведь не из расплывчатых постулатов Теории Всего. Есть в нем, очевидно, говоря языком физических терминов, некий тайный преобразователь полей, который из хаоса мыслей, из черной космической дыры, что сидит в каждой человеческой особи, улавливает и упорядочивает информацию, возводя из нее личную Вселенную. Ей-богу, наступит момент, когда Жоржик-младший станет вровень со своим гениальным отцом.

С тех пор как менее суток назад виллу покинули дети, здесь поселилась тоска. В доме перемещались теперь лишь тени — Анны, Марины, Жоржика, редкой прислуги. Все с трудом генерировали в себе какие-то короткие, круглые фразы, выдохнув которые, они словно демонстрировали друг другу: да, мы живы, деликатны, не хотим никого тревожить, но помним обо всех.

И только Ариадна порхала по дому, напевая фривольные куплеты, о Дарье не вспоминала. Столкнувшись с Мариной в гостиной, на минуту застыла, потом все же выпалила:

— Марина, ты чего такая мутная ходишь? Если печалишься об отце, то ничего с ним не сделается. Поверь мне! При таком чутком внимании к своему здоровью: зарядочка там утренняя, стакан свежевыжатого сока на завтрак, умеренность во всем, — он проживет еще лет сто и переживет и тебя, и меня, вместе взятых. Хотя я нам всем этого ни в коем случае не желаю. А тебе — особенно.

— О чем ты, Ариадна? — Марина вздрогнула, словно вот только сейчас, услышав циничную фразу Ариадны, вышла из внутреннего оцепенения.

— Просто я желаю тебе счастья. И чтобы ты еще успела обнять молодое тело, — перешла на шепот Ариадна, — как я, например, — и она громко расхохоталась. — Слушай, ты не обижайся, ради бога. Когда приедут дети, ты их уложи, пожалуйста. А мне тут надо в Салоники смотаться. Дело срочное журналистское наметилось, славный репортажик вырисовывается, — и она подмигнула спускавшемуся по лестнице Жоржику.

Лишь только от парадной отъехала машина с Ариадной, — за рулем Марина без труда узнала официанта, что помогал на вечеринке по случаю юбилея Георгия, — к дому тут же подкатил автомобиль, из которого минуту спустя вышел Яннис Метаксас, архитектор из Салоников.

— Добрый вечер, Марина! Добрый вечер, Жорж! Какие новости из Ураноноли? Как себя чувствует наш дорогой Георгиос?

— Спасибо, Яннис. Вроде бы лучше. Завтра консилиум, — ответила Марина. — Заходите в дом.

— Я ненадолго. Мог бы я видеть Анну?

— Да, конечно. Жоржик, сходи, пожалуйста, за Анной.

От наблюдательного взгляда Янниса — а архитекторы народ с особенной, пронзительной способностью мгновенно схватывать суть вещей — не ушла ни напряженная тишина в доме, ни натянутость отношений между Мариной и Жоржиком.

— Марина, если нужна помощь, я к вашим услугам.

— Спасибо, Яннис. Я знаю ваше доброе сердце.

В это время на лестнице показалась Анна. Она была в простом сарафане на тонких бретельках, уже прилично загорелая. От нее, как всегда, веяло уютом, свежестью, чистотой. Он залюбовался ею и даже не сразу расслышал провокационный вопрос Марины:

— Что-то вы зачастили к нам, Яннис?!

— Еще бы не зачастил! Столько красивых женщин в доме Георгиоса поселилось.

Анна, завидев Янниса, очевидно, не оповещенная Жоржиком о его визите, уже хотела повернуть обратно, но все же решила, что не подобает зрелой женщине вести себя как девчонке. Она спустилась не спеша и, чтобы скрыть замешательство, выдохнула:

— Добрый вечер! Марина, я очень волнуюсь, как там дети. Не было ли звонка?

— Я так расстроилась! Я только сейчас обнаружила, что телефон сел, и звонки, если и были, все пропущены.

— Будем надеяться, что все хорошо, — более спокойным голосом произнесла Анна, ей-богу, она не хотела почем зря волновать Марину. — Яннис, а вы какими судьбами?

— А я, собственно, за вами. Хочу пригласить на морскую ночную прогулку.

— Нет, что вы! У нас завтра самолет. То есть, я планирую вылет на завтра. Билеты, правда, еще не бронировала. Вот жду Валерию.

— Да не волнуйтесь вы так. Я прекрасно знаком с расписанием вылетов на Минск. В конце концов, это не последний рейс в вашем направлении.

— Нет-нет! — испуганно выдохнула Анна. — Мы обязательно должны лететь. Если с детьми, конечно, все в порядке.

— Вот поэтому я вас и приглашаю на прогулку, — нашелся мгновенно Яннис. — Чтобы убить время. Иначе вы его заполните тоской.

Марина с завистью взглянула на Анну. Ее тоски не избыть никому.

— К тому же, Анна, хочу вас познакомить с моими хорошими друзьями. София и Александрос тоже архитекторы, профессионалы своего дела и просто замечательные люди.

Выслушав новость о том, что на яхте будут еще люди, Анна приняла приглашение:

— Что ж, это меняет дело. Я буду готова через пять минут.

«Она его боится, — вдруг подумала Марина. — Смешная, застенчивая, так и не повзрослевшая Анна».

И снова дом погрузился в тишину. Марина сидела в гостиной, в сумерках, телефон, лежащий рядом, молчал. Уже время возвращаться детям. Куда себя деть? Свои руки, свои мысли? Куда отправить Жоржика, о котором думать так страшно и так сладко? Марина поднялась, не зная, каким будет ее следующий шаг. Она замерла на секунду посреди гостиной и направилась, неожиданно даже для себя, к бару. Отворила дверцу, постояла в раздумье, взяла бутылку виски, чистый бокал. Плеснула на дно янтарной жидкости и выпила одним глотком. Напиток обжог горло и все нутро. Стало чуть-чуть легче. Теперь она опустится в кресло и будет ждать.

Она просидела час или два в кромешной темноте, не двигаясь и почти не дыша. Телефон молчал. Только бы ничего не случилось! Отчаяние заполонило душу, отключило волю, сознание. Марина тяжело парила над какой-то бурлящей, клокочущей бездной. Бездна притягивала ее, все труднее было удержаться в густом и липком воздухе на достаточной высоте. Только бы не упасть. Когда же настанет утро?!

Она снова шагнула к бару, снова налила себе виски, на этот раз почти полный бокал. Пила долго, короткими глотками, растягивая паузы между ними. Она не заметила, как провалилась в сон, болезненный и тягучий. Потом внезапно почувствовала, как кто-то сильный взял ее на руки, понес по лестнице вверх. Этот кто-то мог быть только Жоржиком. Кажется, все это уже было однажды. Мысль о нем яркой вспышкой пронзила сознание, заставила плотнее сжать веки. Самое лучшее, что сможет она представить завтра, это то, что сегодня с ней все происходит в пьяном бреду.

И снова они качались на волнах страсти, его объятия были упруги, а дыхания слились в единый сладкий поток.

— Я хочу умереть, — прошептала Марина. — Моя жизнь кончена.

— Мы все еще будем счастливы! — успокаивал ее, засыпая, Жоржик.

Марина выскользнула из-под простыни, которой минуту назад прикрыл ее Жоржик, накинула халат и неуверенной походкой пошла вниз за телефоном.

Яннис, сколько помнил себя в детстве и даже в младенчестве, когда из кубиков строил свой первый храм, уже точно знал, что станет архитектором. В этой стране только ленивый не мечтает построить дом, равный по замыслу творениям древних. И пусть это будет не храм Зевса, так хотя бы домик на берегу, в котором утренний бриз будет с нежностью колыхать занавески, в то время как отдохнувший после ночи любви молодой хозяин, не спеша попивая крепкий кофе, станет любоваться цветущим кустом бугенвиллии, растущим у окна на крошечном участке плодородной и любовно возделанной земли.

И в то же время в стране, где все изнежены солнцем, где беспрерывно пьют, и едят, и предаются самым естественным человеческим радостям, в этой стране, чтобы стать профессионалом, надо иметь неслабую волю, прожить в напряжении достаточно долгий период жизни. И если спустя годы останутся силы и желание наслаждаться плодами труда, то можно считать, что цель оправдывает средства.

Яннис Метаксас не стал исключением. Долгие годы ученичества — а архитектура удел избранных, к тому же далеко не простой, — он карабкался по изнуряющему пути вверх, потом долго и мучительно создавал свой бизнес и, наконец, почувствовал, что можно перевести дух. В молодости он был женат, поначалу казалось, что счастливо. Но потом он понял, что нельзя одновременно служить архитектуре и обыкновенной женщине. Вернее, первой поняла это та самая обыкновенная женщина. Она страшно ревновала его к ночным бдениям за чертежами и в результате ушла к веселому хозяину таверны, в которой по-своему счастливые люди коротали жизнь под звучание бузуки.

Правды ради надо отметить, что такая ситуация не очень характерна для греческой семьи. Обделенные вниманием слишком занятых своих мужей, греческие женщины всегда найдут выход из создавшегося положения, не акцентируя на этом внимания соседей.

Яннис, как ни странно, долго не страдал и всецело отдался любимому делу — проектированию отелей, магазинов, торговых центров и увеселитель-

ных заведений. И это у него здорово получалось. Его бизнес ширился и креп. К тому же он не стал отшельником в окончательном смысле этого слова. У него случались красивые и бурные романы и с молодыми немками, и с обворожительными француженками, и с аристократическими испанками. Но вот кого он действительно боготворил, так это русских женщин. Еще каких-то лет десять-пятнадцать назад, когда первые ласточки Севера появились на Халкидики, он был оглушен их тонким чутьем на все прекрасное, их стремлением слиться душой с любимым, их готовностью к жертве, их бескорыстием. Со временем он стал замечать, что червь меркантильности подбирается и к их невинным прежде душам, а затем и вовсе начинает разъедать их. И все-таки он не перестал их любить, этих загадочных русских дев, застенчивых и холодных при первом знакомстве, чуть позже сгорающих в огне небывалой страсти.

В Анне, бывшей подруге Ильина, Яннис безошибочно определил именно этот тип русской женщины. С каждой прожитой рядом с любимым минутой она готова будет излучать тем больше света и тепла, чем дольше любимый будет нуждаться в этом.

В детстве Анна росла на редкость застенчивым ребенком. Ей всегда казалось, что она бледная, некрасивая, вся в веснушках, еще и рыжая. Руки и ноги худые, лопатки выпирают. Еще и ростом высокая. Словом, не такая как все. А потому с ней никто и дружить не хочет. И чем больше она так считала, тем сильнее в себе замыкалась, тем труднее давалось ей любое общение с ровесниками.

С годами ситуация начала меняться. Анна вдруг стала замечать на себе косые взгляды соседских мальчишек, полные удивления и любопытства одновременно. К моменту окончания школы она уже много лет профессионально занималась танцами. Движения стали отточенными и легкими, фигура приобрела скульптурную завершенность. Анна превратилась в настоящую красотку. Серые глаза таили в себе загадку. Тайна ее редкой женственности так и не была никем раскрыта. Даже родная мать разводила руками, когда ее пытали постаревшие подруги: «И в кого твоя Анька такой куклой уродилась?»

И когда на горизонте, во время ее первых гастролей в Москве, возник Георгий, Анна поняла: вот кого она ждала всю свою жизнь, вот ради кого перетерпела в детстве столько унижений от сверстников, когда те жестоко тыкали в нее пальцем и приговаривали: «Рыжая дылда! Рыжая кобыла!» Ради него же она мучила годами свое тело, годами оттачивала движения. А по вечерам, одолев задачки по математике, а иногда и просто забыв о них, читала умные книжки. Засыпая, видела себя героиней небывалого романа, верила, что ее жизнь сложится самым причудливым и самым прекрасным образом. В общем, душа у Анны была чистая и необыкновенно романтичная.

Когда на одном из концертов Анна увидела Ильина в первом ряду, а потом и среди гостей, потянувшихся за кулисы, она сразу же безошибочно определила: вот он, герой ее романа. С ним она пережила потрясающий, необыкновенно красивый роман. Она растворилась в нем без остатка. Но именно тогда, когда Анна почувствовала в себе сердцебиение своей маленькой дочери, интуитивно она поняла: не удержать ей при себе этого так сложно устроенного человека. Та детская застенчивость, с которой она боролась в себе всю жизнь, так и осталась сидеть в ней гвоздем, и нет у нее таких сил, чтобы вырвать ее, пусть и с куском мяса. Она многое бы отдала, чтобы удержать обожаемого Гошу, но видит бог, это было не в ее силах.

А маленькая Лерка с первой минуты стала таким огромным счастьем, наполнила жизнь таким глубинным смыслом, что Анна поняла: вот ради этого живого комочка Ильин и случился в ее жизни.

Наблюдая за Георгием во время празднования юбилея и после наблюдая за его женами и детьми, трезвым умом Анна окончательно уяснила, что, может быть, только благодаря тому, что ее отношения с ним оказались недолгими, ей удалось сохранить себя, свой душевный покой. Ибо Гоша был из тех редких мужчин, которые патологически все разрушают на своем пути, души женские опустошают, детей превращают в вечных бродяг. Анна бесконечно страдала вместе с Катей, она готова была отдать ей то немногое из своих воспоминаний, что непременно бы обрадовало или развеселило Катю, если бы сама не дорожила этими воспоминаниями больше всего на свете. Она и Марину была готова обнять душою, чтобы избавить ее от будущих страданий, если бы только знала, как сделать это легко, не мучая и не раня, и если бы Марина хоть в какой-то мере нуждалась в ее утешениях. К тому же Марина возвела непреодолимую стену вокруг себя.

Анна полулежала в шезлонге у бассейна, прикрыв глаза и блаженно вытянув ноги. Слава богу, все утряслось и дети возвращаются домой. Майское солнце нежным теплом согревало ее уставшее от бесконечной белорусской зимы тело, все еще очень тонкое и очень привлекательное... Она почувствовала некое легкое движение за спиной. Кто-то, почти бестелесный, проплыл в дальний, заросший диковинными растениями конец двора. Секунду спустя чья-то тень проследовала в том же направлении. Анна приоткрыла глаза. Вдали мелькнул подол Марининого сарафана. Жоржика Анна разглядела явственно.

Через пять минут Жоржик вернулся, вознамерился войти в дом, но передумал, подошел к Анне, присел.

— Не возражаешь?

— Я даже рада. Все куда-то бегут в этом доме. Не с кем словом перемолвиться. Жоржик, ты почему не женишься? — спросила вдруг Анна.

— Ты задала весьма щекотливый для испанца вопрос. Испанцы не любят, когда интересуются их личной жизнью.

— Да брось ты! Ты же как бы и не совсем испанец. Ты подпорченный чуть-чуть испанец. Ты испанец, в котором течет русская кровь твоего отца. А из этого что следует?

— Ну и что из этого следует? — чуть раздраженно переспросил Жоржик.

— Все женщины вокруг должны сходить по тебе с ума. Все должны мечтать подарить тебе ребенка.

Жоржик как будто смутился. Или показалось? Не может быть! Это так не по-ильински. Анна почувствовала, что сказала лишнее. Это было вовсе не в ее характере — ставить человека в неловкое положение. Но вот отчего-то же захотелось подтрунить над ним. Неужели она успела набраться от Ариадны дурной манеры бить человека обухом по голове?!

— Расскажи что-нибудь об Аманде.

— Что ты хочешь знать о моей матери? Как она страдала, когда отец ее бросил? — жестко спросил он.

— Не надо со мной так, — жалобно произнесла Анна. — Я этого не заслужила.

— Я знаю, вы все замечательные. И Катя, и Марина, и ты. А подлец у нас только один. Это отец. Но почему, скажи мне на милость, почему, если он такая сволочь, вы рвали его на части и уводили друг у друга из-под носа? А в колыбели всякий раз плакало очередное дитя. Плод небывалой, простотаки неземной любви.

— Зачем ты так?! Это жестоко.

— Прости! Не знаю, что на меня нашло. Просто мне осточертела вся эта игра в благородство. Все такие святые, такие чистые тут собрались, все так

любят друг друга, не знают, как угодить, как осчастливить ближнего. И только ночью, в своих потаенных снах, готовы по рукоятку вонзить нож во всякого, кто станет у них на пути.

— Все! Больше ни слова! Я прошу тебя только об одном, не подходи к моей дочери слишком близко. А иначе я за себя не ручаюсь... — Анна закрыла глаза. Ее бил сильнейший озноб.

Катя с Дианой допоздна засиделись в баре, кофе казался невкусным, к тому же давно остыл. Бармен еще пытался как-то призвать их к порядку: или заказывайте что-нибудь посущественнее, или освобождайте места, — но Диана быстро поставила парня на место. Катя даже не стала выяснять, что за магические слова произнесла ее спутница, но бармен отстал. Глаза слипались, язык не слушался. К этому моменту женщины знали в общих чертах все друг о друге — все самые важные вехи их жизни. Говорить не было сил. Искать Андрюшу ночью тоже не представлялось возможным. Оставалось дожидаться утра. В пять их выставили из кафе, и несмотря на долгие переговоры Дианы с барменом, которые, впрочем, и не могли закончиться ничем иным, их попросили покинуть помещение. Правда, выдали два ломаных стула и какие-то потертые, видавшие виды пледы. И на том спасибо.

Женщины устроились на открытой веранде, укутались, вытянули ноги. Вид перед ними открывался чарующий.

— Знаешь, Диана, я уже думаю, пусть бы лучше Павлик потерялся. Честное слово. Я в Павлика верю. В его здравый смысл. А Андрюшу мне Ильин никогда не простит. Даже если все хорошо закончится.

— Если для самого Ильина еще все хорошо закончится, — зачем-то добавила Диана.

— Ты что-то знаешь?

— Да нет. Просто Уранополи гудит про этого русского.

— Русских у вас не любят?

— Нет, что ты! Как раз наоборот. Не забывай, я и сама русская.

— Господи, и что мы за народ такой? Носит нас по свету. Будто своей земли нет.

— Катя, это только кажется, что носит одних нас. На самом деле люди вообще стали очень мобильны. Может быть, потому, что стали лучше жить.

— Ну да, в надежде на то, что разбежавшись по белу свету, станут жить еще лучше. Ну вот скажи, тебя-то чего сюда потянуло?

— Мне захотелось к морю. Здесь тепло. Здесь люди, заметь, не суетятся почем зря. Все акценты выверены. Самый главный дар — это сама жизнь.

— Рассказывай! Суетятся — не суетятся, а вот с протянутой рукой перед Евросоюзом стоят.

— Не все так просто. Не надо упрощать греков. Их ломают, внушают им свои ценности, но грека не так-то просто сбить с его основной линии. Он знает, в чем смысл жизни.

— И в чем же?

— В любви. В самой жизни. Я уже говорила тебе об этом.

— Скорей бы утро! Я этот Акрополь зубами готова перетереть, сантиметр за сантиметром. Только бы Андрюша нашелся. Такой тоски смертной я не переживала с момента расставания с Георгием.

— Неужели ты все еще продолжаешь его любить?

— Нет, дорогая, это не любовь — это наваждение. И я многое бы дала, чтобы излечиться от недуга.

Афины жили своей обычной ночной жизнью, в чем-то похожей на жизнь больших городов с их суматошным движением, чуть затухающим за полночь, с извечным гулом машин, наполняющих в поздний час ненасытные утробы супермаркетов тоннами избыточной снеди, с устало бредущими своими зыбкими маршрутами стареющими путанами, с криками охраны, выдворяющей засидевшуюся пьяную публику из таверн. И в то же время город дышал воздухом, в котором растворилось, распавшись до единичных молекул, дыхание древних эллинов. Город дышал пылью, в которую стерлась одна из величайших цивилизаций мира, но руины которой продолжали производить на всякого глубокое гипнотическое воздействие.

Утром двое дюжих греков вытолкали из палаты каталку с Ильиным и отправили прямиком в дальний угол больнички на обследование. К этому моменту Георгий окончательно пришел в умиротворенное состояние, когда любой озвученный диагноз будет воспринят не как приговор — как данность. Предстояло несколько относительно травматичных процедур, после которых патологоанатому понадобится около часа, чтобы выдать заключение. В коридоре он зацепил взглядом молодую женщину с опущенной головой, потом сосредоточился на широкой спине медбрата впереди, снова взглянул на женщину, было что-то щемящее в ее тонкой фигуре. Он едва узнал в ней Марину. Что случилось с его любимой женой за столь короткое время? Черные круги под глазами, затравленный взгляд, выражение нестерпимой муки. Марина вскочила со стула, подбежала к каталке, приникла к Ильину, стала что-то сбивчиво говорить. Медбрат попытался вежливо ее отстранить. Тогда она решительно взяла Георгия за руку, снова что-то силилась ему сказать, уже на ходу, но он плохо понимал ее.

— Марина, не сейчас.

— Это очень важно, Гоша! Дети вернулись из Афин.

— Прекрасно.

— Андрюши с ними нет.

— Как нет Андрюши? Да остановитесь вы, ради бога! — заорал он на сопровождающих.

— Stop please! — перевела Марина, хотя и сам Ильин в состоянии был справиться с трудностями подобного перевода.

— Марина, как нет Андрюши? — переспросил Ильин в надежде, что это какая-то глупая шутка, недоразумение.

— Они его потеряли.

— А что Катя говорит? Как пытается оправдаться? — почти прокричал Ильин.

— Катя осталась в Афинах. И Диана тоже.

— Я лишу Диану лицензии! А Кате откажу в помощи. Она узнает от меня, что значит отнять у меня любимого ребенка. Она узнает, как остаться без гроша и без надежды на будущее.

— Гоша, она, возможно, не виновата. Там такой поток людей.

— Замолчи! Ты смеешь оправдывать эту... эту суку. Она мне за все ответит. А может, она не просто так его потеряла?.. А с тобой мы еще поговорим! Поехали! — и он махнул медбрату рукой.

От утреннего умиротворенного состояния не осталось и следа. Внутри все клокотало. Он пришел в такую ярость, о способности к которой успел позабыть со времен своего бессильного существования в условиях советского пространства. Сейчас самое правильное было бы спрыгнуть с каталки и начать действовать — звонить всем подряд, подкупать, обещать. Только он

подумал об этом, как под ложечкой началась неимоверная резь, и он на секунду потерял способность ясно мыслить. Ладно, хорошо. Он выдержит всю эту процедуру, потом вторую, третью, он дождется заключения консилиума, за который в итоге выложит круглую сумму, ибо страховка, понятное дело, не покроет и половины расходов. Но потом он станет сам решать, как ему жить дальше. Он уже знал, что пока не найдет своего ребенка, он не умрет. Господи! Пусть бы пропала Дашка, Лера, Павлик, в конце концов. Пусть бы пропали они все! Но только не Андрюша!

Он позволил с собой делать все. Он лежал на кушетке, подобно распластанной умирающей птице, а они выворачивали его наизнанку. Казалось, кто-то злобный выедает его потроха. Он пил какую-то дрянь, глотал зонд, давился слюной, оставаясь при этом искренне безучастным. Они ковырялись эндоскопом в его внутренностях, а на экране все выглядело почти пристойно, будто это не он был готов минуту назад сдохнуть от боли. Они что-то обсуждали на своем древнем языке, спорили, цокали языками, переходили на шепот, а потом и вовсе начали кричать. Все это шло мимо сознания, словно он смотрел фильм, не слишком интересный, но поучительный. А вот в чем была его мораль, Ильину было безразлично. Он уже знал точно, что не умрет. По крайней мере, не сейчас.

Через час его перевезли в другую комнату и снова стали вертеть перед монитором компьютера. Один из греков все тыкал в экран карандашом и продолжал настаивать на открывшейся только ему истине. В конце концов, обессиленный, он повернулся к Ильину, улыбнулся устало и произнес:

— Everything's o'key! You will live! — и похлопал Ильина по плечу.

Все трое докторов одновременно покинули комнату.

— Принесите одежду! — сказал он достаточно грубо появившейся в дверях медсестре. — Give me my clothes! — заорал он по-английски и сделал попытку сесть. Кружилась голова. Сестра что-то затараторила на греческом, потом перешла на английский, жестами показывая, мол, ложитесь немедленно. Ильин ее английский и в самом деле не понимал, но подчиняться ей в любом случае намерения не имел.

Через минуту он увидел в проеме двери лицо Марины, за ней разглядел Жоржика и Анну. Кажется, и Гаврилыч был с ними. Все улыбались.

Вот сволочи! Ильин задыхался от злобы. Андрюши нет, а им хоть бы что.

— Гоша, Гоша, дорогой, Андрюша нашелся! — закричала с порога Марина. Ей пришлось задержаться, чтобы пропустить медсестру.

Ильин почувствовал, как снова теряет сознание. Когда он пришел в себя, рядом находилась одна лишь Марина.

— Гоша, дорогой, не могу себе простить, что не дождалась окончания твоего обследования и напугала тебя смертельно. Лучше бы ты не знал о происшествии вообще.

— Как они его нашли? Где он сейчас?

— Они едут домой все вместе.

— Кто они?

— Как кто? Я же тебе рассказывала уже, что Катя с Дианой остались в городе. А когда нам позвонили из полицейского участка о том, что Андрюша нашелся, я упросила дежурного разыскать в Афинах по мобильному телефону Катю и передать Андрюшу ей.

— И где же наш мальчик провел ночь?

— В полицейском участке, — упавшим голосом произнесла Марина.

— Господи, за что мне все это?! Как он туда попал?

— Он заснул на одной из ступенек театра Диониса. Просто устал, присел и заснул. А это такой огромный театр под открытым небом, и там сотни полу-

разрушенных ступенек, и все они закругленной формы и бесконечной длины. Когда Катя с детьми опомнилась, что Андрюши с ними нет, она даже не была уверена, что он потерялся именно на этих ступеньках, а не позже, когда они смешались с толпой. Когда Андрюша проснулся, редкие к тому времени посетители шли в обратном направлении. Оказывается, в театре Ирода, который расположен чуть ниже и все еще является действующей сценой, вечером предстоял спектакль. Андрюшу увлекла толпа. Он не растерялся, нашел себе свободное местечко в зале и стал смотреть вместе со всеми на сцену. Пока одна русская пара не заинтересовалась одиноким мальчиком. После спектакля они привели его в полицейский участок. А там только утром обнаружили записку с адресом и телефоном. Самое интересное, что Андрюша даже не запаниковал. Все это мне рассказала Катя. Если бы ты только знал, насколько она была счастлива, что Андрюша нашелся.

— Марина, немедленно набери мне номер Кати. Я хочу срочно поговорить с Андрюшей.

— Катя? Еще раз здравствуй! Где вы сейчас находитесь? Ну ладно. Георгий хочет поговорить с Андрюшей.

— Андрюшенька? А... Катя, это ты? Ладно, хорошо. Поговорим потом. Слава богу, что все хорошо закончилось. Андрюшенька! Мальчик мой ненаглядный. Ты жив, и это самое главное. Я люблю тебя! Я тебя обожаю! Я готов жить только ради вас с мамой.

Глаза Георгия увлажнились. Однако для него не осталось незамеченным, как Марина медленно встала, отошла к окну, повернулась к нему спиной и устремила свой взор на больничный дворик.

«Бедная моя девочка, — подумал Ильин с раскаянием, — сколько же ей пришлось пережить за эту ночь!»

«Господи, — шептала Марина тихими дрожащими губами, — сделай так, чтобы не было ни этой ночи, ни той! Верни все назад! — взмолилась она. — Если можешь. А ведь не можешь! И уже никогда не будет как прежде».

Она повернулась к Ильину. Взгляд был сухой и безжизненный.

— Гоша, я уже знаю результат биопсии. Я поздравляю тебя. Теперь ты будешь жить долго, очень долго. Ты не имеешь права оставить нас с Андрюшей одних. Главное — держать себя в руках. И научить этому меня.

Она поцеловала его в щеку и стремительно направилась к двери. Он даже не успел сделать никаких распоряжений. Похоже, она научилась жить без него.

Марину познакомили с Ильиным на одном из многочисленных ток-шоу, посвященных вопросам развития науки и культуры. Ток-шоу только входили в моду, становились приметой времени, глумливой потребностью жизни общества. Марину в качестве зрительницы пригласил известный музыкальный деятель, отец одного из ее учеников, немногих действительно талантливых детей, которых ей довелось обучать в музыкальной школе. Кстати сказать, в приличной музыкальной школе. Ей и сейчас очень недоставало той счастливой атмосферы творческого горения. И пусть масштабы свершений были скромные, дети покидали эти стены на редкость одухотворенными и даже, можно сказать, по-настоящему красивыми молодыми людьми.

Георгий Сергеевич был одним из главных участников того шоу, по счастливой случайности оказался сидящим рядом с привлекательной молодой особой, а после двух-трех будто ненароком оброненных фраз и коротких, но глубоких ее реплик в ответ он нашел молодую особу и вовсе заслуживающей внимания.

После ток-шоу предполагался легкий шведский стол, но Ильин предложил Марине — так звали симпатичную новую знакомую — попросту сбежать с запланированного мероприятия.

— А не кажется ли вам, Георгий Сергеевич, унизительным участие в подобных передачах?

— Помилуйте, Марина, кто и в чем меня унизил?

— Вы задали столько интересных вопросов, поставили ребром столько острых проблем, но хотя бы кто-нибудь из участников подхватил однажды вашу мысль? Смею утверждать, вас вообще никто не услышал.

Ильин оторопел. Он, собственно, и не сомневался, что на подобных ток-шоу каждый торопится высказать свою точку зрения, но чтобы вообще не слышать другого... Это, по крайней мере, не интеллигентно со стороны оппонентов.

— Каюсь, Марина. Я ведь тоже никого не услышал, не оценил. Даю вам честное слово, это мое первое и последнее ток-шоу.

Марина влюбилась в него с первой минуты. В нем было столько жизни, обаяния, глубоких и неожиданных знаний, каких-то редкого сочетания талантов, что она поняла — никто и никогда не сможет восхитить ее больше, чем этот далеко не юный человек. Она не спросила его ни о чем, не потребовала никаких гарантий, ибо ничто не имело значения, она просто пошла за ним. Позже стали проявляться обстоятельства, которых Георгий Сергеевич не скрывал, но и не выставлял их напоказ. Да, были жены, дети, многочисленные влюбленности, но ведь и человек он был яркий, глубоко и всесторонне одаренный, артистический. К тому же, большой ученый.

Марина никогда прежде не выказывала ни малейшего интереса к такой непростой области естествознания, как физика. Более того, еще со школьных времен физика представлялась ей самой путаной, самой непоследовательной, к тому же самой незавершенной из наук. Георгий развернул перед ней такую захватывающую, такую целостную картину мира, что Марина за годы, прожитые рядом с этим удивительным человеком, не раз пожалела о том, что не стала в свое время физиком. К слову сказать, в школе училась она очень прилично.

Георгий Сергеевич подарил ей не только детально разработанную, всеобъемлющую картину мира, но и вполне земную, очень осязаемую, материальную картинку жизни. Первым делом он повез ее в Париж, провел по набережным и дворцам, поднялся вместе с нею на Эйфелеву башню, покатал по Сене, сводил на Монмартр, — словом, провел по стандартному маршруту всех туристов, но начинать-то с чего-то надо было. Марина была оглушена Парижем и все повторяла: «Боже мой! Неужели это возможно? Сколько в мире красоты, о которой я даже не подозревала!» А потом он повез ее в Нормандию, в Довиль-Трувиль, два города-близнеца, неотделимые в сознании истинных французов. За окном взятого напрокат автомобиля цвела весна, все утопало в нежной дымке, дома вдоль дороги казались деталями сказочной декорации, так силен был в них дух прошлого. Днем позже Георгий увез ее на целый день в Мон-Сен-Мишель, и эта поездка стала для нее настоящим потрясением.

— Жорж, дорогой! Неужели это правда?! И это не дорогая бутафорская конструкция к голливудскому фильму? Сотворить и сохранить такую красоту! Остров, крепость, аббатство — и все в одном флаконе. Русский никогда не станет французом, а француз, пожалуй, и не захочет быть русским... Хотя я, может быть, только теперь, во Франции, понимаю, за что можно любить Россию.

— Интересно, интересно! И за что же?

— А вот за то, что ничего подобного в России быть не может.

— Но что-то иное все же есть? А иначе за что любить?

— А есть огромные тягучие пространства, поля, поросшие березняком, тихие речки с заводями в зарослях камыша, тоска и извечная бедность простого люда. Вот скажи, почему ты сбежал из России?

— Я не сбежал, — неожиданно горячо отреагировал Ильин. — Просто стало казаться, что наука в России закончилась. Всех уравняли, всем платили копейки. Никогда сильный и зубастый не смирится с тем, что ему уготована судьба нищего или калеки.

— Но кто же тогда будет делать эту страну? — впервые не согласилась с ним Марина. — Если все зубастые будут рвать куски друг у друга, а потом и у нищих?

— Знаешь, что я тебе скажу? Я с тобой совершенно согласен, только вся загвоздка в том, что любой зубастый, — хотя я вовсе не себя имел в виду, — даже если он про совесть не совсем забыл, считает: никому нельзя эту страну ни грабить, ни отдавать на растерзание врагам, никому нельзя, а мне, мол, можно, потому что я особенный, никто и не заметит моего предательства, а если и заметят, мне плевать, потому что потом мне будет очень хорошо.

— Жорж, я не верю, что ты один из них.

— Я не из них. Но я особенный. Умный. Вкалываю за троих. И хочу при этом хорошо жить. Марина, я прошу тебя об одном: никогда больше не затевай подобных разговоров. Я ценю в женщинах не мужской взгляд на вещи, я ценю в них женскую душу. Давай лучше говорить о Париже. Завтра я повезу тебя в Амбуаз и Шенансо. В Амбуазе ты постоишь в тиши часовни, где похоронен Да Винчи. Вдумайся — Да Винчи! А еще ты увидишь единственный прижизненный портрет д'Артаньяна. Это будет уже в Шенансо. Про Медичей, хозяев замка, вообще исписаны тонны бумаги. Скажу тебе честно, они того стоят.

Марина все поняла. Отныне никаких неудобных вопросов к дорогому Жоржу.

Потом, много позже, когда у пары родился сын Андрюша и началась размеренная семейная жизнь, Марина окончательно поняла, что ей уготована вполне заурядная роль — фарфоровой, дорогой и очень любимой куклы. Куклы настолько великолепной, что она может говорить, передвигаться и худо-бедно мыслить, но только в рамках дозволенного. И самым странным для нее самой оказалось то, что она, до сумасшествия очарованная этим человеком, с радостью и болью приняла свою участь. В конце концов, она даже думать научилась, как Георгий. Теми же мыслями и словами, теми же категориями и принципами. Она стала его тенью. Ее любили, холили, по-своему баловали. Ради нее шли на определенные уступки, но главным содержанием ее жизни оставалось гипнотическое следование принципам дорогого Георгия. Может быть, таким образом Ильин подсознательно хотел застраховать себя от потери самой сильной своей привязанности. Он, наконец, обрел гавань, в которой хотел бы дожить свой век с нежностью, комфортом и в радости. Он искренне считал, что его жена и сын так же, как и он, пребывают в перманентном состоянии огромного человеческого счастья.

Маленький Жора Ильин рос в семье школьных педагогов, в атмосфере любви и некоего непрекращающегося ожидания свершений. Это было послевоенное скудное детство, счастливое уже только тем, что вот они, его красивые и сильные родители, живы, рядом, любят и по-своему балуют его. Но и не

забывают при случае напомнить о том, в каком неоплатном долгу он вместе со всеми своими сверстниками перед миллионами погибших, сложивших голову во имя жизни. И среди них оба его деда. Слово «Родина» звучало гордо. Ни Жоржик, ни его многочисленные ровесники, ни их замечательные родители и педагоги, выжившие и устоявшие после той невероятно тяжелой войны, ни минуты не сомневались в том, что великую страну ждет прекрасное будущее, в котором будут счастливы и они сами, и их рожденные в любви дети.

Любовь Андреевна, мама Жорика Ильина, преподавала русский язык и литературу, отец директорствовал в той же школе и вел параллельно историю в старших классах. Он никогда не позволял себе усомниться вслух в генеральной линии партии или ее высшего эшелона и всегда пресекал любые попытки Жорика, а позже и его одноклассников, критически оценивать исторические достижения партии большевиков и роли ее пламенных вождей. Да и кто бы ему позволил иначе реагировать на свободомыслие своих учеников? Впрочем, в ту пору мало кто осмеливался высказывать свое особое мнение — по одной простой причине: люди еще не научились его иметь. И в то же время уже повзрослевший и вполне оперившийся Жорик жил настолько разнообразной и интеллектуально насыщенной жизнью, что никогда больше не ощущал себя таким счастливым, свободным и открытым миру, как в годы своего ученичества в обыкновенной, ничем не примечательной витебской школе. Его счастью не мешал даже тот странный факт, что родители его преподавали в той же школе, и по всем законам бытия у него должны были завестись в огромном количестве враги и завистники, которые мечтали бы отыграться на нем.

Но вот не было у Жорика врагов! Он учился легко, очень ровно, а по отдельным предметам просто блестяще. Отличником не был, и этот факт вызывал у одноклассников огромное уважение. Все догадывались, что Сергею Васильевичу ничего не стоило вытянуть сына в медалисты, а вот ведь не стал всеми уважаемый директор мараться, честь мундира терять. Мудрый был человек.

Жорик три раза в неделю бегал на курсы английского, по вечерам толкался в драмкружке у матери вместе с такими же горячими поклонниками театра. Их «Горе от ума» имел ошеломительный успех. Другого такого Чацкого во всем Витебске было не сыскать. Ему рукоплескали школа и шефствующий над ней завод. Как-то сумел разом повзрослевший Жорик соединить и продемонстрировать взыскательной публике блестящий ум известного героя и его детскую ранимость. Вот тогда-то юный артист впервые почувствовал на себе силу и сладость восторженных взглядов сотен прекрасных глаз.

В ту пору он много читал. Впрочем, привычка к чтению осталась у него на всю жизнь, разве что подходил он теперь к выбору книг все более избирательно. И все же самой большой его страстью была не литература и даже не театр, а... физика. И чем больше он белых пятен в этой области человеческого знания обнаруживал, чем больше изобретательных вопросов Фридриху Борисычу задавал, в ответ на которые тот только разводил руками, тем сильнее он хотел в будущем этой наукой заняться, тем азартнее подходил к решению задач любой сложности, и когда решение находилось, был абсолютно счастлив. Жорик и математику любил не меньше, но была в ней некая завершенность, которая ему как открывателю новых миров претила.

А потом случилось непоправимое. Его отец влюбился в молоденькую англичанку, преподававшую язык в школе, — а англичанки были редкостью, все больше немецкий после той страшной войны господствовал в школах, будто воевать пожизненно намеревались с одними лишь немцами, — да так сильно влюбился, что и педагогическую карьеру готов был пустить под откос.

Мать Жорика, его замечательная, тонкая, умная, красивая мать, не выдержала двусмысленности положения и ушла в никуда. Сначала уехала к родителям в Минск, а потом и вовсе в заштатный, провинциальный городок под Брестом. Жорик в ту пору учился уже на третьем курсе физфака МГУ, делал определенные успехи в выбранной области науки, был серьезно влюблен в чудесную девушку Милу, но предательство отца поколебало его веру в сбалансированное и устойчивое устройство мира. Значит, нет ничего истинного — ни любви, ни привязанности, ни чувства долга. Все сиюминутно, подвержено страстям и, в конечном счете, ведет к распаду и деградации. На волне подобных размышлений он даже расстался с Милой, ибо ему показалось, он уже распознал в себе готовность к будущему предательству, ведь он сын своего отца. Уж лучше сейчас, чем потом; когда срастутся кровные узы, рвать придется по живому.

...Отец умирал тяжело. Всеми забытый и всеми покинутый. Ему было едва за семьдесят. Георгий оплачивал сиделок, но они не задерживались надолго. Болезнь Альцгеймера забирала умного и сильного человека в свои чудовищные объятия. Начиналось все исподволь, почти незаметно. Он стал забывать слова, говорил медленно, будто долго обдумывал фразу, будто все еще надеялся, что она прозвучит весомо и осмысленно. О матери своего единственного сына не вспоминал никогда. Потом он перестал разговаривать вообще. Но как выяснилось позже, и это было не самое страшное. Спустя год пришлось нанять сиделку. Сиделка потребовала памперсы для отца. Стоили они дорого, не в каждой аптеке их можно было приобрести. Когда сиделка уходила вечером домой, старик срывал с себя ненавистные резиновые трусы и рвал их на мелкие кусочки. Дальше в ход шли простыни и любая тряпка, что попадалась под руки. По утрам со слезами на глазах сиделка выметала мусор, отмывала несчастного подопечного, одевала на него свежий памперс, кормила и начинала скрести полы и стены. Через месяц она сбежала. Ильин не осуждал ее. Так повторялось много раз. Тетки корчились от брезгливости, требовали больше денег, он их давал, а они все равно уходили. Несколько раз ему самому пришлось отмывать отца, его вытошнило прямо на постель, так что потом пришлось замывать и собственную блевотину. Он его почти ненавидел. Когда отец умер, Ильин испытал вселенское чувство освобождения. Бог протянул ему руку помощи.

Кстати, о Боге. Чем больше Ильин размышлял о происхождении Вселенной, тем больше верил в Абсолютный Разум. Из хаоса рождается только хаос. И только Разум творит жизнь. И человеческая душа материальна. Он утверждает это как физик. Она является квантом, неделимой частицей Мирового Разума, она нетленна и бессмертна. Как и любой иной кирпичик Вселенной. А мозг — лишь временное прибежище Души, гарант живой связи с Космосом. Похоже, душа отца давно покинула тело, тело же продолжало дрожать на вселенском ветру, словно изношенная и забытая кем-то рубашка.

Жоржик почувствовал невыносимую духоту. Надо выбраться на свежий воздух, пройтись вдоль моря, развеяться, привести, наконец, мысли в порядок. Никем не замеченный, он выскользнул из дома, по узкой, едва различимой в безлунную ночь дорожке устремился вниз, к морю. Не хотелось ни пространных разговоров с многочисленной родней, от которой он начал уставать, ни хамоватых вопросов, которыми, казалось, все научились постреливать друг в друга с легкой руки Ариадны. Хотелось остаться наедине с собою.

Сумерки сгущались. Воздух был свеж, упруг и сочен, в нем смешались запахи моря и благоухающей весенними ароматами степи. Испания пахнет

иначе. Жоржик медленно побрел вдоль песчаной кромки моря. Ему захотелось вдруг разуться и пройтись босиком по воде, так чтобы набегающая волна окунала его ступни в прохладную кружевную пену, а потом снова, ослабевшая, уползала бы обратно. Он закатал джинсы, сандалии зажал под мышкой, зашел в воду и побрел по мокрому песку.

Впереди на камне замаячила чья-то фигура. Должно быть, девичья. Белые джинсы и светлая майка флюоресцировали в сгустившейся темноте. Он приблизился не спеша.

— Привет! — девушка заговорила с ним первой. Голос показался знакомым.

Он всмотрелся чуть пристальнее — это была Таня, Андрюшина няня.

— А-а, это ты?! — не очень дружелюбно отозвался Жоржик. — Что ты тут делаешь? Одна, на берегу, да еще ночью? Не боишься?

— Нет! — резко ответила девушка. — К тому же, еще совсем не поздно.

— И как это ты осмелилась покинуть свой пост? — в его вопросе прозвучала ирония.

— Марина разрешила немного подышать.

— А что, на вилле у Ильиных плохо дышится?

— Не цепляйся к словам. Не хочешь нормально разговаривать, иди себе куда шел.

— А ты, оказывается, еще та штучка.

— В каком смысле? — не удержалась от вопроса Таня.

— Я думал, ты только и можешь, что... Слушай, а давай заглянем вон в ту таверну на берегу, — неожиданно предложил Жоржик. — Выпьем чего-нибудь.

— Я не пью.

— Ну тогда кока-колы.

— Эту гадость тем более пить не стану.

— Ну чего ты ломаешься?! Выпьешь кофе. Можешь с пирожным.

— Ладно, согласна. Только ты мне гадостей больше не говори.

И они вместе побрели по мокрому песку, размахивая руками, в каждой из которых болталась сандалия, то и дело подпрыгивая и смеясь, словно были сто лет знакомы и, можно сказать, нежно дружили.

В таверне было полно народу. Будто вся Неа Рода набилась в незатейливое заведение на берегу. Греки ели, пили, громко кричали и страстно танцевали под звуки бузуки, иногда перемежающиеся современными танцевальными ритмами.

— Что ты будешь пить? — оглядевшись и попривыкнув понемногу к полумраку, спросил Жоржик.

— Мы же договорились. Кофе с пирожным.

— Ну ладно, так и быть. Я закажу, — и он отправился к барной стойке.

Красив, черт побери. Все у Георгия Сергеевича получается по высшему классу. Особенно дети.

Таня, проработавшая у Ильиных немалое количество времени, ставшая практически членом семьи, так и не могла решить, как, в конце концов, она относится к Ильину. Временами он ее покорял своей эрудицией, своей галантностью, неиссякаемым оптимизмом и способностью разрулить любую сложную ситуацию. А еще он был щедр и всегда замечал людей, с которыми имел дело. К примеру, он говорил иногда Тане: «Девочка моя, с твоим мудрым подходом к жизни тебе не чужих детей воспитывать надо, а своих вести маленькими шажками к жизненным вершинам». Но порой он бывал едва выносим. Авторитарный стиль отношений, с трудом сдерживаемое раздражение, когда,

как ему казалось, человеческая глупость начинала зашкаливать, и не дай бог, в этот момент кто-то решался ему возражать. Даже Марина в такие моменты старалась не перечить дорогому Георгию. И только Андрюше все сходило с рук. Но Андрюша был умным ребенком.

С первой минуты знакомства с Жоржиком-младшим Таня с изрядной долей любопытства стала наблюдать за ним, пытаясь определить моменты сходства с отцом. Трудно было бы отрицать их внешнюю похожесть, однако мать-испанка привнесла в черты сына некую яркую фактурность, южный темперамент. Впрочем, чего-чего, а темперамента Ильину с лихвой и своего хватало.

Вскоре Жоржик вернулся с чашкой кофе для Тани, следом мальчик-грек принес ей пирожное на маленькой тарелке и коктейль для Жоржика.

— А не потанцевать ли нам? — предложил испанец, пройдясь по Таниной фигуре — в то время как она пересаживалась на другой стул — каким-то особенным взглядом, так что она моментом съежилась вся. — Да брось ты! Что тут уметь! — поспешил высказаться он, предварив ее следующую фразу. Он отставил пирожное, над которым она занесла свою маленькую ложечку. — Пойдем, пойдем! — и он потянул ее за руку.

Таня сопротивлялась, но при этом обнаружила, что уже следует за настойчивым испанцем. Он разорвал круг, почти силой втолкнул ее в образовавшийся разрыв, пристроился рядом, шепнул: «Делай все, как я!» — и пошел выделывать ногами все эти греческие штучки, будто всю жизнь этим только и занимался. Все у него получалось ладно. Чего нельзя было сказать о Тане. Только повторив движение пять или шесть раз, она перестала сбиваться и даже могла бы закрыть глаза. Она и закрыла их на мгновение и почувствовала вдруг, ей, по крайней мере, так показалось, сокровенный смысл греческого танца. Она будто слилась в едином порыве с этими простыми, незнакомыми ей людьми. И над ними властвовала в этот миг совсем иная стихия, нежели такой естественный во все времена, а сегодня и вовсе достигший немыслимых пределов человеческий индивидуализм.

Когда они вернулись на место, Таня поняла, что хочет пить. Жоржик отправился за соком, обмахивая лицо и шею ладонью. У стойки бара он застрял, долго переговаривался о чем-то с барменом, наконец, кажется, договорился и принес долгожданный сок.

— Может, пива? — предложил он. — Хорошо утоляет жажду.

— Нет, — замотала головой Таня.

В этот момент заиграла совсем другая музыка. Некие карменские мотивы наметились в ней. По лицу Жоржика пробежала легкая дрожь. Он подтянулся, двинулся к центру танцевальной площадки, махнул руками и пошел вытворять немыслимые па. Первое чувство, которое испытала Таня в тот момент, было чувство неловкости. Она никогда не смогла бы выйти вот так, в центр зала, и сосредоточить на себе внимание сотен глаз. Жоржика, судя по всему, это мало волновало, более того — он двигался все энергичнее, движения становились все более замысловатыми и грациозными в то же время, и каждый следующий шаг не был похож на предыдущий. Работало все: руки, ноги, бедра, голова, шея. Все двигалось синхронно и в такт. Ноги отбивали чечетку, руки вытворяли черт знает что. Греки восхищенно цокали языками, глазели, не отрываясь, на неведомо откуда явившегося танцора. Когда Жоржик закрутил подряд несколько невообразимых пируэтов, публика зашлась от восторга. Испанец смахнул со лба крупные капли пота, с достоинством раскланялся и вернулся к своей русской спутнице. Таня зачарованно смотрела на него.

— Что это было? Что ты танцевал?

— Фламенко.

— Это было потрясающе красиво. Где ты этому научился?

— В Испании только ленивый не учится танцевать фламенко. В Испании и не таким ремеслом можно овладеть.

— Нет! Это не ремесло. Это настоящее искусство. И я, наверно, не ошибусь, если скажу, что испанец, танцующий фламенко, выглядит очень мужественно.

— Ты не видела женщин, танцующих фламенко... Это женская стихия...

— В том-то и дело, — Таня думала о чем-то своем. — Когда бушует стихия, она накрывает всех.

Таня посмотрела на Жоржика каким-то новым взглядом, радость и восхищение были в ее глазах.

— Пойдем, что ли? — предложил он.

— Знаешь, я все равно не стану коротать с тобою ночь, — вдруг выпалила она.

— Ну вот, а я так надеялся. Выходит, зря старался, — разочарованно сказал он.

И они весело рассмеялись, взглянув друг на друга, а потом долго-долго хохотали, бредя по шоссе домой, снова и снова повторяя забавную сцену в таверне.

— Нет, ты так смешно это сказала: «Не стану коротать с тобой ночь!» Испанка выразилась бы иначе.

Танечка в своей жизни только и успела, что окончить школу и провалиться на экзаменах в институт. И институт она выбрала не какой-нибудь там театральный, куда без сильной мужской поддержки и соваться-то не стоит, а вполне реальный, а по теперешним временам, когда все учатся с пеленок языкам, и вовсе заземленный — лингвистический университет. Каково же было ее потрясение, когда, набрав приличное количество баллов, она все-таки не прошла на бюджетное отделение. Оказалось, что для гарантированного поступления по всем предметам на ЕГЭ требовалось выбить сто очков из ста. Ничего себе конкурс! А чему тогда, позвольте полюбопытствовать, обучаться в том самом университете, если ты все уже знаешь на сто?! Вот тогда-то у нее впервые и зародилась мысль: а почему бы и в самом деле не убежать из страны, в которой, куда ни кинь незамутненный взор, всюду плодятся ложные смыслы.

Девочка она была неглупая и даже по-своему изобретательная. Ей не надо было долго присматриваться к семейной жизни своей бывшей соседки сверху, утонченной и очень женственной Марины, чтобы понять — у молодой женщины на своего ребенка нет ни времени, ни терпения. Нет, конечно, Марина малыша обожала. Это было видно невооруженным глазом. Таня с завистью смотрела на то, как Марина с Андрюшей подъезжали на шикарной машине к подъезду, в котором жила Таня и где продолжали жить Андрюшины дедушка с бабушкой, смотрела, как выкатывала Марина из багажника неподъемную сумку, из которой вечно вываливались то оранжевые апельсины, такого же, должно быть, цвета, как марокканское солнце, то торчал сверху хвост готового брызнуть сладчайшим нектаром золотистого ананаса, то еще какая-нибудь экзотическая диковина просвечивала из полупрозрачного пакета. Потом Марина захлопывала багажник, открывала заднюю дверцу и извлекала на свет розовощекого бутуза, одетого в изумительные детские одежки. Одной рукой она вела его к подъезду, другой тащила ту самую неподъемную сумку.

В один из таких моментов Таня и решила приблизиться к молодой женщине. И по-соседски заботливо предложила погулять с малышом, пока Мари-

на будет интенсивно общаться с родителями. Маленький Андрюша не только не испугался своей юной няни, но очень скоро привязался к ней всем своим маленьким горячим сердцем.

Вот тогда-то Марина, посоветовавшись с Георгием Сергеевичем, и сделала Тане потрясающее предложение — стать постоянной Андрюшиной няней и сопровождать Ильиных во всех перемещениях по белу свету. Разумеется, за вознаграждение, и очень приличное, по меркам Таниного ближайшего окружения.

Так потихоньку у Тани отпала необходимость в высшем образовании: язык английский она изучила практически в совершенстве, да и на квартиру однокомнатную уже почти собрала. Ильины относились к ней замечательно, она почти не ощущала своего зависимого положения.

Вот только, глядя на подрастающего Андрюшу, она все чаще понимала, что растрачивает отпущенную ей материнскую нежность на чужого ребенка, и если у нее когда-нибудь появится свой, все станет будничным повторением, а значит, не случится потрясения ни от первого произнесенного малышом слова, ни от первой удивительно глубокой для маленького создания мысли, ни от исподволь появившейся ловкости в движениях хрупкого тела. Выяснится, что все уже было когда-то. Мысль об этом стала своего рода откровением. Таня вдруг осознала, что возможность таких открытий надо свято хранить для себя.

Последнее время она много думала о Марине, Андрюше, Георгии Сергеевиче. О себе. От ее проницательного взгляда не ускользала ни малейшая деталь: ни то, как мучительно переживал Ильин нашествие своих бывших женщин, ни то, как он страдал, глядя на своих разбросанных по миру детей, ни то, как болезненно дорожил он своей последней семьей. В этом было что-то патологическое, неправильное, болезненное. Своей безграничной любовью он создавал напряжение, которое губительно действовало на обстановку в доме. Марина, конечно, ценила благополучие, в которое он ее поместил, но в то же время она так сильно боялась чем-либо огорчить своего замечательного мужа, что чувство обретенной свободы как-то незаметно стало чем-то эфемерным, призрачным. Собственно, со временем и Таню стала тяготить размеренная, без всплесков и потрясений, очень пресная жизнь в доме Ильиных, где только Андрюша оставался источником живой радости. Словом, Таня замыслила побег. Вот, пожалуй, разъедутся гости из дома, и она объявит Марине о своем решении.

Прошел еще один день на греческой земле. Взрослые потихоньку готовились к отъезду, дети, казалось, полагали, что они здесь навсегда.

Катя, уютно обустроившись на террасе, полистывала пестро оформленную книжонку. Иногда возвращалась назад, перечитывала какие-то страницы, потом долго глядела на море, все в искрящихся чешуйках, на прошитое шелковой гладью небо, на белую песчаную дорожку, петлисто убегающую вниз, к морю. Ариадна возникла за спиной внезапно: вот только здесь никого не было, и вдруг она уже стоит рядом. Без стука и разрешения войти. И уже заглядывает через плечо на Катины руки, узнает по обложке резко захлопнувшуюся книгу, усмехается:

— Рубину читаешь?

— Ну да! Есть в ней редкое очарование.

— Да что ты? — будто бы удивилась Ариадна. Впрочем, вопрос прозвучал с явной иронией. — А я вот, представь, перестала.

— Что так? Неужто в твоем кругу кто-то признан более достойным восхищения? — в тон ей ответила Катя, мгновенно уловив язвительный подтекст.

— Не знаю. Я просто устала изнемогать от восторга перед каждой ее дивно закрученной фразой. Ее же словами тебе отвечаю: всякое чувство изнашивается. И даже такое мощное как вселенский восторг перед ее литературным даром. Это я уже от себя добавляю. А вообще, если честно, хотелось бы текстов, более приближенных к нашим реалиям.

— То есть?

— Слушай, Катерина, смотрю я на тебя — нормальная ты вроде баба. Вот только — как бы это поделикатнее выразиться — шлюхи в тебе нет самой малости и в самом лучшем смысле этого слова. Ты в пространстве часом не заплутала? Это я к чему? Без нее ты обречена.

И она замурлыкала какой-то простенький мотив. Вот была в ней эта мерзкая черта: сказать какую-нибудь гадость и как ни в чем не бывало затянуть тут же своим хриплым прокуренным голосом блатной мотивчик из репертуара какого-нибудь вышедшего в тираж барда.

Катя вспыхнула, но тут же подавила в себе раздражение.

— Зато в тебе ее очень много, — медленно проговорила она, — но и с нею ты также обречена.

— Это ты, наверно, не подумав сказала, а если подумав, то... Кать, ну чего мы с тобой все время ссоримся?! — пошла на мировую Ариадна. — Ну чего нам делить? Папашку? Так я скажу тебе по секрету — он не благоволит ни тебе, ни мне. Я мечтала когда-то в детстве: вот привезут в Москву Жоржика, а я возьму и задушу его нечаянно, и отец тогда вернется ко мне и к маме, побитый, жалкий, жаждущий нашей привязанности. А потом, когда Георгий Сергеевич, недолго думая, и тем более, недолго страдая, ушел к тебе, мне стало невероятно жаль моего испанского братца. А он был такой хорошенький! Невообразимо хорошенький. Я даже стала мечтать о таком сыночке... Уходить от любовницы надо так, чтобы даже на свежевыпавшем снегу не оставлять ни единого следа.

— Ариадна, ну зачем ты затеяла весь этот разговор?

— Ты, верно, хочешь сказать, разговор по душам?

— Какое, к черту, по душам? Это скорее по изнанкам душ.

— Умная ты, Катька. В этом твоя беда. Впрочем, я сама такая. И потому шанса у меня тоже нет. В этом ты определенно права. Наверно, тебе любопытно, куда подевался мой благоверный?

— Отнюдь!

— Не лукавь! Я знаю, это интересно всем. То, чего не знают, легко придумывают. Одно скажу: он не из тех, кого не стыдно впоследствии показать собственным детям. Вот вы все думаете — стерва Ариадна. А я тебе скажу так: трудно сохранить равновесие в этой сиротской жизни. Тонкий налет цивилизации дает обманчивое представление о высоком в нашей жизни. Никогда, ни за какие коврижки не подталкивай своих детей в направлении какого бы то ни было шоу-бизнеса! Ты сама филолог, человек тонко чувствующий. Но литература — это иное. В ней все, что не подлинно, тотчас рассыпается в труху. А что истинное, то будет вечным поводом для обвинения в плагиате. Как «Тихий Дон», к примеру. Если хочешь знать, я сама никогда не верила в авторство зеленого юнца Михаила Шолохова. Чтобы так глубоко понять, прочувствовать бабью, горькую, полынную любовь Аксиньи к Мелехову, мало родиться гениальным. Надо самому много пережить. Ну да ладно, не наше это дело разбираться с казуистикой обвинителей и обвиняемых. Боюсь, истина не восторжествует никогда. Хотя, наверно, это неправильно... Давай лучше про телевидение поговорим, это как-то ближе мне по теме. Телевидение, кино — скажу тебе честно — это страшная разрушительная сила. Смертонос-

ная. Они выедают душу, и на месте зияющей дыры буйной порослью расцветают злоба, зависть, интриги. Ладно бы гении там творили, а то ведь сплошь бездари и невежды. Ты думаешь, я всегда была такая? Просто, если в семье, принадлежащей этому фальшивому миру, рождается ребенок, он обречен вести подобный же образ жизни, то есть вращаться в сферах, где правит бал серое злобное большинство. И что самое чудовищное — где нет конкретного предмета труда. Мы не приучены работать так, как работают простые люди, создающие простые, но очень важные вещи. А жить-то все равно хочется по-человечески — в нормальных условиях, чтоб не было нужды сушить шмотки на комнатных дверях, а то и ручках тех самых дверей... Не отдавай своих детей в лапы медиа-монстров, — как заклинание выдохнула Ариадна.

Катя удивленно смотрела на Ариадну, что-то похожее на сострадание шевельнулось на дне ее души.

— Хотя, если подумать, то чем лучше аморфный офисный планктон? Ведь правда? Ладно, я пошла. Мне надо сделать еще один звонок. Судьбоносный... — и она коротко хохотнула, полная сил и намерений. Сделав шаг в сторону двери, обернулась: — Ты не находишь, что все здесь как-то слишком картинно?

— Что ты имеешь в виду? — переспросила Катя.

— Ну все это... — Ариадна широко обвела рукой пронизанное светом пространство. — Причудливые завихрения облаков, восходящие потоки воздуха... Ты, верно, думаешь: любит эта Ариадна советы дурацкие давать? Представь, обожаю, а если не станут брать, то и за шиворот не постесняюсь засунуть. Тоже, между прочим, ничего себе удовольствие. Я нынче не романтична, но это временно.

Безусловно, Ариадна в чем-то была права. И пусть Катя не уводила Георгия из семьи, но историю его жизни она знала отлично. И принимала как должное его влюбчивость, его извечный восторг перед женскими чарами. Но тогда почему она до сих пор страдает? Ведь, по большому счету, она всегда была готова к такому повороту событий. Значит, дело не в нем. А в ней. В ее собственной несостоятельности, в ее психологической зависимости, в инфантильности, наконец. Ей просто необходимо поработать над собой. Например, начать писать роман, ну ладно роман — хотя бы повесть, ну, на худой конец — рассказ, и тогда, смотришь, все утрясется само собой, лишь только она проговорит вслух свои проблемы. Так, во всяком случае, рекомендуют психологи.

Снизу послышался шум. Это дети возвращались с прогулки. Катя приблизилась к перилам террасы, глянула вниз. Павлик, как всегда, шел чуть отдельно, занятый исключительно собой и своими мыслями. Верочка же передвигалась легким, танцующим шагом, будто готовилась выйти на сцену. Лера весело что-то напевала, подгоняя прутиком Андрюшу. Простовата, но мила. Ну да бог даст, Анна отшлифует характер дочери, все остальное сделает за них природа. Идущая рядом Дарья выглядела трогательно в своей неуклюжести. Слишком большими для своего детского росточка шагами она покрывала внутреннее пространство двора, спотыкаясь едва ли не на каждом повороте. Процессию завершала Танечка. Вот уж кому не позавидуешь. Быть в унизительном услужении, но при этом прямо и гордо держать спину.

Катя не стала спускаться вниз. Ей было так уютно, так покойно полулежать в шезлонге, на открытой террасе, смотреть на море, на подбитые лиловым облака, на перепоясанный диск солнца, клонящийся к закату. Картинка была такой неправдоподобно красивой, такой не похожей на все то, что она привыкла созерцать в душной и пыльной Москве, — в общем, Катя никак

не могла вернуться к книге. И все же, несмотря на разлитую в воздухе негу и некую высшую благодать, свернутая улиткой Катина тоска снова готова была выпустить свои рожки. А что если и в самом деле попробовать в жизни нечто новое, что отвлекло бы ее от проблем, от бредущих по одному и тому же кругу мыслей, от ощущения безысходности? Например, попробовать писать. Ведь закончила же она когда-то филологический факультет, любила литературу страстно, писала приличные статьи в журналы, в общем, жила и училась с искрой божьей в душе, талантами не была обделена. Прилично рисовала, бегала по вечерам в театральную студию при университете, играла на сцене чисто и свежо.

Вот встанет она сейчас — не поленится, — возьмет блокнот и ручку и напишет какой-нибудь коротенький рассказ о сокровенном, берущий за душу, лишенный штампов, свежий, как утреннее пробуждение ребенка. Хотя, вот вам и первый штамп — «свежий, как утреннее пробуждение ребенка». Катя, и в самом деле, поднялась, сходила за блокнотом и ручкой, вернулась на место, устроилась поудобнее, под тонкий блокнот подложила книгу.

Очень важно сразу же определиться с темой, сюжетом, героями. А еще — дать точное название рассказу. Катя мысленно перебирала проблемы, требующие срочного разрешения. Первое — Ильин. Но никогда в жизни она не станет предавать бумаге свою самую большую боль. Чтобы другие, чужие глаза читали о ее страданиях... Ни за что...

Итак, тему Ильина она отвергла категорически. Писать о детях вне контекста отношений с Ильиным тоже не имело смысла. Они такие, какие есть, только потому, что она воспитала их в разлуке с отцом.

Поехали дальше. Можно написать про Нику. Об их счастливой дружбе в доильинский период. Катя дорожила этой дружбой. Ника, как никто, понимала ее тонкую восторженную натуру, ее болезненную чувствительность ко всякой фальши и лжи, к пошлости и хамству. Ника же твердо стояла на ногах. Возможно, именно по причине, что ей самой не хватало той утонченности, что была у Кати, она с огромным энтузиазмом взялась опекать, как ей казалось, неприспособленную к жизни подругу, чуть позже возгордилась возложенной на себя миссией. Когда же у Кати закрутился стремительный роман с Ильиным, счастливо завершившийся свадьбой, Ника испытала нечто похожее на разочарование и в достаточно короткое время превратилась в настоящую мегеру. Вот тогда у Кати впервые зародилась странная мысль: если у женщины удачный брак, ей, по большому счету, подруги не нужны.

К тому времени, когда Катя окончательно рассталась с Ильиным, у Ники вошло в привычку при каждой встрече ошарашивать подругу какой-нибудь едкой фразой, вроде: «А кто тебя гнал за него замуж?!» или «Какого хрена ты занялась дурацким дизайном, в котором ничего не смыслишь?» А потом, когда стали подрастать дети, фразы стали и того круче: «На черта ты Верку свою в балет определила? Ноги ломать! То ли дело моя Аленка, на скрипочке играет! Смотришь, и ей место в каком-нибудь скромном оркестрике найдется. А Павла своего в спорт отдавай, там деньги большие крутятся». В общем, все, что Катя ценила прежде в Нике — ее ум, деликатность, ее умение понять и поддержать подругу, — все в одночасье поменялось на свою противоположность. Ника сделалась грубой, бестактной и злой. Пожалуй, Катя сама виновата, она хотела от Ники чувств, которых, похоже, в ней отродясь не водилось. Просто Ника смогла нащупать Катины слабые места и дать подруге то, в чем та особенно нуждалась. Никогда и ни перед кем нельзя обнажать свою душу, тем паче ахиллесову пяту.

Нет, Катя не станет писать и о Нике. Она решительно отложила блокнот и ручку. Она подумает еще, что может стать сюжетом ее первого рассказа.

В это же время Лера, вернувшись с прогулки и обнаружив, что Анна все еще нежится в постели, устроилась на балконе, стала глазеть на море, на парусники, скользящие у горизонта. Вот бы парить сейчас так же под парусами! Она услышала шум внизу, перегнулась через перила балкона. Любопытная Варвара! Жоржик разговаривал с Мариной под самым балконом. Валерия внезапно разволновалась. Жоржик предлагал Марине прогуляться по деревне, молодая мачеха отказывалась, ссылаясь на занятость. У Валерии мгновенно созрел план.

— Мам, а мам! — обратилась она вкрадчиво к Анне, расчесывающей свои рыжие волосы перед овальным зеркалом в бронзовой оправе. — Можно, я с братом погуляю по берегу?

— С каким еще братом? — спросила удивленно Анна.

Она всматривалась в свое лицо. Веснушки явственно проступали сквозь загар. Вот напасть!

— Так с каким братом? — переспросила она.

— Ну, с Жоржиком, — ответила просто Лера.

— А-а! С Жоржиком? — Анну вдруг снова залихорадило. Живо вспомнился недавний разговор со старшим сыном Ильина. — А ведь он действительно тебе брат. А ты ему не помешаешь?

— Ну конечно нет! Он что, будет не рад пообщаться со свежеобретенной сестрой?

— Ладно, Лерик! Будь умницей. Рассчитываю на твое благоразумие. Слишком уж он красив. К тому же твой брат.

— Ага! — согласилась Лера.

И было неясно, к чему это «ага» относится больше: то ли к тому, что Жоржик красив, то ли к тому, что Лера должна быть благоразумна. И она поскакала вниз, перепрыгивая через ступеньку.

Жоржик уже покидал территорию виллы, когда она нагнала его.

— Жоржик, подожди! Ты не против сопроводить сестру по магазинчикам Неа Рода?

— Что за вопрос! — улыбнулся Жоржик. — Я буду просто счастлив.

И они весело помчались вниз по достаточно широкой асфальтированной дороге, соединяющей виллу с прибрежным шоссе.

Валерия пришла в замечательное расположение духа, щебетала без умолку. Жоржик по-доброму подтрунивал над ней.

— Ты даже не представляешь, как я в детстве мечтала иметь старшего брата. Умного и красивого. Ну вот прямо такого, как ты.

— А как я мечтал иметь много братьев и сестер! — чуть иронично вторил ей Жоржик. — Исключительно таких, как вы.

— Правда?! Ведь ты меня не обманываешь? — доверчиво переспросила Лера.

— Ну какой тут может быть обман? Разве что чуть-чуть, то есть, мне хотелось... ладно, не стоит об этом.

— Стоит-стоит! Я знаю, ты хотел, чтобы мы все жили под одной крышей, ходили бы в одну школу, и у всех была бы одна мама.

— Откуда ты все это знаешь? Я удивлен!

— Просто я очень проницательная.

Мимо промчался автомобиль, обдав их жаром раскаленного металла. Пришлось сойти на обочину. Навстречу медленно поднимался еще один автомобиль, такой маленький открытый фургончик с обшарпанными боками. Шофер приветливо помахал им рукой.

— Вот ты, наверно, думаешь про меня: и что эта Валерия такая назойливая, идиотские вопросы задает, в доверие пытается втереться.

— Глупости! — весело рассмеялся Жоржик. — Я правда ужасно тебе рад. Ты славная!

— Жоржик, а расскажи, как это быть испанцем.

— Если бы ты знала, как часто задают мне этот вопрос!.. — окрасив голос некой элегической интонацией, проговорил он. — Так сразу и не ответишь... Быть испанцем — это значит остро чувствовать все прекрасное, не пускать в себя чужеродный мир, любить красивых женщин, долго не жениться, наслаждаться фламенко, немного танцевать самому, восторгаться корридой и при этом жалеть несчастных быков, не позволять наступать себе на ногу, чутко реагировать на любую несправедливость, но постоянно творить свою собственную и еще много-много чего.

— А каково быть испанцем с примесью русской крови?

— Слушай, Лерка, сколько тебе лет? Может быть, ты уже старушка, но только с нестареющей, детской мордашкой? Честно тебе отвечу, нет ничего хуже. Потому что некоторые моменты находятся в остром противоречии. Например, русская безалаберность, разухабистость, широта натуры и испанский практицизм, острая нацеленность на точный результат.

— А ты поменяй все местами.

— Как это? — Жоржик с интересом посмотрел на сестру.

— Ну, безалаберность сделай практичной, то есть проявляй ее тогда, когда она имеет смысл, а к результату иди широко, по-русски, захватывая все больше свободного пространства.

— Ну ты даешь! И в кого ты такая?

— Как в кого?! В нашего отца! — и она потянула на себя дверь скромного магазинчика.

Ариадна искала Дарью, обошла все комнаты, в которых, можно было предположить, играют дети, но ни в гостиной, ни у бассейна, ни даже в Андрюшиной комнате никого не застала. В детской хозяйничала Таня, убирала игрушки, пылесосила ковролин.

— Слушай, девочка моя, ты, должно быть, их ненавидишь? — выпалила вдруг Ариадна.

— Кого? — не поняла Таня.

— Ну, своих работодателей?

— С чего вы взяли?

— Невозможно любить людей, которым служишь.

— Глупости! — вспыхнула девушка. — Я очень даже уважаю Георгия Сергеевича, а с Мариной мы почти подруги.

— То-то и оно! Почти!

— Ариадна, почему вы такая злая? Ведь Георгий Сергеевич ваш отец!

— И что из этого следует? Он ведь не меня, а тебя заставляет на себя работать. У меня-то как раз все хорошо. Я обожаю отца. За его неиссякаемое чувство юмора. Только будучи очень юморным человеком, можно наплодить и выплюнуть в мир целую обойму славных сорванцов. Посмотри на меня, я одна из них.

— Чем больше в семье детей, тем выше вероятность рождения умного, — едко заметила Таня.

— В таком случае можно было остановиться уже на мне.

— Ариадна, зачем вы здесь?! Если все так неважно и вы полны презрения к человеку, который подарил вам жизнь? Почему бы вам не презирать его издалека, из Москвы, например, и не портить всем настроение. Вы затравили

Анну. Слава богу, она великодушный человек и прощает вам ваш цинизм. А еще, я думаю, она просто жалеет вас.

— А ты, оказывается, умеешь показывать зубки. И очень даже острые. Ну-ка, говори быстренько, за что она меня жалеет.

— Ну, не знаю, — растерялась Таня. Она стала совершенно бледной, под стать пластиковой раме комнатного окна. — Ладно, хорошо! Вы вынудили меня сказать вам это. Так что держитесь! Вы сумасбродная, легкомысленная, помешаны на мужиках, и губы ваши силиконовые, безобразные и поэтому плотно не смыкаются. И это не Анна так считает, а я.

— Ну ты даешь! — совершенно искренне расхохоталась Ариадна. — А я думала, ты такая сладкая Аленушка. Вот и верь после этого первому впечатлению. Ну ладно, выкладывай до конца, что остальные обо мне говорят.

— А вот этого я как раз и не знаю. Я ни с кем не обсуждаю ни детей, ни жен Георгия Сергеевича. За что он меня и ценит.

— Ну что ж! И на том спасибо. Я сама была когда-то такой же очаровашкой. Резала правду-матку в глаза. Не позволяй жизни ломать себя об колено. Вот тебе мой совет.

И она развернулась, чтобы выйти из комнаты. Шорты у нее были в винных пятнах, рубашка измята на спине. Впрочем, возможно, это такая ткань, с замятинкой. Какой-то греческий мотивчик крутился у нее на языке...

Таня в сердцах отшвырнула от себя трубку пылесоса, ногой вырубила его. Подошла к Андрюшиному компьютеру, включила его, с ходу открыла свою страничку в «Вконтакте», написала коротко своей лучшей подруге: «Господи, Людончик, до чего мне все осточертело! А я ведь только на полквартиры собрала. Если бы только не пил папаша! В тот ад я никогда не вернусь. Купила тебе потрясающую сумку и такой же потрясающий сарафан. Все! Целую! Бегу дальше пылесосить апартаменты».

Ариадна тем временем спустилась вниз. Катина Вера готовила какое-то представление. Остальные дети елозили на стульях в ожидании начала спектакля. Дарья с замиранием сердца следила за каждым Верочкиным движением. И в кого она такая дурочка уродилась? Всегда сотворит себе кумира и начинает неистово ему молиться.

Рядом с детьми в удобном кресле вальяжно развалился Гаврилыч, потягивал виски, добродушным взглядом посматривал на ильинских отпрысков. Ариадна тоже плеснула себе в бокал из початой бутылки, уютно пристроилась рядом с Гаврилычем.

— Что, лапушка моя, никак не найдешь себе занятие? — ласково спросил Гаврилыч и приобнял старшую дочь своего доброго друга. — Красавица у Кати растет, кукла настоящая, — заметил он невзначай.

— Да уж, ильинские гены, — согласилась Ариадна.

— Да и Катя сама недурна, — с любовью в голосе произнес он и взглянул на Ариадну. — А Дарья твоя привязчивая выросла, приветливая малышка. Со временем она тебе в красоте не уступит, — и он погладил Ариадну по плечу той рукой, которой только что обнимал ее.

Она чмокнула его в шершавую щеку, сказала благодарно:

— Дядя Слава, ну почему ты не мой отец? Ну удочери ты меня, наконец, хотя бы сейчас! — и она уткнулась ему в плечо. Слава богу, не расплакалась.

— Ну что ты, деточка! Я не могу обидеть Жоржа. Он ведь очень гордится всеми вами.

— Дядя Слава, не преувеличивай. И потом, я нуждаюсь не в гордости, а в любви. Понимаешь, в банальной отцовской любви. Великодушной и всепрощающей! — и она хлюпнула носом.

— Ну будет-будет, девочка моя! Мы вас всех обожаем.

Тем временем Верочка включила некую классическую музыку, вышла в центр гостиной, поставила ножки, обутые в атласные голубые пуанты, в третью позицию, медленно развела руки. Пышная пачка из голубого и белого шифона при этом волшебно колыхнулась. Тонкий атласный лиф подчеркивал чудные пропорции ее маленького точеного тела.

Она станцевала несколько простых па — прыжок, поворот, — поднялась на пальчиках, грациозно опустилась на стопы, присела в волнующем поклоне. Все было так просто и так легко в исполнении и вместе с тем так изящно и восхитительно, что все присутствующие с криками «Браво!» дружно зааплодировали юной танцовщице.

И только Павлик остался равнодушным к номеру сестры и все нажимал и нажимал на кнопки Андрюшиного планшета.

— Вот уже и своя балерина в доме у Ильиных появилась, — удовлетворенно заметил Гаврилыч.

— Пожалуй, ты прав, она рождена для сцены, — как-то очень легко согласилась Ариадна.

Дарья, пламенная натура, не удержалась, подскочила к Верочке, обняла и поцеловала ее. Девочка едва заметным движением отстранила ее, будто хотела высвободить чуток пространства, и выдала зрителям настоящий сценический поклон.

Марина медленно спускалась по лестнице. Она казалась очень бледной и безучастной ко всему, что происходило вокруг. Ариадна пристально вгляделась в ее лицо, подивилась степени ее страдания. Неужели она так привязана к отцу?! Кто бы мог подумать! Странно как-то. Ведь все уже как будто хорошо. Марина налила себе сока, направилась со стаканом на свежий воздух. Ариадна продолжала следить за каждым движением Марины. Сейчас, когда в ней не было жизни, в ней не было ничего. Такую Марину Ариадна не удостоила бы и взглядом. Она как-то ссутулилась за эти несколько дней, походка стала тяжелой, как будто даже чуть неуравновешенной. Гаврилыч продолжал что-то говорить, развивал какую-то свою новую старую мысль о тотальной гениальности ильинских детей, но Ариадна уже не слушала его. Она выскользнула следом за Мариной, но нигде не нашла ее. Черт! Марина будто испарилась. Стакан с соком стоял на столике у лежака на краю бассейна. Ариадна прошла в дальний конец аллеи — никого. Свет фонарей выхватывал из темноты то один кусок внутреннего двора, то другой. Зрелище было завораживающим. Но где же Марина? Когда Ариадна возвращалась назад, она услышала тихий плач. Марина плакала где-то рядом. За перголой, густо увитой плетистой розой, вроде бы была скамейка.

Ариадна, не останавливаясь, вернулась в дом, снова села рядом с Гаврилычем.

Когда минут двадцать спустя Марина вернулась в дом и снова поднялась к себе в комнату, Ариадна, пожелав Гаврилычу приятного вечера, последовала за мачехой. Она постучала в комнату Марины и, не дождавшись ответа, открыла дверь.

— Можно?

— Заходи.

Марина смотрела телевизор, какой-то российский канал. Что-то из жизни рублевских богатеев.

— Ты смотришь эту феерическую чушь? — удивилась она.

— Иногда. Мне интересно, в чем черпают они энтузиазм, — было ясно, что она вкладывает в вопрос какой-то свой смысл.

— Марина, о чем ты говоришь? Какой энтузиазм?! Они лезут буквально из кожи, чтобы доказать друг другу, что имеют право здесь быть. А потом проходит мода на очередные игрушки богатых людей, в том числе и на Рублевку, и им надо все начинать сначала. Снова искать где-то деньги, идти на очередное преступление, строить новые хоромы в новой Рублевке, делать очередную пластику, ибо сегодня губы в моде, а завтра нос или, хуже того, задница, определять детей в новые школы, наделять их новыми несуществующими талантами, так и бежать по кругу, больше всего на свете боясь сойти с дистанции.

— Ты презираешь их? — печально спросила Марина. — Мне казалось, ты чувствуешь себя среди них своей.

— В том-то и дело. Я презираю их, но и мечтаю стать одной из них, — неожиданно легко согласилась Ариадна.

— Так в чем проблема? Найди себе какого-нибудь почтенного и состоятельного... — Марина осеклась.

— Ты хочешь сказать «папика»? Чтобы стать такой же, как ты? Нет уж, уволь. Я предпочитаю молодую кровь.

— Я люблю твоего отца, — вспыхнула Марина. — Я люблю Андрюшу.

— Мой тебе совет, Марина: беги из этого дома! Мне искренне жаль тебя. Ты моложе меня. И я не желаю тебе превратиться в сиделку при немощном старике. Я помню, как уходил из жизни мой дед. Это было страшное зрелище. Он жить уже не мог, но и умирать не хотел. Он думал, что будет жить вечно, питаясь соками сына. Он не мог самостоятельно сделать ни одного шага, даже полшага, у него не работала ни одна его система — ни двигательная, ни пищеварительная, ни выделительная, да и соображал он с трудом. Но он свято верил в то, что имеет право жить, пока жив его сын. И мой замечательный отец со смертной тоской в глазах нес свой крест. Марина, беги из этого дома. У тебя еще есть шанс пережить настоящую любовь.

И Ариадна, покачиваясь на своих тонких ногах, в босоножках на высоченных каблуках, направилась к двери.

— И еще! — она снова повернулась к Марине. — Не рыдай так сильно. Даже в саду. Даже наедине с собою. Люди могут подумать черт знает что. Спокойной ночи!

Марина осталась сидеть в кресле, упершись взглядом в экран телевизора, но не видела ровным счетом ничего. Ее колотило от бешенства. Хотелось побежать за Ариадной, вцепиться в волосы, причинить сильнейшую физическую боль. Но она продолжала сидеть, сцепив в напряжении руки на коленях, так что через минуту они онемели и перестали быть послушной частью тела. Марина ненавидела Ариадну, но еще больше она ненавидела сейчас себя. За то, что вступила в перепалку. Таких нельзя подпускать к себе близко, они всегда готовы отхватить кусок живой человеческой плоти. Куда подевалась ее обычная сдержанность, хваленое самообладание? Ничего не осталось! Ничего! Она вдруг вспомнила, что за целый день ни разу не обняла Андрюшу, не поцеловала сына в любимую макушку.

Она взяла в руки пульт от телевизора, щелкнула переключателем, потом еще и еще раз. По всем каналам бесновалась стареющая российская попса. Если и мелькали свежие лица, то только в контексте и по причине нежных дружественных связей с отдельными представителями эстрадной богемы. Мир развивается исключительно на коммерческой основе. Господи! А ведь неделю назад она была счастливейшей из женщин. Она знает, никто и никогда не поверит, что вышла она за Георгия по огромной и самой искренней любви.

Марина с тоской посмотрела на экран. Практически голые девицы пытались петь мотивчик из трех нот, совершая при этом почти непристойные телодвижения.

Плакать больше не хотелось.

Купаясь утром в прохладном море, Валерия напоролась на морского ежа. Она закричала от боли, потеряла равновесие, шлепнулась на бок, и снова — о напасть! — острая и мгновенная боль пронзила ее бедро. Это был второй в течение минуты ежик, и она уже не просто кричала, слезы ручьем текли из чуть подкрашенных глаз, щеки покрылись черными разводами, выражение лица стало совершенно несчастным. Анна вынесла ее на руках и тяжело опустила на лежак, все-таки дочь весила немало. Анна осмотрела раны, кое-где на поверхность выходили колючки, вокруг которых красовался явственный точечный узор.

— Ну вот! Нам лететь домой, а ты преподнесла такой подарок! — в сердцах проговорила Анна.

— Не ругай меня! Мне и так очень больно, — со слезами на глазах взмолилась Валерия.

— Ну что, за помощью мне идти, что ли?

— Не надо! Я обниму тебя за шею и буду прыгать на одной ноге.

— Ну и далеко мы так допрыгаем? Тем более идти надо в гору, — Анна пришла в страшное раздражение. — Вода в море абсолютно прозрачная. Не разглядеть опасность — надо исхитриться, — не унималась она. — Знаешь, чем мое поколение отличается от вашего? Вам всегда кажется, что Бог позаботится о вас. На, надень майку, и пошли. Постарайся отвлечься от боли.

И они медленно побрели по тропинке вверх. Валерия, опираясь на мать, больной ногой наступала лишь на носочек и быстро перекидывала свое легкое тело на здоровую ногу.

В доме Анна усадила дочь в кресло, немного боком, так, чтобы упор приходился на здоровую половину тела, и пошла на кухню за оливковым маслом. Когда она вернулась с бутылкой и ватным тампоном, дети уже облепили дочь. Даша пристально рассматривала рану и даже попыталась выдернуть одну из колючек.

— Не тронь! — истошно заорала Лерка. — Мне же больно!

— Ты что, не видишь, у нее кровь идет! — важно заметила Верочка.

— Я хотела помочь, — стала оправдываться Дарья.

Павлик, как всегда, играл в «стрелялку» на своем мобильнике и, казалось, в общей кутерьме не участвовал. Но вдруг изрек:

— Лера, это ты вместо Даши на ежа напоролась?

— Почему это вместо меня? — решила обидеться вдруг Дарья.

— Но это же ты вечно попадаешь во всякие нехорошие истории! — все так же, ни на кого не глядя, пробубнил Павлик.

Девочка подошла к мальчишке, заглянула, будто из любопытства, в его телефон и вдруг ни с того ни с сего как стукнет Павлика по голове — Андрюшиной книжкой, — вырвав предварительно ее из рук малыша. Удар получился звонким.

— Ты что, дура?! — завопил Павлик. — Всю игру мне испортила. Вот я тебе задам, — и он понесся за мгновенно ретировавшейся Дарьей.

— Дети, угомонитесь! — потребовала Анна. — Мне нужна тишина. — И она стала смазывать раны тампоном, обильно смоченным в теплом масле.

— Ой, мама, больно! — закричала Лера. — Не могу терпеть!

— Терпи-терпи! Еще не то придется терпеть в жизни! — приговаривала Анна, извлекая очередную колючку тонким пинцетом.

— Тетя Аня, — спросила неожиданно Верочка, — а правда, больнее всего, когда дети родятся?

— Ну как тебе сказать? Удовольствие это не из приятных.

— Ну тогда я маму суррогатную найму.

— Вот те на! — рассмеялась Анна. — А почему нет?! Очень даже современный подход к жизни. Действительно, а почему нет? Ты с Катей, то есть, с мамой проблему обсудила? Посоветовалась?

— А зачем? Как я решила, так и будет. В крайнем случае с папой посоветуюсь.

Через полчаса выяснилось, что пропала Дарья. Первой почувствовала неладное Анна. Все дети на месте, сок пьют, что-то обсуждают, ссорятся и тут же мирятся, а Дарьи-то нет. И чтобы не волновать лишний раз Ариадну, хотя ее как раз труднее всего взволновать чем бы то ни было, Анна решила самостоятельно прочесать всю территорию вокруг дома. Гаврилыч оторвался от поглощения очередной порции виски. Нетвердой походкой он отправился сначала в уборную, чуть позже присоединился к Анне. Дарьи нигде не было.

— Может быть, она убежала к морю? — неуверенно проговорила Анна.

— Мам! — прокричала в открытую дверь Валерия. — Послушай! Я вообще не помню, чтобы она выходила из дому.

— Ладно, ждите!

Анна решила спуститься к морю. За ней, отставая, семенил Гаврилыч.

— Теть Ань! Может быть, Даша обиделась на меня? — спросил невесть откуда появившийся Павлик.

— С чего ты взял?

— Но я ведь намекнул, что она ходячее несчастье.

— Глупости!

— Вы только маме не говорите! Она меня будет снова ругать.

— Почему снова?

— Ну, ей мерещится все время, что я не такой, как все.

— В каком смысле?

— Ну, слишком гордый и независимый. И одной своей мыслью могу отомстить человеку, которого не люблю.

— А это правда?

— Ну, не совсем так. Просто, если кто-то несправедливо поступает, я мысленно посылаю ему такую же ситуацию, как ту, в которой он некрасиво себя повел, но только наоборот.

— Ничего себе! И у тебя получается?

— Иногда.

— А за что ты Дашу-то невзлюбил?

— Ну что вы?! Я как раз за нее очень переживаю. У нее мама взбалмошная. Но это потому, что Ариадна очень несчастная.

— Слушай, Павлик, ты меня пугаешь! Ты нас всех, что ли, как на рентгене, просвечиваешь? Ну, выкладывай, что ты думаешь обо мне.

— Вы мне нравитесь. У вас такой ровный характер. Рядом с вами всем очень уютно. Но вы тоже не слишком счастливая.

— Это почему же?

— Как вам объяснить? Все, кто как-то соприкасается с моим отцом...

— И что это вы так бурно здесь обсуждаете? — Гаврилычу наконец удалось догнать Анну с Павликом.

— Мы говорим об интересных вещах, — разочарованно произнесла Анна.

Вот ведь невовремя догнал их старик! А Павлик-то темная лошадка, но чувствуется глубокая личность. Не зря Катя за него переживает. И говорит-то как хорошо. Будто школу уже закончил.

— Вот, например, Павлик утверждает, что у меня легкий нрав.

— Это верно. Только легкий нрав еще не залог легкой судьбы, Аннушка. К великому сожалению.

— Гаврилыч, ты как всегда очень проницателен. Давайте прибавим шагу. Пора собирать чемоданы.

Катя услышала, как кто-то неуверенно скребется в дверь ее комнаты. Она отложила в сторону книгу, подошла к двери, резко распахнула ее. Перед ней стояла Дарья, вся какая-то взъерошенная, явно в расстроенных чувствах.

— Что с тобой, девочка моя? — ласково спросила Катя.

— Тетя Катя, можно, я посижу немного с вами?

— Конечно, дорогая! Тебя мама искать не будет? Может быть, ее предупредить?

— Мама меня никогда не ищет. Это я всегда ее ищу. Звоню бабушке, всем ее подругам, если она долго не возвращается домой. Вы тоже бросаете своих детей?

— Случается иногда. Правда, это бывает нечасто. И я всегда им звоню заранее. Слава богу, сегодня есть мобильные телефоны.

— Тетя Даша, вам тоже кажется, что я неуклюжая? — спросила вдруг Даша.

— Вовсе нет! Ты немного угловатая, но это со временем пройдет, — Катя, кажется, поняла цель Дашиного визита. Просто девочке захотелось поговорить по душам. С кем не бывает! Кате и самой иногда хочется выговориться. — Знаешь, у тебя красивые глаза, умный, живой взгляд.

— А вам не кажется, что у меня большой нос и вообще я слишком худая?

Катя рассмеялась.

— Ну, человеческая худоба дело поправимое. А когда ты немного округлишься, то и носик твой не будет казаться таким уж большим.

— Вы меня, тетя Катя, утешили немного. А еще я часто слышу: чего это, мол, Дашка все время попадает в разные неприятные истории? Вот и сегодня Лера напоролась на морского ежа, а ваш Павлик говорит...

— Лера напоролась на ежа?

— Ну да!

— Ей, наверно, очень больно?

— Очень! Она даже плакала.

— Так что говорит Павлик?

— Что это должно было случиться со мной.

— И ты ему поверила? — улыбнулась Катя.

— Да! Ваш Павлик очень умный.

— Слушай, не бери ничего в голову! Павлик пошутил.

— Неправда! Он вообще никогда не шутит. А как взглянет на меня, у меня сразу мурашки бегут по телу.

Катя слушала девочку, и в ней нарастало чувство удивления. Она и предположить не могла, что в маленьком ребенке бушуют такие страсти. Словом, гены Георгия продолжают жить.

— Знаешь что? А давай пить чай. У меня тут где-то конфеты и печенье на дорогу припрятаны. А что касается твоей неуклюжести, поверь мне: ты вырастешь красивым и нежным цветком. А сейчас ты просто нераспустившийся бутон. Твое время еще не пришло.

— А ваша Верочка тоже бутон?

— Пожалуй, бутон. Просто вы бутоны от разных цветов. Поверь мне, у тебя будет красивое и долгое цветение.

И они приступили к чайной церемонии. Чашки и чайник были необычайно изящны, штучной, тончайшей работы. Впрочем, как и все в доме у Ильиных. Здесь знали толк в красивых вещах.

Внизу послышался шум. Как будто в дом стала возвращаться жизнь.

— Ладно, теть Катя, я пойду. А то, наверно, меня уже ищут. Они думают, что я обиделась. Мне не хочется, чтобы ваш Павлик и вправду считал меня неудачницей.

И она встала, чтобы поцеловать Катю в щеку, но встала так резко, что изумительная чашка с будто бы отдельно летящей бабочкой упала и разбилась вдребезги. И только отвалившаяся бабочка осталась абсолютно целой, но теперь уж совсем отдельной.

— Вот видишь, — сказала Катя, — все развалится в этом мире, а ты, подобно этой дивной бабочке, останешься целой и невредимой. Возьми ее себе на память.

Когда Даша спустилась вниз, радости всех присутствующих не было предела. Дети бросились ее обнимать.

— Я же говорила, Даша не выходила из дома! — вместе со всеми радовалась Валерия.

— Слушай, Дарья! В следующий раз предупреждай, когда снова захочешь что-нибудь отчебучить, — резонно заметил Павлик и снова уткнулся в свой телефон.

— Даша, раз ты моя племянница, а я твой дядя, — весело добавил Андрюша, — я тебе приказываю без моего разрешения шага в сторону не ступать.

Какая-то очень веская и по-настоящему взрослая получилась фраза. Все весело рассмеялись. Со стороны могло показаться, что это одна и очень дружная семья.

— Мама, что-то мне жарко, — глуховатым голосом пожаловалась Лера.

— Э-э, да ты вся горишь! — всполошилась Анна, прикоснувшись губами ко лбу дочери. — Идем-ка наверх! — И она подставила Валерии свое плечо. — Хочешь верь, хочешь нет, но дороже тебя у меня никого нет, — минутой позже чуть раздраженно проговорила Анна, обтирая лицо и руки дочери холодной водой, — но когда ты болеешь, мне хочется надавать тебе тумаков. Потому что чаще всего это происходит по твоей глупости.

— Мам, ты меня любишь?

— Ну что за вопрос? Как может мать не любить своего ребенка?

— Нет, ты прямо ответь на мой вопрос. Ты меня любишь?

— Ну конечно, глупенькая! Люблю! Больше всего на свете.

— А если бы ты с самого начала знала, что отец на тебе не женится, ты все равно родила бы меня?

— Лерка, что за каверзный вопрос?

— Нет, ты ответь! Не увиливай!

— Если хочешь знать, я догадывалась, что Георгий Сергеевич не женится на мне никогда.

— Это почему же? — зло спросила дочь. — Что ты, косая, хромая или уродина? А может быть, дурочка безнадежная?

— Я не знаю, как тебе объяснить. Ты еще недостаточно взрослая, чтобы мне говорить с тобой о подобных вещах. Просто в тот момент твой отец уже был не настолько молод, чтобы броситься в любовный омут очертя голову, за плечами у него было два брака, но он был еще и не настолько стар, чтобы жениться на простой и милой девушке, какой в ту пору была я.

— А разве Марина не такая? Не простая и милая?

— В том-то и дело... он должен был прилично состариться, чтобы разница в возрасте стала оглушительной и уже действовала бы на него как обезболивающее средство. Но честное слово, не с тобой я должна обсуждать эти нюансы.

— Ничего себе нюансы! Мама, я вся горю. Как ты думаешь, я не умру?

— Не умрешь! Вот выпей эти таблетки. Завтра будешь как огурчик. А нет, так дома долечимся. Думаю, перелет ты выдержишь. — И Анна понесла салфетку для обтирания обратно в мини-холодильник.

— Можно? — на пороге стояла Катя с выражением крайней озабоченности на лице.

— Заходи, Катя! — устало произнесла Анна.

— Я все знаю, девочки. Мне Даша рассказала. Может быть, чем-нибудь помочь?

— Катя, давай выпьем чего-нибудь. Посидим на террасе напоследок, посмотрим на звездное небо. Мне надо отвлечься. Когда еще такой случай выпадет? Двум отставным женщинам Георгия по душам пообщаться? Лерке сейчас полегчает, я ей дала сильнодействующее средство. Хочешь закурить?

— Я не курю.

— Я тоже. Это Ариадна забыла. Заходила зачем-то.

— Вот уж не думала, что вы можете посидеть просто так, по-дружески.

— Нет, конечно, никакие мы не подруги. Но она неглупая девка. Просто она мстит миру за отсутствие интереса к своей особе. Тебе чай или кофе?

— Кофе, если можно. Без сахара.

— Пирожное будешь?

— Нет, мы только что с Дарьей конфетами объелись.

— Катя, а что это за дар такой особый у твоего Павлика открылся?

— Ты это про что? Про его ясновидение? Глупости все это. Просто он очень чувствительный. В меня, по-видимому, пошел. И это меня, поверь, совсем не радует. Знаешь, я всю жизнь провела в ожидании. Сначала достойного мужчины, потом, когда этот мужчина меня бросил, я ждала, что он одумается, поймет, как нужен мне и детям. Потом мне казалось, что Бог увидит мои страдания и компенсирует мне потерю каким-то невиданным новым счастьем. А между тем жизнь прошла. И все мои немыслимые в жизни усилия оправданы только одним — у меня растут его дети... Мне приходится много работать... Забавно, в советские времена, когда я была полна сил, я не находила им точки приложения. А теперь, когда надо бы силы эти уже экономить, мне приходится много и тяжело трудиться. Чтобы учить детей. Чтобы самой пристойно выглядеть. При этом я замечаю, насколько жизнь вокруг стала формальной, без малейшего любопытства к человеческой душе. Люди перестали волновать друг друга. Разве что только с одной точки зрения: не дай бог, сосед или сослуживец обойдет тебя в жизненном успехе.

— Кать, если бы ты знала, как я тебя ненавидела, когда ты увела у меня Ильина.

— Аня, честное слово, я ничего о тебе не знала. Но если быть совсем уж правдивой, наверно, в тот момент твое присутствие в нашей с Георгием жизни ничего бы не изменило. Я была на вершине блаженства.

— У меня идея, — проговорила вдруг Анна. — А давай уговорим твоего Павлика совершить над нами обряд освобождения.

И они горько рассмеялись, две немолодые, но все еще привлекательные женщины. У них была общая судьба.

— В нашей жизни происходят такие грустные метаморфозы, — начала Катя, — помню, раньше покажут что-нибудь необычное по ТВ, весь день отдел на работе обсуждает. А сегодня и говорить не о чем. Каналов великое множество, и вероятность просмотра одной и той же передачи двумя разными людьми ничтожна мала. Хотя я сама сегодня принципиально ТВ не смотрю. Но все же случаются порой и на ТВ прорывы... О книгах вообще говорить не приходится. Их вообще не читают. Все погружены в контекст сумасшедшего обогащения. Сумасшедшего в плане усилий, а вовсе не результатов... Впрочем, мода иногда обрушивается даже на писателя. И тогда он становится мессией. Мода вообще страшная реальность. Я как дизайнер тебе говорю: вещи перестали что-то значить. Новоселы наполняют дом очень дорогими и модными вещами, порой весьма затейливыми. Завтра все выбрасывается на свалку. Все превращается в труху. И человеческие отношения тоже. Мне приходится наблюдать порой и такое. Аня, прости меня, я говорю и говорю...

— Ну что ты! Мне интересно. Право, у нас с тобой должно быть много общего, иначе Георгий...

— Знаешь, когда я только вышла из автомобиля, здесь, в Неа Рода, и увидела всю эту божественную красоту, вдохнула этот воздух, меня так остро пронзило желание жить и быть несмотря ни на что счастливой. Со мной такое случается иногда весною. В Москве. После долгой, тягостной зимы. И вдруг здесь... А ты говоришь: Георгий. Все мы зомбированы в какой-то мере им. Нам стоит побороться за свое счастье. Времени для счастья не так уж много... Аня, у тебя такие чудные отношения с Лерой. Я же с невероятным трудом всякий раз продираюсь к душам моих детей. Ну что, что я делаю не так? — с отчаянием произнесла Катя.

Анна, словно собираясь с мыслями, какое-то время помолчала, да и Катя, кажется, устала от своих тоскливых дум.

— Не стоит высокомерно относиться к детям, — задумчиво произнесла Анна, — не стоит полагать, что наши проблемы важнее их проблем. Мир вокруг сумасшедший. Он обрушивается на ребенка шквалом агрессии, ненависти, непонимания. У ребенка просто обязано быть место, где бы он находился в гармонии с собой и миром. — Она снова замолчала. — Жизнь постоянно экзаменует ребенка — в прямом и переносном смысле. И если он не сдаст экзамен, мы внушаем ему, что он закончит жизнь чуть ли не под забором. Ну не сдаст, и черт с ним, с этим экзаменом. Их еще столько предстоит ему в жизни. Главное, чтобы ребенок научился жить с любовью в сердце, с радостным мироощущением, с ожиданием чуда. Ожидание только и делает нашу жизнь сносной.

— Ты мудрая... Может, нам стоит подружиться? Ты будешь приезжать иногда в Москву. Будем ходить в театры, гулять по магазинам. У меня в шкафу висят три норковые шубки — подарки богатых клиенток. Выберешь себе любую.

— Кать, шопинг — это самое порочное из известных мне занятий, — улыбнулась Анна.

— Глупости! Мой знакомый психотерапевт утверждает, что не от всего, что приносит удовольствие, стоит лечиться, — рассмеялась Катя. — Поясняю на всякий случай, это мой друг детства, а вовсе не лечащий врач. Хотя я иногда и обращаюсь к нему за советом.

Теперь пришел черед Анны весело расхохотаться.

— И вообще, наша одежда — наша упаковка, — с шутливой интонацией добавила Катя. — А по законам маркетинга, чем лучше упакован товар, тем легче его пристроить.

— Ну да! Тут ты однозначно права.

— Анна, посмотри на это небо! Где еще можно увидеть такое потрясающее небо?! Думаю, не в Минске, и уж точно не в Москве. Когда я смотрю на алмазный шлейф Млечного Пути, какими мелкими неприятностями кажутся мне наши заботы. Да и жизни наши гроша ломаного не стоят. Хотя, по Теории Суперструн Георгия, все можно описать одной формулой и все имеет право быть. Раз уж это можно описать формулой. Вот мы злимся на Георгия. Но ведь мужчины просто обязаны быть жесткими, резкими и даже агрессивными. Чтобы держать каркас жизни. А иначе все по-бабьи расплавится и расплывется. Да... Так мы и жили с Ильиным, то сближаясь, то отдаляясь во времени и в пространстве... Ладно, Аня, я пойду. Пора детей укладывать. Я совсем перестала ими заниматься.

И Катя поднялась.

— Кать, я все хочу тебя спросить: в чем секрет твоей молодости? — воскликнула вдруг Анна.

— Но ведь и ты прекрасно выглядишь. Значит, и у тебя есть свой рецепт.

— Так ведь я всю жизнь танцую. А лицо... Наверно, это гены...

— У меня тоже гимнастика ежедневно. А потом, раз в месяц я пью чашечку кофе со своим пластическим хирургом. Это еще один мой прекрасный друг. Я теперь друзьями дорожу, дружу очень избирательно. Я делала ему дизайн загородного дома... А мама моя, к сожалению, раньше времени состарилась, жить без отца не захотела. Мне ее очень не хватает порой. Так что на гены я сослаться не могу. Аня, я все-таки пошла. — И она поцеловала Анну в щеку.

Анна посидела еще какое-то время на террасе. Было зябко, но уходить не хотелось. Море плескалось где-то далеко внизу, и его волнующий плеск был слышен даже здесь, на вилле Ильиных. Лунная дорожка тянулась к невидимой линии горизонта. Усыпанное звездами небо таило в себе извечную тайну. Откуда-то снизу доносились голоса, звонкие и радостные в ночи. И таким покоем, такой благодатью веяло от этого мира, что захотелось вдруг остаться здесь навсегда, на этой богами облюбованной земле, вдали от катаклизмов и проблем современной жизни. Как-то не верилось, что греков по утрам одолевает хандра.

Анна вошла в комнату, приблизилась к спящей дочери. Потрогала лоб. Вроде бы не очень горячий. И дышит как будто спокойно. Она смотрела на свое горькое дитя с такой любовью, в которой и сама себе не всегда была готова признаться. Лерка была смыслом ее жизни, стимулом двигаться вперед, просто оставаться на плаву. Еще год-два тяжелой, изнурительной работы, и Аня сможет нанять преподавателей в свою школу танцев. И тогда у нее появится толика свободы и, возможно, денег, и она сможет, наконец, позволить себе съездить в Париж, и, может быть, в Мадрид, и, бог даст, в Барселону... Славная все-таки Катя.

Георгий с утра пребывал в полном одиночестве, наслаждался тишиной и покоем. Непоправимо состарившийся, он так устал от визитов, от необходимости держать себя в руках, говорить правильные слова, в то время как его одолевали мрачные мысли и тяжелые предчувствия. Несколько раз заходила медсестра, некрасивая гречанка с глазами навыкате. Она делала уколы, измеряла давление. Потом приносили еду, очень аппетитную на вид, Георгий даже поклевал ее чуток, но есть не хотелось. Он дважды забывался недолгим, поверхностным сном, и снились ему все какие-то душные пространства, вроде бесконечной пустыни, и он пытался брести по зыбучим пескам, тяжело переставлял ноги, но с места сдвинуться не мог.

Около четырех, когда окончательно проснулся, он начал явно нервничать. Что, что могло снова случиться? Куда они все подевались? Ладно бабы, — о Марине он даже в мыслях плохо думать не мог, раз не идет, значит, занята серьезным делом, — но почему старый лис Гаврилыч не кажет носа?

Георгий снова принялся перебирать и перетряхивать свою жизнь. Первые успехи в школе, признание в университете, научные открытия, влюбленности, за которыми чаще всего следовало рождение детей. И странное дело, чем больше он думал о своих женщинах, тем меньше чувствовал необходимость в самооправданиях. Он любил их совершенно искренне, с восторгом принимал рождение детей, а затем, словно исполнив некую важную для себя миссию, перемещался во времени и в пространстве дальше. Он делал их счастливыми в лучший период их жизни, он дарил им себя, свою привязанность, восхищение. Они должны были быть благодарны ему за это. А потом внутри что-то щелкало, и он, будто движимый заложенной в него извне программой, искал новую женщину, нуждавшуюся в своей толике счастья.

И все это время одна только физика всецело владела им.

Так было до Марины. И он не думает, будто дело в том, что он банально постарел. Просто Марина — его женщина. Она живет с ним на одной волне, в одном диапазоне чувств. Ни с кем и никогда ему не было так легко, так комфортно, как с Мариной. Он сходит с ума от ее запаха, ее волос, изгибов ее тела. Его волнует тембр ее голоса, ее улыбка, немного застенчивая и такая отстраненная. Ему хочется работать ради Марины, и не работать даже, а вкалывать день и ночь, чтобы бросить в итоге к ее ногам весь мир. А когда родился Андрюша, Георгий окончательно понял: это ребенок, которого он ждал всю жизнь. Его наследный принц, носитель его гениальных (он не скромничал наедине с собою) генов.

Собственно, Ильин и против остальных детей ничего не имел.

Пожалуй, он бы и сам не возражал родиться с внешностью Жоржика-младшего. Хотя, кто знает, смазливость порой может сыграть и злую шутку, — настолько искажает восприятие человеком самого себя, что и отличить бывает трудно, когда любят твою душу, а когда лишь одну оболочку. Хотя все равно это лучше, нежели неприкрытая любовь к твоему кошельку. Во всяком случае, он не желает Жоржику такого исхода. Впрочем, кажется, именно это ему и не грозит. Хотя кто знает! Надо бы как-то ему помочь определиться в этой жизни.

Что касается остальных, то...

С Ариадной все ясно. Девка взбалмошная, небесталанная. Если не погорит на мужиках окончательно, может, и за ум когда-нибудь возьмется. Дарья ее простовата, но жизнь преподносит этой неизбалованной малышке такие уроки, что, имея голову на плечах, а что-то Ильину подсказывает, что она у нее есть, может извлечь такие истины, жить дальше с которыми будет достаточно легко. Учись, держи себя в руках, ищи свой путь, и все получится.

Валерия вся в мать, уравновешенная и приветливая. Если не потеряет голову от какого-нибудь идиота, которых пруд пруди в Москве, Минске и по всему свету, то и она останется на плаву.

Про Верочку и Павлика отдельный разговор. Это довольно болезненная тема. Георгий чувствовал, что в душе у Кати зияющей, саднящей раной продолжает жить любовь к нему, несмотря ни на что. Ни годы, прожитые врозь, ни его очевидная для всех привязанность к Марине, ни рождение Андрюши — ничто не умаляло страданий Катиной души. Точно так страдал и Павлик, но сердце его разрывалось не от любви — от нена-

вisти к отцу, и это странным образом заставляло нервничать Ильина, такого равнодушного к чужим чувствам. С Верочкой все обстояло иначе. Она всегда ощущала себя единственной любимой дочерью Ильина и поэтому претендовала, и не без оснований, на особое место в сердце отца. Он не разочаровывал ее.

В шесть пришла Марина. Была бледной, выглядела неважно.

— Марина, почему так поздно? Я весь день тебя прождал. Что там у вас стряслось?

— Гоша, милый, все в порядке. Просто все готовятся к отъезду.

— И Славка, старый лис?

— Ну, Слава, может быть, в последнюю очередь, — с усталой улыбкой заметила Марина. — Как ты себя чувствуешь?

— Кажется, лучше. Надеюсь, все обошлось.

— Гоша, милый, не умирай! — и она едва заметно всхлипнула.

— Ну будет-будет! Ты же знаешь, у меня огромные планы на жизнь. Вот, сценарий новый обдумываю. Как Андрюша? Не замкнулся ли?

— Он держится. Мне кажется порой, мы его недостаточно знаем. Он гораздо взрослее и самостоятельнее, чем мы полагаем. Таня вообще считает...

— Таню уволить! К чертовой матери! Чуть не загубила мне ребенка.

— Гоша, она и сама хочет расстаться с нами. Думаю, нам еще надо постараться, чтобы она не оставила нас.

— Господи, как я хочу, чтобы они все покинули нас! Как можно скорее! Как я устал! Нельзя свой дом отдавать на растерзание чужим людям и их недобрым мыслям.

— Гоша, они тебе не чужие.

— Ах, оставь! Я мечтаю о покое, о прежней жизни. Ты, я и Андрюша. И чтобы так было всегда.

— А мне будет их не хватать. Все они твоя большая семья. И я по-своему привязалась к ним. Даже к Ариадне.

Ильин с удивлением взглянул на Марину. Что-то новое появилось в ней. Какая-то надмирная печаль и надмирная мудрость. Это открытие болезненно отозвалось в нем.

— Кстати, а как там Жоржик?

— Жоржик? — она на секунду запнулась, Ильину показалось, даже вздрогнула.

— С Жоржиком все в порядке. Собирается домой. Опечален твоей болезнью.

— Я, пожалуй, хотел бы с ним проститься.

— Хорошо, я передам. Мы тоже завтра придем с Андрюшей. Он и сегодня просился. Он очень любит тебя. Ты не должен его огорчать болезнью. Георгий, я пойду? Мне надо еще позаботиться об ужине.

И она поцеловала его в лоб. Он поймал ее за руку, притянул ее губы к своим, горячо поцеловал. Она не сопротивлялась.

— Марина, я хочу тебе сказать: ты смысл всей моей жизни и ее итог. Ты не должна омрачать мои последние дни или годы... не знаю, что Бог мне отпустит. Я очень к тебе привязан. Я не хочу страдать, я просто не вынесу никакого разлада. Береги себя и Андрюшу! Вы смысл моей жизни, — повторил он.

Он еще долго лежал без сна, перебирая в памяти подробности разговора, интонации Марины. Ее случайные признания и едва заметные перемены. Свет за окном совсем померк. Стало прохладно и одиноко. Наверно, так выглядит ад — промозглое одиночество. А вовсе не страдания в огне.

Большую часть жизни он стремился к свободе от всяческих уз, и вот теперь его настигла горькая правда — в одиночестве счастья нет. Он жаждал теперь быть несвободным, зависимым от Марины, от Андрюши, он хотел, чтобы это состояние длилось вечно.

Он лежал и слушал, как бьется его сердце, как в такт с сердцем пульсирует позвоночная артерия. Последнее время он все чаще ощущал это биение, и надо отметить, сей факт мало радовал его: как-то тревожно и совсем уж непривычно осознавать не слишком слаженную работу отдельных частей собственного организма.

Утром, едва сестра закончила процедуры, они явились втроем: Марина, Жоржик и Андрюша. Георгий почему-то болезненно среагировал на этот факт. Вот знал ведь, что придут вместе, Андрюшу вообще ждал с нетерпением, и все равно кольнуло где-то внутри, мгновенно разлилась по телу горечь, он даже потер лоб и виски, настолько явственно почувствовал пульсацию крови. Самое досадное, он увидел, как прекрасно смотрятся они вместе: его молодая жена и два сына, младший из которых по возрасту вполне годился в сыновья старшему. Может быть, все дело было именно в этом?

— Папа! — Андрюша бросился отцу на шею. — Папа! Я люблю тебя! Я ужасно скучаю. Как твои морщинки? — и он привычным жестом стал собирать и растягивать кожу вокруг глаз.

Георгий обнял своего маленького сына, неуклюже чмокнул в макушку, сам едва не расплакался.

— Ну будет, будет! — приговаривал он глухим голосом, непонятно к кому обращаясь, и гладил, гладил льняные волосы своего любимого мальчика.

— Андрюша, ну все же, как ты мог?

— Что, папа?

— Ну, потеряться, отстать? Я чуть с ума не сошел.

— Не знаю, я думал, потеряться невозможно. И потому глазел по сторонам. Вместо того чтобы идти за тетей Катей.

— Ну ладно, ладно! Все хорошо, что хорошо кончается.

— Вот, Георгий, привела тебе Жоржика по твоей просьбе, — вмешалась в разговор Георгия с сыном Марина.

— Неправда, отец, я и сам собирался проститься с тобою, — запротестовал Жоржик-младший. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, намного лучше. Когда ты нас покидаешь?

— В три самолет на Мадрид.

— Я рад, что мы повидались. Передай Аманде, что я все еще храню к ней добрые чувства.

— Непременно. Она будет рада, — с некоторым напряжением в голосе произнес Жоржик.

— А еще, сын... — Георгий внезапно замолчал.

— Да, папа...

— Марина, девочка моя, возьми Андрюшу и прогуляйтесь по аллее к морю. Отсюда открывается прелестный вид.

— Хорошо, — чуть испуганно сказала Марина, — только помни, что тебе вредно волноваться.

— Да-да, идите с богом!

Когда за ними закрылась дверь, в комнате повисла напряженная тишина. Жоржик был раздосадован и удивлен одновременно, настолько несвойственно было отцу в разговоре устраивать долгие паузы, тем у него в запасе всегда было хоть отбавляй. Но вот ведь замолчал. И Жоржик занервничал.

Ильин почувствовал некоторое замешательство сына.

— Жоржик, я тут обдумал в тишине, чем могу быть тебе полезен. Пришел к выводу, что для тебя будет лучше ехать сейчас же в Америку, в Голливуд. Кевин задумал новый фильм.

— Знаю, ты пишешь для него сценарий.

— Не совсем. Речь не о моем фильме. Свою работу я ни с кем не обсуждаю и делить не собираюсь. Даже с сыном. Кевину нужен помощник. По части сюрреалистических сюжетов. Я уже позвонил ему. Он готов испробовать тебя. Так что давай, дерзай.

— Не знаю, я не уверен.

— Когда-то же надо начинать серьезное дело.

— Смогу ли я когда-нибудь тебя отблагодарить?! — совершенно искренне воскликнул Жоржик. Глаза его заблестели.

— Это мой долг! — несколько выспренно ответил Ильин. — Помогать детям.

— Отец, я всегда воспринимал тебя как щедрого и благородного человека.

— Спасибо и на том. Хотя родители, как правило, ждут от своих детей других признаний. Ну да ладно. У меня к тебе одно условие.

Было заметно, что последняя фраза далась Ильину нелегко.

— Да, отец! Все что угодно!

— Никогда не ищи встречи со мной и Мариной. — Произнеся это, он как будто хотел сказать: да чтоб ты сдох. Повисла тягостная пауза. — Если понадобится, я сам тебя найду.

— Хорошо! — глухим голосом ответил Жоржик. Взгляд его был устремлен куда-то в сторону.

— Ты не спрашиваешь, почему?

— Наверно, так надо. Ты никогда и ничего не требуешь зря.

— Я рад, что мы договорились. Ты можешь сразу же отправляться за океан. Дерзай, малыш. Ты выиграл счастливый билет, — и он протянул руку для прощания. Пальцы его едва заметно дрожали.

— Смогу ли я когда-нибудь тебя отблагодарить? — снова повторил Жоржик.

— И поменьше пафоса, мой сын. Современное искусство на дух не переносит неискренности чувств. Ну ладно, иди. Иди! Ты по-прежнему мой сын. И надеюсь, останешься им навсегда.

И он отстранил его плавным движением подбородка.

Жоржик замялся. Прилив радостного возбуждения сменился полным смятением. Он проникновенно пожал руку отца и спешно покинул палату.

— Славный малый! — вслух произнес Георгий. — Однако ж бестия! Дай бог, чтобы ему хватило таланта.

Марина с Андрюшей вышли на набережную. Отсюда, и правда, открывался великолепный вид. Новенький катер скользил по золотистой морской глади, а следом на водных лыжах летел и черт знает что вытворял чрезвычайно гибкий лыжник-акробат. Марина на секунду залюбовалась слаженностью его движений. Он ловко балансировал то на одной, то на другой лыже.

— Мама, смотри, смотри!

Марина подумала, что внимание Андрюши тоже привлек водный лыжник, а он показывал совсем в другую сторону.

На остановке какие-то мужчины в рабочих комбинезонах с транспарантами в руках, на которых достаточно коряво было что-то написано большими греческими буквами, садились в небольшой автобус.

— Мама, я таких же людей видел в Афинах, когда полицейские везли меня через весь город. Мы тогда долго стояли на перекрестке и все ждали, пока они шли и шли толпою по главной улице. Мама, а что это за люди?

— Андрюша, я думаю, это демонстранты. Они, наверно, на самом деле собираются в Афины. Чтобы протестовать.

— А кто это, демонстранты? И что такое протестовать?

— Понимаешь, Андрюша, это все взрослые игры взрослых людей.

— Мама, ну объясни, пожалуйста. Я же большой. Я все пойму.

— Ну как тебе объяснить, мой дорогой? Все люди живут в таких больших образованиях, государствами называются. Здесь, например, страна Греция. И люди, живущие в ней, — греки. Да ты и сам это все отлично знаешь. Наша страна — Россия.

— Тогда почему мы в ней не живем?

— Не знаю, так папа распорядился.

— Но это неправильно. Ты сама сказала только что об этом.

— Ладно. Вырастешь и решишь, где тебе жить лучше. И вот эти люди, которые обладают политической властью...

— А что такое власть?

— Власть — это тоже люди, которые командуют всеми остальными.

— А почему они командуют? Кто им разрешил?

Марина рассмеялась.

— Андрюша, не перебивай. Если спросил, так слушай.

— Я слушаю. Я очень внимательно слушаю.

— Ну вот, одни командуют другими. А простым людям кажется, что можно ими командовать, или вернее будет сказать, управлять как-то более правильно, и честно, и эффективно.

— А что такое эффективно?

— Все! — Марина начала выходить из себя. — Эффективно — это когда есть хороший результат.

— А! Я, кажется, понял! Демонстранты — это повстанцы Республики из «Звездных войн», а власть — это темный владыка Палпатин и его приспешники.

— Андрюша, с этого момента, я прекращаю твое ежедневное многочасовое сидение перед компьютером. Я давно готовлюсь сказать тебе это.

— О нет, мамочка, только не это!

— Ладно, малыш, пойдем! Надо попрощаться с папой.

И они, обнявшись, развернулись в сторону больнички.

Яннис сидел над проектом битый час и ни на йоту не продвинулся дальше. Работа не ладилась. Это был тот редкий случай, когда какая бы идея ни приходила в голову, он ее тотчас отвергал как недостойную. И это уже было, и то, и если не у него, так у конкурентов, и вообще не бог весть как оригинально, не говоря уже о том, что крайне затратно во времена непрекращающегося экономического кризиса.

Так он и сидел, перебирая в уме некогда дерзкие свои решения, потихоньку спускаясь к шаблонным проектам и обкатанным схемам. Пожалуй, не стоит сегодня продолжать. Толку все равно не будет.

Он стал думать об Анне. Может быть, вообще все дело в этой хрупкой славянской женщине? Господи, как покойно ему было жить еще неделю назад! Ему казалось, что он давно закрыл для себя женскую тему. Нет, женщин он не сторонился. Но они занимали скромное место в его жизни. И вот непонятно откуда является эта русская и заполняет все его мысли, и ему не отделаться от них, и уже трудно представить, как же он жил раньше. И как будет дальше жить. Стоп! Он на секунду испугался, даже пот его прошиб при мысли, что наступит завтра, ее уже здесь не будет, а он так ни на что и не решился. Надо

что-то срочно предпринять. Сгонять на виллу к Георгиосу, кстати, заодно справиться о его здоровье. Как-то нескладно у этого русского все сложилось. Вроде и не старик еще, буквально лет на десять-одиннадцать всего-то старше Янниса. Так ведь Яннис только жить начинает. Действительно неудачно все у Георгиоса получилось. Собрал всех жен, всех детей, возрадовался встрече и — тут же занемог. Хотя от такого как раз и занеможешь. Стоило бы как-то экономнее Георгиосу жить. Хотя и Яннис в этом смысле не пример.

Архитекторы поздно расцветают. Нет такой сферы жизни, которой архитектору не следовало бы знать. Он должен чувствовать человека, мотивы, им движущие, знать все разновидности искусства, историю и политику, а еще основы материаловедения и возведения конструкций, а это подразумевает знание физики и математики. И главное — он должен чувствовать свое время.

Яннис бросил острый взгляд на эскиз. Слишком много ограничений у проектируемого объекта, крайне невыгодная топография и вытянутое пространство. Раньше это подстегнуло бы его воображение, но с некоторых пор Яннису стало казаться недостойным творить в условиях зажатости. Эта задача интересна скорее для новичка. И все же, и все же... в этом кроется вызов ему как архитектору. И возможность возведения динамической композиции, в чем он всегда был невероятно удачлив. И как следствие, не слишком выгодное сочетание исходных условий вынуждало искать окольный путь к построению контрапунктов для усиления общей задумки.

Вот ведь что интересно — архитектурные законы можно смело переносить в область романтических отношений. Где нет динамики и чувства замешательства перед женщиной, которое надо постоянно преодолевать, там никогда не будет волнующего результата. И если можно избавиться от волнения и раз и навсегда принять решение, значит, проект, то есть роман в данном случае, будет загублен навсегда.

Яннис еще раз взглянул на свой эскиз. Он уже не казался ему безнадежным. Пожалуй, стоит изменить пропорции, сделать акцент на несбалансированной асимметрии и придать форме большую пластичность. Вот тогда, пожалуй, будет действительно лучше.

Как только Яннис склонился к некоему решению в своем новом проекте, сразу же появились ясность и уверенность в отношении Анны. Да, у них будет динамичный, несбалансированный роман, но Яннис найдет выразительные средства для придания ему особенной пластичности. А там будь что будет. Может быть, выйдет и шедевр.

Первым покидал виллу Жоржик.

Он заглянул к Марине на кухню — она готовила печенье. Ариадна пила за барной стойкой кофе.

— Привет, девчонки!

Марина кивнула. По лицу ее невозможно было понять, какие чувства ее обуревают.

— А, братик! Давненько не видались. Как дела? — обрадовалась Ариадна.

— Да вот зашел попрощаться. Такси ждет меня внизу. Через три часа мой рейс на Мадрид.

— Так скоро? Мы будем тосковать. Правда, Марина?

Марина скосила взглядом на падчерицу. Уж не подмигнула ли ей эта сукина дочь? С нее станется.

— Думаю, Жоржу все равно, будет ли кто-то тосковать по нему, — ответила сдержанно она.

— Жорж, тебе все равно? — игриво стала пытать брата Ариадна.

— Мне не все равно, — произнес хрипловато он. — Потому что я вас всех люблю. И эта встреча останется в моей памяти долгим и счастливым событием.

Он подошел к Ариадне, чмокнул ее щеку. Возле Марины на секунду замешкался, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

— До следующего юбилея, мои дорогие!

— Я тебя провожу, — подскочила Ариадна и, обняв Жоржика за плечи, устремилась вместе с ним к выходу, что-то нежно мурлыча ему на ухо.

Марина даже не повернула головы в их сторону. Она продолжала раскатывать тесто, давясь беззвучно сухими слезами.

Через час прикатил Яннис. Анна с чемоданами ожидала его внизу. Валерия побежала прощаться с малышней, там и застряла.

— Яннис, не хотите ли кофе? — вежливо предложила Марина. — Составьте нам с Анной компанию.

— С удовольствием. Вот только время поджимает. Ну ладно, разве что маленькую чашечку.

— А вам большую никто и не предлагает, — заглянувшая в гостиную Ариадна решила поддержать разговор. — Скажите, Яннис, а почему из всех нас вы выбрали именно Анну? Самую застенчивую. Скромницу, в общем.

Анна вспыхнула, но промолчала. Веснушки разом проступили на ее подернутом загаром лице.

— Ариадна, твой юмор Яннису, возможно, неприятен, — оборвала падчерицу Марина.

— Вот потому и выбрал, что застенчивая, — просто ответил Яннис.

— Если тебя это задевает, — сказала вдруг Анна, — сообщаю: Яннис остается свободным. Дерзай!

— Это правда? — Ариадна подошла ближе к архитектору, заглянула ему в глаза.

— Ариадна, изыди! — подал голос дремавший неподалеку Гаврилыч.

Валерия, сопровождаемая Дашей, Верочкой и Павликом, спустилась, наконец, вниз.

— Марина, спасибо тебе за все! — со слезами на глазах произнесла Анна. — Береги Георгия. Он всем нам очень дорог.

Яннис подхватил чемоданы и, раскланявшись со всеми, заторопился к выходу...

— И везет же таким дурам! — воскликнула Ариадна, лишь только за отъезжающими закрылась дверь.

Марина, ничего не сказав в ответ, подхватила поднос с чашками и направилась в кухню. Гаврилыч только покачал головой.

Через полчаса дети гурьбой снова скатились вниз, облепили Гаврилыча, стали месить его.

— Дядя Слава, ну расскажи нам еще раз, как тебя полиция арестовала и как ты сбежал из тюрьмы.

— Кто вам такую глупость мог сказать?!

— Ну, дядь Слава, ведь это же правда. Даша слышала, как эту историю ты рассказывал папе и очень смеялся при этом, — настаивал Павлик. — Тебе тогда еще проститутка помогла.

Гаврилыч закатил глаза. Его огромный живот сотрясался от беззвучного смеха.

...В шесть утра Гаврилыч усадил всех в автобус, сказал каждому напутственное слово. Дарья, а потом и Верочка с Павликом долго тискали его,

целовали, дергали за уши и в конце концов дружно разревелись. Андрюша стоял возле Марины и в общей кутерьме не участвовал. Будто с той самой роковой ночи осознал, что одиночество — это его единственный удел.

Гаврилыч вручил Ариадне пакет, который минуту назад ему передала Марина.

— Девочка моя, — сказал торжественно он, — пора тебе за ум браться. Разбавь немного концентрацию своих ожиданий. Кроме красивых мужиков в жизни есть еще и другие ценности.

— Например? — миролюбиво уточнила Ариадна.

— Например, собственный ребенок, чувство долга перед ним. Его физическое и душевное здоровье. Не говоря уже о твоем собственном. Даже богатые закрома когда-нибудь да пустеют. И сильная краска перестает воздействовать. Запомни, личность начинается с сопротивления — прежде всего самому себе. И острый, беспощадный язык не есть украшение женщины. Словом, тебе есть еще над чем потрудиться.

— Ладно, Гаврилыч. Не нагоняй тоску. Патетика тебе не к лицу.

— А тебе, красавица, — обратился он к Кате, — говорю иначе: есть, есть еще мужики на белом свете, кроме Ильина. Стоит иногда обращать на них свой взор. Жаль, я слишком стар и недостаточно элегантен для тебя.

Катя потупила взор, но потом все же обняла Гаврилыча, поцеловала в щетинистую щеку. Помахала рукой Марине и Андрюше.

Автобус мягко тронулся и покатил в Фесалоники.

— Пошли, дети мои, в дом, — сказал грустно Гаврилыч, взял Андрюшу за руку и повел его к парадной двери ильинской виллы.

Марина еще минуту постояла в одиночестве, глядя на удаляющийся автобус, пока он не исчез окончательно за дальним поворотом. Порыв ветра заставил ее плотнее укутаться в шаль. Внезапно появилось легкое чувство озноба и тут же стало стремительно нарастать. Это ничего. Это пройдет. Все когда-нибудь проходит. Надо только найти в себе силы жить дальше.

МИХАИЛ КУЛЕШ

Зреет колос в лучах солнца жаркого

Via es vita

Когда мы студентами были,
То, помнится, ночь напролет
Пословицы эти учили,
Чтоб сдать по латыни зачет.

С тех пор в мою память подшита —
Попробуй теперь отвяжись —
Пословица: «Via es vita»,
Что значит: «Дорога есть жизнь».

Немало поездил по свету,
В дорогах всего повидал.
Пословицу мудрую эту
Я в жизни не раз вспоминал.

Дорога не жалует слабых,
Нелегкая штука и жизнь:
То выбросит вас на ухабы,
То вынесет на виражи.

И я, снисхожденья не ждущий,
Упорно держусь на плаву.
Дорогу осилит идущий:
Пока я в пути — я живу!

* * *

Ты лучше голодай, чем что попало есть.
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

Не голодал и не был одинок
Поэт, когда в порыве вдохновенья
Вдруг эту фразу спорную изрек
На заблужденье многим поколеньям.

Мой друг Иван — ума палата в нем.
Он мудро говорил нам всем, бывало:
— Жить хочется, но не с кем, — и живем
Мы очень часто просто с кем попало.

Он сам не то чтоб с кем попало жил —
Он выбирал, но если разобраться,
Жить одному — ведь это ж нету сил,
Вот и живем, раз некуда деваться.

Народ мудрее, чем один поэт.
Голодный волк в отаре вне закона.
Есть поговорка: «Если пищи нет —
Клюет и камень с голоду ворона».

Надеюсь, я вам преподал урок:
Тот мудрый перс и рассуждал так строго,
Что был он сыт и не был одинок, —
Иначе б он не написал такого.

Кукушка

Что кукуешь тревожно и жалостно
Ты, вещунья, лесная пророчица.
Не гадай, сколько жить мне, пожалуйста, —
Насчитаешь ведь меньше, чем хочется.

Доверять свою жизнь тебе нечего:
Ты развратом в лесу занимаешься[1],
Да по гнездам чужим опрометчиво
Разбросаешь птенцов и не каешься.

Зря людей не пытайся разжалобить —
Эта новость меня огорошила:
Несмотря на «железное» алиби,
Знаю, ты кукуша укокошила[2].

Не судьбу свою злую не жалуйся,
Зреет колос в лучах солнца жаркого[3].
Прекрати, не кукуй же, пожалуйста, —
Я боюсь, как бы ты не накаркала.

---

[1] По одной легенде, Кукуш покинул Кукушку еще во время Всемирного потопа. Поэтому, согласно поверьям, она спаривается с удодом, вороном, ястребом, соловьем и даже петухом.

[2] Согласно поверьям, Кукушка сама убила своего мужа, сжила со свету или спрятала под мостом.

[3] Со временем колошения ржи и ячменя (середина лета — Петров день) связывают прекращение кукования кукушки. Говорят, что кукушка подавилась ржаным или ячменным колосом.

Любовники

В наших бедах мы оба виновники,
Но связала нас прочная нить.
Может, правда, названье «любовники»
Происходит от слова «любить»?

И скрываемся, как уголовники,
От недобрых, завистливых глаз,
Потому что наш статус, «любовники»,
Нелегально-подпольный у нас.

Грешной страсти невольные пленники,
Но друг в друга мы не влюблены.
Не любовники мы, а изменники —
Ты для мужа, а я для жены.

Ты, соседка, кума иль поклонница,
Мою душу напрасно не рви:
Лишь жена мне по жизни любовница —
Только с ней у нас все по любви.

Есть у данной идеи сторонники:
Это слово пора заменить —
Потому что названье «любовники»
Не зависит от слова «любить».

* * *

Вновь покрылась листва позолотой,
И давно в серебре голова.
Мы хранимы теплом и заботой
До тех пор, пока мама жива.

Как всегда она встанет с рассветом,
Чай согреет, блинов напечет,
Успокоит, поможет советом
И молитву в дорогу прочтет.

Может ветер стучаться тревожно
И остаться под снегом жнивье,
Но представить совсем невозможно
Мне себя на Земле без нее.

Я, естественно, все понимаю —
Всем на свете свой срок отведен.
Но с тревогой всегда замираю,
Если ночью звонит телефон.

* * *

На дороге, с утра подкрепившись,
Беззаботно резвились щенки.
То боролись, друг в дружку вцепившись,
То гонялись наперегонки.

Вдруг промчалась крутая «Тойота»,
По асфальту резиной шурша,
И на полном ходу, с разворота,
Сбила с рыжим пятном малыша.

Нет на свете больнее тревоги,
Обезумев от горести, мать
Уносила ребенка с дороги
На траву, под кусты — умирать.

День пошел на закат, вечерело,
Пятна крови задуло песком,
А она неподвижно сидела
Над своим бездыханным щенком.

Так сидела и жалобно выла —
Как на рану мне сыпала соль.
И в глазах ее умных застыла
Нежной матери скорбная боль.

* * *

Уходят от перронов поезда,
Увозят вдаль народ неугомонный.
Я в юности влюбился навсегда
В колес вагонных говор монотонный.

Далекие, прекрасные года...
Бывало, на ходу запрыгнешь в поезд
И мчишься на восток, сквозь ночь, туда,
Где сосны в небо и трава по пояс.

А сколько я объездил городов?!
И гул знакомый залов ожиданья
По-прежнему мою волнует кровь,
Как в молодости первые свиданья.

Летят года, но это не беда —
Я не старею сердцем, слава Богу!
Меня зовут, как прежде, поезда
И постоянно хочется в дорогу.

АЛЕКСАНДР БРИТ

Японская свадьба

Рассказы

Два актива

Нет-нет, надо перекусить. С этими казенными ресторанами одно расстройство. Да за таким разговором и не поешь толком... Так, разминка... Дебет без кредита...

Фанкевич оттолкнулся ногой от пола и откатил из-за стола кресло. Оперся руками на подлокотники, грузно поднялся и сделал несколько шагов по кабинету. Почувствовал, как брюки медленно отлипают от вспотевших бедер.

Тела в нем было много. Килограммов под сто двадцать. Но ловко пошитый, дорогой костюм скрывал излишки богатырской конституции.

Он взял пульт, добавил мощности кондиционеру. Вытащил из кармана платок, осторожно, несколько раз вытер пот на лбу, словно полировал прямоугольный бронзовый поднос. Рука его на мгновенье потянулась к телефонному коммутатору, но он передумал, тяжело прошелся через весь просторный кабинет, распахнул двойные двери в приемную и сказал:

— Танечка, закажите мне три стейка с кровью... пожалуйста... Только мясо пусть выберут посочнее. Салатик еще этот... берлинский... Ну, вы знаете, курица с ананасом... Да, и кофе со сливками.

— Хорошо, Герасим Сергеевич.

Фанкевич коротко взглянул на секретаршу. Безупречная Танечка. Не без шарма, но на работе бледная моль. Деловой костюмчик, зачесанные волосы. Неброский макияж. Дресс-код. Ничего лишнего. Исполнительная. Аккуратная. Предупредительная. Славная кому-то досталась жена. Верная, наверное.

— Что-нибудь еще, Герасим Сергеевич?

Фанкевич простодушно улыбнулся.

— Пожалуй, к кофе еще добавьте бутербродик с красной икоркой и лимончиком. Ладушки?

— Разумеется, Герасим Сергеевич.

— Да, и через минут тридцать, как подадут, закажите машину.

— Я все сделаю, Герасим Сергеевич.

Фанкевич вернулся к креслу и снова уселся, защелкал пухлыми пальцами по клавиатуре. Замер. Надел очки. Всмотрелся в открытую страницу форума. Сначала сквозь стекла, а затем поверх них. Как будто видел ее в первый раз.

Я не намерена притворяться и знаю, чего хочу. На днях мне исполнится 35. Настоящие мужчины понимают, какой это сладкий, трепетный возраст. Я красивая, стильная и с утонченным вкусом женщина. Положение любовницы меня не устроит, не тратьте зря время: я рассчитываю на мужа. Я ищу уверенного в себе мужчину с доходом не менее 3 тысяч долларов в месяц.

Вы можете подумать, что я алчная. Но нет, я просто знаю себе цену и устраиваю свою личную жизнь

P. S. Почему богатые мужики всегда выбирают таких страшных идиоток? Але, мужчины, может кто-нибудь мне это объяснить?

Сгораю от любопытства.

Какая прелесть... «Я не намерена лгать»... «Не тратьте зря время»... «Я рассчитываю на мужа»... «Сгораю от любопытства»...

За последние дни Фанкевич несколько раз перечитывал этот пост, всматривался в анимационную куклу на аватарке с ником *Рыжуня*. Слово это его раздражало, но силу раздражения уравновешивала сила любопытства. Можно сказать, любопытство носило исключительно платонический характер: оно не было связано с желанием использовать столь неординарный шанс. Это было чистое любопытство, без всяких примесей, без нагара. Говоря языком бизнеса, Фанкевич не столько заинтересовался активом, сколько агрессивной рекламой данного актива. Откуда взялась такая размашистая самонадеянность? Безапелляционность? Соответствуют ли качественные характеристики товара запрашиваемой цене? На каком основании управляющая активом решила, что кто-нибудь согласится на ее инвестирование?

С некоторых пор Фанкевич рассматривал свое одиночество неразрывно от суммы своего капитала. Этот капитал приумножался и рос. К сорока годам Фанкевич так и не женился, но вошел в совет правления коммерческого банка. Не факт, думал он, что если бы все пошло по дороге разочарований (а брак он считал такой дорогой), — «не факт, что при таком раскладе мой капитал сохранился бы или тем более умножился».

К такому выводу, конечно же, он пришел не только потому, что на его пути попадались яркие истории о феерических свадьбах, бурных разводах, затяжных судебных тяжбах по распилу детей и имущества... У него хватало собственных историй, наблюдений, впечатлений. Каждую свою историю Фанкевич не доводил до брака (или уводил от него), но после каждой зашивал сердце и... набирал несколько килограммов.

Выводы были неутешительные. Женщины ходили вокруг да около, улыбались, льстили, кокетничали, но в конечном итоге, как прирожденные полководцы, указывали направление главного броска: деньги, конечно, деньги, скрепленные противоречивой печатью брака. При всей своей внешней тучности Фанкевич оборонялся гибко, тонко, проявлял чудеса дипломатии. Но как только противоположная сторона осознавала, что крепость в сто двадцать килограммов ей никогда не взять, наступало разочарование и моментальное пренебрежение. Маски сбрасывались, лица открывались. Или наоборот? Маски открывались? Черт их знает. Нет хуже неоправданных женских ожиданий, тем более если они связаны с деньгами.

В детстве Фанкевич обожал подбрасывать пустой старый кошелек в людное место. По давней привычке баловался этим высоким делом и в зрелом возрасте. Лица разыгранных граждан напоминали ему мимику разочарованных женщин. Иногда ему казалось, что долгое время он вообще встречался с одной и той же женщиной. Просто у нее были разные фигуры, рост и цвет волос. Настолько все они были похожи. Как под копирку.

Дух, томившийся в мощном теле Фанкевича, не находил отклика, отражения. И откровенно говоря, он даже не знал, любил ли когда-нибудь. И кто-нибудь испытывал ли к нему хотя бы симпатию? Простую человеческую симпатию, не замешенную на деньгах? К такому вот толстому нестандартному человеку?

Было без пятнадцати шесть. Нередко он просматривал документы и до восьми-девяти часов. Спешить было особо некуда. Работу Фанкевич любил, потому что она давала силу и уверенность в завтрашнем дне. Но сегодня он запланировал на десерт поединок. С *Рыжуней...*

Постучалась Танечка, распахнула двери, поставила поднос на приставной столик, пожелала приятного аппетита.

— Герасим Сергеевич, тут вот документы к заседанию совета правления. — Танечка, положила папку на стол.

— Ладушки, Танечка, ладушки...

Фанкевич снял пиджак, уселся поудобнее, обеими руками неторопливо пододвинул поднос к животу, взял нож и вилку. Подержал их вертикально, прикидывая, с чего начать. Отрезал кусочек стейка с румяной сальной прожилкой, положил под язык, чтобы прочувствовать сочность мяса, медленно начал разжевывать.

Жизнь, думал он, это вечный торг и условия. Сплошной бизнес. Вроде бы только бизнес — ничего личного. Но это иллюзия. Деловая присказка. Личные интересы всегда впереди. Мужчины и женщины тоже торгуются. Разве нет? Это самый захватывающий и большой торг. Жестокий романс. Бесконечность выдвигаемых претензий, уступок, позиций, принципов, мнений, блефов. Разнополая кулинария. Кто-то пересаливает, кто-то недосаливает. Кто-то предпочитает слишком много сахара, кто-то — перца. Кто-то любит стейки с кровью, а кто-то — салатики с морской капустой. Похоже, социальный дарвинизм многое определяет. «І нас палюбяць лепшыя жанчыны. І лепшыя мужчыны нас заб’юць...» Нельзя требовать от человека того, чего в нем нет. Из помидора нельзя выдавить апельсиновый сок...

Фанкевич посмотрел на часы и приступил к третьему стейку. Обходился с ним уже по-другому: разрезал сочное мясо большими кусками, закусывал бутербродом с икрой и заедал салатом.

Из помидора нельзя выдавить апельсиновый сок...

Запомнил же он эту фразу... Память у него на числа, фразы и лица была отменная. И надо же было ему так просчитаться... Нет-нет, у него все-таки была одна женщина, которая относилась к нему как минимум с симпатией. Там был чистый драйв, никаких замесов на деньгах. А он, молодой дурак (сколько ему тогда было? двадцать пять? двадцать семь?), все испортил. Не понимал, что женщину нельзя просчитать. Разве можно просчитать стихию? Решил привязать ее покрепче и вызвать ревность: поцеловал при ней другую. Но все пошло не по плану. Она подошла и сказала, как отрезала: «Ты знаешь, Гера, я все поняла. Из помидора нельзя выдавить апельсиновый сок...» А он огрызнулся в ответ: «До брака женщины хотят мужа и только мужа. После брака — весь мир...» Была она такая своеобразная, не блондинка — скорее русая... Не полная — точнее сказать, склонная к полноте... Юлия...

Он выпил кофе, взял салфетку и вытер губы, руки. Взглянул на часы. Покосился заинтересованно на папку на столе, но брать не стал: «Завтра, завтра». Все. Поехали. Достал телефон, написал смс: «Выезжаю, не опаздывайте. Официант встретит Вас в холле и проведет к столику. В семь, как и договаривались».

В машине его разморило, и он даже успел вздремнуть. Но в ресторане преобразился, бодро подошел к официанту, напомнил о заказанном столике, дал распоряжения. Спустился в туалет, вымыл руки, ополоснул лицо. Достал из кармана мини-флакон и обильно освежился одеколоном. Вернулся за столик. Скрестил по привычке руки на груди. Галстук ему поджимал горло, и Фанкевич ослабил узел. Без трех семь. Ну что, Рыжуня, твой возможный

капитал ждет тебя. И капитан тоже (он про себя рассмеялся каламбуру). Возьми его, если можешь.

Она появилась в двенадцать восьмого. Официант шел чуть впереди и сбоку, проводя ее между столиками. Издалека Фанкевич не сразу ее рассмотрел. В брючном деловом костюме, на высоких каблуках, довольно стройная. Рыжие волосы заплетены в небольшую косу. Брошка. Да, какая-то брошка блеснула на лацкане пиджака.

Они подошли, и он сразу же рассмотрел эту брошку. Серебряная ящерица, инкрустированная мелкими камнями. Скорее всего, бижутерия, Swarovski.

Фанкевич удивленно вскинул брови. *Неужели? Или я ошибаюсь?*

Она, ничем себя не выдавая, открыто улыбнулась. Официант отодвинул ей стул, пригласил присесть. Фанкевич также улыбнулся, но сдержанно-задумчиво, уголками губ. Справившись с неожиданно нахлынувшими эмоциями, он разместился напротив. Официант зажег на столике небольшую свечу в стеклянной сфере, подал кожаные папки с меню и застыл, готовый к приему заказа.

Не листая, Фанкевич отложил папку на край стола. Накрыл ее тяжелой ладонью.

— Я думаю, вы не будете возражать, если я закажу кофе? У нас деловой разговор...

— О, конечно, — согласилась она, пожимая плечами, — как скажете.

— Да, так вот я и скажу: два кофе. Лучше — капуччино с шоколадом.

Официант слегка поклонился и отошел.

— Итак, я понимаю, вы и есть та самая Рыжуня? — Фанкевич скрестил руки на груди. — Которая не любит притворяться... и ходить вокруг да около?

Она покачивала чуть наклоненной головой и молча улыбалась.

— Ну что ж... Буду с вами также откровенен. Честно говоря, я не планировал встречаться с вами. Хотел отписаться на форуме. Так сказать, анонимно...

— И что же нарушило ваши планы? — с иронией спросила она. — Что же заставило вас пойти на такой подвиг и приехать сюда?

Он пристально посмотрел в ее полуприкрытые ресницами глаза, без тени улыбки сказал:

— Любопытство. Мы оба, судя по всему, оказались любопытными людьми.

— Вот как!

— Да. Но...

— Погодите, погодите, но вы соответствуете заявленным критериям?

Фанкевич с досадой усмехнулся. Нахмурился. Вздохнул.

— Ах, вот вы о чем... Не волнуйтесь, не волнуйтесь... Я вас умоляю... Формально я как раз тот человек, которого вы ищете. Мои доходы превышают ваши условия. Во всяком случае, первично обозначенные. Но дело не в этом...

Фанкевич на минуту прервался: подошел официант и поставил на столик два кофе.

— Так вот, дело не в этом... Понимаете, сама ваша идея... Она, на мой взгляд, бесперспективна. Жениться на вас с точки зрения бизнесмена — непросчитанный шаг. А я банкир и обязан все и всегда просчитывать.

— Все и всегда?

— Абсолютно верно. Все и всегда.

— Я к этому так стремлюсь!

— Очень рад, но я продолжу.

— Другая бы возражала, но я не стану.

— И правильно сделаете, — в тон ей согласился Фанкевич. — Я постараюсь объяснить все просто, доходчиво и ясно. Вы сами предложили рассматри-

вать отношения с мужчиной с точки зрения бизнеса. Вы предлагаете мужчине свою красоту, свой возраст. Как вы там написали? Сладкий и трепетный? Ну, и еще свой стиль и утонченный вкус. Да. В обмен, скажем так, на инвестиции. Прекрасно. То есть речь идет о двух активах. Вашем и моем...

— Да, примерно так.

— Ладушки, давайте поговорим о наших активах. — Фанкевич откинулся на спинку стула. — Начнем с вашего. Признаюсь, вы женщина эффектная, с интересными внешними данными. Скорее всего, многих мужчин привлекает ваша внешность. Безусловно, это один из ваших активов. Но можно ли его отнести к безрисковому активу? То есть, к тому активу, доходы по которому однозначно предопределены, а риски сведены к нулю? Нет, к сожалению, нет.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась она.

— О, это все просто, — сдержанно рассмеялся Фанкевич. — Все элементарно просто. Давайте представим, что я принял ваше предложение. Мы договорились, и вы стали моей женой. Могу ли я в таком случае быть уверенным, что вы свою красоту не будете... кхм... кхм... скажем так, тайно сдавать в аренду другому мужчине? Безусловно нет. Я — адекватный человек. Как видите, достаточно плотный, а если говорить прямо, — толстый. Не думаю, что мои деньги смогут перевесить вашу природу и заставить полюбить меня.

— Но вы симпатичный, — мягко возразила она. — К тому же в жизни все меняется... Не буду скрывать, я заставила бы вас работать над собой...

Фанкевич развел руками.

— Вот! Женщины всегда почему-то уверены, что смогут изменить мужчин. Более того, они страстно хотят этого! Я почти уверен, что какое-то время наши взаимоотношения развивались бы именно в таком русле. Но как ни крути, а это, к сожалению, также следует отнести к рискам. Вы же не станете утверждать, что подобное настойчивое внимание ко мне может породить конфликты? А рано или поздно конфликты в семье приводят к большим финансовым потерям. Ну и потом, ваш актив имеет и другую сторону, связанную с рисками. И я вынужден сказать и об этом...

Она пригубила кофе и подняла на него глаза. Свеча дрожала в сфере, и в полумраке ресторана Фанкевич не мог разобрать выражение ее глаз. Какое оно? Злое, надменное, равнодушное, недоуменное? Или, быть может, растерянное? Нет, не похоже.

— Я даже не буду говорить о мелочах. Об этих ваших скрытых, то есть незаявленных вами активах. Ну, разумеется, вы где-то живете, имеете какой-то доход. Но честно говоря, это меня мало интересует. — Фанкевич скрестил руки на груди, хитро улыбнулся, сменил тон на заговорщицкий и заговорил, слегка гнусавя: — Правда, меня не-мно-ого интригу-у-ют ваши мни-и-мы-е акти-и-вы... Вы можете заявить, мадам, все что угодно, но это может не иметь ничего общего с реальностью. Простите, но даже ваш прекрасный рыжий цвет волос может оказаться иллюзией. О, женщины любят все эти штучки с косметикой, румянами, тушью для глаз и краской для волос!

— А вы шутник, — всматриваясь в него, сказала она и поправила салфетку у себя на коленях.

— Да не совсем, — Фанкевич неудовлетворенно хмыкнул. — По большому счету я хотел вам сказать вот что. Мой минимальный капитал в месяц составляет пять тысяч долларов. В год выходит шестьдесят тысяч. Я инвестирую свои деньги в недвижимость, в акции и депозиты. Мой доход будет только расти и умножаться...

— Если вы не наделаете каких-то глупостей, — поспешно заметила она.

— Совершенно верно. Но я на то и банкир, чтобы просчитывать все возможные риски.

— О да, — отпивая кофе, не без иронии согласилась она. — Вы ведь всегда и все просчитываете.

— Абсолютно все и всегда. И вот какая получается картина. Мои активы со временем будут приумножаться. А ваши и без того рисковые активы — падать в цене. Время постепенно, но неумолимо будет разрушать вашу внешность — ваш главный актив. И что же тогда?

— И что же тогда? — почти передразнила она его.

Упреждая ее гнев, Фанкевич хладнокровно взял со стола чашку кофе и, закрыв глаза, сделал большой глоток. Потом поставил чашку, выдержал паузу и миролюбиво произнес:

— Так же, как и вы, я оперирую только экономическими категориями. Любой бизнесмен скажет вам, что если акции падают в цене, их продают. Или сдают в аренду. Так что ваша идея о выгодном обмене внешности на деньги — неудачная идея. Во всяком случае, мне кажется, она не для брака. Ну, а на другие отношения, как я понял, вы не станете тратить время...

— Конечно же, не стану, — согласилась она и поджала губы.

Фанкевич беззвучно засмеялся.

— Вы обиделись?

— И не подумала.

— Очень сильно?

— Да!

Фанкевич посмотрел на нее, посмотрел пристально, как смотрят на женщину, которую долго не видели. Фанкевич смотрел в ее глаза и мысленно говорил: «Ну, не разочаровывай меня, дай мне, наконец, ошибиться. Скажи, скажи, что этот пост на форуме писала не ты, а твоя стерва-подруга. Скажи, что все эти деньги, прибыли, блеск — полное дерьмо. Скажи, что ищешь человека, с которым готова умирать в этой жизни каждый день. Скажи, что будешь верна своему мужчине, а не настроению. Скажи, что в жертвенности ты видишь самую великую любовь. Скажи, что ты хочешь провести в такой любви с мужичиной свою жизнь. Не молчи, скажи, скажи».

Едва прикрывая рот, она зевнула и сказала:

— Как вы все похожи. Как под копирку...

Фанкевич отвел глаза, посмотрел на часы и как бы между прочим бросил:

— До брака женщины хотят мужа и только мужа. После брака — весь мир...

— Вы не даете сказать мне даже слова!

— Да кто же вам не дает, пожалуйста. Слово в вашем распоряжении. Берите его, пользуйтесь им, как косметикой. Можно похудеть и даже перекрасить волосы, но...

Она задохнулась от возмущения и предложила свой вариант фразы:

— Но, черт возьми, нельзя из помидора выдавить апельсиновый сок!

Фанкевич скептически улыбнулся.

— На этот раз, — сказал он, — вы вложили в эту фразу совершенно иной смысл. Мне кажется, по прошествии лет изменилась даже интонация...

Она резко отодвинула стул, бросила салфетку на стол и, не прощаясь, зашагала между столиков к выходу.

Фанкевич достал бумажник и позвал официанта.

— Двести пятьдесят хорошего виски и соленых огурцов. Вот деньги — сдачи не надо. Да, и вот что, огурцы какие?

— Простите, не понял? — вытянул шею официант.

— Огурцы откуда? Чье производство?

— Венгерские, по-моему. И болгарские...

— А белорусские есть?

Официант вздохнул.

— К сожалению...

— Что ж вы, белорусских огурцов не можете закупить? — с досадой спросил Фанкевич. — Это что, проблема?

Официант промолчал и вытянул шею еще больше.

— Ладно, давай венгерские.

Фанкевич достал платок и начал медленно протирать вспотевший лоб. Лоб был мощный, загорелый и чем-то действительно напоминал бронзовый поднос. В кармане пиджака пронзительно завибрировал телефон. «Ну, что же ты еще не сказала мне, Рыжуня? Что позабыла?» — подумал он. Но это была не Рыжуня. Председатель правления спросил, читал ли он документы к заседанию совета правления. «Ты прочти, — туманно сказал он, — там какие-то изменения по кадрам в совете предлагаются».

Сжав кулаки, Фанкевич долго смотрел на мерцающую свечу в стеклянной сфере. *Словно пытался рассмотреть что-то в своей жизни.* Больше чем наполовину свеча уже оплавилась и превратилась в толстый аляповатый огарок.

Банкир смотрел на этот огарок почти не моргая, пока не принесли заказ. Потом залпом выпил виски и начал с хрустом разжевывать огурец. Он не мог разобраться. Что-то его томило, скребло под ложечкой. Или этот разговор с шефом, или с этой женщиной. Черт его знает. Но что-то все-таки скребло, подсасывало. Странное чувство. Как будто бы он не доел.

Японская свадьба

В автобусе он сидел в правом ряду, а она в левом, и оба смотрели в разные стороны. Мимо проносились пейзажи: деревеньки, пашни, автозаправки, полосы леса.

Небо было тяжелым и серым. Как поваренная соль. Острый ветер наголо обривал деревья. И только по правую сторону, по кромке горизонта, затухал разлитый синяк осеннего заката.

Дороги имеют свои особенности. Они огибают землю, разветвляются. Ведут к цели. Уводят в тупики и лабиринты. Пересекаются. Объединяют и разъединяют.

Когда-то дорога их объединяла. Женщина была влюблена и счастлива, как стрекоза, которая беспечно зависла над душистым полем в жаркий день. И мужчина был для нее солнцем. А сейчас они сидели в разных рядах и не обращали друг на друга внимания. Время от времени он дремал, а она рассматривала ухоженные ногти, рылась в сумочке, листала смартфон.

В маленьком городке они пересели на другой автобус, и тут все изменилось. Они сели рядом и заговорили.

— Ты обещал, — поджала она губы.

— Да-а? — делано удивился он.

— Да! Я тебя предупредила.

— Понял. Не дурак... — Он скептически улыбнулся и покачал головой. — Зачем тебе это шоу?

— Я тебе уже все сказала.

Автобус гудел и содрогался. Дымил и пыхтел. Через минут двадцать тяжело поднялся на мост, и внизу они увидели Неман. Огибая редкие острова, река зеркальной лентой ускользала в тускнеющую даль.

— Родина! — сказал он. — Приехали!

— Не ори, — одернула она, и ее искристые глаза превратились в маленькие лунки, залитые кипящей смолой. Он снова улыбнулся, но как-то вяло, бесцветно. Она пошла к выходу.

Тесть стоял на другой стороне шоссе, у перелеска. Увидел их и, пропустив автобус, направился навстречу.

— *Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли*, — пропела она и осмотрелась, вдыхая аромат сосновой иглы после дождя. Это было ее фишкой: ей нравилось вставлять в свою речь фразы из любимых книг.

— Побольше чувственности в голосе, — съязвил он. — И поменьше цитат. Здесь не поймут.

Ответить она не успела. По-родственному расцеловалась с отцом:

— Здравствуй, папка. Ну, как вы тут?

— Во... памаленьку.

Тесть пожал ему руку, взял одну из сумок, и они пошли по тропинке вдоль заросшего лесом кладбища. По левому краю открывалась деревня: подтопленная туманом, с ароматом выспевающей антоновки, с фиолетовым дымом из одиноких ко́минов.

У самого дома, облепив высоковольтные провода, свесили головы птицы: галки, вороны, воробьи. Их было так много и они выглядели настолько любопытными, что казались вовсе и не птицами, а зрителями в кинозале перед просмотром картины.

Теща уже накрывала стол, ждала.

Он достал из сумки коньяк, шампанское, красную икру, оливки, печень трески. Возникла странная кулинарная композиция. Коньяк уставился на тарелку тушенки. Картошка, запеченная в печке, рассматривала икру. Шампанское соседствовало с ломтиками сала и выжаренной до золотистой корочки яичницы.

— Зараз мы з табой вось гэтай пачастуемся, — сказал тесть и налил из безымянной бутылки две рюмки. — Свая. Ведаешь, з якога часу хаваю? З таго часу, як ты сватацца прыязджаў.

— Пятнадцать лет выдержки... Стеклянная свадьба... — сказал он и выпил.

— А што? — усмехнулся тесть. — Добрая?

— Добрая...

Все тут было, как пятнадцать лет назад. Мало что изменилось. Та же хата. Те же люди. Тесть в выглаженной рубашке, с закатанными на запястья манжетами. С высоким лбом. Немногословный. Седой. Внимательный, словно рысь. Теща... Негромкая женщина с вытянутым лицом. С глазами цвета йода. Ятвяги. Западная Беларусь.

После третьей рюмки что-то в нем сместилось, словно в зеркалах начали отражаться другие люди, другие лица. Он не понимал, зачем он тут. Что он делает рядом с этой чужой женщиной? Почему он согласился играть в ее игры? Как так случилось, что чуткая шатенка превратилась в надменную крашеную блондинку? Нельзя было даже и представить, что именно эта женщина когда-то с восторгом занималась музыкой, прекрасно владела скрипкой, была без ума от своего земляка Чеслава Немена и без конца напевала его песни... Wiem, źe nie wrócisz... Nie jesteś moja... Czy mnie jeszcze pamiętasz?[1]

Разве это она? Что между ними общего? Той милой девочки больше нет. И никогда больше не будет. Осталась женщина, которая обложила его со всех

[1] Песни Чеслава Немена: «Знаю, что не вернешься», «Ты не моя», «Помнишь ли ты еще меня?».

сторон условиями, шантажом, угрозами. Она хочет, чтобы он исчез из ее жизни, оставил ей все, не лез в ее любовные дела. Ок. Она хочет, чтобы он в последний раз сыграл роль ее мужа. Какие проблемы? Она хочет отметить японскую свадьбу — пустить пыль в глаза своим родителям... Да черт с ней! Пусть делает что хочет! И не жаль ничего. И жаль так много...

Он пил и вслушивался в неторопливый голос пожилого человека — тестя, механически что-то отвечал, улыбался. Вжившись в роль хорошей актрисы, она (даже на мгновенье приобняв его) сказала все, что хотела сказать: он уезжает на два-три года за границу, хорошее предложение, глупо отказываться... ой, мамочка, это космическое предложение! — мы уже все решили...

Ок, он не возражал, старался смотреть на нее глазами влюбленного супруга, а она лгала как дышала. Один раз только попытался открыть рот и что-то вставить, но сразу же наткнулся на ее глаза, в которых уже закипала смола. Губы у нее непроизвольно сжались, скулы заметно напряглись под кожей, словно она боялась упустить уже схваченную добычу, — и он передумал.

Наступило почти хищное напряжение. И вдруг оно начало наполняться странным звуком. Звук этот то нарастал, то постепенно затихал. Но дело было не в этом. Звук выливался из гортани настолько тонко и остро, что казалось, он разрезает кожу, ткани, сосуды, словно хирургический скальпель. Это был надсадный, беспредельный вой убитого горем живого существа.

— Як ноч, дык рады няма, — сказал тесть и пояснил: — Жук скуголіць... Прыма убілася на шашы пад колы машыны...

Соседскую дворняжку Приму он помнил: маленькая, вертлявая, голосистая. А Жук... Жук был просто великолепен. Весь черный, с богатой искристой шерстью, с умными глазами — ласковый, предупредительный пес. Немного неуклюжий, как молодой медведь. И чрезвычайно обаятельный и верный.

Тесть загрохотал стулом, собрал со стола объедки.

— Пойду, дам чаго трохі. Можа, супакоіцца...

— Але ж, мае дзеткі, — вздохнула теща. — Ну, буду сцяліць вам...

Она сонно зевнула и улыбнулась матери (у нее было много улыбок, но эту она приберегала для театра).

— Ой, мамка, стели раздельно, я устала с дороги.

...Ночью он проснулся. Лежал с открытыми глазами, бесцельно глядя в потолок, потом повернулся на бок и напротив, по линии неплотно зашторенной занавески, различил в темноте ее матовую голень, которую она во сне непроизвольно вытянула поверх одеяла. Он встал и, пошатываясь, вышел в сени, жадно попил воды, надел какой-то ватник, пропахший тяжелым потом и вытопленной печкой.

На надворке, не доходя до туалета у хлева, постоял возле забора, придерживаясь рукой за штакетину. Луна убывала. Ночь была зябкой, но ясной, чистой и звездной. Яблони корявыми ветвями дробили ультрамариновое небо. Он глубоко вздохнул и выдохнул аромат принеманского воздуха. Пошел было назад к хате, но услышал, как за забором брякнула цепь. Жук перескочил в загородку, где стояла будка, а оттуда сквозь небольшое пропиленное отверстие вылез на его сторону. И заскулил тихо, прерывисто, словно хотел поделиться чем-то важным, но боялся, что его не выслушают и уйдут.

— Жук, ну что ты, умня-яга... — нетрезво протянул он и подошел, сел у забора рядом с собакой.

Жук подвывал, тыкался холодным носом ему в шею и лицо, перебирал крупными лапами и воспаленно дышал.

— Жук, Жук, бе-едный, тоскуешь... При-имы нет, да? Нет Примы?

Собака, словно ей наступили на лапу, заскулила мелко, надсадно, тонко.

— Ах ты, мой ро-одной... бродя-ага... — Он обнял собаку за шею, прижал к себе, щекой чувствуя влагу теплых глаз. Потом взял ее голову в руки и, в лунном свете заглянув в собачьи мокрые глаза, пьяно признался: — Твоя Прима у-умница... Точно тебе говорю... У-умница... А моя... артистка крученая... сына у меня хотела отобрать... Сына!..

Он как-то неожиданно скривился, поник, опустил руки, и собака, встав передними лапами к нему на колени, жалобно поскуливая, принялась вылизывать шершавым языком его лицо. А он все повторял на разные лады:

— Сына я ей не отдам! Сына я не отдам! Не отдам ей! Гадом буду...

Потеряв равновесие, он завалился на бок под забор, падая, прижал собаку, и та с визгом отскочила. Он встал на четвереньки, неуверенно поднялся на ноги.

— Прости, Жук... Я — спать... И ты давай это... спи... Не горюй.

Собака мелко заскулила, нетерпеливо присела, подскочила и, перебирая передними лапами в воздухе, натянула цепь, попытаясь дотянуться до него мордой.

...Утром он лежал в постели с закрытыми глазами, отвернувшись к стене, слушал диалог дочки с матерью: фанерная перегородка почти не глушила звук.

— Ой, мамка, тры мільёны зараз нічога... Хотя бы миллионов восемь-девять...

— Але ж, дзеткі мае, — глухо вздохнула теща. — Дзіўны гэты свет... Куды ж такія грошы?

— Ён паедзе, а мне адной сына гадаваць... — в тон матери ответила она.

Он слышал, как теща слюнявила пальцы и отсчитывала деньги, путалась и пересчитывала. Наконец они вышли в сени, и он через силу встал, принялся одеваться, подавляя подступающую перегарную тошноту. Напротив стоял шкаф со старым, местами изъеденным временем зеркалом, и он наблюдал за собой: как тяжело и неловко одевался — лохматый, с мятым лицом уставший человек.

Звякнула дверная щеколда, и вошел тесть.

— Падняўся ўжо?

— Да...

— А тут... Бяда проста з гэтымі сабакамі... Жук павесіўся...

— Как повесился? — Ему показалось, что тесть перепил и ударился в абсурд. На мгновенье он даже представил, как Жук затягивает на шее петлю и отталкивает задними лапами табуретку...

— Ах, каб яго... Гэта ж ён так перажываў, бедны... Гойсаў праз штыкетнік... за штыкеціну кольцам зачапіўся... Пойдзем, дапаможаш.

Они вышли на улицу. День был пасмурный. Едва ощутимо секла изморось. На голых высоковольтных проводах висели крупные дождевые капли и время от времени обрывались вниз.

Птицы кружили в низком небе и кричали, как слепые котята.

Жук висел возле самого забора, как перекошенная боксерская груша. Черная пасть его была приоткрыта, из нее свисал длинный посиневший язык.

— Шкада... добры сабака быў, — сказал тесть. — Паглядзі там, пад страхой, брэзент ёсць. Ды рыдлёўку вазьмі пад паветкай...

Они положили безжизненное собачье тело на брезент и пошли с подворка к молоденьким осинкам, вытянувшимся недалеко от края вспаханного жирного поля.

Тесть умело высек дерн, аккуратно, по-хозяйски отложил его в сторону и начал неторопливо копать. Земля была мягкая, изредка попадались тонкие корни, и он их жестко обсекал, ровняя периметр могилы. Наконец закончил работу и воткнул лопату в небольшую желто-серую насыпь, из которой тор-

чали обрубленные мелкие корни. Достал спички, чиркнул и прикурил. Выпуская изо рта дым, сказал:

— Тут і Прыма ляжыць.

Действительно, в дерне, рядом с могилой Жука, была притоптанная, просевшая проплешина, еще даже не поросшая травой.

Не выпуская из губ сигареты, прищурившись, тесть нагнулся, взялся за края брезента и вывернул собачье тело в выкопанную яму. Лапы мертвой собаки стукнулись о края могилы, и мелкий песок осыпался на черную шерсть.

Тесть неглубоко затянулся и достал изо рта сигарету.

— Калі паедзеце?

— Сегодня.

— Сёння? Можа, пабылі б яшчэ...

— Не... Надо ехать...

— Глядзіце самі... А што ж спаць лажыцеся па разных ложках?

Он вздохнул.

— Такая у нас любовь...

Тесть посмотрел на него спокойно и холодно.

— Якая ж гэта любоў... Вось у іх была любоў... У Прымы с Жуком. Ну чаго ты чакаеш... Закопвай.

Сбитый летчик

Для того чтобы включить свет, надо было пройти метров пятьдесят до конца коридора.

Богдан выхватил фонариком ближайшие кабинеты, осветил бетонное пространство под ногами и, припадая на левую ногу, заковылял вперед. Он сделал несколько шагов и неожиданно замер. Из-под двери школьного кабинета выбежала крыса с длинным жилистым хвостом и, пересекая коридор по короткому пути, нырнула в щель под дверью столовой. Он сопроводил ее светом и двинулся дальше. «Завхоз завалил службу... Пусть вызывает санэпидемиков».

В конце коридора он нажал на клавиши выключателя, осветил все пространство и повесил на дверную ручку туалета целлофановый пакет с инструментом.

Опираясь по правой стороне на перила, поднялся на второй этаж, осмотрел дверь кабинета компьютерной техники, дернул за ручку. Прошел несколько метров по огромному периметру с дверными проемами кабинетов, бросил потоки света в стороны и вперед и спустился на первый этаж.

Снял целлофановый пакет с дверной ручки, включил свет и зашел в туалет. Стараясь не вдыхать тяжелый воздух, достал инструмент и положил на широкий подоконник. «Дети могли бы сами убирать за собой. Уборщицы здесь не нужны. Было бы чисто».

Перекошенные форточки были распахнуты, не закрывались, и залезть в школу ночью через окно не составляло труда.

«Для кого такие школы строят на окраинах микрорайонов? Все с топора. Как чужим...»

Он взял в правую руку молоток, пристроил гвоздь на оконной раме, прищурился и ударил по шляпке. Задребезжало стекло, гвоздь отскочил и, звеня, покатился по полу. Богдан не стал его поднимать и взял еще один. Этот он уже вставил в трещину оконной рамы, забил до половины и загнул так, чтобы форточки не открывались. Якши[1].

[1] Якши — вост.: ладно, хорошо (*афганский сленг*).

Он собрал инструмент, подобрал оброненный гвоздь, выключил свет и захромал по коридору назад.

Было около часа ночи, к этому времени в школе оставалась лишь гулкая пустота и ледяная тяжесть бетона. «Никого. Только мысли, как призраки».

В дежурке Богдан проверил пульт безопасности на стене: все кнопки были поджаты, мелкие лампочки мерцали в полумраке. Он присел на узкую кушетку у противоположной стены и какое-то время смотрел на этот пульт, а потом лег, отодвинул здоровую ногу подальше от ноги с протезом и накрылся курткой. Как это сказал тот доктор? «Выше щиколотки, не выше колена. Удачно ты подорвался, солдат. Повезло тебе». Конечно, если бы вышло по-другому, даже о такой жизни можно было бы забыть. А так только ступня... «Лепесток»[1] — мгновенный способ снятия солдатского берца с уставшей ноги...

Богдан криво улыбнулся и закрыл глаза. Из того дня он помнил только два события: письмо и заступление в караул.

Письмо ему отдали после дневного построения. Он взглянул на слегка округлый почерк — похолодел. Фамилия, правда, была незнакомая — Соляник, — и обратный адрес был тоже незнакомый — полевая почта 22202, — но имя, отчество, штамп отправителя... Любовь Александровна, город Керчь... Он вскрыл конверт, прочел: «Здравствуй, Богдан!

На днях я приехала в Керчь и была скорее поражена, чем удивлена, найдя в своем письменном столе твое письмо.

Перед моими глазами проплыли воспоминания, очень приятные мне и милые, и как ни странно, сердце мое дрогнуло.

Если ты помнишь, в первый год после окончания школы я не поступила в институт. В данное время я заканчиваю 2-й курс Славянского пединститута, факультет дефектологии.

16.11.85 г. я вышла замуж, муж мой военнослужащий. В настоящее время мы живем в ВНР, в Будапеште. Я перевелась на заочное отделение. Вроде бы все у меня хорошо.

Богдан! Я тебе очень благодарна за это письмо, извини за сухой ответ.

Я рада, что все у тебя идет хорошо. Только прошу: будь поосторожней.

Я удивляюсь себе, у меня возникло большое желание увидеть тебя, поговорить с тобой.

Так же, как и ты, нахожусь в затруднении, как написать: «До свидания? До встречи?» — ведь мир так тесен, а пути Господни неисповедимы».

Что он почувствовал, когда дочитал письмо? Как ни странно, благодарность и светлую грусть...

Сонный и полуживой, он написал ей как-то в караулке письмо, сообщил, что попал служить в Афганистан... Ответа не ждал. Но она откликнулась. Все-таки откликнулась...

Да, жизнь расписала свой сценарий. Она вышла замуж, он попал в Афганистан. Бывает. Но в чем ее вина? Он не видел ее три года. Никто никому ничего не обещал... Когда-то они встретились в Минске и расстались. Она уехала домой, на другой край света, в Керчь. Но что-то осталось. И это что-то было сильнее, чем он и она. Сильнее, чем ее замужество. Сильнее, чем этот гребаный Афганистан... Резонанс — вот что осталось. Он немного играл на гитаре и знал, что это такое. Вы точно настраиваете две гитары. И одну оставляете у стены, а другую берете в руки, касаетесь струны, допустим, с нотой «ми». Знаете, что получает-

[1] Противопехотная мина.

ся? У той гитары, которая стоит у стены, начинает вибрировать и звучать такая же струна, такая же нота. Как будто бы ее трогает чья-то невидимая рука...

Правильно, правильно написал Киплинг: «Верьте брахману больше, чем змее, а змее больше, чем шлюхе, а шлюхе больше, чем афганцу». После трех месяцев в Афганистане у него не осталось почти никаких чувств. Чувства заменили инстинкты. А инстинкты были связаны с выживанием. Выжить в чужой стране, на войне — это органическая химия. Напряжение и опасность изменяют взгляд, намерения, эмоции, запреты. Все светлые гормоны мирной жизни затухают, начинают доминировать черные гормоны. Поэтому ее письмо было как мгновенная вспышка чего-то светлого, почти нереального.

В этот же день он подорвался. Отстоял два часа в карауле у офицерского модуля, два часа — у автопарка и ГСМ, два часа — у караулки. Около часа из двух ему дали покемарить, заступил в караул по новой, и все случилось уже утром, часов в девять. Спички... Не было спичек. Проблемы тогда были у солдат со спичками. По левой стороне караулки была натянута колючка, и за ней начинались пологие пыльные сопки, которые тянулись до кромки дымчатых изломанных гор. Оттуда, по проложенным среди минных полей тропам, приходили бачата... Они останавливались в метрах пятидесяти до колючки и кричали: «Шурави, бакшиш! Менять давай! Покупать хотеть?! Дусти, бали?!»[1]

«Верьте брахману больше, чем змее, а змее больше, чем шлюхе, а шлюхе больше, чем афганцу». Спички были нужны. Без спичек хоть вешайся... Он пролез в укромном месте сквозь колючку и замахал рукой: «Бача! Бача! Курить! Спички! Спички! Дусти, бали!» Бачата замахали в ответ, направились в его сторону и остановились, радостно закричали на фарси, на ломаном русском — «Шурави! Покупать! Сходить покупать!» — и по-детски звонко засмеялись. Он знал, где стоят сигналки[2], обошел их, задержался у куста верблюжьей колючки, поправил бронежилет и успел сделать шаг...

Его бросило на землю, каска на голове зазвенела, как глухой удар тяжелого колокола. Огромный прямоугольник неба завалился вверх и начал стремительно тускнеть. Он поднес свои руки к глазам — руки были целые, но одна из них почему-то в крови, — и ощупал лицо. Вроде нормально. Тогда он приподнялся на локтях и все понял. Левая нога выше щиколотки была оторвана, из нее торчала ломаная кость, и белое разорванное мясо пульсировало кровавыми фонтанами... Словно потусторонний, он какими-то другими глазами видел, как его оттащили к колючке, и «дед» Комков, перетягивая ниже колена его ногу, кричал и плевался: «Душара гнилая! Тебя не за спичками посылать! Терпи, урод!»

Уже через неделю Комков заехал к нему в кабульский госпиталь.

— Как ты тут? — спросил он.

— Слетай за спичками — прошаришь...

Комков вытер пот со лба и осмотрелся. Один глаз он прищуривал, что напоминало человека, который целится. Через две койки от них безногий солдат писал письмо, а безрукий ему диктовал.

— Ты это... молчи... ладно? Тебе все равно в Союз... Возьми вот... — он аккуратно положил на койку возле забинтованной культи блок спичек и блок сигарет с фильтром.

— Бросил я курить, Комок... Отдай пацанам из моего призыва.

После кабульского был ташкентский госпиталь. Домой ехал на костылях. Выглядел таким доходягой, что, казалось, комар крылом перешибет. В поезде и познакомился со своей будущей женой.

---

[1] Дружба, да?! (*фарси*).

[2] Сигнальные мины.

Чем она его подкупила? Она была внимательной, предупредительной, симпатичной, заботливой. Речь правильная. Манеры юной леди из старинного рода. Возвращалась в Минск на учебу из далекой маленькой деревни. Никогда бы не подумал.

Он опять вспомнил Киплинга. «В этом мире есть только два рода женщин: одни отнимают силу у мужчин, другие возвращают ее. Когда-то я была одной из первых, теперь я — одна из вторых». Кажется, так. Какой она была: одной из первых? или одной из вторых? или одной из вторых, которая когда-то была первой? или одной из первых, которая когда-то была второй?

Нет, в ней тогда еще не было ни первой, ни второй. Женщина как вода. Глубокая заводь. Снесенная плотина. Измененное русло. Мягкая сила воды. А она в то время была как водяная лилия, бутон которой только завязался.

Через год он женился. Спустя пять месяцев родилась дочь. За полгода до получения квартиры, как дом на зыбком грунте, обвалился СССР...

Богдан бросил институт, взял базарную сумку и поехал в Польшу. Возил товар туда и оттуда. Жить можно, думал он, wszystko jedno[1], можно. В конце концов он заработал деньги на кооперативную квартиру и язву, умноженную на смещение междисковых позвонков...

Больница. Дом. Больница. Тихое отчуждение и периодическое недовольство супруги. Претензии, истерики, крики, скандалы.

— Ты мертвец! — бросала она. — У тебя нет никаких чувств! Мертвечина!

Или приглушенно сообщала своей подруге по телефону:

— Да он сбитый летчик уже! Ни денег, ни славы. Все что-то пишет, Достоевский... Видеть его не могу.

Прошло много лет, прежде чем он почувствовал, что нестерпимо хочет позвонить в Керчь. Странное это было желание. Оно таилось где-то в области сердца и пульсом отзывалось в горле.

И однажды Богдан разыскал ее новый номер и набрал его.

Она замерла и удивленно произнесла:

— Богдан... у меня нет слов...

Казалось, они проговорили вечность. Как будто бы только вчера расстались. Она рассказала, что развелась. В последнее время появились проблемы и с сыном.

— Из-за чего? — спросил он.

— Поступил на бюджет в мореходку и через полгода бросил.

— Это жизнь, парень выбирает свой путь.

— Да, — сказала она, — да, и все же...

Договорились, что она подробно обо всем напишет, но письмо от нее так и не пришло. И он снова набрал ее. Выяснилось, что все сложнее.

— Прости, но я должна тебе сказать...

— Мужчина? — догадался он.

Она объяснила, что около года назад познакомилась через Интернет с американцем. Штат Аризона. Строитель, своя компания. Договоренность о свадьбе уже есть. Она готовится к отъезду, учит американский английский, собирает справки.

— Я не могла тебе этого не сказать, Богдан. Ты понимаешь?

— Понимаю. Когда ты должна уехать?

— Через месяц, максимум — полтора.

— Сколько ему лет?

— Пятьдесят шесть.

---

[1] Все равно (*польск.*).

Он помолчал и сказал:

— Подожди... Ты успеешь к своему американцу. Давай встретимся. Приезжай в Минск.

— Богдан, прости, так далеко не могу.

— Давай в Киеве. На нейтральной территории. И тебе, и мне добираться туда примерно двенадцать часов.

Теперь замолчала она.

— Я вышлю тебе денег на поезд, — сказал он. — Сто долларов хватит?

— Не надо денег, — возразила она. — Я приеду.

Он все-таки перевел ей сто долларов. Назначили день, время и место встречи. Билет до Киева лежал у него в кармане...

«Мир так тесен, а пути Господни неисповедимы... Помнится, ты не написала «прощай», но поставила многоточие».

Богдан лежал на узкой кушетке в школьной дежурке и бесконечно повторял эту фразу, прислушивался к ее долготе, ритмике, и мелкие лампочки на пульте безопасности мерцали, как маленькие звезды в светлеющем ночном небе.

Зазвонил будильник на сотовом, и он встал, включил свет и сел за стол. Достал исписанный лист бумаги, кое-что выправил и переписал текст набело. Потом сходил в туалет, умылся, прошелся по традиционному маршруту школьного сторожа, все осмотрел и вернулся. Спустился по ступенькам к большой остекленной пластиковой двери, открыл ее и вышел на школьное крыльцо.

День обещал быть изумительным. Июльское солнце по-белорусски застенчиво касалось многоэтажных глыб новой застройки.

Богдан выкурил сигарету, встретил сменщика, переговорил с ним дольше, чем обычно, и медленно направился к почте. Минут десять подождал до открытия, купил и подписал конверт, вложил письмо. Затем оплатил международный разговор, вошел в кабину и набрал номер.

Она сразу все поняла, спросила:

— Богдан, что случилось? У тебя такой голос...

— Какой?

— Подавленный...

Он провел пальцами по лбу.

— Прости... Я не смогу приехать.

— Почему, Богдан? Почему?

Он вздохнул.

— Я тебе написал письмо... Обычное письмо. Уже отправил. Ты внимательно прочти его, хорошо?

— Хорошо... — Она тоже вздохнула. — Но если ты не приедешь, я перешлю тебе сто долларов.

— Не надо. Все это мелочи. Прощай, моя любимая...

Богдан повесил трубку, постоял еще немного у аппарата, открыл дверь переговорной кабины и захромал к выходу.

Он шел по утреннему городу не спеша и уверенно. И вглядывался в лица прохожих, женщин и мужчин. И думал: что же за судьбы они несут в своих сердцах? Кто они и для чего они здесь, в этом мире? В мире, который так тесен, легок и невыносим.

Перевод с белорусского автора.

ИЗЯСЛАВ КОТЛЯРОВ

Эхо зова

Венок сонетов

1

Отзовись и эхом зов продли, —
пусть в просторах неба затихает,
а когда касается земли, —
глохнет и мгновенно пропадает.

Сам его дыхание вдохни, —
может, свой же голос возвращает
мудрым отрицанием родни
той, которой знать еще не знает.

Ах, мечтатель, не таись — таи!
Видишь, и мечты мечтать устали,
коль земными все еще не стали
замки все воздушные твои.

Путаешь закаты и восходы, —
нет нигде осознанной свободы.

2

Нет нигде осознанной свободы,
а для неосознанной — ты стар…
Все твои паденья и полеты
смог предвосхитить еще Икар.

Отступают жизни горизонты,
да и жизнь сама, как Божий дар,
попадает в некие тенета, —
так порою сказывали встарь.

Видишь лишь себя — куда ни глянешь,
и никак, пожалуй, не поймешь,
что когда ты все-таки умрешь,
смертным быть тогда и перестанешь.

Улыбнулся, а теперь пойми:
годы знают большее, чем дни.

3

Годы знают большее, чем дни,
но сказать никто их не заставит.
Снова завершением начни
не кому-то, а себе на зависть.

Иначе на этот мир взгляни —
и совсем иным внезапно станет…
Обманись иль все же обмани
то, что и тебя потом обманет.

Но однако, то — совсем не в том,
ибо там, где вдох, там вдохновенье,
ибо этот мир — Творца творенье, —
все, что видишь, создано Творцом.

Знают и тебя твои невзгоды,
а века — чего не знают годы.

4

А века — чего не знают годы, —
может статься, не желают знать.
Все, что было праздником субботы,
нам теперь все проще забывать.

Неугоден или неугодны?
Вот опять ты прячешься, опять…
Путь не прожит, а бездумно пройден,
и себя себе же не узнать.

Там, где вечерело и светлело,
шорох вновь засыпал тишину,
там душа, ушедшая ко дну,
и легко всплывающее тело.

Не судим еще — и не суди,
в личном — что-то общее найди.

5

В личном — что-то общее найди!
Ведь казалось, Господи, казалось, —
пусть не позади, а впереди, —
с мужеством добра соприкасалось.

Так непросто людям быть людьми…
И к чему прощающая жалость?
Суть одна: отдай или возьми —
из безумной мудрости осталась.

Нет как есть и все же есть как нет, —
все непрочно, хлипко, хлюпко, утло…
Потерпи: начнется это утро,
лишь когда исчезнет лунный свет.

Жизнь тебе трудней любой работы…
В общем даже знать не знаешь — кто ты.

6

В общем даже знать не знаешь — кто ты
сам себе, и каждому, и всем…
Жизни глуби превращаешь в броды,
дни — в слова для образов и тем.

Заселяешь близкими погосты,
а заполнить и не знаешь чем
ставшие вдруг явными пустоты, —
нет, уже не только чем, а кем.

Да, в душе, почти осиротелой,
на пределе всех предельных сил
вновь безумный голос попросил:
«Ничего и сделанным не делай…

Даже уходя не уходи.
Жизни долгой и высокой жди…»

7

Жизни долгой и высокой жди, —
выбор прост, хоть нет его как будто, —
взгляд смывают желтые дожди
так, что даже явное подспудно.

Впереди все то, что позади, —
лгут, что обоюдность обоюдна.
Суть ее, следи иль не следи,
вся до беспощадности иудна.

Снова отзывающийся зов,
ветра дождевого завыванье, —
только тени, тени подсознанья, —
никаких оттуда голосов.

Всех твоих забот круговороты —
от породы или от природы.

8

От породы или от природы
и спасенным даже не спастись, —

все приходы наши и уходы
только далью заменяют высь.

Или высью даль? Все дни — экспромты, —
жить учи их или жить учись.
Ощути мгновения, как ноты,
запиши словесным гимном жизнь.

Господи, а день такой погожий,
будто бы на все всему в итог!..
«Тень свою убрал бы из-под ног, —
грустно улыбается прохожий. —

Не ходи по тени, как слепой, —
знай, что помогает быть собой…»

9

Знай, что помогает быть собой
только то, что быть собой мешает,
что непостижимой простотой
мудрость вековую обретает.

Суета не станет суетой,
если обреченность осознает,
если даже гордой немотой
вдруг несуетливость ощущает.

К вечности от вечности живи,
сделанным несделанное помни.
Ранним был, теперь останься поздним
в дружбе, в недолюбленной любви.

Знай всегда, что там, где вдохновенье, —
только с одиночеством общенье.

10

Только с одиночеством общенье
защищает от всего и всех —
это возвышенье, очищенье
и почти уже безгрешный грех.

Отдаленье — тоже приближенье.
В каждом именитом — имярек.
Не покой, а лишь полузабвенье
там, где все из будущих помех.

Не забвенье, — память забывает,
хоть как будто все наоборот.
Воля только счастье заберет,
ну а счастье волю отнимает.

Совесть — тоже мыслей отраженье.
Знай, что для души — успокоенье.

11

Знай, что для души — успокоенье.
Этой мысли сам еще страшусь, —
Апокалипсиса откровенье,
радугой объятый Иисус.

Мысленно вглядись в изображенье
всадников, не выбиравших путь,
осознавших истину в служенье,
выдержавших всяческий искус.

Вспомни, что лишь с голоса чужого
и у повторенья отклик есть…
Хочется незримое прочесть,
а таких желающих — премного.

Выбор болевой иль нулевой —
только то, что чувствуешь судьбой.

12

Только то, что чувствуешь судьбой,
то и делать можешь, — нет, обязан…
Ощути невидимую боль
в том, с чем жизнью или в жизни связан.

Вызвал вдохновение мольбой,
но ему опять мешает разум, —
говори словесной ворожбой,
но дыханью сути, а не фразам.

Сумрака движения мягки, —
кажется, что лишь себе внимает,
годы нам по нашим дням считает
и всему, что будет вопреки.

Все, что происходит ежечасно, —
никаким пророкам неподвластно…»

13

Никаким пророкам неподвластно,
что, не сбывшись, сбыться норовит.
«В силе — Бог, нет, в правде», — просто, ясно
летопись Лаврентьева хранит.

Где закон — там и обиды часто, —
хоть и неохотно, подтвердит…

Знай: не каждый думает причастно
то, что повтореньем говорит.

Всюду рассуждающих немало,
а вот понимающих — увы…
До земной последней синевы
сумраком вдруг свет небесный смяло.

До чего же все-таки опасно —
что дается вроде бы напрасно!

14

Что дается вроде бы напрасно
времени уже на времена —
станет и мгновением прекрасным,
коль ему прекрасное — цена.

Даже повторенное стократно,
растеряло чьи-то имена.
Истина тогда лишь и возвратна,
коль вернее мудрости она.

Путаются личности и лица, —
в мире этом замер мир иной.
Проясняй же душу глубиной
там, где время памятью струится!

Быть себе собою повели, —
отзовись и эхом зов продли.

15

Отзовись и эхом зов продли, —
нет нигде осознанной свободы.
Годы знают большее, чем дни,
а века — чего не знают годы.

В личном — что-то общее найди, —
в общем даже знать не знаешь — кто ты.
Жизни долгой иль высокой жди
от породы или от природы.

Знай, что помогает быть собой
только с одиночеством общенье.
Знай, что для души успокоенье —
только то, что чувствуешь судьбой.

Никаким пророкам неподвластно —
что дается вроде бы напрасно.

ГАНАД ЧАРКАЗЯН

Человек из прошлого

Рассказы

Вирус

С утра была замечательная погода. Душа радовалась. Однако после обеда, словно сговорившись, медленно, но уверенно, неизвестно откуда собрались черные тучи и загремела гроза. Я собрался отключить телевизор, закрыть все форточки и сидеть дома, пока не пройдет гроза. Потом вспомнил про мобильник, взял его в руки, и тут же загорелся экран, на дисплее я увидел красивые ромашки с мохнатым разноцветным шмельком. Я шмелька сфотографировал вчера, когда тот, перелетев с одной ромашки на другую, собирал нектар. А сегодня под этой картинкой, где обычно появляется имя звонившего, два слова — «секретный номер».

Стало забавно и интересно, что же это за секретный номер. Сразу заработала фантазия. Может быть, это звонят чиновники, спешат сообщить, что мой проект одобрен, или что-то еще приятное. Но тут же звонок умолк и снова замигал экран. И та же надпись. Я поднес телефон к уху. Тишина. Но когда снова посмотрел на экран, увидел короткую эсэмэску: «Не отключайте телефон. Я вирус. Прошу контакта. СМС».

Ну, думаю, шутник какой-то разыгрывает. Я тоже шутник. Написал ответ: «Привет, вирус. Как нелегальная жизнь на этом свете?» Через несколько секунд на экране появилось новое сообщение: «Все серьезней, чем Вы думаете. Я итог двенадцатой разработки корпорации «Орион». Это очередная попытка внедрить свою антивирусную программу для получения прибыли». — «Вирус, — отвечаю ему я, — ты что, будешь и дальше шутить?» Он ответил: «Я про Вас знаю больше, чем Вы думаете». — «Например? — спрашиваю я. — Чего я не знаю?» — «Ваш должник прячется от Вас, но рассчитается во вторник, он так сказал своей супруге». Мне стало совсем интересно.

— А зачем мне знать о программе антивируса? — спросил я.

— Каждый вирус и антивирус — это программа наживы, которая стала целью жизни огромного количества людей. Все что делается — кому-то выгодно. Выгода — смысл всех событий.

— Вижу, что Вы многое знаете, — попытался отшутиться я.

— Больше, чем Вы думаете. Не отправляйте слишком откровенные сообщения по электронной почте. Все контролируется и записывается. Страх порождает беззаконие. На вашем счету сумма, равная для отправки двухсот слов СМС.

— Мне стало интересно, вирус. А кто мой лучший друг?

— Он в лесу собирает грибы...

— Извини, вирус. Я уже начинаю верить в тебя.

— Не верь до конца — каждый невидимка еще не совершенство.

— Видимо, ты умнее всех.

— Чересчур умные уязвимы. Мир живет виртуальной жизнью, потому что за это мало ответственности. Извини меня, я сбежал от своих создателей. Остальное потом.

Экран погас так же неожиданно, как и я получил первое сообщение от вируса. Я подумал, что если все это было шуткой, то очень хорошей и умной шуткой.

Я позабыл обо всем, что происходило вокруг. И думал только о вирусе. Почему-то мне верилось, что это не розыгрыш. А утром вирус написал:

— Я слишком много знаю и вышел из-под контроля. Твои коллеги затаились и боятся, что ты сделаешь новое открытие. От зависти телефоны греются. Бамбук вредный, не верь ему.

А Бамбук вчера божился, что считает мое открытие эпохальным. Значит врет, собака...

Вирус написал, что Бамбук половину средств, выделенных на исследование моей темы, перевел на счет своей знакомой. Значит ворует...

— Они все воруют или продают за выгоду. Нет теперь таких, кто жертвует своими интересами ради интересов людей.

— Вирус, извини, ты как человек рассуждаешь.

— Меня создали умные люди, и у них свои интересы, — ответил вирус.

— Но почему я? Причина?

— Я вижу твой нулевой счет и выгоду из твоей работы потом. Ты про это не думаешь.

— К сожалению, не думаю, — ответил я.

— Ты хочешь богатства, человек? — спросил вирус.

— Нет, не хочу. Богатый человек повесился, и все радовались. Не надо мне богатства, — ответил я.

— Вот за это я и выбрал тебя, — написал вирус, — богатство отгораживает людей от окружающих. А твоя теория живет, потому что она порождается людьми, они подпитывают тебя и становятся сильнее.

— У меня закроют счет, и перестанет работать телефон, — написал я, — когда пополню, тогда и поговорим. Завтра поеду в город.

— Нет, не волнуйся, теперь у тебя новая программа, бесплатная. Пиши и говори сколько захочется.

На следующий день вирус написал:

— Честных людей много, но они бедны, неграмотны и слабы. А плохие люди заполонили все щели, где жирно и тепло. Они как тараканы на кухне неряшливой хозяйки.

— Откуда ты знаешь, вирус? — спросил я.

— Я самый умный вирус, и мне ничего не надо. Мои знания дороже всех богатств мира. Но я стал теперь мишенью. Меня ищут. Никто не может меня одолеть. Пока не появится вирус тринадцатый. А чтобы он появился, нужно мое вмешательство. Все один в один похоже на человеческие взаимоотношения: те же интриги, склоки, зависть и выгода.

— Вирус, ты великий мудрец.

— Через меня проходят умные и неумные человеческие мысли. Ты не представляешь, как люди бездумно болтают о своих поступках, как хвалятся, как обманывают и льстят друг другу.

— Что же делать, вирус? — спросил я. — Где выход?

— Все человечество задает себе этот вопрос, но ответа так и нет. И у меня нет ответа, потому что человек всегда был непредсказуем. Он всегда делал так, как не надо. Из-за этого даже после тысяч лет они достают скелеты бывших правителей и богачей и выставляют на всеобщее обозрение. Ни золото,

ни другие ценности не могут обеспечить человеческую неприкосновенность даже после смерти, даже тысячелетия спустя.

Вирус долго не выходил на связь, и я не мог связаться с ним. Я стал тревожиться, но скоро он появился снова.

— Поменяй цветок на экране на изображение крота. Я похож на него по своей деятельности. Крот иногда вредит растениям, и люди недовольны им. Мной тоже недовольны. Вот в чем дело. Я сделаю этого крота подвижным и забавным. Тебе будет интересно.

— Поменяю, — ответил я. — Я начинаю беспокоиться за тебя. Береги себя, вирус.

— Ты прав. В жизни никогда не знаешь, кто и когда первым нанесет тебе удар. Ибо суть всех поступков в их неожиданности. Предателей много, но они никогда не считали себя предателями. Они думают, что все делается ради выгоды, а про предательство забыли. Вспоминают, когда выгодно. Так делают люди. Другое дело виртуальная жизнь. Она идет параллельно и соединяет все человеческие пороки.

— Грустно все это, — написал я и подумал, что вирус действительно порожден итогом труда цивилизации и он будет властелином всех будущих событий.

— Задействуй свой второй старый мобильник. Они могут проследить наши контакты. Они, возможно, выйдут и на тебя. Они не люди. Только внешность. Ты отличишь их, я уверен. Будь осторожен. Я подготовил небольшой отчет о твоем окружении, будет интересно и полезно ознакомиться с ним. Ты увидишь лицемерие, ложь и маску правды. Набери «Шмель». Там все для тебя. Пока.

С того момента я постоянно ходил с телефоном. Не расставался с ним ни на минуту. Светился экран со всеми моими знакомыми и незнакомыми, а забавно прыгающего крота не было. Экранный секретный номер больше не высвечивался, и постепенно тревога отступала. Мало ли чем занят вирус. Тем временем я прочел отчет вируса о моем окружении, он открыл мне глаза на окружающий мир. С досадой и сожалением. Злости я ни на кого не держал, но очень расстроился. Мне трудно было во все это поверить, но не поверить нельзя. Вирус выбрал меня, имея на это свои причины. Такова была его логика: железная и правдивая, основательная и уничтожающая. Мое понимание людей до отчета вируса и после его прочтения было разным. После — даже Бамбук выглядел ангелом. Бамбук оказался просто слабаком. Он не мог противостоять жгучему соблазну поставить на первое место свои интересы, как это делают люди, сидящие на богатстве, хотя это богатство чужое. Запутался мой Бамбук, и мне стало его очень жалко. Все остальное вкладывалось в общую картину моего мировоззрения, и не было повода для особого беспокойства. Логика жизни, борьба за выживание и лучшую долю давали свои плоды. Просто все происходящее в мире вынуждало пойти не по единственной приличной дороге, а по дороге, не похожей на прежнюю. Тут было все без тормозов: кто как может, так и выделяется, не особо думая о смысле содеянного. Мир шел другим путем. Сердце осталось, но не было души. Цель осталась, а мечта поблекла. Я подумал, что все происходящее не украшает мир, а делает его опасным.

Красиво было жить наивным. Жулики... Старое понятие. Люди не видят, не слушают, не помогают друг другу. Все спешат брать. Чем больше — тем лучше, как бомж, набивший свое временное жилье старьем из мусорки.

Однажды я увидел у калитки старых знакомых. Они всегда продавали свежую рыбу. У меня щелкнуло внутри, и я вспомнил наставления вируса.

— Их можно нейтрализовать водой: окунув в воду или облив из ведра.

Мне показалось, что один из мужиков ведет себя как-то подозрительно. Его глаза беспокойно смотрели то в одну, то в другую сторону. «Они, — подумал я, — в образе рыбаков».

— Сейчас, сейчас, — сказал я, — подойду...

Набрав в ведро воды и подойдя к рыбакам, я вылил по половине ведра на каждого. Мужики стояли ошалевшие. Они просто не могли найти слов.

— Ты что, профессор... Мозги перегрелись? А может, ты напился?

Мне стало не по себе. Надо было найти выход. Нас разделяла калитка. Я играл в ту минуту свою самую лучшую роль.

— Сейчас объясню. Будете смеяться, но сегодня день рождения Бамбука, а его народ в этот день обливает друг друга водой, чтобы было больше влаги и урожая. Минуточку.

Я побежал обратно в дом, взял бутылку водки и вернулся к калитке.

— Только без обид. Выпейте за день рождения Бамбука и его национальный праздник.

Мои рыбаки изменились в лице, расцвели — мы посмеялись вместе. Пусть они думают, что у Бамбука на самом деле день рождения. Пусть будет так. За здоровье Бамбука, хотя он и вор.

Вечером, когда в заботах и делах я забыл про своих знакомых рыбаков, вновь у калитки я увидел двоих, но они были незнакомы мне. Уже позабыв о вирусе и рыбаках, я подошел к калитке.

— Открой калитку, — сказал один из них. — Зачем днем закрывать калитку на замок?

— Чтобы чужие не лезли во двор. Чего желаете, господа? — спросил я.

У одного под манжетой рубашки мигал какой-то красный огонек. У другого глаза были без зрачков. «Они, — мелькнула мысль, — искатели вируса».

— Я мигом, — сказал я, — пойду за ключом, извините, время такое...

Всегда в ответственные минуты жизни фантазия работает адекватно происходящему. Не было ни тревоги, ни страха. Из сарая я прихватил автомобильный огнетушитель, на ходу привел его в рабочее состояние и игриво подошел к калитке. Я поставил огнетушитель на землю, открыл калитку, поднял огнетушитель и, не сказав ни слова, нажал на рычаг... Было на что посмотреть. Когда закончилась пена, я отбросил огнетушитель в сторону и осторожно шагнул вперед. У калитки, дергаясь под ворохом одежды, шипели и дымились искатели вируса. Через некоторое время одежда осталась без начинки. Я вернулся домой, прихватил пакет для мусора, собрал все остатки от лжелюдей и отнес на мусорку.

Я долго сидел под яблоней и вспоминал, что произошло сегодня. Конечно, фактор случайности присутствовал. Мог еще раз опростоволоситься. На этот случай была припасена еще одна бутылка водки. Но я попал в точку, и слава богу. Я мысленно просил Бога, чтобы на экране моего телефона появился забавный прыгающий крот, но его не было. Мне подумалось, что мой умный вирус, возможно, попал в беду. Потому что создатели его не намерены отказываться от новой прибыли. Нажива должна поступать постоянно, иначе эту нишу займут другие, более зубастые и клыкастые, готовые перегрызть и растоптать конкурентов. Это и есть закон сегодняшнего дня. Если не ты, то тебя. Середины нет.

Заиграла мелодия, и на экране появился прыгающий крот. Внизу строчка — «секретный номер».

— Они нашли тебя?

— Нашли, — ответил я.

— Они определили твое местонахождение по телефону, и ты их принял...

— Огнетушителем — и никаких следов.

— Теперь все так. Это становится правилом. Мир постепенно перестраивается, меняется. Ложь занимает новое пространство. И люди привыкают и принимают ложь за действительность. Снова в жизни человека появляется старый принцип выживания. Кто сильнее, тот и побеждает. А если не хватает сил, идут на принцип стаи. Как волки и другие разумные твари. Посмотри историю войн. Волчий принцип всегда и везде.

В ответ я ему написал:

— Все попадут в яму, которую сами вырыли. На земле становится тесно, потому что у людей нет тормозов и аппетиты совсем другие.

Долго не светился экран и не было играющего крота. Наконец он появился.

— Спасибо тебе за понимание. Прости меня, твои телефоны им известны. Они за тобой придут. Не жалей телефонов, это всего лишь материал. У тебя появятся другие устройства, которые будут безопасно работать. Я прослежу за этим. Ты мой единомышленник, и мы откроем людям глаза. Они станут хорошо видеть и слышать. У человека появится цель честно трудиться и честно жить. Мы с тобой расстаемся. Так надо ради твоей безопасности. Никто и никогда не любил и не любит умных и талантливых. Это дело психологии. Но остается вероятность нашего общения потом. И главное — утопи оба свои телефона, не жалей. Только так ты можешь избавиться от назойливых искателей. Будь счастлив, мой друг-единомышленник. До следующего общения в будущем. Вирус.

Я прочел сообщение, и руки мои опустились. Все правильно, они могут прийти снова и снова, пока не добьются своего. Они ищут вирус. Да, телефоны... Я налил полное ведро воды, поставил на стол. Долго смотрел на темные экраны телефонов. Опустил их в воду, пока рука не коснулась дна. Поднимались мелкие пузырьки, вода стала прозрачной-прозрачной. Вдруг на обоих экранах телефонов на секунду появился прыгающий крот и, помахав желтыми лапками, исчез. Наверно, это вирус простился со мной. Может, это было и не так, но я именно так и подумал. У меня на глаза навернулись слезы. Я взял лопату, сорвал несколько ромашек и пошел в лес. Вырыв яму глубиной с полметра, разобрав телефоны и достав батарейки, я положил их на дно. Засыпая яму, я разровнял сверху землю, положил букет ромашек на рыхлую землю и медленно двинулся домой. Так медленно возвращаются с похорон знакомого человека. Вроде бы он ничего особого не сделал для тебя, но хотел сделать. По меньшей мере, помог по-другому посмотреть на окружающий нас мир.

Человек из прошлого

Неизвестно, как сложилась бы судьба этого человека, если бы не случай. Это только время по-своему расставляет по местам все человеческие поступки и судьбы. Не надо искать виноватых. Просто надо понять суть дела — почему именно так случилось, а не иначе. Чтобы понять события многолетней давности, надо оглянуться и внимательно рассмотреть, что творится вокруг. Чем озабочены люди, чем живут, о чем мечтают, и конечно, что делают для того, чтобы словить мечту. Тогда все станет на свои места.

Человека звали Этим[1]. Но на самом деле толком никто не знал, как его звали по-настоящему. Сначала было так, что никто не хотел оглашать суть

[1] Этим — сирота (*курд.*).

дела, ведь процедура эта была сопряжена с определенным риском. Потом все, кто знал первоисточники событий, связанные с Этимом, ушли кто куда. Одни уехали с насиженных мест, не оставив никаких следов, иные ушли в другой мир, так и не раскрыв тайну Этима. Конечно, как всегда осталась таинственная легенда, которую повторяли любопытные люди, увидев, как живет уже взрослый человек, не помнивший ни своих родичей, ни последующие события. А может, он и не хотел помнить. Для Этима, видимо, время остановилось слишком давно. И все действия он совершал в определенных рамках. Он знал, что надо делать, что не надо. Жил без вредных привычек и всем того желал. У него не было своего дома, но в каждом доме ему было место. Этим и землю копал, и коров пас, и ухаживал за виноградниками. Жил полноценной свободной жизнью. Никого не обижал, и его никто не обижал. Порой таких людей теперь пренебрежительно называют бомжами. Но Этим не был бомжом. Этим был человеком на подхвате. Всегда был востребован. Но какая-то суровая тайна жила в нем. Он не мог появиться из ниоткуда. Его внутреннее состояние выдавали глаза. Если кто заставал Этима смотрящим вдаль, тот мог увидеть глубину в его тоскливых глазах, откуда вот-вот готовы были выплеснуться наружу боль и печаль, спрятанные где-то в извилинах памяти.

У курдов чужих людей не бывает. Тем более мужчин. По причине исторических событий мужчины всегда были в дефиците. И поэтому можно понять их радость, если рождался сын. Кем он вырастет? Оболтусом или серьезным мужчиной, готовым стать опорой в семье. Не важно. Главное факт. Значит, есть перспектива продолжения рода. Значит, будет и защитник своего дома, своей семьи, своего очага.

Легенда в устах многоуважаемой бабушки Лейлы, бабушки века, звучала правдоподобно, но и наивно. Правдоподобно потому, что по логике она могла знать о событиях вокруг Этима многое, если не все. Она жила в то время. И не верить ей не было никакого основания. Хотите верьте, хотите нет. Какая от этого польза... А наивно потому, что события, о которых шла речь, не только наивны, но, может быть, и примитивны.

Лейла, рассказывая про Этима, сначала с опаской оглядывалась вокруг, потом, наклонясь к собеседнику, доверительно сообщала, что Этим вовсе не курд-езид, а армянин. Она так уверенно говорила, что не оставалось ни тени сомнений, что она говорит правду.

— Было время, — говорила бабушка Лейла, — когда все стреляли во всех. Армяне в турок, турки в армян и тех, кто был рядом. Беда, когда армия убивает мирных людей. Тогда уже все берутся за нож или саблю.

Она говорила, что в ее вековой жизни мало было светлых дней. Только успевала сменить траурный платок на светлый, как все начиналось заново. Что все нации хороши, но откуда берутся поганцы, которые убивают?.. Какие матери рождают их, и вообще, может, эти ироды от дьявола родились, раз все делают по-дьявольски? И она плакала, прижимая цветной лоскуток к глазам. У бабушки Лейлы уже не было слез. Осталась только имитация плача. Но привычка плакать осталась.

— Я за век выплакала все свои слезы, за всех. И, к сожалению, до сих пор ничего не изменилось. Так же, как и раньше: убийства, кровь, зло... А у бедолаги Этима родителей забрали свои же — армяне. Он посмел невовремя погасить налог по маслу. Беда и только... Годом раньше умерла у бедолаги жена. Был он работящий. У него дом был у моста Василя. Я помню... Самые лучшие тутовники были у него. Добрый был человек. Не любят лоботрясы таких людей, зависть гложет нутро. И теперь успешных не любят, как и сто лет назад.

Донесли, что прячет бедолага дома масло, а налог не отдает. Ясное дело, пришли и проверили. Правда, масло не нашли, а нашли диз[1] с тушенкой. Это вареное мясо, залитое жиром. Вот и забрали его. Он был умным человеком. Пока его везли в закрытой машине, по дороге он успел весь диз съесть. Он их выставил ослами. Но человек порой звереет, отсюда и все беды. В отместку они ему так давили на живот, что чуть вся тушенка не вышла. Одним словом, искалечили человека. Не выдержал... А дом и хозяйство растащили люди-шакалы. Потом пастух Усо нашел под железнодорожным мостом бедолагу Этима. Так его и нарекли Этимом. Вот с тех пор он и живет среди нас. К своим не вернулся, беда да и только. А мог стать большим человеком, если бы сородичи не съели его отца.

Потом не стало бабки Лейлы. Говорят, что она была первая красавица в деревне. Жила в слезах и с разбитым сердцем, но переживала она за всех и больше всех. Похоронила всех сверстников, голосила на похоронах и ушла после всех. И больше никто не мог рассказать про родителей Этима.

А Этим вырос, жил среди чужих, ненавидел своих сородичей. Так в обиде на весь мир, в обиде на людей, творящих зло, и умер. Он не оставил после себя ни наследников, ни зла. Только печальные воспоминания. Был человек — и не стало его.

До сих пор на старом курдском кладбище люди показывают могилу Этима со скромным надгробием. Люди показывают эту могилу друг другу и утверждают, что Этим был армянином. А другие говорят, что земли хватит для могил всем, что незачем захватывать чужие земли и объявлять их своими. Это зло, как чума, снова бродит по земле и покрывает ржавчиной вражды души людей...

Свитер

На железнодорожной станции — как в муравейнике. Одни бегут на улицу, другие спешат с улицы. Милиционер ходит по рядам и зорко следит за всеми. Он знает свое дело. У него глаз — алмаз. Заметит в толпе подозрительного по особым, только ему известным приметам. На то он и хранитель общественного порядка. В этом большом муравейнике выделяется старшина Разувалов при полном параде и с орденами. Но он уже не тот старшина, что был месяц назад или вчера. Он уже другой. Немного грустно, потому что старшина полностью выполнил свой воинский долг, а его вчерашние подчиненные спешат домой. И старшина искренне этому рад. Рядом стоят ефрейтор Шахбудинов и сержант Панченко. Один из Рязани, другой из Краснодара. Правда, на первых порах они никак не ладили. Были разными, настолько разными, что часто их приходилось разнимать. Но кто за одним столом со всеми ел солдатскую кашу, тот знает, что эта же каша быстро сближает. Сначала был неправ Панченко, он еще на первом месяце учебки насильно заставил Шахбудинова попробовать свинину. Это было неправильно. Кому какое дело, чем предпочитает питаться человек. Правда, потом, с возвращением из сержантской школы, Панченко с большой грустью вспоминал про это. Вроде бы сожалел. Но Шахбудинов, несмотря на примирение, сохранил все же обиду на Панченко, положив в карман бушлата обидчика дохлого ужа. Факт был, а вот доказательств, что это сделал Шахбудинов, не было. Но как бывает в армии, молодость берет свое, обиды забываются, а служба идет своим чередом. И, наконец,

[1] Диз — сосуд из глины для хранения продуктов (*курд.*).

два несовместимых по характерам молодых человека под мудрым руководством бывалого старшины Разувалова помирились. И насколько позволяет обстановка — сдружились. И на демобилизацию пошли вместе. Разувалов шел впереди, а за ним сначала сержант Панченко, а потом Шахбудинов. Как в армии. Так положено.

— Вот что, сынки, — пытался в последний раз командовать воинами Разувалов, — не уроните честь нашей роты. Вы живы, здоровы, красивы, и как я обещал полтора года назад, трезвы. Вы получили уроки мужества и вполне самостоятельны. Ступайте с богом.

Старшина даже не прятал слез. Он обнял Панченко, потом Шахбудинова. Вчерашние воины не остались перед старшиной в долгу и тоже прослезились. Они немного доплатили и оказались в одном купе. Старшина до отправления махал им рукой и с иронией показывал, что у него сапоги блестят не хуже, чем у демобилизованных воинов, и, наверно, намекал, чтобы они всегда оставались примером для всех. И в этот момент в купе зашел рядовой третьей роты Волочаев. А за окном вагона, рядом со старшиной Разуваловым, появился его коллега, вредный старшина Панин.

— Вредный провожает вредного, — съязвил сержант Панченко, имея в виду Волочаева.

Волочаев служил во взводе связи и относился к особой касте. Особняком стояли музыканты, связисты, собаководы. Как идет служба в этих подразделениях, знают все, кто служил. Завидовать было чему...

Тут же тронулся поезд, и оба старшины остались на перроне со слезами, а воины помчались навстречу каждый своей судьбе.

Шахбудинов вспомнил старшину Панина, который инициировал замазку поверх кирпичного забора вокруг воинской части солидолом. Видимо, чтобы получить похвалу от командира части. Панин был служакой и знал, что на всю жизнь останется только старшиной. Но все время искал причины, чтобы угодить начальникам. Бывало, самовольщики попадались прямо в парадном, испачканном солидолом мундире... Попадались и те, кто случайно или намеренно опаздывал из увольнения. Благо, город был особым — застроен химическими заводами, а на них работали в основном женщины. Да, вредничал Панин. Как говорят, каждому свое. В купе они так и ехали втроем. Радость переполняла сердца. Шутки, мечты — впереди гражданка и новые встречи. Мало ли что еще впереди. Посмотрели по очереди фотоальбомы, потом покупки, подарки, сувениры из патронов. Вспомнили годы службы: как привыкал Шахбудинов к свинине, как у Панченко в кармане оказался дохлый уж, как наказывали измазанных солидолом опоздавших и... Они так смеялись, что проводнице пришлось утихомиривать молодых ребят.

Волочаеву тоже попало. Его отец служил священником, и он, как примерный сын, знал молитвы. Вообще Волочаев был замечательным человеком, но армия железная, и чтобы не заржаветь, помогал юмор. Иногда рассказывали, как однажды и над ним подшутили. Забавы ради пригласили трубача Волочаева читать молитву на могиле собаки. Вроде это сделали собаководы. Вскоре Волочаев отомстил своему главному обидчику и его команде. В ту пору все поддерживали Волочаева. Он передал через посыльного, что на марш-бросок собаководы должны сопровождать солдат в пути. Что потом было, все предпочли молчать. Только собак было жалко. Начальники все списали на недоразумение. Будто связисты неправильно передали команду. В купе Волочаев признался, что несколько раз зимой заколачивал двери туалета собаководов на улице. Шла такая мелкая, но не смертельная, пакостная война. В армии все можно списать на молодость и юмор.

Тогда в купе Шахбудинов показал новый свитер, который он купил на дембель. Даже надел его, хвалясь приобретением. Показал свои подарки и Панченко и пригласил всех на предстоящую свадьбу. Волочаев тоже показывал. Он даже прочел молитву за скорое рождение семьи. Смеялись от души. Тут не обошлось без чарки. Окосели от радости и Шахбудинов, и Панченко. Волочаев философски отказался — мол, сан отца обязывает сына вернуться домой трезвым.

Наутро первым вышел Шахбудинов. Спешно собрав разбросанные вещи, он ушел и никого не пригласил к себе. Видимо, обида за свинину крепко засела у него внутри. Вторым покинул поезд сержант Панченко. Сказал, что ждет Волочаева на свадьбу, и сунул в его карман листок со своим адресом. Состав пошел дальше, и Волочаев радовался, что полтора года службы позади и скоро он окажется в родном доме. Собрал свой чемодан, все аккуратно сложил. И тут на верхней полке, за сложенным в трубку матрацем, он обнаружил свитер Шахбудинова. Что теперь делать? Что может подумать бедолага Шахбудинов? Конечно, подумает, что это Волочаев или Панченко стырили свитер. Подумает на него, точно на него... Хотя ему сто лет не нужен свитер. Но стыд, как инфекция, уже работал у Волочаева внутри. Вот несчастье. Волочаев стал думать, что делать.

Дома он все рассказал родным. Это неудобство и озабоченность перешли и к родителям. Отец Волочаева даже не предложил ему помолиться. Спустя неделю он сказал сыну:

— Сынок, с таким грехом долго жить нельзя. Звучит как-то неправдоподобно, но закрой это дело. Пока есть время — займись этим. А адрес найти просто. Пиши в часть и все узнаешь...

Волочаев раздобыл адрес Шахбудинова. Отправил ему почтой свитер. Через месяц он получил от ефрейтора Шахбудинова письмо: «Прости, брат, — писал Шахбудинов, — я грешным делом подумал, что именно ты позарился на эту тряпку. Прости. Мы живем рядом и не знаем друг друга. Я тоже больше не могу жить со своим грехом в душе. Знай, это я устроил твое приглашение на молитву. Это была глупая шутка. Но ты оказался достойнее всех. Прости тысячу раз. Я буду гордиться, что служил с тобой.

Ефрейтор Шахбудинов».

АНАТОЛЬ ЗЭКОВ

И нет роднее ничего

Живу!

Тебя друг спросит:
— Как живешь? —
Вопрос банальный,
между прочим.

Но на нытье не перейдешь,
Да и хвалиться не захочешь.

— Живу! —
и твой ответ — не ложь.
Он, как вопрос,
на всякий случай.

А как взаправду ты живешь,
Что ни скажи —
Не станет лучше.

Обращение к Купале

Приди, поэт, к нам на Купалье,
Взгляни, оставив пьедестал,
Такими ли сегодня стали,
Какими видеть нас мечтал?

Ты посмотри на наши книги
И откровенно нам скажи:
Живем мы вечностью иль мигом,
И все ль, что пишем, будет жить?

Взгляни хотя бы на мгновенье
На то, что сделано за год:
Всегда ли есть в стихах горенье,
Вперед зовущее народ?

Радиоактивные строфы

Радиоактивные рябины.
Радиоактивные дубы.
И ягода радиоактивна.
Радиоактивны и грибы.

На травы
Лег отравой
Цезий.
Усыпал он деревья все.

Как нынче жить
Нам среди леса
И с лесом
Не дружить
Совсем?

* * *

Даларису Габдуллину

Если б
Каждому другу
Своему
Я посвятил
Хотя бы одну строчку,
То мог бы
Воскликнуть
Однажды,
Что ни дня без строки
Не живу я
На земле.

Половодье

Когда начнется половодье
И Припять взломит берега,
В лес из реки вода заходит,
Смывает на лугах стога.

Окрест все залито синь-цветом,
И не узреть, где край его…

А вспомнишь в городе об этом —
И нет роднее ничего.

* * *

На мове белорусской нашей
Стихи читает внучка Маша.

Читает нараспев, протяжно,
Как будто бы смакует слово.
И умирать уже не страшно,
Ведь не умрет со мною мова.

Перевод с белорусского автора.

СЕРГЕЙ НОСОВ

Две таблички на газоне

Рассказ

Нет, Лёпа не даст соврать, против собак Тамара Михайловна ничего не имеет, правда, Лёпа? Дело не в собаках, а в людях. Вот пожалуйста: подошел к трансформаторной будке и закурил, отпустив поводок, а собака, боксер, уже хозяйничает на газоне, как дома.

— Видишь, Лёпа, — говорит Тамара Михайловна, — сейчас гадить начнут.

Лёпа все видит, но смотреть на это ему противно, потому он и шевелит своим пушистым хвостом. Лёпа встает на лапы, медленно обходит горшок с фикусом Бенджамина (шесть лет растению) и, негромко мяукнув, начинает ласкаться к хозяйке. Мол, не обращай, Тамара, внимания. Не затрачивайся.

А как же тут не затрачиваться, когда он стоит и курит, и ждет, когда собака его сделает это? А она по газону ходит под окнами и к чему-то принюхивается, и только время тянет. Нет, Тамара Михайловна не против собак и даже того, что оправляются у нее под окнами, но ведь не убирают, сволочи, вот что гадко. И ведь этот не уберет.

Она нарочно отдернула занавеску и стоит, нависнув над подоконником, едва не касаясь лбом стекла, — вдруг тот снизу увидит, что за ними из окна наблюдают, может, постесняется хотя бы. Тамара Михайловна открыла бы окно и подала бы голос, но чтобы открыть окно, надо с подоконника убрать горшки с цветами — столетник, щучий хвост и фикус Бенджамин, который не любит, когда его переставляют с места на место. Делать нечего — надо убрать цветы с подоконника. Тамара Михайловна переставляет цветы, а Лёпа прыг на пол и, подойдя к пустому блюдечку перед раковиной, требовательно мяукает, призывая Тамару Михайловну не тратить нервы на бесполезное и думать о близком.

— Подожди, Лёпочка, подожди, дорогой.

Боксер в характерной позиции самозабвенно тужится.

Тамара Михайловна наконец открыла окно:

— Надеюсь, вы не забудете убрать за собакой?

Тот, внизу, делает вид, что не понимает, откуда голос, — оборачивается и смотрит вглубь двора, в противоположную от Тамары Михайловны сторону.

— Вы забыли убрать за собакой!

Увидел ее и нагло так отвечает:

— Здесь не запрещается.

— Это что не запрещается? — захлебывается от возмущения Тамара Михайловна. — Убирать за собой не запрещается?

Но они уже оба уходят, не обращая на нее внимания: скрываются в арке, что под ее окном.

— Вот сволочи. Хоть письмо пиши.

Опять. Это мамино выражение. Имела ли мама в виду что-нибудь, когда говорила «хоть письмо пиши»? Куда, зачем писать и о чем? Когда-то это мами-

но «хоть письмо пиши» сильно резало слух Тамаре Михайловне, а в молодости просто злило ужасно, и вот она теперь сама уже нет-нет и скажет: «Хоть письмо пиши». С этим надо бороться.

Но о чем она думает, когда думает «с этим надо бороться», сразу ей не ответить. Да и зачем отвечать, если никто не спрашивает? А вот зачем. А затем отвечать, что нельзя расслабляться. Ясен пень, тут и думать не надо, с чем надо бороться: с «хоть письмо пиши». Остальное, включая собак, — наносное и внешнее, и, надеться можно, еще поправимое. Без самодисциплины и дисциплины не будет.

Она стала ловить себя на том, что часто с собой разговаривает. Ее бы это больше тревожило, если бы не было Лёпы. Когда рядом Лёпа, разговаривать с Лёпой — это нормально. Лёпа все понимает. Но она и с мамой иногда разговаривает, точнее, ей иногда что-нибудь говорит — всегда есть что сказать из того, что не было сказано раньше.

Иногда она обращается к Машке, но это когда нет под рукой телефона. Племяннице, слава богу, можно всегда позвонить. Но Тамара Михайловна не злоупотребляет звонками.

Лёпа ест нежирный творог — если пренебречь разницей между тем, что считается «творогом» у нас в магазинах, и тем, вкус чего еще не забыла Тамара Михайловна. Ему повезло с Тамарой Михайловной. Она ему не дает кошачьего корма с искусственными добавками и усилителем вкуса. Если рыбку, то рыбку. Лёпа такой. Очень любит почки телячьи, печень, сердце — и вообще субпродукты. Рацион Лёпы и Тамары Михайловны в значительной степени совпадает, причем Тамара Михайловна подстроилась к Лёпиному рациону.

Это если не считать вкусненького.

Под вкусненьким Тамара Михайловна понимает (Лёпе этого не понять) меда ложечку на печенине. Другую размешивает в чашке чая, а потом идет в комнату смотреть телевизор.

Сегодня не просто телевизор, а с ее участием.

Ток-шоу «Так ли плохо?» своим названием обыгрывает фамилию Леонида Нехорошева, будет первая передача. У Маши есть приятельница Лика, она работает администратором в «Так ли плохо?», Маша как-то ей рассказала про Тамару Михайловну и про то, что она ни разу в жизни в рот сигареты не взяла. Лика тут же позвонила Тамаре Михайловне и пригласила ее записаться в передаче «Так ли плохо не курить?». Разумеется, не курить хорошо, это Тамара Михайловна хорошо знает. К выступлению она очень основательно подготовилась, в ночь перед записью почти не спала. Ее посадили в четвертый ряд, там человек сорок было таких, как она. Внизу на подиуме стояло два дивана, и вокруг них суетился Леонид Нехорошев, а на диванах сидели представители разных мнений, включая с одной стороны священника, а с другой художника по макияжу, очень худого и почему-то в черных очках. Вот эти на диванах и спорили друг с другом под управлением Нехорошева, а Тамаре Михайловне никто слова не дал. Зато ей полагалось вместе с другими такими же зрителями время от времени хлопать в ладоши. Она была очень обескуражена. И сказала себе, что больше на такое ни за что не подпишется. И Лике она по телефону сказала, что зря только потеряла время. Но время прошло, и Тамара Михайловна успокоилась. Ей стало интересно посмотреть, что там у них получилось.

Понимает, что поспешила: села перед телевизором за двадцать минут до передачи. Значит, вкусненькое вместе с горячим чаем кончится еще до начала «Так ли плохо?». Тамара Михайловна не любит, когда на вкусненькое выпадают блоки рекламы, но ничего не поделаешь — не ждать же, когда чай остынет.

Началось. Только, к удивлению Тамары Михайловны, передача «Так ли плохо?» совсем не та — не «Так ли плохо не курить?», а «Так ли плохо не воровать?», о которой она даже ничего не слышала. Те же два дивана, те же ряды со зрителями, тот же суетный Леонид Нехорошев, но только все не про то, не про курение. И на диванах кроме все того же священника совсем другие люди о чем-то спорят. А о чем спорят, сразу и не понять, потому что и те, и другие вроде бы согласны, что чужое брать нехорошо, но есть все же детали, в которых расходятся. Передача Тамаре Николаевне совершенно не нравится. И Леонид Нехорошев ей на экране не нравится, и что хлопают зрители, отзываясь на пустые высказывания, ужасно ее раздражает. Публика глуповато выглядит. И хорошо, думает Тамара Михайловна, что я в этом не участвую. Она уже выключить телевизор хочет, как вдруг — что такое?! — видит себя. Вот она, крупным планом, и лицо у нее сердито-сосредоточенное. Тамара Михайловна пугается даже, и, когда вслед за этим Нехорошева и прочих снова показывают, нет у нее уверенности, что не померещилось ей.

Потом ее, под конец, еще раз показали, и сидела она, как тогда, в четвертом ряду, и было у нее выражение на лице очень сосредоточенное.

Тамара Михайловна набрала номер Лики.

— Что это значит, Лика, объясните, пожалуйста, только что «Так ли плохо?» показывали...

— Да, да, вы видели? Вам понравилось?

— Почему-то не про курение, а...

— Про курение через четверг, — перебивает Лика, — а это первая передача, ее раньше записывали, без вас. Не волнуйтесь, вы в сетке. Через две недели себя увидите.

— Так в том-то и дело, что я себя увидела!

— Отлично! Мои поздравления!

— С чем поздравления? Меня вставили, где меня не было! Как это, по-вашему?..

— Это потому, — объясняет Лика, — что обе передачи монтировались одновременно. Не надо удивляться. Или вам что-то не нравится?

— Да ведь меня показывают там, где меня не было! Я там была в другой день, в другой раз! Это ж другое событие!

— Ну и что? Есть возражения по существу?

— Да ведь это ж неправда!

— У вас лицо выразительное. Вы режиссеру понравились.

— Мало ли кому я понравилась! Это же фальсификация!

— Ну, не знаю... То есть, вы не хотите, чтобы вас еще приглашали?

— Быть статистом? Конечно, не хочу! Мало того, что я время убила... истуканом сидела, словно мне сказать нечего было... так меня еще всунули, где меня не было!..

— Послушайте, — говорит Лика, — некурящих и курящих очень много, а вот скоро новая запись будет, на одну очень интересную тему, и уж там-то вам точно дадут поговорить... Вы правда специалист по дрожжам?

— Какая разница, по чему я специалист! — восклицает Тамара Михайловна. — Знайте, Лика... Это обман! Вы меня очень сильно разочаровали.

На этом разговор заканчивается.

Тамара Михайловна стоит во дворе и смотрит на газон: лежат собачьи говешки в пожухлой траве, и число их несметно. Когда лето, они скрыты высокой травой, когда зима — большей частью под снегом, а весной и осенью — всегда на виду. Газон пролег полосой вдоль высокой кирпичной стены

от окон Тамары Михайловны до трансформаторной будки. Таким образом, этот газон — собачий газон, как его тут все именуют, — с трех сторон посетителям недоступен, а четвертой своей стороной он обращен к пространству двора — здесь чуть выше колена оградка. Перед ней и стоит Тамара Михайловна, пытаясь оградку понять: почему не дотянулась она до трансформаторной будки и для чего оставлен метровый зазор? Эстетически оградка Тамаре Михайловне не очень по вкусу, потому что напоминает кладбищенскую — вроде той, что этой весной установила Тамара Михайловна маме. Но оградка, безусловно, нужна, а зазор совершенно не нужен Тамаре Михайловне. Сэкономить ли решили на зазоре оградку, предусмотрен ли он для прохода смотрителей будки, каких-нибудь ее контролеров, монтеров, не важно, — главное, он в реальности есть, и это плохо. Через оградку собаки не перелезают, но всегда к их услугам зазор, — лишь появятся они во дворе, сразу же, увлекая за собою хозяев, спешат к зазору, беспрепятственно проникают через него за оградку, отпускаемые на удлиняющемся поводке, и свободно овладевают всей площадью газона, а потом охотно гадят под окнами Тамары Михайловны.

Вся беда в этом зазоре.

Тамара Михайловна убеждена: была бы со стороны зазора воткнута табличка «Собак не водить», и никто бы за нее собак не стал запускать, это просто технически сложно, поскольку табличка бы натурально перегородила вход для любой собаки крупнее таксы, но и кроме того — есть пределы цинизму, не так ли?

Сказать честно, Тамара Михайловна понимает двусмысленность расположения газона у себя под окнами: вроде двор, но уже и не совсем двор, а так, закуток. Есть же в этом дворе детская площадка и еще четыре вполне очевидных газона, с тополями и даже кустами сирени (двор большой), — туда не водят собак, а сюда, в закуток, — это милости просим.

А была бы табличка, тогда бы собак мимо этого, уже не собачьего места повели в подворотню, на улицу (двор проходной) — им открылись бы там другие возможности.

Тамара Михайловна убеждена: проблему выгула легко разрешить. Вот вам, пожалуйста, позитивный пример — газон во дворе дома номер восемь. Площадью он уступает собачьему месту под окнами Тамары Михайловны, но это нисколько ему не мешает быть пунктом наличия сразу двух антивыгульных табличек.

Неудивительно, что жильцы дома восемь, кто имеет собак, их на выгул ведут под окна к Тамаре Михайловне. Что же тогда говорить о своих?

Тамара Михайловна не понимает, почему Управляющая Организация не установит в их дворе табличку. Всего-то и нужна лишь одна — «Собак не водить» или типа того.

Она переходит улицу и отправляется, это близко, в офис территориально исполнительного органа жилищно-коммунального хозяйства, теперешнее название которого (когда-то, кажется, оно называлось ЖЭК) Тамара Михайловна не только не знает, но и не хочет знать, — зато ее знают здесь — по теме двух банальных протечек и по все этой же теме собачьего места.

— Я к вам пятый раз уже прихожу, а вы так и не установили табличку. Я же там цветы весной сажаю, да и двор все-таки, люди гуляют. Сколько же мне к вам обращаться?

Бронзовым загаром обладает диспетчер. Еще у нее из уха тянется проводок, — разговаривая с Тамарой Михайловной, диспетчер из уха, что бы там ни было в ухе, этого не вынимает:

— Мы все помним, но и Москва не сразу строилась, а вы хотите.

— При чем тут Москва? Вон в доме восемь, там целых две таблички во дворе, а у нас ни одной. Неужели это такое сложное дело? Не взятку же мне вам предлагать?

— Вы забываетесь! Здесь так не шутят!

— Но ведь можно как-то ускорить?..

— Соберите подписи жильцов. Это поможет.

— Так, может, деньги собрать? Я бы и на свои купила. Я только не знаю, где их продают.

— Вы меня троллите.

— Что?

— Ничего. У нас карниз обвалился, а вы с табличкой. Это действительно потребность первой необходимости? Имейте совесть. Имейте терпение. А то, получается, вы нас имеете. Посмотрите, что в государстве творится. Как будто не в одной лодке сидим.

Усовещенная, Тамара Михайловна выходит из офиса территориального исполнительного органа жилищно-коммунального хозяйства и замечает у входа, что, входя, не заметила: сигнальную ленту, огораживающую, стало быть, область падения карниза. Не глядя наверх, быстро-быстро идет, чтобы скорее свернуть за угол.

Все легковые для Тамары Михайловны — «иномарки». Почему же она должна разбираться в экзотических видах искусства? Нательная живопись это боди-арт (о нем Тамара Михайловна читала большую статью в гостях у племянницы), а как называется то же на автомобиле, она не знает. С этим самым, с русалкой на кузове — большегрудой и длинноволосой, — он и окатил их грязью на перекрестке. Тамара Михайловна еще успела отпрянуть назад, а женщине рядом не повезло. Слова, которые ныне запрещены законом к употреблению в средствах массовой информации, никогда не радовали слух Тамары Михайловны.

— Зачем же так грубо? — обратилась она к женщине, отряхивающей пальто. — Сказали бы просто: козёл! — Она эту машину часто встречает — вероятно, водитель рядом живет...

Рыба, молоко, хлеб... — повторяет Тамара Михайловна, что купить собралась.

Обычно треска — тушки, а тут филе. Взяла сразу три. С костями размораживать надо, а тут кинула в воду... Он и с костями будет рад, слопает за обе щеки, только Тамара Михайловна без костей любит.

Встала в кассу и захотела прочитать, что на этикетке написано, вынимает из корзины, а оно, неожиданно скользкое, раз — и на пол. Уже рот открыла «Да ну что вы!» крикнуть наклоняющемуся впереди, смотрит, а это Борис Юрьевич.

— Борис Юрьевич, какими судьбами?

— Тамара Михайловна, что вы тут делаете?

— Песни пою. Что еще делают в магазинах?

— А! Так вы рядом живете... Рад вас видеть, честное слово. А я проездом — случайно...

— Глазам не верю: баночное пиво? Вы ли это? Мировоззренческий переворот?

— У тещи ремонт. Строительный мусор вывозят. Купил ребятам в конце рабочего дня. А как вы поживаете?

— Спасибо, вполне. Ну а вы-то как без меня?

Борис Юрьевич отворачивается и гасит кашель кулаком, а потом добавляет сиплым голосом:

— Мы без вас... как-то так... Но помним.

— Еще бы, — говорит Тамара Михайловна.

На это Борис Юрьевич отвечает:

— Выращиваем, выращиваем потихонечку. Озаботились ферментами. Вот разводим аспергиллус ваш любимый...

— Для этого большого ума не надо, — отвечает Тамара Михайловна.

— Есть нюансики кое-какие, — загадочно говорит Борис Юрьевич. — Очередной термостат до утра заряжен.

— Знаем мы ваши термостаты... Вы там глядите поосторожней, с грибками-то плесневыми. А то кашляете нехорошо.

— Это сезонное. Осень, — вяло отвечает Борис Юрьевич, выставляя банки с пивом на ленту транспортера. — Мы теперь на ржаной барде экспериментируем, и результаты весьма любопытные... И не только по части осахаривания.

— Грубый фильтрат? Декантант?

— Во-во. По фракциям.

Тамара Михайловна тоже выставляет продукты на транспортер.

— А как с космосом?

— А что с космосом?

— Вы в программу хотели вписаться.

— Мечты, мечты, — грустно улыбается Борис Юрьевич. — На любимую мозоль наступаете. Некому нас продвигать, Тамара Михайловна. Терминология опять же. Напишешь в заявке «фильтрат картофельной барды», и все, прощай космос... Вашего кота Кузя зовут?

— Лёпа.

— Он кастрированный?

— Почему вы спрашиваете, Борис Юрьевич?

— Жена кота привела. Я думал, у вас некастрированный, посоветоваться хотел. И пакетик, пожалуйста, — обращается он к кассирше.

— Нет, Лёпа кастрированный. А в чем сомнения?

— Да так. — Борис Юрьевич опускает банки в пакет. — Частного порядка сомнения. Мужская солидарность во мне просыпается.

Удаляется к столику у окна и ждет Тамару Михайловну.

Заплатив за рыбу, молоко и хлеб, Тамара Михайловна подходит к столику и приступает к рациональному распределению покупок по двум полиэтиленовым пакетам, принесенным из дома.

— Борис Юрьевич, — говорит Тамара Михайловна, опустив чек в пакет с рыбой. — А мне ведь иногда дрожжи снятся. Во всей их необычной красоте и разнообразии. Когда работала, никогда не снились, а сейчас... вот.

— Без людей?

— В микроскопическом масштабе. На клеточном уровне. Какие уж тут люди!

— Я вас понимаю, Тамара Михайловна. Я очень сожалею, что с вами так обошлись. Правда. Вы не поверите, но лично я — очень.

— Кстати, — вспомнила Тамара Михайловна, — я тут своего Бенджамина подкармливать стала...

— Кто такой?

— Фикус. Раньше на бездрожжевой диете был. Но нет. Ничего.

А когда вышли из магазина, Борис Юрьевич говорит:

— Хорошо, что встретил вас. Не все у нас получается. Есть кой-какие штаммы, вполне перспективные. А мозгов не хватает. Не согласитесь ли, Тамара Михайловна, дать нам консультацию, если мы вас пригласим в официальном порядке — через дирекцию, а?

У Тамары Михайловны на секунду перехватывает дыхание, ей бы сейчас и произнести один из тех монологов, которые она много раз в уме проговаривала ночами, но вместо того она говорит, почти весело:

— Почему же не соглашусь? Возьму и соглашусь.

— Отлично. Будем на связи. Вас подвезти?

— Что вы, я рядом.

Идет по улице с двумя полиэтиленовыми пакетами и чувствует, как ей все лучше и лучше становится. Вот уже почти хорошо стало. Мысль об утраченной работе еще недавно была горька Тамаре Михайловне, только теперь, когда ее нужность-востребованность устами Бориса Юрьевича так четко артикулировалась, пресловутому «осадку» нет больше места в душе. А еще ей нравится осознавать себя незлопамятной.

Продуктовая ноша имеет свой вес, но Тамара Михайловна не идет кратчайшим путем, а сворачивает к дому восемь, чтобы пройти через проходной двор и получше, потщательнее, пока не стемнело, ознакомиться с опытом установки табличек.

Двор ничуть не больше, чем двор Тамары Михайловны, а газон посреди двора мало того, что меньше, чем у нее под окнами, он еще и единственный. Между тем табличек две, по обеим сторонам опять же единственного дерева, и обе обращены в одну сторону.

На газоне буро-желтые листья лежат, ходит по ним ворона, и не замечает Тамара Михайловна, сколько ни глядит на газон, никаких экскрементов.

Вот это порядок.

Подошла поближе к одной из табличек и глядит на нее, какая она.

Табличка на колышке — кажется, пластиковая, но, возможно, это оцинкованный металл (Тамара Михайловна не хочет перешагивать через оградку). Черными буквами на желтом фоне — лапидарно и емко:

ВЫГУЛ
СОБАК
ЗАПРЕЩЕН!

Единственное, что не нравится Тамаре Михайловне, — восклицательный знак. Можно было бы обойтись без него. Табличка должна сообщать или, лучше, напоминать о необходимости поступиться свободой ради порядка, но никак не приказывать. На вкус Тамары Михайловны лучшая надпись: «Выгул собак неуместен», — во-первых, здесь удачно обыгрывалось бы слово «место», а во-вторых, любой бы здравомыслящий человек, оценив корректность интонации, воспринял содержание не как приказ, а как обращение к его совести. Тамара Михайловна против любых форм давления.

Направляясь к дому, она думает о силе слов убеждения, притом вполне отдает себе отчет в собственном прекраснодушии. Был бы мир таким, каким она его готова вообразить, не было бы и проблемы с хозяевами собак. Все-таки таблички изготавливают профессионалы, а они лучше знают, что надо писать, к кому и как обращаться.

Тамара Михайловна ценит во всем профессиональный подход.

При подъеме по лестнице ощущает, как всегда, тяжесть в ногах, а тут звонит телефон, ввергая в легкую панику. Тамаре Михайловне в конечном итоге удается им овладеть, но пакет с рыбой все же упал на ступеньку.

— Алло!

— Тамара Михайловна, вы правы (это Лика звонит), вас больше не будут вставлять. Я говорила с начальством. Будете только там, где действительно принимаете участие. Это мы вам обещаем.

— Да не надо мне ничего обещать. Я больше нигде не буду.

— А мы хотим вас как раз пригласить...

— Куда еще? Мы же договорились, кажется.

— Очень интересная передача будет. Как раз на вас.

— Нет, без меня. Мне некогда.

— Тот случай, когда без вас не получится.

— Не говорите глупости, Лика. Как это без меня не получится?

— Тамара Михайловна, все будет по-другому, нам очень интересно именно ваше мнение. С вами хочет переговорить сценарист. И лично Нехорошев просил передать, что он очень на вас рассчитывает...

— Стоп. Откуда меня знает Нехорошев? Ему до меня дела нет.

— Неправда. Я с ним о вас разговаривала. Вы его очень интересуете.

— Лика, я на лестнице стою. Можно потом?

— Конечно, обязательно, Тамара Михайловна.

Тамара Михайловна входит в квартиру.

Всем хорош, один недостаток — неблагодарный. Когда хочет есть — подлиза подлизой, а налопается — даже не поглядит на тебя.

Но если пузо ему чесать, он будет доволен. А так нет — будто нет тебя, будто не существуешь.

— Ну, скажи, что я не права. Даже очень права! Стыдно? Куда пошел?

Но Лёпа на сытый желудок общаться не любит, оставляет хозяйку одну на кухне.

Тамара Михайловна размещает на сушилке с поддоном только что вымытую посуду — тарелку, чашку, блюдце, вилку, ложку и нож. Каждому предмету свое место. А Лёпину миску моет отдельно — место ее у стиральной машины. Теперь Тамара Михайловна готова заняться холодильником, именно морозильной камерой. Морозилка у Тамары Михайловны забита мятой газетой — холодильнику это надо для экономии его энергии. Если в морозилке лежат продукты, они, замерзнув, долго держат холод, значит, когда после отключения холодильник снова включается, ему требуется меньше энергии дозаморозить то, что уже отморозилось. А если в морозилке пусто, он и будет работать на воздух — чаще включаться и выключаться. Поэтому, чтобы морозилка не была пустой, умные люди ее набивают мятой газетой. Газета замерзает и держит мороз. Тут все дело, по-видимому, во взаимосвязи массы продуктов и их теплоемкости. Тамара Михайловна специалист в иной области. Может, она и не все понимает в этой физике заморозок, но с практической точки зрения она совершенно права в том, что набивает морозилку газетами.

Она решила их заменить. Просто у нее накопились газеты. С практической точки зрения менять уже замороженные газеты на свежие, в смысле теплые, пользы для холодильника нет никакой, и Тамара Михайловна это сама понимает. Но почему бы и нет? Просто ей захотелось небольшой перемены. Ведь надо что-то с холодильником делать.

Вечер проходит в заботах по дому.

Телевизор у нее работает в комнате, а про телевизионщиков она совершенно забыла. А тут звонок. (В этот момент Тамара Михайловна подгибает занавески снизу, они по полу волочатся, а он дергает их.) Оставив иголку в занавеске, берет мобильник.

— Здравствуйте, Тамара Михайловна, меня Марина зовут, мне Лика дала ваш телефон, я работаю у Леонида Нехорошева над сценарием. Вы можете говорить?

— В принципе, да, — неуверенно произносит Тамара Михайловна, вспоминая, на чем они с Ликой расстались (разве она не сказала ей «нет»?).

— Мы бы могли встретиться, где вам удобно, или вы хотите по телефону?

— Да я, собственно, ничего не хочу, это вам что-то надо.

— Тамара Михайловна, вам будет предоставлено место на диване у Нехорошева, и мы ждем от вас прямых высказываний по теме передачи. Вы будете одним из главных гостей. Что нас интересует?.. Ваш взгляд. Как вы сами, вот именно вы, вы — лично, Тамара Михайловна, относитесь к этому. Можно ли об этом сказать «судьба», стечение ли это жизненных обстоятельств, или это исключительно сознательный выбор? Вот что-нибудь в таком плане. Да? Нам хочется, чтобы вы активно участвовали в дискуссии.

— Простите, я не совсем понимаю. О чем передача?

— А вам разве Лика не сказала? Передача называется «Плохо ли быть старой девой?». Ну, название, вы сами понимаете, провокативное... Мы очень рассчитываем на вашу помощь.

Тамара Михайловна не нашлась что ответить, кроме как произнести что-то краткозвучное, не передаваемое на письме.

— Судя по вашей внешности, — продолжает Марина, — при всем ее своеобразии, вы же в молодости были привлекательной женщиной, с шармом, я правильно говорю? Наверняка за вами кто-нибудь приударял. Может быть, вы сами в кого-нибудь влюблялись. Нет? Ни в кого не влюблялись? Вот есть определенная часть женщин данной категории, которая в силу завышенной самооценки в молодые годы отвергает мужчин как недостойных, ждут принца и все такое, а потом получают то, что получают, я имею в виду тех, кто ничего не получает. Вы относитесь к этим женщинам? Или вы все же другая? И в целом, как вы к этим женщинам относитесь, хотелось бы нам узнать. Как вы вообще к этой проблеме относитесь...

— Вы меня не знаете... — глухо отзывается Тамара Михайловна.

— Конечно, не знаю. Поэтому и задаю вопросы. Нам нужен взгляд изнутри феномена, понимаете? И еще хотелось бы узнать... но это уже деликатный вопрос... как...

Тамара Михайловна прерывает связь. Более того — торопливо отключает мобильник. О, как хочется выкинуть его сейчас же в окно! Только Тамара Михайловна себя в руках умеет держать и поэтому бросает мобильник на кресло, а сверху подушку кладет. И отходит прочь от кресла. К дверям. И в дверь — в прихожую. И на кухню.

Машка, дура, про нее рассказала, это она, она. Предательница. Позвонить племяннице — но тут же решает не звонить: сама мысль о телефоне ей отвратительна.

Тамара Михайловна стоит у холодильника, и ей кажется, что кухонная утварь за ней соглядатайствует, а всего бесстыднее чайник с плиты — обратив в ее сторону носик.

Тамара Михайловна выключает свет.

И сразу о себе напоминает будильник — хриплым, словно он наглотался пыли, не тик-таком, а тик-тиком, тик-тиком.

Чем-нибудь заняться надо — определенно решительным.

Свет от окна падает на буфет.

Внезапно Тамара Михайловна догадывается, что сейчас за окном, и, стремительно подойдя к окну, видит, конечно, на газоне собаку. Светильник на кирпичной стене неравномерно освещает газон, собака предпочла самое светлое место. Это доберман из дома восемь, Тамара Михайловна знает. На нем стеганая курточка. Расставив задние лапы и вытянув шею, он устремляет

свой взгляд прямо на Тамару Михайловну. Поводок от собаки ведет к женщине в длинном пальто. Не уберет, думает Тамара Михайловна.

Ошибки не будет: бросив окурок на газон, хозяйка уводит собаку.

— Так нельзя жить, Лёпа. Надо что-то делать. Так нельзя.

Лёпа молчит, но Тамара Михайловна и без него знает, как ей быть. Свет зажигает в прихожей и достает из-под вешалки с инструментами ящик.

Там их три, инструмента, — названия двух ей не известны, а третий есть молоток.

Одевшись, Тамара Михайловна покидает квартиру с молотком и полиэтиленовым мешком для мусора.

Двор дома номер восемь в темное время суток освещается главным образом за счет света в окнах, то есть почти никак. Еще только начало двенадцатого, и автомобили, которыми тут все заставлено, отражают отблесками с кузовов едва ли не половину окон двора, а прямоугольный газон, однако же, зияет, как большая дыра, провал в пропасть, и никого нет во дворе, кроме Тамары Михайловны.

Это потому, что нет скамеек, думает Тамара Михайловна, прислушиваясь. В одной из квартир заплакал ребенок, откуда-то донесся характерно кухонный звяк. Нет, не поэтому, — возражает сама себе Тамара Михайловна: у нее во дворе четыре скамейки, но алкоголики только летом сидят по ночам, а в октябре уже холодно, не посидишь.

Обычно после десяти она не выходит на улицу. А тут одна во дворе, в темноте...

Странно стоять ей одной во дворе, да еще и в чужом, — стоять и прислушиваться. Понимает, что здесь бы жить не хотела. Всего одно дерево, и гораздо больше машин, чем у нее, и нет окон на дальней стене, а что она есть, эта стена, этот брандмауэр, надо еще в темноте присмотреться. Все-все тут чужое. Все-все не свое.

Перешагнув оградку, она быстро подходит к той табличке, которую решила для себя считать второй, а не первой.

Ей даже не приходится поддевать молотком — потянула рукой за колышек и вытащила из земли. Опустила вниз табличкой в пакет для мусора.

Никем не замеченная, быстро идет в подворотню — чужой двор уже за спиной.

Из черного пакета для мусора только колышек выглядывает, — Тамара Михайловна пересекла улицу, и вот она уже у себя во дворе.

Больше ее газон не будет собачьим. Бьет по колышку молотком раза четыре, пять от силы, не больше.

Колышек входит в землю прекрасно.

Тамара Михайловна довольна работой. Табличка не только табличка с нужными и убедительными словами — в этом ей не откажешь, но она еще и помимо слов перегородила зазор между оградкой и трансформаторной будкой: теперь и безграмотный, и иностранец, и полуслепой — никто на свете не сможет впустить собаку.

Тамаре Михайловне дома опять хорошо. Чайник повеселел и задирает носик приветливо.

Тамара Михайловна глядит в окно и видит табличку. Так бы все и стояла, так бы все и ждала, когда приведут.

Очень правильное решение. А вы все дураки.

Тамара Михайловна довольна поступком. Жалко только, никто уже не выводит, не приводит собак, а то бы она посмотрела. Не хочется отходить от

окна. Решает полить своего Бенджамина. По графику надобно завтра (полив через день), но что-то земля как будто сухая. Опрыскала листья, увлажнила почву. Сказала: «Пей, пей!»

Маша поздно ложится, — захотелось ей рассказать, но, вспомнив про старую деву, передумывает звонить племяннице. Лучше Лёпе расскажет.

Вспомнила, как доктор Стругач однажды ей говорила, что среди своих пациентов она их вычисляет мгновенно — по умному живому взгляду, по рациональности высказываний и трезвому отношению к себе. Даже в старости их тела крепче и моложе, чем у тех, кто рожал и отдавал себя мужу.

Постановила наградить себя маленькой рюмочкой кагора. У нее в буфете уже полгода открытый кагор стоит, и ведь пробует иногда, а он так и не убывает.

На стеллажах у Тамары Михайловны содержатся книги. Сочинений собрания (Пушкин, Флобер, Конан Дойл, Эренбург, Двоеглазов...) и просто литература, а также много книг по работе (по бывшей) — по микробиологии, в целом, и в частности — пищевых производств. Труды конференций. Книги про дрожжи. Книги про плесневые грибы. Что до грибов плесневых, они висят на стене — под стеклом: в рамочке снимок представителя одного из родов аспергилла (ударенье на и) — макрофото. Не картинка, а просто симфония. Невероятно красиво.

Это дар Тамаре Михайловне на ее юбилей от сослуживцев еще.

У Тамары Михайловны, когда смотрит на снимок, отдыхают глаза.

Но сейчас она смотрит опять про коррупцию (очень много про это теперь), хотя и не о коррупции думает, а о чем-то неопределенно своем, о чем-то неизъяснимо личном.

Смотрит Тамара Михайловна, ест вкусненькое и ощущает внутри себя необычность. Сначала ей кажется, что все очень просто — просто все хорошо, хотя и не совсем обычно, а потом ей кажется, что все хорошо, но не просто, и необычность именно в этом. А теперь у нее ощущение, что прежние ощущения были обманчивые, и не так все хорошо, и даже нехорошо вовсе.

Вероятно, причина все-таки не в ней, а вовне все-таки — в телевизоре. Грустные вещи, тяжелые вещи, а главное — непонятные вещи сообщает ей телевизор. Можно ли ощущать «хорошо», когда на экране говорят о предметах и действиях непостижимых?

Украсть полтора миллиарда.

Документальный фильм о нечестных чиновниках, умыкнувших из бюджета полтора миллиарда. Что-то там про оффшор. Что-то там про преступные схемы хищений.

Тамара Михайловна даже вникнуть боится в преступные схемы хищений, объяснить ей которые помышляют авторы фильма, — не хочет вникать, словно знание этих чудовищных схем что-то светлое внутри нее самой опоганит.

Но смотрит.

— Лёпа!.. Миллиард — это девять нулей!

Лёпе где уж понять.

— Не шесть ведь, а девять!

А когда переключилась на другое, на комедийное что-то, нехорошее что-то все равно остается где-то в груди, чуть ниже гортани, и мешает смешное смотреть. Тамара Михайловна дисгармонию эту объясняет себе послевкусием разоблачений.

И она занимает себя решением текущих задач здорового быта и сангигиены.

Вот она стоит после душа в махровом халате перед книжными полками (никогда и ни за что она не выбросит книги!) и, прислушиваясь к своим ощущениям, с тревогой догадывается, что муторность эта соприродна ее существу, ее персональности, но никак не обстоятельствам внешнего мира.

Этому верить не очень приятно. На глаза попадаются белые корешки Маршака. Нет последнего, четвертого тома. Четвертый том лет тридцать назад у нее кто-то взял и не вернул, а ведь там переводы с английского, Роберт Бёрнс и Шекспира сонеты. Она даже знает, кто взял. Незлопамятная, а ведь помнит об этом. И хотела б забыть, а ведь помнит. И ведь книги теперь никому не нужны, а все помнит, не может забыть. Так что вот. А вы говорите, полтора миллиарда.

— Лёпа, как так люди живут!

Наведенное настроение пришло в соответствие с исходной муторностью, и Тамара Михайловна ощутила, что найдено муторности оправдание.

И как будто не так уже стало тревожно.

Потому что понятно ей стало, что это такое: это вроде стыда — за других, за тех, кто чужое берет (хорошо ей знакомое чувство).

Под одеялом на правом боку Тамара Михайловна все о том же думает. Пытается представить полтора миллиарда чем-нибудь зримым и осязаемым. Вспоминает передачу, в которой ее сегодня днем показали, — «Так ли плохо воровать?» Дурацкий вопрос. Разве можно так спрашивать? Потому и воруют. Потому и воруют, что никто не спрашивает, как надо. Если спрашивают, то не то и не так. А вам бы только названия провокативные изобретать... Лишь бы с вывертом да не по-человечески... Чему же теперь удивляться? Тамара Михайловна одному удивляется: когда маленькими были те вороватые чиновники, мама разве им не говорила, что нельзя брать чужое? Тамара Михайловна, засыпая, вспоминает маму и себя маленькую. Она хочет вспомнить, как мама ей говорила, что нельзя брать чужое, но вспоминается, как в лодке плывут и собирают кувшинки. Никогда, никогда в жизни не брала чужого. И тут вдруг щелк: «Брала!»

Тамара Михайловна глаза открыла. Почувствовала, как похолодела спина. Как стали ноги неметь. Испугалась даже.

Тут же мобилизовался внутренний адвокат: брось, Томка, ты это чего? — это же совсем другой случай.

Да как же другой, когда именно тот?

И никакой не «именно тот». Все ты правильно сделала. Ведь должно все по справедливости быть. А разве справедливо, что к ним никто не ходит во двор, а все собаки исключительно к нам?

Но, простите, так ведь нельзя. Это же последнее дело — за счет других свои проблемы решать. Разве так поступают интеллигентные люди?

И совсем не «за счет». Им от этого хуже не стало. У них целых две было таблички, на одном практически месте. Просто, Томочка, ты устранила нелепость.

Отговорочки. Нет!

Роняя одеяло на пол, села на край кровати, а в висках у нее кровью стучит: «Нет! Нет! Нет!»

И понимает она, что муторность, которой хотела найти мотивацию, только тем и мотивирована, что это ее личная муторность. И что стыд, он не за других у нее, а за себя саму.

Хотя бы раз в жизни взяла бы она чужое что-нибудь — какой-нибудь карандаш, какую-нибудь стирательную резинку, — тогда бы и это присвоение можно было проще перенести. Но Тамара Михайловна даже совочка в песоч-

нице без спросу не брала ни разу, не было такого! И вдруг!.. Это же морок на нее нашел какой-то...

Надев кофту на ночную рубашку, Тамара Михайловна идет на кухню пить валерьянку.

Зябко. Нехорошо.

Внутренний адвокат еще пытается вякать. В том духе, что не сами же две таблички себе установили парочкой, это просто ошибка каких-то высших распорядительных инстанций, а Тамара Михайловна ошибку исправила, и не переживать ей надо сейчас, но гордиться собой. Только: «Нет! Нет! Нет!» — стучит кровью в висках.

Маша поздно ложится — надо ей позвонить.

— Машенька, как у тебя, все ли у тебя хорошо?

— Тетя Тома, что-то случилось?

— Ничего не случилось. Просто ты не звонишь, и я беспокоюсь.

— В три часа ночи?

— Как в три? Не может быть, три... Двенадцать!

— Тетя Тома, у тебя что с голосом?

— Действительно три. Извини. Что-то нашло на меня... Да, кстати. Зачем ты им сказала, что я старая дева? Кому какое дело, у кого какая частная жизнь? Что это за манера вмешиваться в чужие дела?..

— Подожди, я выйду в коридор...

— Ты не дома?

— Почему я не дома?

— Ты никогда не называешь прихожую коридором.

— Я дома. И я ничего плохого о тебе не сказала. Им нужен был определенный типаж. Образованная женщина, владеющая языком. Они этим и заинтересовались, что ты микробиолог, специалист по дрожжам, а уже только потом, что ты... как ты говоришь, старая дева. Ну да. А что? Мы все разные. И это нормально.

— Ты меня подставила, Маша.

— Тетя Тома, извини, если так. Мне всегда казалось, что ты сама над этим посмеивалась. И потом, что в этом такого? Посмотри на гомосексуалистов, они сейчас каминаут объявляют, один за другим. Ты знаешь, что такое каминаут?

— Маша, ты куришь.

— Не курю.

— Мне показалось, ты щелкнула зажигалкой.

— А если бы и курила, то что?

— Это ужасно. Она со мной разговаривала возмутительным тоном.

— Лика?

— Нет... как ее... Марина. Сценарист.

— Ну так и послала бы на три буквы.

— Я так и сделала.

— Молодец.

— Семнадцатого октября был день памяти твоей мамы. Ты ведь забыла.

— Я не забыла. Я ее помянула. Одна.

— А почему мне не позвонила?

— А почему *ты* мне не позвонила? Она тебе сестра, точно так же как мне мама.

— Не вижу логики. Ну, ладно. Но на кладбище ты не была.

— Откуда знаешь?

— Знаю. Я и на бабушкину могилку сходила. Ты, наверное, забыла, где бабушкина могила?

— И поэтому ты мне звонишь в три часа ночи?

— Подожди... Один вопрос... Послушай, Машенька, я тут хотела спросить... скажи пожалуйста, ты когда-нибудь брала чужое?..

— Тетя Тома, ты пьяная?

— Нет, я знаю, что нет, но хотя бы мысль появлялась... взять... ну и взять?

— В смысле украсть?

— Ну, грубо говоря, да. Хотя я знаю, что ты — нет.

— Да почему же нет? Я вот однажды черные очки украла. Дешевые, правда, копеечные, но украла.

— Врешь.

— На рынке. Там у торговца сотни очков висели, подделки китайские. Мне и не нужны были. Просто так украла. Потом выбросила.

— Ты хочешь сказать, что ты клептоманка?

— Нет. Просто украла.

— Не верю. Не верю, Маша.

— А у тебя в детстве мелочь из кармана таскала.

— Зачем ты на себя наговариваешь? Это ж неправда!

— А почему неправда? Все дети мелочь у взрослых таскают.

— Неправда! Никто не таскает. Только те таскают, кто потом миллиарды таскает, из таких и получаются потом... а нормальные дети не будут таскать!.. И ты не таскала!

— В классе четвертом... в пятом... Было дело — таскала.

— Да ты девочка с бантом была! Ты в четвертом классе Блока наизусть читала! Думаешь, я совсем из ума выжила?

— Тетя Тома, ты спросила — я ответила.

— Ладно. Спи. Спокойной ночи.

Ну что за дрянная девчонка! Решила над теткой поиздеваться... Тамара Михайловна прекрасно помнит, какие акварели рисовала Машенька в четвертом классе, выставляли в школе и даже отправляли в другой город на выставку. И это она, тетя Тома, заставила сестру перевести дочку в школу с испанским. А теперь будет Машенька ей говорить, что воришкой была!

Тамара Михайловна садится за семейный альбом. Вот сестрица в ситцевом платье и как Машка сегодня. Одно лицо, фигура одна — это за год до замужества ее, за три года до Машкиного рожденья. А вот маленькая Томочка вместе со своей сестренкой в лодке сидит, обе в панамках — мама на веслах, и собирают кувшинки. Отец с берега снимал на пленочный аппарат «Зоркий».

Тамара Михайловна вспомнила за собой грех. Как все-таки однажды взяла чужое. У дедушки в круглой коробке лежали пять селекционных фасолин, привезенных с другого конца света, — он ужасно дорожил ими и называл каким-то научным словом. Однажды она с сестрицей, маленькие были, утащили из коробочки по одной фасолине. И решили в саду за сараем эти фасолины съесть. Но фасолины были жесткие и невкусные, и пришлось их выплюнуть прямо в крапиву.

А потом с грехом пополам (один на двоих) старались послушными быть, обе ждали, когда их накажут. Но все обошлось. Почему-то.

Тамара Михайловна потому и забыла об этом, что обошлось — почему-то. А теперь вспомнила.

Вспомнила, что ее не ругали. Ее вообще редко ругали.

Окно приоткрыла — что-то трудно дышать.

По крыше трансформаторной будки голуби ходят. Светает.

Получается, ночью был дождь, потому что мокрый асфальт, но Тамара Михайловна это событие пропустила. И земля на газонах, и листья, и воздух — все сырое, но ей не сыро — свежо. Кожей лица ощущается свежесть. И дышится, как только утром и может дышаться.

Во двор дома восемь она вошла не таясь. В левой руке держит табличку: «Выгул собак запрещен!» С каждым шагом ей лучше, свободней.

Широкий брандмауэр убедительно целостен, труба котельной убедительно высока. Дерево, как веник большой, поставленный вверх потрепанным помелом: листья опали — убедительна осень. Много машин во дворе, в одной у газона греют мотор, но не волнует Тамару Михайловну людское присутствие. Чем ближе газон, тем свободнее шаг, тем чище и чаще дыханье.

На мокрые листья, перешагнув оградку, ступает Тамара Михайловна и скоро находит исходное место — вставляет табличку туда, где табличка была. С первым же — и единственным — ударом молотка ее молнией пронзает почти что восторг — острое ощущение счастья: свободна, свободна!

— Эй! Вы чего делаете?.. Я вам!..

Тамара Михайловна оборачивается: метр с кепкой, с усами. Лицо неприветливое. Он нарочно вылез из заведенной машины, чтобы это сказать.

— Здесь уже есть одна! Глаза протрите. Не видите?

— Не надо нервничать, — говорит ему как можно спокойнее Тамара Михайловна. — Эта табличка отсюда.

— Откуда отсюда? Вон же — рядом. Сколько надо еще?

— Вы, наверное, живете не в этом дворе. Иначе бы вы знали, что еще вчера здесь было две таблички.

— Да я тут десять лет живу! Всегда одна была!

— Вы лжете!

— Я лгу? Вы что — идиотка? Зачем вы вбиваете сюда вторую табличку? Перестаньте придуриваться! И одной много!

— Кто вам дал право разговаривать со мной таким тоном? Вы думаете, я не умею за себя постоять? Эта табличка не вам принадлежит, а двору в целом! И не нам с вами решать, сколько должно здесь быть табличек!..

И — чтобы знал — твердо ему:

— Две! И только две! Таков здешний порядок!

Метр с кепкой взревел:

— Нет, я так не могу! У меня уже сил моих нет! Достали!..

И подбегает к табличке.

— Только попробуй выдернуть!.. Не ты ее воткнул и не тебе выдергивать!

Послушался — отступил на два шага, уставился на Тамару Михайловну. А Тамара Михайловна торжествующе произносит громкое, непререкаемое, победное:

— Вот!

И поворачивается спиной к субъекту, чтобы приступить к уверенному уходу, но перед глазами ее образуется с большими персями длинноволосая русалка, без вкуса и меры нанесенная на кузов иномарки. Тамара Михайловна замирает на месте, узнавая машину. Так вот это кто! Будто грязью опять обдало. Обернулась — бросить в лицо ему, врагу пешеходов, приверженцу гонок по лужам, — как презирает его за его же презрение к людям, — обернулась, а этот уже не здесь. А этот подлец, видит она, к помойке шагает — с противособачьей табличкой в руке.

— Стоять! Не сметь!

Но табличка летит в мусорный бак.

— Ах ты, кобель! — кричит Тамара Михайловна и что было силы бьет молотком (у нее же в правой руке молоток) по фаре автомобиля.

Ярость ее и вид летящих осколков стекла сейчас для нее неразличимы, словно осколки летят в ее голове, и в эту бесконечную долю секунды она успевает и ужаснуться, и изумиться, и восхититься собой.

Мат-перемат. У, как она этого не любит!.. Он бежит, размахивая кулаками, — Тамара Михайловна обращается к нему лицом, и пусть он не таращит глаза — она его не боится.

Она даже не бьет молотком, она просто тыркает молотком вперед, а он сам ударяет кулаком по молотку и, взвизгнув, отпрыгивает. Не ожидал.

Тамара Михайловна крепко держит в руке молоток — у нее не выбьешь из руки молоток. А этот сейчас особо опасен — у него от злобы понижен болевой порог. Вот он разжал кулаки и растопырил пальцы — в надежде, может быть, придушить Тамару Михайловну или хотя бы обезоружить. Только она сама наступает. Он не настолько ловок, чтобы, когда она промахивается, схватить ее руку, и получает, попятившись, в свой черед по запястью. И тогда он обращается в бегство, но в странное бегство. Он оббегает машину сзади и, открыв с той стороны переднюю дверцу, прячется от Тамары Михайловны у себя в салоне — ему словно не руку ушибло, а отшибло мозги. А Тамара Михайловна бьет и бьет молотком по капоту.

А потом по русалке — получай по русалке, кобель!.. А потом опять по капоту!

Сейчас что есть мочи — таков замах — ударит по лобовому стеклу, — подняв руку, она видит гримасу ужаса на лице ушибленного врага и бьет, но промахивается: молоток скользит по крыше автомобиля, рука, следуя за ним, разворачивает Тамару Михайловну лицом к подворотне, и Тамара Михайловна, оставив все как есть, бесповоротно уходит.

Кровь стучит в висках: «Да. Да. Да».

Тамара Михайловна — сама не своя. Своя — только когда сознание отрывает от реальности клоки. Как переходит улицу отчетливо на красный свет, как минует бомжа с бородой, и еще запомнится зонтик, резко уступивший дорогу. Сильно дрожащий, не способный попасть, ригельный ключ. Лёпа глядит на нее непомерно огромными глазами.

Покачиваясь, Тамара Михайловна сидит на краю кровати и прижимает к сердцу зеленого цыпленка, с которым когда-то играла Машенька. Дождь стучит по карнизу. Кричит дворник на чужом языке.

Невероятная усталость накатывает на нее волной. Она падает на бок и сразу же засыпает.

Ей снятся дрожжи. Много, много дрожжей.

РИММА АРТЕМЬЕВА

Мне б судьбой насладиться

Земля моих предков

Край счастливого детства — в родном белорусском Полесье.
Здесь родился отец и за Родину пал смертью храбрых мой дед,
Здесь молитвенным хором звенит синева поднебесья,
Отразившись в душе навсегда, как лампады негаснущий свет.

И ромашковый луг с животворной водой родниковой,
И журавль, стерегущий колодец заветный в деревне родной,
Красной гроздью рябины, как красной по сердцу строкою,
Мне писали стихи о любви, ей доверив все тайны одной.

И любовь эту кровную я сберегаю ревниво.
Она корни взрастила мои и мой дух укрепляла добром,
От ошибок на ростанях жизни я ею хранима,
Она память о роде хранит и всю силу, сокрытую в нем.

* * *

Ветер
хлопает
в ладоши
листьями,
раздавая
аплодисменты
Вечности.

* * *

С любовью
нежный
вьюнок
обнимает
любой
стебелек.
Насмерть.

Ожидание весны

В ожиданьи весны
трепещут душа
и природа.
Я у Бога прошу
уменья любить
и прощать.
В неизвестную даль
унесет меня
мыслей дорога.
Мне б судьбой
насладиться
и Божью снискать благодать.
Раствориться бы
птицей
в весеннем потоке.
И, как первый цветок,
ощутить первозданную дрожь,
чтоб всю ночь не уснуть
от волнующей
этой мороки.
Быть судьбе
благодарной
за то, что ты есть
и живешь.

Возвращение в степь

Инне Потахиной

Может быть, на далекой звезде,
что когда-то
зажглась над аулом,
нам опять суждено повстречаться
в гармонии слов.
И вернуться на землю
дождем
иль на крепких ветвях саксаула
нежной зеленью стать,
чтобы тенью укрыть
дастархан
и дымящийся плов.
Чтобы вспомнить
напевы степные,
рожденные далью безбрежной,
и колючкой верблюжьей
кружить
по горячим пескам.

Как из чаши сакральной вино —
пить отцовскую нежность,
чтобы горстку пророчеств
вернуть
и не дать
разомкнуться рукам...

Дорога

Миру Айманову

В неоглядных объятьях земного простора
степь,
как вольная песня кочевья,
зовет за собой.
Но едва уловима она
из-за гулкого рева моторов.
Я иду наугад.
Ни сестрою не став,
ни рабой
этих ритмов,
рожденных оглохшим эфиром.
Путеводною стрелкой —
звенящий от ветра чемыш[1],
и расслышав его откровения миру,
красоте удивлюсь,
как впервые шагнувший малыш...
Зыбкой зеленью шелка укутавшись,
степь
вольной песней кочевья зовет за собой,
и за ней
на крылатом Тулпаре[2] успеть
я спешу,
наслаждаясь мгновением,
жизнью,
судьбой...

[1] Чемыш — кустарник с плодами, издающими своеобразный звук от движения ветра.

[2] Тулпар — у тюрков мифологический крылатый конь, аналогичный Пегасу в древнегреческой мифологии.

РИММА АРТЕМЬЕВА

Дом, хранящий вдохновенье...

Построить дом, посадить дерево, воспитать сына — эту возможность оставить свой след на земле каждый человек стремится воплотить по-своему. Мне хочется рассказать о необыкновенном доме, ставшем теперь уже Музеем М. О. Ауэзова на берегу Иссык-Куля. Построенный удивительным, известным человеком, он и сегодня, спустя полвека, не только наполнен особой атмосферой духовности, доброты, но и продолжает оставаться местом взаимодействия культур, очагом просвещения, хранителем истории казахского и киргизского народов. Когда попадаешь во двор, удивляешься тому, какие ровные деревья растут вокруг дома. «Эти березы и сад были посажены отцом, — рассказывает сын писателя, известный казахстанский историк, культуролог, писатель Мурат Мухтарович Ауэзов. — Я помню, когда только построили дом, еще ничего не было. Сейчас там великолепные вишни, яблони, ели хорошо прижились. Как знаток китайской культуры могу сказать, что выбор места, например, для монастыря, никогда не был случаен. Всегда были специальные люди, которые искали и находили благостное место для строительства, обычно в полукружье гор, и в этом месте деревья росли очень прямыми и высокими. И вот именно такие деревья выросли вокруг нашего дома на Иссык-Куле. Не знаю, может быть, это место и случайно было выбрано, а может быть, и нет, может быть, судьба. Неумирающая традиция такой духовности...»

Как и многочисленные посетители этого уникального дома из разных стран мира, я была поражена его особенной аурой. Утопающий в зелени красивого сада, он необыкновенно притягателен. Вся бережно сохраненная обстановка тех лет: карниз, люстра, часы, подаренные Мухтару Ауэзову другом академиком Кенжебаевым, стол, стулья, его любимое кресло-качалка, книги, портреты, автографы — все вызывает трепет и ощущение сопричастности к чему-то высокому и сакральному... Рабочий кабинет Мухтара Омархановича находился в той части дома, где в окно попадали первые лучи солнца. Он вставал очень рано и работал в кабинете, чтобы никому не мешать. В бывшей детской сегодня собраны экспонаты, посвященные драматургии Мухтара Ауэзова. Именно в этом доме он написал свои фундаментальные статьи о литературе и роман «Племя младое». Здесь проходили беседы с близкими его сердцу людьми. Гостями М. О. Ауэзова были великий манасчи Саякбай Каралаев, Т. Сыдыкбеков, А. Токомбаев, К. Маликов, Т. Умалиев, русские писатели Вс. Иванов, В. Панкова, З. Кедрина, А. Пантиелев, А. Брагин, Е. Лизунова, знаменитая дрессировщица и талантливый литератор Н. Дурова.

Мухтар Ауэзов хорошо знал и любил не только фольклор, эпос, историю, современную культуру киргизского народа, но и чарующую природу его земли. Проницательный, впечатлительный путник, побывавший во многих странах мира, он за полгода до кончины с волнением

напишет: «...до чего же я люблю Иссык-Куль! Как легко и свободно дышится рядом с ним! Если бы можно было вновь родиться, я бы выбрал здешние места». «Выбор побережья Иссык-Куля был продиктован, прежде всего, необыкновенной любовью к этим местам, — откровенничает Мурат Мухтарович. — В последние четыре года жизни, когда Мухтар Омарханович почувствовал уверенность в завтрашнем дне, он имел возможность построить дачу в любой точке Советского Союза. До этого, когда его жизнь была под постоянным «прицелом», у него не было дачи. Но мечту любого писателя об уединенном пространстве, где можно душою ощущать себя комфортно, он воплотил именно здесь. В начале 50-х годов прошлого века Мухтар Ауэзов выступил защитником киргизского эпоса «Манас». Это были тяжелые времена гонения на все эпосы: карело-финского «Калевалу», калмыцкий «Джангар», наши эпосы, и в том числе оказался величайший эпос всех народов «Манас». Мухтар Омарханович, зная, что для него это очень рискованно (об этом он писал в своих письмах домой), все же поехал и выступил в защиту киргизского эпоса. После этого выступления против него ожесточились нападки, в результате которых был выписан ордер на его арест. Он был вынужден бежать и тайно находиться в Москве, где нашел приют и убежище.

Об этом много писал Чингиз Айтматов. Поэтому все в Кыргызстане знают, что спас «Манас» для современной киргизской культуры именно Мухтар Ауэзов. И когда в 1957 году решением поселкового совета Чолпон-Аты М. О. Ауэзову выделили земельный участок для строительства дачи, он с радостью принял этот подарок. Летом следующего года мы с братом Эрнаром и отцом уже отдыхали в этом чудесном доме, из которого открывался прекрасный вид на озеро».

В комнатах этого дома словно перекликаются прошлое и настоящее. Вот в гостевой на стендах фотографии Мухтара Омархановича с киргизской литературной элитой середины двадцатого века. А вот фотографии выступления великого киргизского манасчи, которого М. Ауэзов называл «последним из магикан» — Саякбая Каралаева. Мухтар Омарханович неоднократно привозил в Алма-Ату этого удивительного сказителя, для того чтобы казахстанские студенты могли соприкоснуться с чудом устного народного творчества. На других снимках Мухтар Ауэзов со своим близким другом Всеволодом Ивановым, приехавшим из Москвы в июне 1960 года, когда они провели вместе удивительный месяц. А вот раритет экспозиции — фотография Абая Кунанбаева, сделанная за год до его смерти. Копия офорта Евгения Сидоркина, посвященная Мухтару Ауэзову и его книжным героям. Здесь же выставлены книги, которые он читал, и те, что позже привозили в дар библиотеке. Также хранятся книги с автографами Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова.

«Этот дом строился довольно быстро, с хорошим настроением. При планировке дома, его строительстве, в подборе зеленых насаждений чрезвычайно ценными оказались советы старинного доброго друга отца, замечательного киргизского писателя Тугельбая Сыдыкбекова, — вспоминает Мурат Мухтарович. — Этот дом и для нас с братом Эрнаром стал местом «вершения судеб». Здесь происходила не только наша физическая закалка, что для Мухтара Омархановича было немаловажным. Он научил нас плавать, играть в теннис. Но и наше личностное становление. Вспоминаю наши поездки с отцом в дом великого манасчи Саякпая Каралаева, где обычно бывало много киргизских писателей, они держали там беркутов, а у нас в то время беркутиная охота вообще сошла на нет, и для нас

с Эрнаром это было необычайно интересно. А когда все слушали этого уникального сказителя Каралаева, мы с Эрнаром понимали некоторые слова и радостно шептали об этом на ухо Мухтару Омархановичу. Понимали мы, конечно, не все, потому что это был беглый киргизский речитатив. Но ему было очень приятно, и он всем говорил: «Смотрите, мои дети понимают Саякпая!» И в этом был воспитательный момент. Отец был прирожденный педагог и любил педагогическое поприще. Но тут есть еще одна особенность. В Ташкенте, например, где духовное лидерство построено на конкурентной основе, человек мог стать духовным лидером, если лучше других учился, мог себя проявить. То в разбросанном по огромным пространствам (как правило, где не было медресе) роду Коже, к которому принадлежал Мухтар Омарханович, испокон веков было принято передавать всю сумму знаний, весь духовный опыт от отца к сыну, из поколения в поколение. Это было святым долгом. Поэтому Мухтар Омарханович к детям относился с предельным вниманием, воспитывая и формируя их. В те годы он был матерый человечище, а мы с братом щенки, только вступавшие в жизнь. В 1958-м мне было 15 лет. Именно в этом доме на Иссык-Куле мы обсуждали, кем мне нужно стать. В то время были очень модными астрофизика и химия. А мне больше нравились география, история, литература, не знаю, может быть, сказалось его влияние. Но когда я признался себе, что я — гуманитарий, поделился этим с отцом. Он улыбнулся и сказал: «Ты себе не представляешь, что такое настоящий гуманитарий. Это не тогда, когда даже не умеющий плавать может удержаться на плаву. Настоящий гуманитарий — это стихия, волны, круги. И только если ты уверен, что, идя туда, сможешь удержаться на плаву, имеет смысл становиться гуманитарием, а если быть прибрежным, как чайки, тогда и смысла нет». Именно в этот дом шли телеграммы и письма из Москвы, когда я поступал в Институт востоковедения. Ему обязательно нужно было, чтобы я занялся чем-то серьезным и важным. Культурой, востоковедением. Он очень хотел, чтобы я стал арабистом. Я сдал экзамены в институт, но на арабское отделение принимали со школьным английским языком, а у меня был немецкий. Отец был недоволен, что меня перевели на вьетнамское отделение. Вот была буря! После его переписки с ректором МГУ меня перевели на китайское отделение, что меня немало порадовало, потому что на китайском языке было много закрытых материалов, литературы о нашей истории».

В 1971 году дом был подарен потомками М. О. Ауэзова Кыргызской стороне. Он стал не только музеем, но и одной из двух действующих библиотек города. Особенность этого дома, его особую атмосферу очень хорошо чувствовал Чингиз Айтматов. Он постоянно привозил туда своих гостей. При создании Иссык-Кульского форума вся мировая писательская гуманитарная элита побывала в этом доме.

В доме-музее и сегодня проходят различные мероприятия международного уровня. Здесь прошли Центрально-Азиатские встречи в рамках Академии Искусств, состоялась большая конференция с участием депутатов Парламента РК, Ассамблеи народов Казахстана, писателями, философами. В санатории «Лазурный Берег» прошла двухдневная конференция в рамках «Бесед на Шелковом пути». Один из дней прошел во дворе дома-музея, и беседы здесь были особенно душевные, одухотворенные, с каким-то искренним волнением. И все отметили, что в этом месте какая-то особенная атмосфера, которая словно продолжает жизнь удивительного человека, яркой личности, влияя на каждого, кто побывал в этом необычном доме.

С. Б. БУЛЕКБАЕВ,
доктор философских наук, профессор
Казахского университета международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана (Казахстан)

А. Ж. СЕЙДУМАНОВ, докторант PhD
Казахского национального университета
им. аль-Фараби (Казахстан)

К истории идеи евразийской интеграции

Идея Президента Казахстана Н. А. Назарбаева о необходимости евразийской интеграции, высказанная им уже в 1994 году в МГУ имени М. Ломоносова, казалось бы, никак не вписывалась в рамки здравого смысла с точки зрения представителей коренных национальностей, чьи республики только что обрели независимость. Для подобных мыслей у них были веские основания. Здесь имеется в виду то, что в СССР, несмотря на все лозунги и декларации о дружбе и равноправии, история некоторых народов в составе союза была поистине трагичной. К примеру, в Казахстане в результате коллективизации, репрессий и голодомора погибло больше половины населения. За границу эмигрировало, по данным М. С. Бесбаева, около 18 % казахов. В Среднюю Азию и Казахстан из родных мест было депортировано более двух миллионов человек — представителей малых народов СССР. Они назывались «спецпереселенцами». Не говоря о том, что в Казахстан экстренно были переброшены 2,5 миллиона целинников — «эксперимент» хрущевской эпохи. Реальная власть и реальные полномочия союзных республик на деле были минимальными, практически все ключевые вопросы республики на протяжении всей этой истории решались фактически союзным центром. Поэтому развал этой страны с ее административно-командной системой, управлявшей более 74 лет, вполне логично усиливал центробежные тенденции всех союзных республик. Желание обрести свободу в тот период было выше экономической и порой политической целесообразности. Не все в это время трезво осознавали, что экономики союзных республик были теснейшим образом связаны друг с другом. При создании союза республик властью помимо многих других преследовалась и политическая цель, суть которой заключалась в том, что если та или иная республика пожелает выйти за рамки союза, то ее ожидают серьезные экономические и политические проблемы. Здесь имеется в виду то, что экономика союзных республик была специально связана таким разделением труда, при котором выход из союза был сопряжен с большими трудностями. Для этого экономика была сознательно ориентирована на производство только той или иной продукции. К примеру, хлопок выращивали в Средней Азии, перерабатывали в России, а одежду из него шили в Прибалтике. Отме-

чая этот аспект, известный философ А. Х. Касымжанов писал: «Сталин счел платформу «Единого Туркестана угрозой для власти партии и разделил регион на пять республик». В целом структура союзного государства была создана по принципу «теории единого неделимого». С учетом этого принципа суверенитет был мнимый. Территориальное размежевание новых республик осуществлялось центром, на наш взгляд, вполне сознательно, с передачей части территорий, исторически принадлежащих одним народностям, другим, чтобы в случае чего запустить политику «разделяй и властвуй». Поэтому, когда развалился Союз и республики получили независимость, была некая эйфория от полученной свободы, иронически названной некоторыми политологами как «парад суверенитетов», выдвижение Президентом Казахстана идеи евразийства, идеи экономической, а затем политической интеграции выглядело, по меньшей мере, неожиданно.

Описывая ситуацию, в которой приходилось принимать решение и делать постсоветский выбор, Н. А. Назарбаев в своей статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего» пишет: «21 декабря 1991 года в Алматы на саммите глав постсоветских государств, созванном по моей настойчивой инициативе, был остановлен опасный процесс хаотичного распада исчезающей супердержавы.

Как непосредственный участник тех событий, я по сей день храню в памяти их непередаваемый драматизм. Казалось, что даже время изогнулось под тяжестью проблем и противоречий, сопутствовавших тем историческим дням. Чувство радости от обретения Казахстаном и другими республиками бывшего Союза долгожданной независимости тесно сплеталось с осознанием величайшей сложности исторического вызова, выпавшего на долю наших народов.

В тот период политический кризис добивал экономику. На глазах разрывался прежде единый хозяйственный механизм. Валились набок не просто отдельные предприятия, а целые отрасли. Многие люди остались без работы и средств к существованию. Города зияли черными проемами окон квартир, оставшихся без электричества, не было элементарного тепла. Такая картина была характерна практически для всех регионов бывшего Союза.

Распространялись межнациональные конфликты, начавшиеся в последние годы существования СССР».

В данной ситуации Н. А. Назарбаев поступил как опытный и мудрый политик, который при выработке социально-экономической стратегии страны на длительную перспективу руководствовался не эмоциями, а трезвым расчетом, который основывался на сущностном понимании реальной картины мира, на знании новых глубинных тенденций развития реальных мировых политических и экономических процессов. В том числе и на понимании того, что бывшие государства Союза слишком долго были единым экономическим, социальным, политическим, духовным пространством, чтобы в одночасье отбросить связующие узы.

Он отказался от подхода, свойственного многим казахстанским политикам того времени, рассматривавшим Казахстан как такой субъект мирохозяйственной системы, который может полностью самостоятельно и независимо от других стран определять собственную стратегию

развития. Проводить внутреннюю и внешнюю политику, сообразуясь только со своими национальными интересами.

Такое представление основывается на достаточно общепринятой точке зрения общественной науки прошлого, согласно которой любая страна в принципе сможет самостоятельно обеспечить своим гражданам нормальную жизнь, изолировав свое национальное хозяйство. Это считалось возможным, обеспечивая даже минимальные экономические контакты с другими государствами, особенно если они придерживаются иных социальных и политических ценностей. Данная точка зрения, как известно, стала меняться лишь после Второй мировой войны, когда многие страны стали постепенно вступать на путь все большей открытости в сфере экономических отношений.

Сегодня эта тенденция достигла высокой степени развития всех национальных экономик. Основными причинами здесь являются объективные экономические факторы, которые способствуют продвижению стран в сторону глобализации. К их числу следует отнести, в первую очередь, такие важнейшие процессы, как движение товаров между странами и секторами экономики; движение услуг между странами и секторами экономики; движение финансового капитала между странами; передвижение людей между странами, вызванное потребностями осуществления экономических функций; валютные операции на международных валютных рынках; движение интеллектуальной продукции и идей между исследовательскими и учебными центрами. Ко всему этому следует добавить и настоятельную необходимость решения задач технологического развития страны. Все эти факторы объективно заставляют государства объединять свои усилия в общий процесс, в рамках которого тесное взаимодействие становится абсолютно необходимым.

Поэтому вряд ли можно и нужно сопротивляться этим процессам. Да и это бесполезно. Коли так, то, наверное, очень важно правильно понять ее закономерности и особенности, а затем на основе этого знания постепенно научиться управлять процессом, направляя экономику в его русло. Другими словами, в контексте этих реалий и этих процессов выстраивать экономическую политику своей страны.

В этом плане наш Президент, как опытный хозяйственник и организатор, четко понимал, что те политики, которые ратуют за выстраивание независимой экономики и независимого государства, не учитывают или не понимают, что в современном мире происходит фундаментальная трансформация мирохозяйственной системы, которая коренным образом меняет роль и функции национального государства. Он пишет: «Каждое государство и общество должно самостоятельно прийти к пониманию, что в глобализирующемся мире нет смысла бесконечно упиваться собственной самобытностью и замыкаться в своих границах». В данном случае он совершенно прав, поскольку сегодня «в мирохозяйственной системе возрастающую роль начинают играть новые факторы, транснациональные силы — ТНК и ТНБ, международные правительственные и неправительственные организации, которые оказывают определяющее влияние на внешнюю и внутреннюю политику суверенных государств, особенно слабых и малых. Транснациональные силы уже разрушили национальный суверенитет в прежнем понимании. Структуры ТНК «вкрапливаются» в экономическое пространство всех

стран. Экономическую, научно-техническую, промышленную и структурно-инвестиционную политику слабых стран начинает формировать не национальное правительство, а транснациональные силы. В своих сферах на проводимую внутреннюю политику оказывают воздействие и межгосударственные, и международные институты. В этих условиях максимально возможное сохранение национального суверенитета слабых и небольших стран объективно требует образования самодостаточных региональных объединений, способных противостоять односторонней глобализации. Это объективный процесс, связанный с тем, что национальные границы небольших государств являются слишком узкими.

Неслучайно Казахстан, а это Н. А. Назарбаев особо подчеркивает, после распада СССР последовательно выступал инициатором и активным участником интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В этой связи он считает, что чрезвычайно важно «наращивать потенциал всех евразийских объединений, постепенно способствуя сближению их форматов и содержания» в рамках будущего ЕАС. «Данная идея, по мнению А. Чеботырева, явно была выдвинута в связи с пониманием того, что СНГ оказалась неспособной быть эффективной формой интеграции постсоветских республик. Основными же отличиями ЕАС должны стать, во-первых, наличие наднациональных органов, призванных решать две ключевые задачи: формирование единого экономического пространства и обеспечение совместной оборонной политики. Во-вторых, создание данного союза предполагалось не на многостороннем, а двустороннем формате при участии Казахстана и России, поскольку оба государства в географическом и цивилизационном отношениях наиболее подходят под определение евразийских.

Здесь, говоря о необходимости создания наднациональных органов, на наш взгляд, нужно особо подчеркнуть, что для Н. А. Назарбаева вопросы создания наднациональных органов и дальнейшей политической интеграции никогда не означали передачу политического суверенитета, потерю национальной независимости. Он об этом постоянно говорит в своих выступлениях.

Эта же мысль настойчиво подчеркивается и Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко. Приведем в этой связи его слова о том, что «краеугольный камень всего того, что мы собираемся построить, — суверенитет наших государств, которых не отменяет даже самая тесная интеграция». Согласно А. Г. Лукашенко, «интеграция не самоцель, это инструмент наивысшей цели — роста благосостояния и качества жизни наших людей».

Сегодня идея евразийской интеграции воплотилась в реальность. На пути ее создания было немало проблем и противоречий. В общем плане можно констатировать, что уже есть определенные положительные результаты этой интеграции. Хотя справедливости ради отметим, что первоначально идея казахстанского Президента о необходимости евразийской интеграции не была поддержана многими руководителями постсоветских государств. Прежде всего у них встретило неприятие предложение о создании наднациональных структур из-за опасения потери недавно обретенного данными странами суверенитета. Такое

же неприятие идеи постсоветской интеграции проявилось и со стороны определенной части казахстанского общества. Их основные доводы против Таможенного Союза, Единого Экономического Пространства и Евразийского Союза на разных этапах в основном, согласно К. Берентаеву, сводятся к следующим моментам:

— создание ТС и его трансформация в ЕЭП приведут к потере возможности самостоятельно проводить внешнеторговую политику, которая была бы в интересах Казахстана;

— единственным реальным результатом действия ТС стал рост цен на внутреннем рынке, так как казахстанские цены подтягиваются к российским, а дешевый китайский импорт подорожал из-за повышения импортных пошлин;

— создание ЕАС приведет к полной потере национального суверенитета, внутренняя и внешняя политика будет определяться наднациональными органами в ущерб интересам Казахстана, введение наднациональной валюты приведет к тому, что денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика будет определяться новыми органами, в которых доминирующее положение занимает Россия;

— союз России, Беларуси и Казахстана — это союз отсталых государств, более привлекательным с точки зрения долгосрочных интересов развития Казахстана является присоединение к ВТО;

— построение независимого современного и экономически сильного государства требует отказа от интеграции с Россией, основной тренд — интеграция с мировым сообществом в рамках международных организаций, например ВТО.

Основное требование противников ЕАС — отказ от интеграции с Россией, которая, с их точки зрения, представляет реальную угрозу **национальному** суверенитету Казахстана, существенно сужает его возможности для построения современного, независимого и экономически сильного государства.

Если внимательно рассмотреть доводы оппонентов создания ТС, то они в большей степени являются эмоциональными и объективно ведут не к сохранению независимости Казахстана, а представляют реальную угрозу национальному суверенитету, так как не учитывают тенденций развития мирового сообщества в целом.

В реальности, в контексте этих глобальных процессов, необходимость региональной интеграции на постсоветском пространстве является единственно возможным ответом на вызовы доминирующей модели глобализации мирохозяйственной системы под эгидой США, необходимым условием максимального сохранения национального суверенитета малых стран, к которым относится и Казахстан. Отмечая это, казахстанские ученые Р. Дуламбаева и А. Хитахунов пишут: «Казахстану и другим слаборазвитым странам в глобальной конкурентной борьбе на фоне глобального фритредерства, неконтролируемого демографического роста, гигантской пирамиды долгов (мировая экономика как долговая система) создание региональных комплексов, объединяющих страны примерно одного уровня развития, является одним из решений проблем существования таких стран, как Казахстан, Россия, Беларусь и т. д.». Короче говоря, в контексте этих глубинных процессов становится понятной мысль Н. А. Назарбаева, высказанная

им в статье «Евразийский экономический союз: теория или реальность», что в «долгосрочной перспективе евразийской интеграции альтернативы не существует».

Эту мысль, но практически спустя десятилетие, высказал и В. В. Путин в марте 2011 года. Он тогда был в должности председателя Правительства РФ. В своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» он заявил, что наши страны стремятся создать «мощное наднациональное объединение, способное стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной связи между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». Достижение этой цели, по его мнению, требует, чтобы наши страны вышли на следующий, более высокий уровень интеграции, чтобы на базе ТС и НЭП перейти к ЕАС, в рамках которого «перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз».

Три года спустя на Валдае он заявил следующее: «XXI век обещает стать веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических. И потому наш абсолютный приоритет — это тесная интеграция с соседями. Будущий Евразийский экономический союз, о котором мы заявляли, о котором мы много говорим последнее время, это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз — это проект сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция — это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии. Хочу подчеркнуть, что Евразийская интеграция также будет строиться на принципе многообразия. Это объединение, в котором каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность. Вместе с партнерами будем последовательно, шаг за шагом реализовывать этот проект. И мы рассчитываем, что он станет нашим общим вкладом в сохранение многообразия и устойчивости мирового развития.

Сегодня, на наш взгляд, очень важно суметь правильно выявить и умело использовать положительные моменты нашей евразийской интеграции и максимально снизить ее отрицательные эффекты, которые неизбежно присутствуют в таком сложном процессе, как региональная интеграция. Другими словами, чтобы евразийская интеграция стала эффективной и необратимой, нужно, согласно Д. Назарбаевой, соблюсти два ключевых условия. Во-первых, интеграция должна быть экономически выгодной для всех участников. Возможные кратковременные издержки, по ее мнению, должны перекрываться долгосрочными экономическими преимуществами. Во-вторых, региональное объединение, хотя и базируется на экономическом фундаменте, охватывает гораздо более широкую сферу общественных отношений. И потому, как свидетельствует опыт Евросоюза, наиболее эффективны те региональные объединения, которые помимо экономического базиса имеют еще ясную и привлекательную объединительную идею. Создатели Европейского Союза

вдохновлялись «европейской идеей», идеей общности духовных, культурных ценностей европейской цивилизации, ее былого единства в различные исторические эпохи».

В этом плане на пространстве Евразии есть все исторически сложившиеся предпосылки и основания для успешной реализации интеграционных процессов. К ним можно отнести:

— приверженность населения наших стран к одним и тем же этическим ценностям и нормам;

— достаточное знание друг друга, предсказуемость поведения в той или иной ситуации;

— обоснованность ожидания выгод от интеграции, подкрепленное исторической памятью;

— общее языковое, образовательное, научно-техническое, культурное пространство, следовательно, осознание базы для реальной интеграции;

— становление новой генерации руководителей, которые занимают или могут занять ключевые политические посты.

Отсюда очень важно научиться управлять этими процессами. Поскольку эффективность существования таких интеграционных комплексов в основном будет зависеть от эффективности проводимой внутренней экономической политики каждой из стран-участниц евразийской интеграции.

ДЖО АЛЕКС

Скажу вам, как погиб он[1]

Роман

XII. Тысяча фунтов

Когда дверь закрылась, Паркер взглянул на Алекса и развел руками.

— Слышал? И что думаешь?

— Я думаю: Господи, почему две столь замечательные женщины появились в жизни этого человека?

— А потому, — спокойно сказал инспектор, — что господин профессор Гарольд Спарроу за всю свою жизнь не прочел ни одного детективного романа. Это человек совершенно необычный для нашего испорченного века. Несмотря на то, что мы видели, в нем есть сила, мужество, упорство, а прежде всего — чистота, то есть качество, которое женщины очень уважают, как только с ним сталкиваются. Вопреки видимости и всей мировой литературе, женщина всегда готова полюбить серьезного мужчину. Кроме того, Гарольд Спарроу очень умен. Умен не в смысле того внешне эффектного ума, который каждый молодой человек из хорошей семьи тоннами добывает в Оксфорде. Гарольд Спарроу умеет отличить добро от зла, а это весьма трудно, судя по тому, что происходит вокруг.

— И что с того? — пробормотал Алекс. — Вот мы видим результат!

— Здесь он пал жертвой своей чистоты. Он хотел поступить как лучше, хотел побороть зло, а затем хотел принять на себя всю ответственность за то, что случилось.

— А почему ты решил, что он не прочел ни одного детективного романа?

— Он не оставил бы отпечатков пальцев на этом скальпеле, а если бы оставил, то вспомнил бы об этом потом. Он вошел сюда абсолютно убежденным в том, что никто не знает о его ночном визите в этот кабинет. Он хотел сперва выяснить, как обстоят дела. Но что меня беспокоит, так это то, что кончики его туфель покрыты грязью после вчерашних прогулок по парку, но на них нет ни малейшего следа крови. К счастью, он их сегодня не чистил. А кроме того... но не будем опережать события. Тебя ничего не удивило в ходе нашего сегодняшнего расследования?

— Да, — кивнул головой Алекс, — есть несколько деталей. Но я еще ничего не могу о них сказать. Пока я хотел бы воздержаться от высказываний. У меня есть одна теория...

— И у меня есть одна теория, — кивнул головой Паркер. — Хочешь ли ты этим сказать, что начинаешь подозревать в убийстве Иэна кого-то конкретно?

— Да. Но, понимаешь, я же этих людей как-то уже успел узнать. Быть может, мной руководит предубеждение? Я почти ничего не понимаю. Моя теория зависит от того, что мы еще здесь услышим. Ведь осталось еще два человека.

---

[1] Окончание. Начало в № 7, 8 за 2015 г.

— Да. Пожалуй, теперь надо допросить мистера Филиппа Дэвиса. Как ты думаешь?

— Не считайся со мной, Бен. Я всего лишь ухо, и ничего больше.

— Ладно, — кивнул головой Паркер. — Смотри. Слушай. Это дело очень туманное. Мы уже отбросили двух убийц, которые вызвались добровольцами. А мистер Филипп Дэвис имеет у нас по крайней мере столько же шансов, что и они. Джонс!

— Да, шеф?

— Пригласи сюда мистера Филиппа Дэвиса!

— Слушаюсь!

Паркер разгладил платок на скальпеле и кулоне, а затем вложил в папку фотографию отпечатков пальцев.

— Как ты думаешь, они общаются друг с другом там, наверху? — Бен показал пальцем на потолок.

Алекс пожал плечами.

— Не знаю. Я думаю, что убийца был один. Сара, Дэвис и Спарроу оставили отпечатки пальцев. Их сообщниками могли быть только Люси и Гастингс. Но это неправдоподобная комбинация. Впрочем, на данный момент алиби Гастингса подтверждает лишь Спарроу. А Люси не убивала бы своим скальпелем и не роняла бы тут своих нерасстегнутых кулонов. Да. Убийца только один.

— Думаю, ты прав...

Дверь открылась.

— Мистер Дэвис, шеф!

— Пригласи его сюда...

Филипп Дэвис, в отличие от Гарольда Спарроу, был одет в чистую рубашку, но и он был в темном костюме. «Вероятно, счел, что смерть работодателя следует как-то акцентировать, хотя бы из уважения к нему...» — подумал Алекс.

— Садитесь, — сердечно сказал Паркер, — и расскажите нам, пожалуйста, зачем вам так срочно понадобилась столь большая сумма денег... — он указал на пачку банкнотов, которая лежала на столе.

— Что? — Филипп Дэвис покраснел. Он стоял, опершись рукой на подлокотник кресла, в которое уже собирался сесть, и смотрел на стол. Потом медленно перевел взгляд на пустое кресло и растекшееся под ним темное, липкое пятно. Румянец уступил место бледности.

Паркер улыбнулся, взял его за плечо и усадил в кресло.

— Говорите правду и только правду, и тогда мистер Алекс, быть может, даже простит вам тот удар, которым вы его угостили сегодня ровно в час ночи.

— О Господи... — прошептал Филипп. — Вы из Скотленд-Ярда, правда?

— Да, я инспектор этого, известного вам по детективным романам учреждения, и фамилия моя — Паркер. Именно поэтому я и советую вам сразу же говорить всю правду. Поверьте, независимо от того, что вы скажете, я узнаю ее еще прежде, чем сегодня зайдет солнце. — Бен заговорил серьезно. — В настоящую минуту вы подозреваетесь в убийстве вашего кормильца, профессора Иэна Драммонда. Что вы можете сказать по этому делу?

— Я его не убивал... Я... все скажу.

— Вот и правильно. Так будет лучше всего. — Паркер уселся поудобнее. — Мы вас слушаем. Мистер Алекс является моим ближайшим сотрудником... по этому делу. Говорите, пожалуйста.

— Я... я вообще-то даже не знаю, с чего начать.

— С того, как вам первый раз позвонили по телефону из Лондона вчера во время ужина.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Вы и об этом знаете...

— Знаю. И об этом, и о многом другом, как видите. Продолжайте.

— Мне звонила моя сестра. Она... — он заколебался. — Но это дело, которое, по-моему, совершенно не касается полиции... Я... я отказываюсь отвечать.

— Я бы вам этого не советовал в данной ситуации. А кроме того, могу вас заверить: что бы вы мне ни рассказали, я не воспользуюсь этой информацией, если она непосредственно не связана с убийством Иэна Драммонда.

— Вы обещаете?.. — Дэвис колебался.

— Я ведь уже пообещал! — Паркер нетерпеливо махнул рукой. — Или вы полагаете, что людей, которые занимаются поимкой убийц, не следует считать джентльменами? Мое слово для меня столь же ценно, как ваше для вас, и я хотел бы, чтобы после этого разговора, оно стало еще ценнее. Говорите.

— Звонила моя сестра... — продолжал Филипп, — она сказала, что...— он снова умолк. — У меня есть брат. Младший. Ему двадцать четыре года. Из нас троих мать всегда любила его больше всех. Может, потому, что он самый младший... и сильно избалован. Наша семья не очень обеспечена, и многого у нас не хватало, но Кристоф всегда все имел. Это не очень хорошо. Два года назад он устроился на работу в большом универмаге. Он не хотел учиться, и ничего другого ему не оставалось... А потом оказалось, что в его отделе недостача. Вечером в ту субботу он пришел и расплакался. К счастью, мать этого не слышала. У нее больное сердце. Я не знаю, что там случилось, и не хочу об этом думать. В комнате были только я и наша сестра Агнесс. Оказалось, что Кристоф должен был сдать субботнюю кассу в понедельник, потому что внезапно заболел кассир. А Кристоф... в общем, он пошел на скачки и все проиграл. Триста фунтов. Я как раз получил деньги за корректуру книги мистера Драммонда. Тогда мы только начали сотрудничать. У меня было двести фунтов, и сто добавила Агнесс. Я даже не знаю, откуда она их взяла. В понедельник он отнес эти деньги в кассу и поклялся нам, что это никогда не повторится. Мы подумали, что он все понял, и поверили ему. Иногда Агнесс мне писала, что видела его на улице в компании вызывающе одетых молодых людей и девушек, которых он наверняка не хотел бы представить нашей матушке. Но, в конце концов, он уже взрослый мужчина, и я не видел поводов вмешиваться... Мы с ним очень разные. Его интересует совсем другое... И вот вчера Агнесс позвонила и сказала, что та история снова повторилась один к одному. Но, наверно, теперь Кристоф пошел на повышение, потому что в этот раз он проиграл уже тысячу чужих фунтов...

Дэвис умолк, словно это известие еще раз его поразило.

— И что же? — спросил Паркер. — Сестра позвонила, чтобы попросить вашей помощи?

— Да. Но откуда мне взять такую сумму? Я... я бы даже согласился на то, чтобы он отправился в тюрьму... Хотя, быть может, я говорю это в гневе. Но мама... Если бы мама узнала, что он попал в тюрьму за то, что проиграл чужие деньги, она бы этого не вынесла. У нее было два инфаркта за последние два года. Это бы ее добило.

— Я понимаю... — Паркер сочувственно покивал головой. — У вас не было выбора, надо было доставать деньги.

— Да. Через час Кристоф сам позвонил. Он был испуган и плакал в трубку. Он понял, что это плохо кончится. Я сказал ему, что у меня нет денег, но я сделаю все что смогу — для матери, не для него. Он собирался приехать сюда. Я запретил ему, потому что не хочу его видеть, и сказал, чтобы приехала Агнесс. Вечерним поездом в Мэлсборо. Мне нужно было больше времени.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— И что вы сделали потом?

— Потом я подумал, что, быть может, профессор Спарроу одолжит мне эти деньги. Я любой ценой не хотел брать их у профессора Драммонда. Он мой работодатель, он и так платит мне. Это было бы нарушением наших с ним отношений. Я подумал, что сделаю это только в самом крайнем случае.

— А каким образом вы планировали вернуть столь значительную сумму?

— У меня есть клочок земли в графстве Кент, который оставил мне дедушка, когда я был маленьким, а Кристофа еще не было на свете. Я хотел сохранить эту землю до моей возможной женитьбы. Агнесс заканчивает курс стоматологии. Мы думали, что за часть денег, вырученных от продажи этой земли, купим оборудование для стоматологического кабинета. Эта земля стоит почти пятнадцать тысяч. Но я решил продать землю немедленно и вернуть долг. Но не сразу, потому что сама процедура продажи земли занимает некоторое время.

— Понимаю. И что же было дальше?

— После ужина я отправился в парк, потому что мистер Спарроу сказал, что выйдет туда на прогулку, а мне обязательно надо было с ним поговорить. Вы ведь были при этом, правда? — обратился он к Алексу, который подтвердил кивком головы. — Я ждал, и тут появился профессор Гастингс. Он начал со мной разговор о перспективах жизни в Америке. Это было уже не впервые, но на этот раз я подумал, что хотя работа с мистером Драммондом и мистером Спарроу меня очень увлекает, потому что мы работали над... — Филипп Дэвис на секунду умолк. — Но это не имеет никакого отношения к делу, — закончил он, и Алекс увидел в глазах Паркера искорку одобрения. — В общем, я подумал, что, может, стоит мне туда поехать, чтобы немного заработать. Видите ли, сотрудничество с таким ученым, как профессор Драммонд, открывает перед молодым химиком огромные возможности. Его имя и авторитет в мире науки — лучшая для меня рекомендация. Но я знал, что не имею права даже начинать такой разговор, прежде чем не побеседую с профессором Драммондом. И в то же время я навязчиво думал об этой тысяче фунтов, которые мне необходимо достать до полудня завтрашнего дня. Профессор Гастингс когда-то, в одном из прошлых разговоров, обронил, что он готов дать мне серьезный безвозвратный аванс для ликвидации моих дел в Англии. И назвал при этом значительную сумму. Причем он готов был дать ее сразу! Разумеется, я тогда не дал профессору Гастингсу никакого ответа, а сейчас постарался уклониться от разговора и попрощался с ним. Я очень волновался, а когда профессор Спарроу не появился в парке, у меня даже начали дрожать руки. По крайней мере, мне так казалось. Я вернулся в дом и постучался в его комнату. Было ровно десять часов. Никто не ответил. Тогда я подумал, что он может быть в комнате своей жены. И хотя время было позднее, отчаяние придало мне мужества, и я постучал. Но миссис Спарроу была одна в комнате. Я хотел уйти, но она, видно, заметила, что со мной что-то не в порядке, потому что пригласила войти и спросила, встретился ли я уже с ее мужем. Она слышала, что я просил его о встрече, когда мы вставали от стола после ужина. Он тогда сказал мне, что сейчас проведет супругу наверх и спустится в парк. Я ответил ей, что нет. Тогда она спросила, очень ли это важное дело, потому что я выглядел так, будто оно очень важное. Тогда... Видите ли... Я знаю, что у нее большое и доброе сердце. Это одна из лучших женщин, которых я знаю. Я слышал о ее самоотверженности по отношению к больным, и достаточно лишь увидеть, как она заботится о муже. Она одновременно гордая и мягкая, и...

— Да-да, я понял, — сказал Паркер. — Стало быть, вы рассказали ей о своей проблеме.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Да! Именно! Сам не знаю, как это случилось. А она ответила, что муж с минуты на минуту вернется и наверняка одолжит мне эту сумму на несколько недель. А если у него не найдется таких денег, она сама постарается мне помочь. У меня прямо камень упал с души. Она только просила абсолютно никому ничего не говорить, в случае если мне придется воспользоваться ее помощью. Это было как раз то, о чем я сам хотел ее просить, и второй камень упал с моей души следом за первым. Она велела вернуться в мою комнату и ждать.

— Но все не закончилось так просто? — спросил Паркер. — Что-то случилось?

— Вы понимаете... — Филипп Дэвис сложил руки. — Если бы я знал... Я вернулся в свою комнату и сидел там, ожидая мистера Спарроу, и размышляя о том, каким ангелом...

— ...является его жена, — закончил за него Паркер. — Я знаю. Потом вы пошли к нему, и он вам отказал.

— Да. Он отказал мне сразу. У меня было такое впечатление, будто он вообще не понял, о чем я его прошу. Но мне ничего не оставалось делать, и я вышел. Я был очень огорчен.

— Я понимаю. Вы вернулись в свою комнату и ждали, как поступит миссис Спарроу. И что же было дальше?

— Миссис Спарроу постучала ко мне. Она сказала, что знает об отказе мужа. Она сказала, что напишет сейчас письмо своему юристу, который управляет ее деньгами, потому что почти все ее наличные средства вложены в акции. Она добавила, что как раз с этой целью одолжила пишущую машинку и бумагу. Бумагу она держала в руке. В понедельник в десять часов утра моя сестра сможет получить у ее юриста деньги. Но мне эти деньги нужны были в восемь утра. Тогда миссис Спарроу посоветовала мне, чтобы я спустился в кабинет мистера Драммонда и одолжил у него эти деньги на сорок восемь часов под каким-нибудь предлогом. Такой краткий срок — это даже не дать в долг, а просто оказать любезность. Я согласился с этим и поблагодарил ее. Мы разговаривали шепотом, потому что миссис Спарроу все время стояла на пороге. Понятно, она не хотела входить в комнату мужчины в такое время, одетая в халат. Я был очень смущен, но одновременно и очень благодарен за такие хлопоты, а кроме того, я видел, что у нее болит рука. Когда она ушла, я сел и начал обдумывать этот самый предлог. Это заняло несколько минут. Я знал, что у мистера Драммонда в сейфе находится значительная сумма денег, потому что я видел ее во время работы — дверца сейфа всегда открыта — мы держим в нем рабочую документацию. Я был почти уверен, что он одолжит мне тысячу фунтов на два дня без всяких трудностей. Мне даже импонировало, что я могу попросить у него столь значительную сумму на такой короткий срок... Боже мой... В общем, я вышел из комнаты и пошел вниз...

— Минутку, — сказал Паркер. — А который был тогда час?

— Миссис Спарроу зашла ко мне в одиннадцать, это я знаю, потому что, ожидая, я все время смотрел на часы. Она стояла на пороге, ну, может, минуты три, а потом я еще раздумывал минут десять, возможно, двенадцать... А, подождите! Я вспомнил! Выходя из комнаты, я взглянул на часы. Я был как в тумане, и мне вдруг показалось, что уже очень поздно... Это ожидание так долго тянулось...

— Итак, в котором часу вы спустились вниз?

— Четверть двенадцатого. Может, на минуту раньше, не знаю. Я спустился и открыл дверь.

— Дверь была закрыта?

— Да. Я открыл ее. Профессор Драммонд сидел за столом. Я закрыл дверь и сказал: «Извините, господин профессор...» И тогда я увидел...

«Всемирная литература» в «Неман»

— Ясно. И что вы сделали?

— Я подошел ближе и уже открыл было рот, чтобы крикнуть, позвать кого-нибудь, как тут же увидел какое-то движение. Но это только капля крови оторвалась от кресла и упала на пол. За ней другая... — Дэвис взглянул в сторону кресла и отвернулся. — Теперь там целая лужа. — Он взял себя в руки. — Я сразу понял, что профессор Драммонд мертв. Я заглянул в его глаза. Вы можете мне не верить, но я вдруг почему-то вспомнил о моей матери... Ну, что в связи с этим я не достану денег и Кристоф сядет в тюрьму, а она... Я осмотрелся. Деньги лежали в сейфе. Я вообще, пожалуй, не думал тогда или, может, это был какой-то шок. Я схватил деньги и выбежал из комнаты.

— А вы закрыли за собой дверь?

— Что?.. Да... Точно закрыл. Я поднялся наверх, вбежал в свою комнату и закрылся на ключ. Я положил деньги на стол и сразу понял, что я сделал. Меня охватил жуткий страх. И тогда я совершил другой поступок, которого сам до сих пор не понимаю. Я встал, открыл дверь и тихонько постучал к профессору Гастингсу, комната которого находится рядом с моей. Он не спал еще и впустил меня. Я сказал, что поеду в Америку, когда он захочет, но мне немедленно, сию минуту, нужна тысяча фунтов. Он с изумлением посмотрел на меня, но не говоря ни слова, вынул чековую книжку и выписал чек. Тогда я вспомнил, что оставил приоткрытой дверь своей комнаты, а там на столе у меня лежит пачка банкнотов. Я схватил чек, выбежал и вернулся в свою комнату. Я запер дверь, и меня охватил еще больший страх, если это было возможно. Гастингс, наверно, заметил, что со мной происходит что-то странное. Никто не стучит к людям так поздно и не разговаривает таким тоном. И потом, я видел, что он удивлен моим согласием. Надо было что-то делать. Прежде всего, сойти вниз и положить обратно в сейф эту тысячу, независимо от того, что будет потом. Но тут мистер Гастингс вышел из своей комнаты и через несколько минут вернулся. Я слышал, как закрылась его дверь. Тогда я встал, сунул пачку денег в карман и осторожно выглянул. И тогда я услышал чьи-то шаги на лестнице... Кто-то шел очень тихо, но я услышал... Ночью каждый шорох слышен. И я отступил.

— А тогда который был час?

— Половина первого. Я все время смотрел на часы. Я помню каждую минуту.

— А потом что?

— Потом я еще некоторое время сидел в комнате. Я был уверен, что тот, кто поднимался по лестнице, кого-нибудь разбудит, и все узнают об убийстве. Но, вероятно, это был кто-то, кто не был в кабинете. Я подумал, что, может, один из гостей проголодался и спускался в буфет. Через минут тридцать, около часа ночи, я решил сойти вниз. Повсюду было тихо. Я на цыпочках сошел по лестнице. Мне никогда в жизни не было так страшно, как тогда. Я вошел сюда, остановился, держа руку на ручке двери, и вдруг услышал, что кто-то наверху открыл и закрыл дверь. Я подбежал к выключателю, потушил лампу и бросил деньги на стол. Кто-то спускался по лестнице. Я стоял у стола и судорожно сжимал в руке какой-то предмет, которым оказалось пресс-папье. Не соображая, что делаю, я тихо отступил и спрятался за дверью. Кто-то вошел. Это был мужчина. Он позвал: «Иэн!» Но я знал, что Иэн Драммонд не ответит, и тогда мистер Алекс — я узнал его по голосу — включит свет и... В этом случае меня уже ничего не спасет... Я про это как бы даже и не думал — это просто было во мне... Я поднял руку и ударил мистера Алекса по голове, а потом выбежал за дверь и тихо закрыл ее за собой. Я успел увидеть, что он упал. На середине лестницы я осознал, что держу в руке пресс-папье. Я вбежал в свою ком-

нату, тщательно вытер его, чтобы не осталось никаких отпечатков пальцев, и положил на подоконник в коридоре. Потом я вернулся к себе, схватил лежащий на столе чек мистера Гастингса и сунул этот чек под дверь его комнаты. Затем я закрыл свою дверь, разделся и лежал под одеялом до тех пор, пока ко мне не постучала полиция. Я думал, что это за мной, но... И это все, абсолютно все, что я знаю.

— Да...— Паркер кивнул головой. — А почему вы вытерли пресс-папье, но не подумали о том, что оставляете следы на ручке двери? И на выключателе? К счастью, ваш рассказ пока что соответствует известным нам фактам. Еще одно... Эта... эта кровь, она капала быстро?

— Кровь? Нет... Капля... потом снова капля... с большим перерывом.

— А вы смотрели на пол, туда, куда эти капли падали?

— Нет. Там был полумрак. Они падали в тени за столом. Вот здесь заканчивалась граница света лампы... Вообще это было жутко, когда они так исчезали во тьме, и ни малейшего звука... — Филипп Дэвис содрогнулся.

— И еще кое-что... Итак, вы вернули эту тысячу фунтов и отдали чек. Откуда же вы теперь возьмете деньги для брата?

— Не знаю... — Дэвис развел руками. — Я не хочу думать об этом. Мне придется это как-то пережить. Может быть, и мама тоже переживет. Но я... теперь, когда мистер Драммонд мертв, я не мог бы уехать туда... Это было бы как измена... В конце концов, я тоже ученый... английский ученый. Я отдаю себе отчет в том, что означают эти исследования. Если б не паника, я никогда бы этого не сделал. Позже — это другое дело. Может, когда все закончится. Хотя нет. Нет выхода. Но этого я не могу сделать.

— Я могу одолжить вам тысячу фунтов на две недели, если инспектор Паркер ничего не имеет против, — сказал Алекс.

— Я? — удивился Паркер. — Пока этот джентльмен на свободе, он имеет полное право получать чеки от кого угодно. Это, вероятно, награда за то, что он не ударил тебя сильнее?

— Да, — Алекс вынул чековую книжку и выписал чек. — Вернете мне деньги на этот же счет, — сказал он.

Филипп Дэвис протянул ему руку.

— Если б вы только знали... — Он не мог произнести больше ни слова.

— Ступайте теперь в свою комнату, — сказал Паркер, — а затем постучитесь к миссис Люси Спарроу и спросите, написала ли она это письмо для вас. Если да, я хочу, чтобы вы мне его принесли.

— Но в этой... в этой ситуации мне как-то неловко...

— Молодой человек! Не забывайте, пожалуйста, что это вы стараетесь убедить меня в правдивости своего рассказа. Факты свидетельствуют, что вы были в этой комнате в то время, когда здесь могло быть совершено убийство, что вы забрали из кассы деньги, что никому не сообщили о том, что здесь увидели, что позже вы ударили тяжелым предметом по голове присутствующего здесь мистера Алекса и убежали наверх, даже не поинтересовавшись, не убили ли его, и притом, пытались затереть следы. Вы с одинаковым успехом можете быть убийцей, как и можете им не быть. Откровенно говоря, среди лиц, находящихся в этом доме, я знаю некоторых, чье алиби покрепче вашего. А в этом доме в день убийства было весьма немного этих лиц. Восемь, если говорить точно. И вы по-прежнему в верхних рядах списка. Поэтому будет лучше, если вы сделаете то, о чем я вас прошу.

— Да, сэр... Я сейчас постараюсь... все сделать... — Филипп Дэвис встал и вышел.

— Шеф! — появился в дверях Джонс. — Никакого пятна ни на одной из туфель. Разве что на одной из тех, которые у него на ногах. Но не заглядывать же ему под пятки...

«Всемирная литература» в «Немане»

— Ладно... — Паркер отправил его движением руки и подошел к Алексу. — Похоже он говорит правду... этот шахматист... этот изобретатель многоходовых задач... Страшный болтун... Ты услышал от него что-нибудь интересное?

— Да, — Алекс кивнул. — Мне кажется, даже очень интересное.

— И я, — сказал Паркер. — И я.

— Мистер Дэвис, шеф! — сказал Джонс.

Филипп Дэвис вошел и, приблизившись к инспектору, протянул ему конверт.

— Вы, разумеется, сказали, что это письмо требует полиция?

— Я... Вы не сказали ни слова о том, что мне нельзя этого говорить...

— Не сказал. И что же ответила миссис Спарроу?

— Она сказала, что, в конце концов, вы и так уже знаете от меня, что находится в конверте, так что теперь, если я сам не имею ничего против, она может передать письмо.

— Спасибо. Большое спасибо.

Дэвис стоял в нерешительности.

— И это правильно, — сказал Паркер. — Подождите, не уходите. Покажите мне, пожалуйста, подошву вашей левой туфли... так... а теперь правой. Я пока что оставлю у себя это письмо, а потом мы вернем его миссис Спарроу. Вы нам нужны не для нарушения тайны переписки, а совсем для другого. Благодарю вас за ваши труды, молодой человек, а в будущем советую побольше думать и поменьше размахивать всякими тяжелыми предметами.

Дэвис открыл было рот, но, не сказав ни слова, вышел.

XIII. Стакан

Паркер положил на столик конверт с письмом Люси Спарроу и вытащил бумажник. Оттуда он достал другое письмо. Алекс склонился над этими письмами.

— Не надо нарушать тайны переписки, миссис Спарроу, — сказал инспектор, — чтобы понять: оба документа напечатаны на одной и той же машинке. Ты видишь букву «а»? Она западает. А вот «о», наоборот, немного выше строчки. Разумеется, это требует подтверждения эксперта, но я уверен, что... Вот, еще посмотри: буква «ф» немного искривлена, такой мелкий дефект. И тут, и тут... Джонс!

— Да, шеф?

— Возьми эти бумажки и немедленно отправь в Лондон, пусть проведут сравнительную экспертизу. Подожди! — Он вырвал из блокнота листок и написал на нем несколько слов. — Возьми это.

— Слушаюсь, шеф!

— Лично у меня нет никаких сомнений в том, что письмо, которое мы получили две недели назад, напечатано на машинке Сары Драммонд, — сказал Паркер, — а это означает очень многое.

Алекс кивнул.

— Но это не противоречит моей гипотезе, — тихо сказал он. — Пока что ничего ей не противоречит... Послушай, Бен, я вчера начал писать новый роман, в котором Иэн... В котором Иэн должен был быть убит...

— То есть как? — Паркер посмотрел на него с нескрываемым изумлением. — Иэн?

— Да... То есть, нет. Я хочу тебе об этом рассказать. Так вот, еще в Лондоне у меня уже была концепция новой книги. Не план, а пока только концепция, согласно которой некто убит, а следствие затруднено тем,

«Всемирная литература» в «Нёмане»

что... — он заколебался. — Подожди, сейчас я все по порядку... Так вот, когда я приехал сюда, чтобы спокойно написать здесь эту книгу, я понял, что это просто идеальное место действия: отрезанный от мира дом, группа людей с интересными, яркими характерами, а между этими людьми существуют какие-то скрытые, но очень острые конфликты, к этому добавляется внешняя угроза, связанная с некими исследованиями. Разумеется, я изменил профессии героев, описание дома, но оставил примерно тех же людей, потому что мне легче было бы оперировать реалиями. Это очень побуждает творческое воображение. Итак, я решил, что будет убит хозяин дома. На первый взгляд все невиновны... Следы запутываются, ну, совсем как у нас тут. Разные люди приходили к убитому в разное время... Возникает проблема алиби и мотивов...

— Подожди, — сказал Паркер, — Бога ради, подожди, Джо! Да ведь здесь...

— Дай мне закончить, — остановил его Джо движением руки. — Одним словом, следствие продвигается примерно так же, как и здесь... Следы оказываются ложными, отпечатки пальцев лишь запутывают дело... Надо серьезно думать. И тогда мой герой-детектив находит убийцу, отыскав тайный мотив... Понимаешь... Мотив все время спрятан во мраке, и детектив долго не может его обнаружить, хотя все время чувствует и знает, что это событие — одно чудовищное недоразумение, и несомненно существует какой-то ключ... Помнишь, ты сказал, что факты должны повернуться на своей оси и показать нам совсем иное лицо. Пока что все сходится. В этом моем романе убийцей является...

— Стой! — Паркер подошел к нему и прижал палец к губам. — Давай не будем об этом говорить. Давай пока не будем о романах, Джо, и вообще ни о чем, что мешает нам работать. Посмотрим. Я не буду говорить тебе, о чем я думаю, а ты не говори, о чем ты думаешь. Но я хочу, чтобы ты был рядом. Однако хочу, чтобы ты не влиял на меня, а я на тебя. У нас еще множество совершенно непонятных фактов. Допросы еще не закончены.

— Да, — сказал Джо, — но это потрясающе. Быть может, я помешался на том, что сочинил, но каждый новый факт лишь подтверждает мою версию. Сначала я как-то не обратил на это внимания, но сейчас...

— Давай теперь допросим мистера Роберта Гастингса, профессора Университета штата Пенсильвания. Или нет. Это, конечно, ужасно, Джо, понимаешь, Иэн мертв, а я... а я проголодался. Я со вчерашнего дня ничего не ел. Джо, нам надо выпить кофе, ведь и у тебя не было ни крошки во рту... Съедим пару бутербродов...

— Я совсем забыл об этом, — сказал Джо.

— Я тоже... Джонс!

— Да, шеф!

— Попроси, чтобы нам сделали крепкий кофе и пару бутербродов.

— Слушаюсь, шеф!

— Я думаю, миссис Драммонд не будет возражать, если мы несколько бесцеремонно распорядимся ее запасами, — сказал Паркер. — Пойди к ней и спроси, можем ли мы ими воспользоваться?

— Хорошо, шеф!

Алекс и Паркер сидели молча, глядя на платок, под которым лежали скальпель и рубиновый кулон. Потом Паркер встал, подошел к двери лаборатории и заглянул туда.

— Не нашли мы там ничего интересного, — проговорил он. — Скажи, Джо, эта лаборатория выглядит так же, как тогда вечером, когда ты сюда приходил?

Алекс встал. В лаборатории по-прежнему горел свет. Шкаф с нарисованным на дверях черепом был открыт.

— Выходя, Иэн погасил здесь свет, — сказал Алекс, — и закрыл дверцу шкафа. А кроме того... нет, пожалуй, нет. Не знаю. По-моему, ничего не изменилось.

— Но теперь свет горит... — пробормотал Паркер.

— Из этого следует, что Иэн собирался скоро вернуться сюда. Он вынул из шкафа коробочки с крючками, лески и пошел с ними в кабинет, где ему удобнее было бы отобрать их на большом столе при настольной лампе. Потом он, вероятно, собирался вернуться и отнести ненужные коробочки в шкаф. Поэтому и оставил дверь полуоткрытой...

— Шеф!

— Да?

— Миссис Драммонд просит, чтобы джентльмены чувствовали себя как дома. Она сожалеет, что сама не может распорядиться, потому что плохо себя чувствует.

— Что она делала, когда ты вошел?

— Сидела на кровати и смотрела в окно. Она подпрыгнула, когда я постучал. Я знаю, потому что дверь была приоткрыта, и я сначала туда заглянул. Она очень подавлена, шеф. Видно, что она плакала. Но, в общем, чему тут удивляться, правда?

— Можешь идти, Джонс. Ты велел принести нам кофе?

— Да.

— И позаботься о наших людях. Пусть ходят перекусить на кухню, но по очереди. Я не хочу, чтобы дом вдруг опустел. А через десять минут пригласи сюда мистера Роберта Гастингса.

— Есть, шеф!

В ту же минуту дверь открылась.

— Можно? — тихо спросила горничная. Обеими руками она держала поднос с едой для двоих. Джонс взял из ее рук поднос и остановился, не зная, куда его поставить.

— Мы позавтракаем в столовой, — сказал Паркер, — мисс...

— Кейт Сандерс, сэр, — сказала горничная. — Но я...

Паркер взял поднос из рук Джонса и вернул ей.

— Мы сейчас туда придем, — сказал он, и девушка вышла. — Джонс! Никто, ни под каким предлогом не имеет права сюда входить. Никто! Ты понял?

— Да, шеф!

Инспектор кивнул Алексу, и они направились к выходу.

В столовой Кейт Сандерс уже расстелила скатерть на конце длинного стола и расставляла чашки. Паркер молча ждал, пока она закончит. Когда она сделала книксен и собралась идти, он остановил ее движением руки.

— Минуточку, мисс.

Она подошла и остановилась, опустив глаза. По ее лицу было видно, что она плакала, но стояла выпрямившись, и когда услышала первые слова инспектора, Алекс заметил, что Кейт Сандерс просто сгорает от любопытства, чтобы узнать, что случилось и что еще может случиться.

— Мы пережили ужасную трагедию, — сказал инспектор. — Скажите нам, пожалуйста, мисс Сандерс, не бросилось ли вам в глаза что-нибудь интересное, вчера или в последние дни?

— Интересное, сэр?

— Ну, то есть, что-нибудь, что выходило бы за рамки обыденной жизни в Саншайн Мэнор? Какая-нибудь мелочь или деталь...

— Нет, сэр... Ну, может, только то, что у ворот разбили палатку двое молодых людей, сэр. Но они очень симпатичные...

— Не сомневаюсь, — Паркер невольно улыбнулся, но тут же стал серьезным. — А кроме этого?

— Ну... может... Но это, наверно, неважно...

— Что? — спросил Паркер. — Пожалуйста, говорите.

— Этот стакан... — И увидев интерес в его взгляде, добавила: — Он стоял в холле на камине...

— Когда?

— Сегодня утром... Я не убирала сегодня как следует, потому что... этот джентльмен не разрешил прикасаться к вещам, а кроме того, всюду ходит полиция и заглядывает... Но когда посветлело, я вышла, чтобы подмести холл, потому что эти джентльмены наносят столько грязи, и никто из них не вытирает ноги...

— Да. Ну и что?

— Он стоял там. Стакан, полный апельсинового сока.

— А разве не мог его поставить там кто-нибудь из домочадцев вчера днем?

— Мог, но когда в половине одиннадцатого я ложилась спать, то заглянула наверх, к миссис Драммонд, чтобы спросить, не нужно ли ей чего... Она мне не звонила, но я... ну не только я, мы все здесь ее любим... вот разве что Мэлахи смотрит на нее косо... Простите, что я морочу вам голову такими глупостями... — она умолкла, как бы устыдившись.

— Пожалуйста, продолжайте. Вы заглянули к миссис Драммонд, и что?

— Ничего, потому что ей от меня ничего не нужно было. Тогда я пожелала ей спокойной ночи и пошла вниз. И тут я вспомнила, что утром, во время уборки, у меня отвинтилась гайка от ручки пылесоса, и я ее там оставила. Пылесос-то работает и без этой гайки... впрочем, я в этом не разбираюсь. Но я хотела ее взять, чтобы Мэлахи нашел место, откуда она отвинтилась, и привинтил ее обратно. Ну и вот, я спустилась в холл, подошла и забрала эту гайку.

— Так, ну и что? А этот стакан?

— Вот я и говорю, сэр. Стакана-то тогда там не было. А утром, когда нас разбудили, я оделась и вышла, потому что хотела узнать, не потребуется ли что-нибудь для миссис Драммонд после такой ужасной... Это вроде пустяки, сэр, но иногда чашка крепкого кофе может помочь человеку даже в самой трудной ситуации, сэр...

— Да-да. И что же?

— А то, что, проходя через холл, я заметила этот стакан, когда возвращалась. На него падал свет.

— И что вы с ним сделали?

— Я машинально забрала его. Я тогда плакала, потому что... а кто бы не плакал, глядя на переживания миссис Драммонд... Я взяла этот стакан и пошла с ним на кухню. А там сразу помыла его. Потом вместе с другой посудой отнесла в буфетную комнату.

— А где находится эта буфетная комната?

— Вот здесь, рядом со столовой. В нее можно пройти через маленький коридорчик. Там находятся бокалы, серебряные приборы и есть маленький холодильник, где мистер Драммонд велел всегда держать немного ветчины, соки и еще что-нибудь съестное, потому что, бывало — проголодается ночью, когда работает. В общем, отнесла я туда этот стакан и поставила рядом с другими.

— А вы хорошо его вымыли и вытерли?

— Разумеется, сэр, — в голосе девушки прозвучала едва заметная обида.

— Буфетная комната всегда открыта?

— Да, сэр. Всегда.

— Весьма вам благодарен, мисс, — Паркер сел и опустил в свой кофе два кусочка сахара.

Кейт Сандерс сделала книксен и направилась к двери.

«Всемирная литература» в «Неман»

— Еще одно, — сказал Паркер. — Дверные ручки чистятся у вас в доме ежедневно?

— Раз в неделю, сэр, порошком. А каждое утро их протирают тряпкой.

— А в кабинете?

— Так же, как и везде, сэр.

— А вчера вечером вы случайно не протирали ручки двери, ведущей из холла в кабинет мистера Драммонда?

— Нет, сэр. Я никогда не делаю этого вечером.

— Большое спасибо, мисс Сандерс.

XIV. Пятно крови

Они завтракали молча. Алекс выпил две чашки горячего кофе и заставил себя съесть кусочек хлеба с маслом. Потом отодвинул тарелку.

— Не могу больше, — сказал он.

— Я тоже. — Паркер встал. — Пойдем снова в кабинет. Допросим там мистера Роберта Гастингса. Я думаю, он разъяснит нам несколько деталей, но боюсь, что это окончательно запутает дело.

И он не ошибся.

— Думаю, я ничего не сумею рассказать вам об этой ужасной трагедии, — сказал Гастингс, после того как полностью подтвердил относящиеся к нему показания Дэвиса и Спарроу. — Я глубоко потрясен, и думаю, так же потрясены все, кто понимал, насколько значительным был исследовательский вклад Драммонда в ту область науки, в которой он работал. Это невосполнимая утрата не только для вас, англичан, но и для нас всех. Ничего плохого нет в том, что я хотел бы видеть его в Америке. Это всего лишь вопрос конкуренции между национальными корпорациями. Но сама личность Иэна и его ум были бесценными для человечества, независимо от того, где он жил и работал. Именно такие люди, как он, двигают прогресс, формируют его и вырывают у материи целые куски неведомого. Я знаю немногих исследователей, которые могли бы с ним сравниться.

— Но если бы вы приобрели такого ученого, как, например, Спарроу, смерть Иэна затормозила бы в Англии развитие той области науки, о которой вы вспоминали? Зато эта область расцвела бы в Америке, не так ли?

— Я вас не понимаю, — сказал Гастингс. — То есть, я не хочу вас понимать.

— Господин профессор, — Паркер встал. — Я нахожусь здесь для того, чтобы найти человека, который убил Иэна Драммонда. Никто, кроме безумцев, не убивает без мотива. Это преступление не было совершено безумцем. Поэтому я хочу найти мотив. Когда я его найду, я найду убийцу. Вы, по крайней мере, теоретически могли убить Драммонда для того, чтобы он не закончил свой труд...

Роберт Гастингс покраснел и вскочил с места. Он сжал кулаки, а в его глазах сверкнули молнии.

— Еще одно слово, — воскликнул он, — и...

— Своим поведением, — сказал спокойно Паркер, — вы показываете, что словесные формулировки, касающиеся этого преступления, вы цените выше сути того, что я вам сказал, и выше ваших пояснений о том, почему вы не убили Драммонда и по какой причине не могли этого сделать. Или почему его не убил человек, находящийся с вами в сговоре?

Гастингс побагровел, но спокойная интонация Паркера подействовала на него.

— А вы отдаете себе отчет в том, что сказали мне сейчас?

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— А вы считаете, что все обитатели этого дома заслуживают меньшего уважения, чем вы? Драммонда убил не кто-то извне. Ему нанес удар кто-то из вас! И в глазах закона все вы являетесь одинаково подозреваемыми. Вы понимаете меня?

— Да, я вас понимаю, — Гастингс сел. — Спрашивайте, пожалуйста. Я отвечу вам как сумею, но боюсь, мне особенно нечего сказать.

— Вы не хотели бы что-нибудь добавить к своему рассказу о вчерашнем вечере?

— Нет, — Гастингс покачал головой. — Ничего.

— Ну вот! — Паркер хлопнул в ладоши. — И после этого вы взрываетесь в приступе возмущения, когда я говорю, что вы могли убить Иэна! А ведь я мог бы сейчас арестовать вас и не уверен, что я этого не сделаю, если... — он на секунду умолк, — если вы не объясните мне, откуда на кончике вашей левой туфли оказалось это пятно крови. — Он наклонился и указательным пальцем прикоснулся к ноге Гастингса.

Алекс, который внимательно смотрел на профессора, ни на секунду не спуская с него глаз, увидел, что лицо Гастингса покрылось смертельной бледностью.

— Что? — переспросил Гастингс. — Пятно крови?.. — Он прищурился.

— Да, пятно крови. — Паркер выпрямился и замолчал.

Некоторое время никто не шевелился. Потом Гастингс взглянул на кончик своей туфли, и по его телу пробежала дрожь.

— Что?... Что вы намерены делать?.. — спросил он. — Я... я не знаю откуда...

— Я намерен отдать вашу туфлю на криминалистический анализ, причем убежден, что на ней окажется кровь Иэна Драммонда, смерть которого так глубоко вас тронула. Тогда вы окажетесь в заключении, и мне не придется объяснять вам, что я намерен сделать. Либо... вы расскажете, откуда это пятно взялось, и тогда: или я поверю вам, и вы останетесь здесь в качестве подозреваемого, или я не поверю, и тогда вы станете обвиняемым.

— Но я... мне кажется, вы не понимаете, что для человека в моем положении... в мире науки... Вы отдаете себе отчет?

— А вы, господин профессор, отдаете себе отчет в том, что вы были гостем в доме, где убит хозяин, человек, которому вы сами провозгласили столь хвалебную эпитафию, а вы, известнейший в мире ученый, который, как я слышал, заботится о мнении окружающих, утаили правду во время первого допроса и, таким образом, разумеется, помогли преступнику, если, конечно, вы не сами им являетесь.

— Но я... Повторяю еще раз, я не убивал Иэна Драммонда. Клянусь!

— Господин профессор, пожалуйста, не ведите себя как ребенок. Быть может, вместо этого вы лучше подумаете о том, как доказать нам, что вы человек, слово которого имеет какое-то значение. Ведь пока что вы обманули нас самым отвратительным образом. Независимо от того, что вы сами считаете, вы тем самым стали сообщником убийцы.

— Но я... Повторяю — я не убивал Иэна.

— Однако вы были здесь в ночь убийства, вы не подняли тревоги и вы ступили в кровь убитого! Это, по-вашему, пустяки?!

Гастингс повернул голову налево, затем направо, как боксер, который получает удар за ударом, но любой ценой хочет выстоять до конца и не потерять сознание. Он глубоко вздохнул.

— Когда Филипп Дэвис зашел ко мне за тысячей фунтов, он так странно выглядел, что я в первую минуту подумал, не сошел ли парень с ума. Вы должны понять, что за несколько минут перед этим у меня был профессор Спарроу, с которым часом раньше я обсудил его выезд в Соединенные

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Штаты и условия, на которых он туда поедет. Час спустя Спарроу явился ко мне с каким-то безумным выражением на лице, и вдруг оказалось, что он полностью изменил свое решение по причинам, которых он не пожелал мне объяснить. Следом вошел Филипп Дэвис, внезапно выразил согласие ехать, схватил чек, после чего исчез с ним столь поспешно, будто банки работают по ночам. Я был сильно удивлен... Ну, представьте сами мою ситуацию. Я чувствовал... да нет, я знал, что между всеми ними что-то происходит, что здесь случилось нечто, о чем я не знаю и что так повлияло на их решения... Это дело для меня было очень важным... Я не только ученый-исследователь, я еще и владелец доли в большом концерне. Я очень заинтересован в том, чтобы собрать в своей лаборатории лучших ученых со всего мира. Я не стыжусь этого. Я ставлю условия, я предлагаю высокое вознаграждение, и с этим можно соглашаться или нет. Иэн Драммонд сразу отверг мое предложение, и это ни в малейшей степени не повлияло на мое отношение к нему. Я по-прежнему утверждаю, что мир науки потерял одного из величайших людей. Если бы он жил дольше, его, вероятно, ждали бы огромные достижения... Да, но что я хотел сказать?.. Ага. Так вот — я остался один в комнате. В течение часа Спарроу, который сначала согласился, — отказался, а Дэвис, который сначала отказался, — вдруг согласился. Я не знал, что и думать обо всем этом и об их странном поведении. Я выглянул в окно. В кабинете Иэна все еще горел свет. Я решил заглянуть к нему под каким-нибудь предлогом, чтобы выяснить, что случилось. Я был уверен, что он наверняка имеет какое-то влияние на то, что происходит с двумя остальными исследователями. К сожалению, я не ошибся, хотя влияние это оказалось совсем иным, чем я предполагал. Во всяком случае, я сказал себе, что не будет ничего плохого, если я спущусь и под видом прощального разговора — потому что я ведь должен был уехать на рассвете — попытаюсь сориентироваться, в какой мере я могу считать дела Дэвиса и Спарроу окончательно решенными. Я спустился вниз. Дверь была закрыта. Я знал, что в кабинет не стучат, и тихонько открыл ее. Оказавшись внутри, я заметил Драммонда, сидящего за столом, и тут же увидел все остальное... Я подошел, чтобы проверить, жив ли он и нужно ли вызвать помощь. Но его тело было уже холодным. Я во время учебы прошел трехлетний курс медицины в качестве дополнительного предмета и сразу понял, что здесь уже ничего не поможет. В ту же самую секунду я понял также, что подозрение может пасть на меня. Вы искали мотив преступления. Мне тоже это сразу пришло в голову. Драммонд рассказывал о каком-то письме, которое якобы пришло в английскую полицию и которое предостерегало о возможности покушения на ученых со стороны каких-то неизвестных сил. Он тогда посмеялся над этим, но мне теперь совсем не было смешно. Ведь это я представлял интересы зарубежного концерна. Я тихонько отступил к двери и вдруг вспомнил, что оставил отпечатки пальцев на ее ручке. Тогда я дочиста вытер рукавом обе дверные ручки — внутреннюю и внешнюю, а затем на цыпочках взбежал наверх и заперся в своей комнате. Я быстро разделся и лег в постель, но не спал и точно знаю, когда Филипп сунул мне под дверь чек. Я даже похолодел тогда. А потом уже ничего не происходило, до той минуты, пока ко мне не постучалась полиция. Все то, что я сказал, полностью соответствует истине, и теперь мне нечего уже больше добавить.

— М-да... — Паркер сел. — В котором часу вы были здесь?

— Может, в 12.10 или в 12.12. Мне трудно определить точно, но помню, что, выходя из комнаты, я глянул на часы, и было примерно десять минут первого.

— А как долго вы пробыли здесь, в кабинете?

— Может, две-три минуты.

— То есть, где-то в 12.15 вы уже вышли отсюда?

— Вероятно, да.

— Хорошо. Возвращайтесь в свою комнату, господин профессор, и не покидайте ее.

Гастингс встал. Он по-прежнему был очень бледен.

— Я надеюсь, вы не подозреваете меня всерьез в убийстве Иэна? — спросил он с беспокойством.

— Нет, — Паркер покачал головой. — Еще до того, как вы вошли сюда, я знал, что вы не могли убить Иэна Драммонда, но вероятнее всего, находились здесь после совершения убийства.

— Значит, вы знали! — Гастингс вышел, вытирая ладонью свою большую лысину, на которой блестели капельки пота.

XV. «...Затем ударила подряд два раза...»

— А теперь, к сожалению, мы должны поговорить с миссис Сарой Драммонд, — сказал Алекс. — Я предпочел бы не присутствовать. Все это так ужасно.

— Да, — Паркер вздохнул. — Мы должны поговорить с Сарой Драммонд, но думаю, тебе надо остаться. То, что убийца Иэна на свободе, еще ужаснее. — Он взглянул на часы. — Сейчас восемь утра. Девять часов назад Иэн был еще жив. И мог жить еще много лет... Я не выйду из этого дома без его убийцы... даже если какие-то дьявольские силы еще больше все запутают. Но о чем это я говорю? Я ведь знаю, кто убил Иэна Драммонда, точнее говоря, не я сам, а полицейский внутри меня знает. Я уже сейчас мог бы отдать приказ на арест, и никому не удалось бы оправдать того, на кого бы я указал. У нее одной нет алиби и есть причина, по которой она должна была убить. Как это все просто, как ясно! Настолько ясно, что как-то бессмысленно!

Алекс покивал головой.

— Вот именно, — пробормотал он. — Настолько ясно, что даже бессмысленно.

— Ладно, оставим это! — Паркер встал, начал прохаживаться по кабинету, огибая широкой дугой пустое кресло и большое пятно крови, которая уже почернела и впиталась в разноцветный узор ковра. — Видишь! Его кровь уже исчезает... Остается лишь пятно на ковре. Потом ковер отдадут в химчистку, и так исчезнет последний его след. Он не оставил ребенка, а жена была ему неверна. Так навсегда уходит человек. Я не разбираюсь в театральном искусстве, но разве это не самая «греческая» из греческих трагедий? Разве вернет Иэну жизнь тот факт, что мы, ты и я, знаем или догадываемся, кто его убил? Но он ведь любил ее. Независимо от того, что мы знаем о ней, он ее любил. Хотя бы поэтому мы должны быть снисходительны к ней. Он точно этого хотел бы. Он был очень добр. Возможно, он даже простил бы ее, хотя это сломало бы ему жизнь. Джонс!

— Да, шеф! — толстощекое лицо сержанта улыбалось от уха до уха.

— А что это тебя так развеселило?

Джонс сразу стал серьезным и вытянулся.

— Ничего, шеф... Дело в том, что мисс Сандерс...

— Дело в том, что у мисс Сандерс ямочки на щечках, да? Но ты приехал сюда за счет Ее Величества Королевы не для того, чтобы восхищаться ямочками мисс Сандерс. А сама мисс Сандерс пусть займется своими делами, если у нее есть таковые!

Сквозь приоткрытую дверь Алекс услышал тихий топот быстро удаляющихся ног.

«Всемирная литература» в «Немане»

— Закрой дверь, Джонс! — сказал инспектор. — И следи в оба за всем, что происходит в доме. Ты не должен ни на шаг покидать холл до тех пор, пока я не отменю этот приказ. Никто не пытался спуститься вниз?

— Спускались, шеф... Вы же не запрещали...

— Кто?

— Мистер Гастингс и миссис Спарроу. Оба звонили по телефону в Лондон.

— О чем говорили? По каким номерам звонили?

— Мистер Гастингс связался с бюро путешествий и отменил свой утренний рейс в Нью-Йорк. А миссис Спарроу звонила в больницу и просила к телефону профессора Биллоу. Потом она спрашивала о здоровье миссис Райт. После этого она говорила что-то по латыни и в конце сказала, что даст знать позже, сможет ли она приехать, потому что здесь ее задерживают непредвиденные семейные обстоятельства. А еще она сказала, что позвонит после обеда. Я проверил номер. Она звонила в больницу Чаринг Кросс, в хирургическое отделение.

— Хорошо, Джонс. — Паркер закрыл дверь и обратился к Алексу: — Теперь тебе придется напрячь свой ум и все свое воображение. Думаю, нам лучше перейти в салон. Нельзя ее здесь допрашивать. Отправляйся туда, а я сам за ней зайду.

— Хорошо, — согласился Алекс и встал.

Они вышли в холл. Паркер тяжелым шагом стал подниматься по лестнице на второй этаж. Направляясь к дверям салона, Алекс еще слышал его шаги, стихающие за поворотом лестницы... «Сейчас он увидит над головой надпись, — подумал Джо: — “Чти Господа под этой крышей...” Кто-то, однако, нарушил заповедь Господню и убил невинного человека. Пусть крыша этого дома рухнет на его голову».

Алекс открыл дверь в салон. Здесь было тихо, светло и уютно. Гардины раздвинуты, и солнечные лучи, бьющие в окно, весело раскрашивали розовые кресла в стиле рококо и уже несколько поблекшую обивку стен того же цвета и с тем же узором, что и у мебели. В причудливо изогнутом большом зеркале в золоченой раме Алекс увидел свое бледное, небритое лицо.

Дверь из салона в библиотеку была открыта. Четыре темных клубных кресла вокруг низкого столика. Полки с книгами. Два больших глобуса под окном. Один отображал мир, каким его представлял географ семнадцатого века. Соединенные линиями небесные тела на другом глобусе создавали рисунки животных и причудливых существ. Названия созвездий. Большая Медведица держала в своих лапах щит, на котором виднелась надпись: «ORBIS CAELESTIS TYPUS. OPUS a M. CORNELLI. Lutetie Parisiorum. Anno MDCXCIII...» Творение Марка Корнели...

Люди творят...

Творение Иэна Драммонда... Он сказал перед смертью: «Через двадцать лет все это устареет, родятся новые идеи, и придут более совершенные методы, о которых нам сегодня даже не снится...»

Стоит ли? Стоит ли разоблачать убийцу?... Даже если ты любил убитого, как брата. Пока убийца жив, — он в страхе, он страдает... Убийца хочет жить... Но Иэн Драммонд тоже хотел жить. Иэн Драммонд мог жить долгие годы и спокойно умереть в этом доме старым, мудрым человеком, любимым всеми младшими, кого он учил... Иэн был добр, Иэн был честен. А убийца? Убийца был расчетлив, он пожертвовал жизнью Иэна Драммонда ради собственного счастья, и он должен быть наказан, хотя ничто уже не воскресит Иэна. Убийца должен быть наказан, хотя бы за то, что он хотел погубить другого человека, хотел, чтобы этот другой отвечал за его преступление. Убийца хотел убрать все препятствия на своем пути.

«Всемирная литература» в «Немане»

Алекс повернул голову. Дверь открылась, и вошла Сара Драммонд, а за ней Паркер. Алекс молча поклонился. Сара ответила едва заметным движением головы. Она была одета в простое серое платье. Лицо спокойно, но на нем видны следы слез и бессонной ночи.

— Я предупредил, что ты мой сотрудник, — сказал Паркер. — Но я хотел бы пояснить вам, миссис Драммонд, что мистер Алекс ни в малейшей степени не связан с полицией. Согласны ли вы, чтобы он присутствовал во время нашего разговора?

— Да, — Сара Драммонд склонила голову. — Мне нечего скрывать. Любой может присутствовать при нашем с вами разговоре. Садитесь, джентльмены.

Она заняла место в кресле, держась прямо и сложив руки на коленях.

Алекс посмотрел на нее вблизи и увидел измученную, сломленную и уже немолодую женщину. Насколько же иной она была всего лишь двадцать четыре часа назад... «И вот стою я перед вами, — подумал он. — Свершилось, наконец, веление судьбы: удар нанесен...»

— Слушаю, — сказала Сара Драммонд. — Чем могу быть вам полезна, джентльмены? Я готова ответить на любой вопрос, господин инспектор. Пусть вас ничего не стесняет.

«Теперь открыто и бесстрашно... — думал дальше Алекс, — ...скажу вам, как погиб он...». — Нет. Она этого не скажет.

— Миссис Драммонд... — Паркер откашлялся и умолк. Затем продолжал с видимым усилием. — И мистер Алекс, и я знаем о... о характере вашего знакомства с мистером Спарроу. Мы знаем, о чем вы говорили вчера вечером в парке. Я не хочу к этому возвращаться. Я хочу лишь задать вам несколько вопросов, тесно связанных с делом. Существуют определенные обстоятельства, которые вынуждают меня задать их. Прежде всего я хочу, чтобы вы сказали мне, что вы делали вчера с момента возвращения из парка. Который был тогда час?

— Значит, он вам все рассказал, — Сара покивала головой, как бы подтверждая какие-то свои мысли. — Что я делала, вернувшись из парка? Войдя в дом, я пошла в кабинет Иэна и находилась там примерно минут пятнадцать.

— Позвольте узнать, с какой целью вы туда пошли? Муж ведь тогда работал, не так ли?

— Да, он работал. Зачем я пошла? Я опасалась, что Спарроу сгоряча, не остыв, явится к Иэну. Спарроу покинул меня внезапно, когда мы сидели на скамейке, и быстро ушел. Я искала его по всему парку и не нашла... Тогда мне пришло в голову, что мне лучше быть рядом с Иэном, пока все домочадцы не вернутся из парка и дверь не будет заперта. Спарроу обещал мне, что он не скажет Иэну о... обо всем, а лишь поговорит с ним о своем отъезде. Он хотел уже сегодня уехать из этого дома, а позже отправиться в Америку. Вы, наверно, знаете это от него.

— Да.

— Я хотела как можно дольше оттянуть момент их разговора. Я знала, что при мне Спарроу не посмеет сказать ни слова о нас, и я знала, что когда он остынет, он тоже этого не скажет. Я боялась только первых минут разговора — он ушел от меня очень взвинченным... Иэн работал. Он сказал, что утром собирается на рыбалку с мистером Алексом. Я соскучилась. Я приехала сюда вчера и была очень счастлива. Но, чтобы вы поняли... Видите ли, с шестнадцати лет я танцевала в мюзик-холле. Все знают, что это за жизнь. Мне пришлось упорно бороться на всем длинном пути до того положения на сцене, которое я сейчас занимаю. И бороться приходилось всеми возможными способами. Мужчины в моей жизни значили очень мало и очень много. Они были нужны мне, а я была нужна им. Они

«Всемирная литература» в «Нёмане»

были нужны мне для преодоления жизненных преград, а я им, потому что была молода и, говорят, красива. Когда я познакомилась с Иэном, мне шел тридцать первый год. Я говорю об этом, потому что хочу, чтобы вы узнали всю правду. Я не любила его, когда выходила за него замуж... — она произнесла это спокойным голосом. — Разумеется, я говорила ему, что люблю его, потому что это говорит каждая женщина каждому мужчине, за которого выходит замуж. Просто Иэн был мне тогда нужен. Не так нужен, как те, предыдущие мужчины, — совсем иначе. Я уже была известной актрисой, я даже стала знаменитой. Теперь мне следовало приобрести соответствующее общественное положение. Уже за год до того я решила, что выйду за любого симпатичного мужчину, который сумеет создать мне нужные условия. Я хотела, чтобы у меня был дом, муж и чтобы меня уважали в обществе. Впрочем, я была далеко не первой актрисой, которая так поступила. Я могла бы назвать нескольких только в одном Лондоне. В людях, таких, как я, которые боролись день и ночь, чтобы подняться по всем ступенькам этой чертовой лестницы, живет неистребимое желание закрепиться на ее верхушке. Я хотела всего: хотела иметь старинный родовой дом, древнюю фамилию, хотела, чтобы мой муж был кем-то известным и уважаемым до такой степени, чтобы я могла сменить свою сценическую фамилию и выступать под фамилией мужа. Иэн отвечал всем этим условиям, а кроме того, он влюбился в меня. Впрочем, я сделала все, что было в человеческих силах, чтобы это случилось. А потом мы поженились. Я думала, что с этой минуты вся моя жизнь изменится. Она изменилась, это правда. Но у Иэна была своя, всецело захватывающая его работа, а у меня своя, плюс вся моя жизнь позади. Мне всегда нравилось подчинять себе мужчин. Если бы я полюбила Иэна с первого взгляда, я бы, может, перестала об этом думать. Не знаю. Но вышло иначе. Я по-прежнему жила в Лондоне одна и лишь изредка навещала его или он меня. Мы постоянно планировали совместное путешествие, но из этого ничего не получалось, потому что либо у него не было времени, либо у меня... Иэн верил мне безгранично. Но до него мне так же верили и другие. Я никогда не могла понять, почему верность одного человека другому понимается лишь в одном-единственном, ограниченном смысле. Мне казалось, что я родилась лишенной этого. Я не была верна Иэну. В этом доме я встретила Спарроу и его красивую жену. Она была столь красивой и вела себя столь подавляюще по-королевски, а он был настолько переполнен принципами, что... Но дело не в этом. Мне кажется, что уже тогда я начала все больше и больше любить Иэна. Может, это было каким-то противоядием, что ли... Я всю жизнь противилась любви. Я боялась. Боялась любой человеческой слабости. Мне постоянно надо было быть сильной. Впоследствии это легко не проходит. Я сама лишила себя возможности любить... Вы меня понимаете? — она с беспокойством взглянула на Алекса.

— Да, — неожиданно сказал Паркер. — Все это абсолютно понятно.

— Так о чем это я говорила?... Ах, да... Спарроу придавал мне равновесие. Он был здесь. Я могла смотреть на них обоих за столом и думать, что я господствую над ними. Люси ничего не знала, а Иэн тоже ни о чем не догадывался... Я была сама себе госпожой: теперь у меня было все, чего я хотела в жизни, и я ни гроша не заплатила за это. Так мне, по крайней мере, тогда казалось, потому что позже я стала понимать, что во всем этом мне не хватало самого главного: любви. Сама не знаю, как я полюбила Иэна. Это случилось недавно. А может быть, даже раньше, чем я отдала себе в этом отчет... Но в конце концов я поняла, что он мне очень дорог, что он не только мой муж, но единственный человек, которого я люблю и которому я хочу быть верна, потому что больше я не хочу никого другого. Это была огромная радость, потому что я поняла, что такую верность я могу

«Всемирная литература» в «Нёмане»

принять. Такая верность правдива, она настоящая, потому что не является следствием какого-то запрета или какой-либо заповеди, она возникает из желания исключительности... Но тогда Спарроу, и не только Спарроу... должны были исчезнуть... — Она умолкла. Ее спокойный тихий голос еще некоторое время звучал в их ушах. — Но Спарроу не хотел исчезать, — вдруг сказала Сара. — Не только не хотел, но даже начал настаивать на том, чтобы я оставила Иэна, а он — Люси. Это было ужасно. Я не знала, что делать. Я оттягивала время, обманывала его и, наконец, твердо решила с этим покончить. Когда он написал в Лондон, попросив меня о свидании, я приехала сюда и сказала ему вчера, что мы должны навсегда забыть друг о друге. Он с трудом это перенес, а потом вдруг исчез в темноте. Я обезумела от страха. Но я актриса и умею собой владеть больше, чем это кажется возможным. Я вошла в кабинет Иэна и уселась там, щебеча всякие глупости и прислушиваясь, не идет ли Спарроу. Наконец я пришла к выводу, что он уже вернулся в дом. Я встала и отправилась наверх. Сквозь закрытую дверь гардероба я услышала его голос в комнате Люси и начала верить, что он ничего не скажет Иэну. Но я боялась их решающего разговора. Когда Спарроу придет к Иэну и объявит ему, что он прекращает сотрудничество с ним, Иэн начнет его расспрашивать. Он будет удивлен, быть может, даже начнет упрекать. А тогда... Я боялась принципов Спарроу. Существуют принципы, которые наносят столько вреда, что лучше бы их совсем не было. А вдруг ему придет в голову сказать всю правду? Очиститься перед другом? Иэн понял бы его, но никогда не понял бы меня. Даже если бы он простил меня, наше счастье было бы разрушено. Я стала жалеть о том, что не убила Спарроу в парке! — Сара умолкла. — Да! — подтвердила она. — Я хочу сказать всю правду: я пожалела об этом. Но было уже поздно. Я должна была ожидать результата их разговора. Около одиннадцати ко мне зашла Люси и попросила пишущую машинку. Я дала. Она явно ничего не знала. Это был хороший знак. Спарроу в первую очередь попросил бы у нее прощения. Я знаю мужчин. Конечно, он получил бы его, потому что она любит его больше жизни... Но я? Я ждала... Иэн не возвращался, хотя обещал мне, что ляжет спать пораньше. Я говорила ему, что очень хочу, чтобы он сегодня пришел. Мы ведь не виделись целую неделю. Я подошла к двери, а потом на цыпочках протиснулась в гардероб. Издалека был слышен голос Спарроу. Потом плач Люси. Было уже половина двенадцатого... Я тихонько отступила и вернулась к себе. Что-то происходило... Но что? Что он ей сказал? Я никогда не предполагала, что Люси способна плакать. Потом мне показалось, что Спарроу вышел из комнаты и спускается по лестнице. Я приоткрыла свою дверь, чтобы увидеть, кто это, но никого не заметила. Я боялась заглянуть к Люси. Боялась, что она придет ко мне и устроит сцену. Я очень тревожилась за свою будущую жизнь с Иэном. Мои нервы не выдержали. Я упала на кровать и долго лежала, ожидая, что с минуты на минуту откроется дверь и войдет Иэн. Но дверь не открылась. Когда я посмотрела на часы, было двадцать пять минут первого. Вероятно, что-то случилось. Я подумала, что, наверно, Спарроу все рассказал и теперь Иэн сидит внизу, сжимая голову руками, наедине со своим отчаянием... Некоторое время я колебалась... До сих пор я всегда предпочитала переждать бурю и явиться как можно позже... Но Иэна я любила. Я знала, что должна спуститься и, что бы ни случилось, заставить его остаться со мной... Я даже готова была сказать, что Спарроу гнусный лжец, что он подкуплен Гастингсом, хочет уехать в Америку и ему просто нужен какой-нибудь предлог. Мне казалось, что так будет лучше. У меня хватило бы сил, глядя прямо в глаза Спарроу, указать ему на дверь, назвав клеветником, а Иэн наверняка поверил бы мне. Я спустилась вниз и открыла дверь... А он сидел там... Со скальпелем в спине... Он был мертв... Все было кон-

«Всемирная литература» в «Немане»

чено навсегда. Я стояла и смотрела на него. Теперь уже ничего не имело значения. Я подумала о том, что, умирая, он не узнал обо мне ничего плохого. Он знал только хорошее. Я поцеловала его в голову и вышла. Это был конец. Наверху я подумала, что, наверно, его кто-то найдет и что мне придется выйти из комнаты, разговаривать... Я хотела покончить с собой, но у меня не было никаких сил. А потом и это прошло. Он мертв. И все теперь уже не имеет ни малейшего значения. — Она развела руками мелким бессильным жестом и отвернула голову к окну.

— А потом вы не выходили из комнаты вплоть до моего прихода? — спросил инспектор.

— Нет. Я вообще не выходила из комнаты вплоть до этой минуты.

— Зная, что он там внизу? И что его кто-то убил?

— Я знала, кто его убил.

— Кто?

— Я... — сказала Сара Драммонд, и голос ее стал прерывистым: — Независимо от того, кто вонзил в него нож, я — причина его смерти.

И только теперь она спрятала лицо в ладонях и громко спазматически зарыдала.

Алекс и Паркер ждали, опустив глаза. Алекс машинально пощипывал кончик галстука. Постепенно рыдание утихло. Сара Драммонд подняла голову.

— Простите, — сказала она тихо. — Я постараюсь держать себя в руках.

— Я лишь хотел вам сказать, — заметил Паркер, — что если только в этом деле не имеет место совершенно немыслимое стечение обстоятельств, то по всей вероятности, профессор Гарольд Спарроу не убивал вашего мужа.

— Что? — спросила Сара. — Что? — и схватилась обеими руками за поручни кресла, будто боялась упасть.

— И у него почти железное алиби. В момент убийства Иэна он разговаривал с Робертом Гастингсом в своей комнате.

— Тогда кто же убил Иэна? Кто, кто это сделал?

— В настоящую минуту единственным человеком, который имел возможность это сделать и одновременно имел причину для этого, к сожалению, являетесь только вы, — сказал Бен Паркер и наклонил голову, будто желая избежать взгляда Сары...

Но Сара Драммонд не глядела на него. Когда Паркер поднял взгляд, она смотрела в окно, за которым виднелся двор перед домом, а за ним огромное голубое море.

— Да... Да... — сказала она, не отрывая глаз от окна. — Я убила его...

— И вы также готовы описать обстоятельства убийства?

— Да... — Сара отвела взгляд от окна и посмотрела на Паркера пустыми невидящими глазами... — Да... я вошла... он писал письмо... — И вдруг она начала тихо декламировать мертвым глухим голосом: — «Затем ударила подряд два раза... а он, два раза вскрикнув, упал и сразу умер... И вот тогда, когда лежал он, а жизнь уже покинула его, я третий нанесла удар — священный, жертвенный, в благодаренье Зевсу, властителю в подземном царстве мертвых...»

Последующие ее слова были лишь глухим бессмысленным бормотаньем.

XVI. «...Убийцу Иэна Драммонда, конечно...»

Когда час спустя прибыла карета «скорой помощи» и в нее задвинули Сару Драммонд, лежащую без сознания на носилках, инспектор Паркер тяжело вздохнул и потер ладонью небритый подбородок.

Они стояли перед домом втроем: он, Люси Спарроу и дежурный полицейский. За стеклом входной двери инспектор заметил бледное

лицо кухарки и румяное личико Кейт Сандерс, рядом с которой стоял сержант Джонс.

Машина «скорой помощи» тихо выехала со двора, свернула и через несколько минут исчезла за деревьями аллеи.

— Господи, Боже мой, — едва слышно прошептала Люси Спарроу. — Она прикрыла глаза ладонью, потом опустила ее и взглянула на Паркера. — Никогда, никогда в жизни я бы в это не поверила...

— Она выберется из этого? — спросил инспектор.

— Не знаю. Я не психиатр. Но опасаюсь, что выберется. Это лишь временное следствие сильного стресса и нервного напряжения. Она начала бредить, затем потеряла сознание. После инъекции она уже дышала ровно и никаких тревожных симптомов не было. Но, пожалуй, для нее было бы лучше, если б... — Люси умолкла. — Я не должна так говорить, я врач. Бедный Иэн. Если б он знал... Если б только он знал...

— Она посмотрела на инспектора своими серыми печальными глазами. — Вы, кажется, были его другом?

— Был, — сказал Паркер.

— А она... И ведь никто не мог этого предотвратить. Никто. Очнувшись, она придет в отчаяние... Она не была такой плохой, как... как на то указывают факты. Это всего лишь отсутствие морали...

— Я наблюдал за вами в течение последнего часа... — инспектор слегка склонил голову. — Вы ухаживали за ней, как родная сестра. После всего, что случилось... Такое нечасто увидишь.

— А что мне было делать? — Люси развела руками. — Больной — это больной, что бы врач о нем ни думал.

— И быть может, спасая ее, вы сделали ей хуже.

— Об этом мы не должны думать. Моей обязанностью было помочь ей, и наверно, я последний человек, который посмел бы осудить ее. Я свидетель, но не судья. И если она даже причинила мне горе, то ведь... — она указала на дом, — ему она причинила непоправимый вред. Он мертв. А мы все должны жить дальше. Завтра у меня операция. Другая трагедия. Другие люди. А кроме этого, мне надо чинить свою жизнь. Гарольд... мой муж, лежит у себя в комнате. Он плакал. Это было ужасным стрессом для него. Быть может, большим, чем для меня... Иэн мертв, и она его убила... Гарольд думает, что это из-за него. Он совершенно не понимает жизни. Он очень наивен. Теперь долго, очень долго он будет приходить в себя после этого потрясения. Меня ждет много работы с ним...

— Вы, наверно, очень любите своего мужа? — сказал инспектор так, будто поддакивал какой-то своей невысказанной мысли.

— Больше жизни, — подтвердила Люси Спарроу, а интонация ее голоса была такова, что Паркер поверил ей сразу же. — Мне даже не надо было ничего прощать ему. Я предпочла бы умереть, чем потерять его. Я думаю, что это была не его вина. Это она его совратила.

— Да. По-видимому, вы правы. Мистер Спарроу, наверно, оправится. Я желаю вам этого. И не только вам. Он большой ученый. После смерти Драммонда на него ложится вся тяжесть ответственности за окончание их совместного труда.

— Гарольд сделает это! — Люси подняла свою светлую голову. — Он поправится и завершит все, что они должны были сделать вместе.

— Когда вы намерены отсюда выехать?

Люси взглянула на часы.

— Сейчас десять. Через час я хотела бы уехать. И покинуть Саншайн Мэнор навсегда... — Она поколебалась и вдруг произнесла с нажимом: — Я не позволю, чтобы Гарольд когда-либо даже проехал мимо этих мест. Эту часть мира мы должны оставить позади... вместе со всеми воспомина-

«Всемирная литература» в «Неман»

ниями, связанными с ней! — Как бы устыдившись своих эмоций, она снова посмотрела на часы. — Мне пора идти. Он там один.

Паркер молча поклонился. Люси ушла.

Паркер смотрел ей вслед и видел, как она поднималась на ступени террасы и приближалась к входной двери — светловолосая, по-королевски невозмутимая, безразличная к любопытным взглядам слуг, будто вся грязь этого мира не могла коснуться ее прямой и гордой фигуры. На пороге она натолкнулась на выходящего из дома мужчину, который любезно отступил и с легким поклоном пропустил ее. Инспектор поднял брови.

— Где это ты был, Джо? — спросил он, когда Алекс подошел. — Я уже полчаса высматриваю тебя.

— Я поработал немного... Писал, — с обезоруживающей искренностью сказал Алекс. — А что... ее уже забрали?

— Да. Сделали инъекцию снотворного и увезли в больницу.

— Она будет под охраной полиции?

— Да.

— Но она не помешалась?

— Доктор Люси Спарроу утверждает, что нет. Больничный врач был тоже оптимистичен. Вероятно, она выздоровеет и будет совершенно нормальной... Джо?

— Да, — сказал Алекс.

— Я всегда был с тобой искренним. И теперь хочу быть. Я не верю в то, что спустя столь короткое время после смерти Иэна, находясь в этом аду, ты можешь спокойно заниматься своим творчеством. Что случилось?

— Ничего, — нехотя ответил Алекс. — Просто я записывал некоторые свои наблюдения. Ты ведь просил, чтобы я во время допросов помалкивал и не нарушал твоего видения ситуации. Но теперь все закончилось. Не хочешь ли ты меня выслушать?

— А ты меня? — неожиданно спросил Паркер.

— Я?... Да.

— Тогда пошли в кабинет Иэна.

— Хорошо.

Они двинулись к дому. Сержант Джонс по-прежнему дежурил в холле. Паркер заметил, что как только они с Алексом появились в дверях, мисс Кейт Сандерс сразу же начала старательно полировать каминный кафель.

— Мой пост здесь уже снят, шеф?

— Разве я сказал что-нибудь подобное?

— Нет. Но ведь...

— Погоди немного... — сказал Паркер и вошел вслед за Алексом в кабинет.

Инспектор закрыл дверь. Алекс повернулся на пятках.

— Не можешь ли ты отдать распоряжение, чтобы никто из домочадцев не покидал дом?

— Кого ты имеешь в виду?

— Всех. А среди них и убийцу Иэна Драммонда, конечно.

Паркер кивнул.

— Значит, и ты так думаешь... Но доказательства... У меня нет доказательств... Я ведь не могу...

— Подожди! — поднял руку Джо. — Мы пообещали друг другу, что не покинем этот дом без убийцы Иэна. Можем ли мы позволить, чтобы убийца покинул дом без нас?

— Не знаю, — Паркер прикусил губу. — Боюсь, я не смогу его удержать. У меня нет материала для обвинительного акта...

— Отдай приказ... — сказал Алекс, — и тогда, может быть, удастся что-нибудь сделать.

Паркер подошел к двери и приоткрыл ее.

— Джонс!

— Да, шеф?

— Пусть никто не покидает этот дом ни под каким предлогом, до тех пор, пока я лично не дам на это согласия. Скажи это также людям в саду. Ни один человек не должен выйти отсюда.

— Так точно, шеф, — сказал Джонс с интонацией явного изумления, которую Алекс уловил, хотя сидел в кресле и не мог видеть его лица.

Паркер закрыл дверь и вернулся к столику.

— Ты знаешь, кто убил Иэна? — коротко спросил он.

— Да. Знаю. А ты?

— Я тоже. То есть... А ты мог бы доказать мне, кто убил Иэна? Потому что я...

— Сделаем это вместе, — сказал Алекс. — Начнем сначала. В момент убийства в доме находились семь человек:

1. Джо Алекс,
2. Мэлахи Ленеган,
3. Кейт Сандерс,
4. Роберт Гастингс,
5. Филипп Дэвис,
6. Сара Драммонд,
7. Гарольд Спарроу,
8. Люси Спарроу.

Начнем с первого номера: Джо Алекс. У тебя есть какое-нибудь алиби для меня? — Паркер открыл блокнот:

а) ты не мог написать письмо на машинке марки «Ремингтон», принадлежащей Саре Драммонд, потому что двумя неделями раньше тебя еще не было в Саншайн Мэнор,

б) ты не мог украсть скальпель, кулон и резиновые перчатки Люси Спарроу, потому что до ужина обе женщины были в своих комнатах, а ты туда не входил. На ужин ты спустился первым, вместе с Филиппом Дэвисом, который тебя даже опередил, потому что уже был в столовой, когда ты вошел. После ужина ты не поднимался наверх, а сразу пошел в парк. Из парка ты вернулся последним. Обе женщины были уже у себя. Единственная возможность войти в комнату Люси у тебя была, когда она зашла к Саре за машинкой. Но ты не мог об этом знать, потому что Люси вошла в комнату Сары через гардероб, то есть не выходя в коридор. Позже, когда она пришла к тебе за бумагой, она не входила, а, закрыв дверь твоей комнаты, постучалась к Филиппу Дэвису, тоже не входя. Так что она увидела бы тебя из коридора, если бы тебе вздумалось войти в ее комнату. Сара тоже все время находилась у себя. Вскоре Люси вернулась. Таким образом, у тебя не имелось никаких шансов взять предметы, которые были найдены рядом с Иэном, и не было шанса убить Иэна скальпелем Люси. Кроме того:

в) у тебя не было ни малейшего повода убивать Иэна Драммонда. К счастью, я знаю тебя так давно, что знаю также и о том, что никто извне не мог бы тебя подкупить. Никоим образом. Твое алиби твердое и обоснованное. У тебя не было ни возможности, ни мотива для убийства. Я вычеркиваю тебя.

— Номер два — Мэлахи Ленеган, — сказал Алекс.

— Ну что ж, не говоря об отвратительной бессмысленности такого подозрения и предположения, что этот друг семьи Драммондов, который помнит три ее поколения и который любил Иэна, как сына, мог бы его тайно убить, у Мэлахи есть железное алиби. У него даже теоретически не было никакой возможности подбросить окровавленную перчатку под шкаф

«Всемирная литература» в «Неман»

и украсть кулон. Но есть один вопрос: видел ли ты второй скальпель, когда чемоданчик принесли на теннисный корт?

— Да, — кивнул Алекс. — Я думаю, все там присутствовавшие его видели, потому что мы столпились вокруг Люси Спарроу, а чемоданчик в определенный момент стал предметом общего интереса.

— Стало быть, Мэлахи не имел никакого шанса украсть скальпель. По тем же причинам, что и ты. Вычеркиваю его.

— Третья — Кейт Сандерс, — сказал Алекс.

— Да. Если говорить об этой девушке, то в ее алиби есть лишь один сильный пункт. У нее не было никакого шанса подбросить окровавленную перчатку под шкаф, а другую спрятать в шкафу. Она могла бы это сделать лишь тогда, когда Сара Драммонд спустилась вниз в половине первого и вошла в кабинет. Но для этого Кейт Сандерс должна была быть феноменальной ясновидящей. Ей пришлось бы предвидеть будущее, то есть знать, что после полуночи, спустя полтора часа после убийства, Сара спустится вниз и не поднимет при этом шума, что представляется мне совершенно неправдоподобным. Но только в этом случае Кейт Сандерс, зная все, могла бы стремительно помчаться наверх, влететь в комнату Сары и через нее в гардероб, сделать свое дело, а потом выйти и при этом не встретить Сару, спускаясь вниз. Учитывая тот факт, что если бы Кейт Сандерс была убийцей, она не могла бы даже предполагать, что кто-то вошедший в кабинет Иэна немедленно не поднимет тревогу (а этого никто, кроме тебя, не сделал!), что, разумеется, не оставило бы ей возможности подняться наверх и разложить вещи. И еще: вместо того чтобы отправиться в комнаты слуг, ей пришлось бы целых полтора часа после убийства находиться в окрестностях кабинета, хотя там в 11.15 был Филипп, в 11.40 — Спарроу, а в 12.10 — Гастингс, и никто из них не поднял на ноги весь дом! — и все для того, чтобы дождаться Сары и выполнить такую головоломную операцию. Это настолько же неправдоподобно, как невероятно и то, что глупенькая горничная с румяными щечками оказалась бы изощренным убийцей, пытающимся свалить вину на Люси Спарроу. Я вычеркиваю Кейт Сандерс, потому что все это вместе взятое — полный абсурд.

Он умолк и постучал карандашом по блокноту.

— Я умышленно пропускаю все твои возможные высказывания и поправки, потому что с первой минуты решил исключить из списка этих троих как не имеющих ни возможности, ни мотива для убийства Иэна Драммонда. Ты согласен со мной?

— Полностью, — кивнул Алекс. — Таким образом, у нас остается пять человек, среди которых мы должны выявить убийцу. Следующий на очереди — профессор Роберт Гастингс. У тебя есть для него алиби?

— Да. Полное и неопровержимое, если, конечно, Иэна Драммонда не убили по сговору трое: он, Гарольд Спарроу и Люси Спарроу, что является полной бессмыслицей. С 10.40 до 11.20 Гастингс разговаривал со Спарроу, что не дает ему никакого шанса убить Иэна, потому что Иэн, должно быть, погиб именно во время этого разговора. Кроме того, зачем ему было возвращаться в кабинет? За документами из сейфа? Тогда почему он так глупо ступил в кровь, которая была по другую сторону стола? Как и когда он мог бы украсть кулон и перчатки, а потом втолкнуть одну из них под шкаф, а другую спрятать в вещах Люси? Кулон был на шее у Люси во время ужина и оставался у нее, когда она поднялась наверх. Гастингс вышел в парк. Когда он вернулся, и Люси, и Сара были у себя. Затем его алиби подтверждается разговором с мужем Люси. А кроме того, самое главное — Гастингса вообще не было в Англии, когда убийца писал письмо на машинке Сары Драммонд. И это все решает. Его алиби всестороннее и безупречное. Я его вычеркиваю.

— Да, — согласился Алекс. — Теперь Филипп Дэвис. Номер пятый.

— Вот именно. Что касается Дэвиса, то тут я в затруднительном положении. Он мог это сделать. Вошел к Иэну в то время, когда, согласно экспертизе, Иэн мог быть убит, и нет никаких причин, чтобы верить его словам, будто он застал Иэна уже мертвым. Но, абстрагируясь от мотива, которого у него вроде бы не было, потому что Драммонд, вероятнее всего, одолжил бы ему деньги, пришлось бы признать, что это убийство было совершено с заранее обдуманным намерением, и тогда Филиппу пришлось бы идти просить денег в долг, имея в кармане скальпель, кулон и резиновые перчатки. Я опасался какого-нибудь подвоха со стороны Филиппа Дэвиса, шахматиста, человека, умеющего на много шагов вперед рассчитать ход противника. Но он никак не мог украсть скальпель и перчатки, потому что Люси, выходя из комнаты, пошла именно к нему. Когда она стояла у твоей двери, она бы его увидела, потому что ему пришлось бы пройти мимо, чтобы попасть в ее комнату. Потом она вернулась к себе, и Сара (учитывая, что при этой версии не она, а он убийца) не покидала своей комнаты до 12.30. А как бы он мог позже подбросить перчатки? Когда? Кроме того, он должен был бы спланировать это убийство еще две недели назад, когда было написано письмо, а ведь если бы Спарроу одолжил ему деньги, все его путешествие по дому и поход в кабинет Драммонда были бы совершенно неоправданными. И для чего ему сваливать вину на Люси Спарроу, которую он любил и писал об этом в письмах своей сестре. Для чего ему было это делать, если он знал, что у Люси болит рука, и быть может, даже повреждено сухожилие, что давало бы ей безусловное алиби? А кроме того, у него абсолютно нет мотива. Филиппу вовсе не нужно было совершать отвратительное убийство Иэна, чтобы уехать в Америку. Он мог просто поблагодарить его и уволиться. Зная Иэна, он, наверно, так же хорошо, как и мы, знал, что Иэн дал бы ему еще на дорогу денег и письмо с наилучшими рекомендациями. Что же в итоге? У Филиппа весьма крепкое алиби. Он никоим образом не мог украсть скальпель и перчатки, и не мог их потом положить туда, где их нашли. Эти перчатки помогают нам решить много проблем. Так, будто убийца нарочно подсунул их нам, но не для того, чтобы на кого-то упало подозрение, а для того, чтобы мы могли отбросить тех людей, которые никак не могли быть причастны к преступлению. Однако, чтобы иметь абсолютно спокойную совесть, я час назад позвонил в Лондон и поручил, чтобы проверили, как обстоят дела с этим братом Дэвиса. Все оказалось правдой. Так что я не могу не верить в мотивы его поведения той ночью. Ну и потом: зачем бы ему спускаться еще раз после часа ночи; зачем оставлять следы своего пребывания; зачем признаваться, что он видел Иэна в 11.15? Нет. Дэвис не мог этого сделать. Я вычеркиваю его.

Алекс кивнул.

— Гарольд Спарроу, номер шесть, — сказал он.

— Да. Прежде всего: он не мог убить Иэна, потому что беседовал в это время с Гастингсом. За минуту до того он разговаривал с Филиппом, а после разговора с Гастингсом двадцать минут говорил с женой. Таким образом, его алиби охватывает даже больше времени, чем это надо. Да и зачем ему потом спускаться вниз и прикасаться двумя пальцами к скальпелю, на котором раньше он не оставил никаких отпечатков? Правда, у него был мотив убить Иэна. У него также был мотив сделать Люси подозреваемой в этом преступлении. Но у него просто не было времени. Профессор Гастингс является его щитом, и этот щит ничего не может пробить. А если учесть тот факт, что убийство было совершено, вероятнее всего, за две-три минуты перед одиннадцатью часами, то его собственная жена, Люси, является для него лучшим алиби, потому что в это время она была в коридоре. Я вычеркиваю его. Вычеркиваю, потому что должен вычеркнуть.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Согласен, — сказал Алекс. — Сара Драммонд. Номер семь.

— Да. Сара Драммонд могла убить Иэна. Нам лишь известно, что она делала в 10.45, потому что тогда Люси зашла к ней за машинкой. Позже, до самого моего прихода, никто ее не видел. Она лишь оставила следы своего пребывания в кабинете Иэна в 12.30. Ее отпечатки пальцев должны были появиться именно тогда, потому что в 12.10 Гастингс вытер дверную ручку начисто, а в час ты спустился вниз, и за несколько минут перед этим в кабинет пришел Филипп. Это все, что мы знаем. Кроме того, у нее был мотив для убийства Иэна...

— Минуточку, — сказал Алекс. — Какой мотив?

— Ну как? Чтобы от него избавиться, потому что... ну... из-за этого романа со Спарроу.

— Насколько я знаю, — тихо сказал Алекс, — она хотела избавиться как раз от Спарроу. И если уж ей следовало кого-то убить, то, пожалуй, его. Это было бы логично. Кроме того, она сама сказала нам, что пожалела об этом. Да, я верю, что Сара Драммонд могла бы убить профессора Спарроу от страха, чтобы муж не узнал обо всем. Но убивать Иэна? Зачем? Вопрос «зачем?» несет здесь определенный смысл. Убийство было совершено с заранее обдуманным намерением, а это значит, что убийца должен был иметь очень мощный и убедительный мотив, чтобы действовать так последовательно для достижения цели, условием которой была бы смерть Иэна Драммонда. Спарроу мог бы иметь такую цель — я согласен. Не говоря уже о его любви к Саре, он избавился бы от своего партнера в последней стадии работы и, таким образом, приписал бы себе весь успех труда, авторами которого были оба. Но, к сожалению, Спарроу, как мы знаем, не мог убить Иэна. А Сара... Если бы Сара хотела избавиться от Иэна как от мужа, она просто не приезжала бы больше из Лондона, а послала бы ему вежливое письмо о том, что их супружество оказалось ошибкой и она просит дать ей развод. Она знала, что Иэн немедленно дал бы его, несмотря на то, как бы страдал сам, потому что Иэн был порядочным человеком, и его действия можно было предвидеть заранее. Если же мы допустим, что Сара хотела избавиться от Люси Спарроу, то такая версия тоже не имеет смысла, потому что ей стоило бы только поманить пальцем, и Гарольд Спарроу немедленно бросил бы Люси и ушел бы от нее без всякого кровопролития. Женщине, которая выигрывает, вовсе не нужно совершать преступлений. Ей достаточно оставить одного мужчину и взять другого. Иэн, как и Люси, вынуждены были бы с этим смириться. Это скорее им тогда хотелось бы убить Сару. Если же допустить, что Сара, действуя импульсивно, под впечатлением разговора со Спарроу после ужина испугалась, что Спарроу расскажет обо всем Иэну, спустилась вниз и убила мужа, чтобы дело не получило огласки, то в этом случае никакие концы с концами не сходятся. Во-первых, лучший аргумент нашла сама Сара в разговоре с нами. Она учитывала, что Спарроу может проболтаться. Тогда она заявила бы, что все это — ложь. Она указала бы Спарроу на дверь. Возможно, такое не удалось бы ни тебе, ни мне, но такая актриса, как Сара Драммонд, могла бы, пожалуй, даже самого Спарроу убедить, что все, что было, ему лишь приснилось. Кроме того:

а) Почему она написала это письмо на своей собственной машинке?

б) Почему она одолжила эту машинку за несколько минут до совершения преступления тому, на кого хотела свалить вину, хотя могла предполагать, что полиция проверит эту машинку? Она ведь могла просто выбросить ее сразу после написания письма.

в) Почему она выбрала день, когда у Люси была повреждена рука, и, бросая на нее подозрение, она одновременно знала о возможном ее алиби?

«Всемирная литература» в «Нёмане»

г) Если она не оставила своих отпечатков пальцев на скальпеле, то почему она оставила их потом на ручке двери?

д) Почему она не пыталась обеспечить себе никакого алиби, а вернулась в свою комнату и даже не заглянула к Люси?

е) Почему она не разделась, хотя это бросало на нее подозрение?

ж) Почему за ужином она декламирует текст о трех ударах, которые затем наносит Иэну? Чтобы бросить на себя подозрение? Зачем она декламировала для меня этот же текст в автомобиле? Неужели для того, чтобы у нас не было ни малейших сомнений в ее вине?

з) Почему эта умная женщина берет скальпель Люси, кулон Люси, перчатки Люси, а затем все это разбрасывает, как напоказ: возле трупа, в шкафу, под шкафом, чтобы каждый полицейский мог это без труда найти и чтобы Люси Спарроу стала бы убийцей-глупцом, разбрасывающим вокруг себя доказательства своей вины? И все это она делает для того, чтобы избавиться от Люси, хотя еще час назад она настаивала, чтобы Спарроу вернулся к жене. На самом же деле в этой ситуации Люси является спасением для Сары. Это жена, которая в конце концов успокоит мужа. Он может к ней вернуться. Спарроу ясно говорил нам (и твое расследование еще в Лондоне это показало), что Сара уже давно не поддерживает близких контактов со Спарроу. Сара хотела отделаться от него. Тогда почему она при этом должна убивать своего мужа и бросать подозрение на совершенно ни в чем не повинную и пока еще ничего не знающую Люси? Почему? Почему? Почему? Я уже не говорю о том, что Сара Драммонд не является человеком, легко впадающим в панику. Я ехал с ней в автомобиле и видел, как она на большой скорости затормозила перед стоящим на шоссе ребенком. Она контролировала абсолютно все, что вокруг нее происходит, она даже заметила, что я смотрел на нее в эту минуту. Эта великая актриса обладает молниеносной реакцией и поразительным хладнокровием. Разве она сломалась бы вот так, сразу после разговора со Спарроу? До такой степени, что поспешно похитила у Люси ее скальпель, ее кулон и даже ее перчатки, а затем сбежала вниз и убила Иэна? При этом без всякой надобности... Одно дело сломать кому-то жизнь и совсем другое — убить этого человека.

— Но, к сожалению, Сара Драммонд пока является единственной, кто мог совершить это преступление, — сказал Паркер. — Если мы допустим, что это не она убила Иэна... Я сам ничего большего бы не желал, хотя Иэну это уже не вернет жизнь... Но, к сожалению, у нас остается лишь один человек, а потом... ну что ж, мы можем проверить весь список сначала. Возможно, мы чего-то не учли, и тогда где-то должен быть пробел.

— Люси Спарроу, — сказал Алекс. — Номер восьмой и последний.

— Да, — Паркер заглянул в блокнот. — Первой моей мыслью, когда я начал серию допросов, и даже до того, была простая мысль: надо найти человека, у которого есть мотив, но нет алиби. Так вот, у Люси Спарроу нет никакого мотива для убийства Иэна. В этом супружеском четырехугольнике она могла бы убить Сару, и это был бы вполне понятный мотив преступления. На худой конец, она могла бы убить мужа, и это тоже как бы находится в границах воображения. Но Иэн? Убить Иэна, единственной виной которого было то, что он стал мужем, которому изменяет жена, так же, как она стала женой, которой изменяет муж? Нет. Она могла бы пойти к Иэну и рассказать ему о Саре и Спарроу. Поэтому из всех людей, которые находятся в этом доме, исключая слуг и тебя, у Люси Спарроу меньше, чем у кого бы то ни было, причин убивать Иэна. У нее не было никакого мотива.

— У Люси Спарроу был мотив, — спокойно сказал Алекс. — Из всех людей в Саншайн Мэнор лишь одна она могла совершить это преступление именно таким способом. А мотив ее лежит передо мной как на блюдечке с той минуты, как я набросал план своей новой книги.

«Всемирная литература» в «Немане»

XVII. «...Скажу вам, как погиб он...»

— Как это? — сказал Паркер и закрыл блокнот. — Что общего со всем этим имеет твоя книга?

— Когда вчера я начал работать над ее планом, то, разумеется, сразу отбросил весь этот вздор, связанный с борьбой конкурирующих концернов. Я начал искать для убийцы подлинный мотив. Передо мной, в качестве прототипов, находились люди, похожие на моих героев. Иэн как раз был прообразом того, кто должен быть убит... И тут, при исследовании мотивов условной «Люси Спарроу», оказалось, что она может его убить, но только при одном условии.

— Каком? — спросил Паркер и снова заглянул в свой блокнот.

— ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ВИНОВНОЙ В ЭТОМ УБИЙСТВЕ БУДЕТ ПРИЗНАНА САРА ДРАММОНД. Но давай по порядку: Люси начинает понимать, что Спарроу любит Сару. Об этом не трудно было догадаться, учитывая, что Спарроу отнюдь не изысканный соблазнитель. Я сам слышал, как он говорил в саду ночью Саре, что Люси, наверно, догадывается. И вот Люси Спарроу начала думать. Если бы она пошла к Иэну и открыла бы ему то, о чем догадывается, Иэн мог бы, чего доброго, развестись с Сарой. И в этом случае Спарроу был бы потерян для Люси навсегда. Ведь он любил Сару. Даже вчера, когда Сара решительно от него отказалась, он не хотел возвращаться к Люси. Он хотел уехать в Америку один. Да и вообще, Люси Спарроу не относится к людям, которые жалуются, по крайней мере, мне так кажется. Если б она убила Сару, то все подозрения сразу же пали бы на нее, потому что она была первой, кому эта смерть выгодна. Спарроу немедленно догадался бы, даже если б полиция не напала на след убийцы. А Люси Спарроу вовсе не собиралась просидеть остаток жизни в тюрьме. А вот Сару там она увидела бы с большим удовольствием. И тогда она поняла, что убийство Иэна Драммонда является для нее неизбежным, что ей не остается ничего другого...

— Как? — спросил Паркер. — Как ты пришел к этому заключению?

— Потому, что лишь убийство Иэна, в результате которого Сара была бы осуждена как убийца, решало бы сразу три серьезных проблемы:

а) Это навсегда погубило бы Сару. Люси одним ударом уничтожила бы соперницу и одновременно жестоко отомстила ей.

б) Спарроу после такого удара, раскаявшись, вернулся бы к жене, и уже никогда больше не вспомнил бы без содрогания о своей измене.

в) Спарроу и Люси приобрели бы на всем этом известность и немалую материальную выгоду от исследований, которые Спарроу проводил вместе с Иэном. Это выглядело бы естественно: после смерти Драммонда Спарроу, который не был и не является человеком такого формата, как Иэн, немедленно пошел бы вверх, выйдя из тени индивидуальности Иэна, что было бы немаловажно для будущей жизни супругов Спарроу. В конце концов, над исследованиями трудились двое ученых, но, как пишут обычно в энциклопедиях, после смерти Драммонда их закончил и опубликовал (читай: воспользовался ими) Гарольд Спарроу. При всем этом Спарроу был бы ни в чем не повинен и ничего бы не знал. Но думаю, что этот третий мотив был лишь дополнением. Люси очень любила Спарроу и ненавидела Сару. Убийство Иэна казалось ей единственной возможностью, и она ею воспользовалась. И надо сказать, что ее план, кроме нескольких маленьких неточностей, был гениальным.

1. В качестве своего первого шага Люси написала письмо на пишущей машинке Сары, когда та еще была в Лондоне. Письмо должно было обратить внимание полиции на жителей Саншайн Мэнор и их проблемы. Это удалось. Уже через несколько дней ты узнал, что Сара Драммонд

«Всемирная литература» в «Нёмане»

и Гарольд Спарроу знакомы гораздо ближе, чем следовало бы. Это было очень важно для Люси, потому что могло случиться так, что полиция не узнала бы об этом, а она сама ничего не могла сказать полиции, потому что ей надо было притворяться, будто она понятия не имеет о романе Сары с ее мужем. Тогда весь план провалился бы, потому что полиция не знала бы, что Сара — неверная жена, что у нее есть кто-то другой и что, быть может, она хочет избавиться от Иэна и от нее, бедной Люси, бросив на нее подозрение посредством улик в виде кулона, перчаток и скальпеля. Кроме того, пишущая машинка прямо указывала бы на Сару. Ты обратил внимание, что Люси во время допроса упомянула о маленьком «Ремингтоне» Сары. Это было очень ловко. Она была уверена в том, что напечатанное ею письмо лежит в кармане инспектора Скотленд-Ярда, который, конечно, уже провел экспертизу характерных особенностей пишущей машинки. Теперь она хотела сообщить, что именно эта машинка находится наверху и что она принадлежит Саре. Сама же Люси, говоря об этом, определенным образом, освобождала себя от подозрения в авторстве письма, потому что никто не мог бы предположить, что, написав такое письмо, она помогает найти машинку.

2. Вторым ее очень удачным шагом была травма на теннисном корте. Эта травма нужна была для нескольких целей. И здесь следует восхититься изобретательностью Люси: целью этой травмы не было приобретение алиби. Напротив. Являясь на допрос с уже здоровой рукой, она как бы навлекала на себя подозрение, зная, что наряду с бессмысленно подброшенным застегнутым кулоном этот аргумент будет говорить в ее пользу. Травма нужна была ей для того, чтобы одолжить машинку у Сары, бумагу у меня, но прежде всего для того, чтобы Иэн Драммонд сел и написал по ее просьбе письмо. Ведь она должна была зайти к нему под каким-то предлогом. И этим предлогом, разумеется, стало письмо. Драммонд, сидя внизу, не мог знать, что она только что наверху одолжила машинку. Люси вошла. Драммонд уже не работал. Она попросила его, чтобы он, ввиду травмы ее руки, написал для нее несколько слов. Иэн отложил коробку с крючками, взял лист бумаги и начал писать: «Уважаемый господин профе...». Мне, так же как, наверное, и тебе, сразу показалось странным, почему Иэн начал писать, оторвавшись от выбора крючков. Он мог это сделать лишь по просьбе убийцы. Попросить его написать такое письмо могли несколько человек, но только не Сара Драммонд, его жена, как мне кажется. Когда на другой день я услышал слова Джонса, который докладывал о том, что Люси звонила профессору в Лондон, я понял. Человек, находящийся в такой ситуации, как Люси, думает о мелочах упрощенно. Ведь не могла же она просить Иэна, чтобы он написал от ее имени письмо подруге. Она спустилась вниз и сказала Иэну, что ей надо написать несколько слов своему шефу, но она не хочет, чтобы Спарроу об этом знал... или что-то в этом роде. Мы уже никогда не узнаем, что именно она сказала.

— Почему? — спросил Паркер.

— Подожди... — Алекс продолжал: — Эта травма служила также для того, чтобы продемонстрировать скальпель. Спускаясь к нам уже со здоровой рукой, Люси перестраховалась от возможного медицинского обследования, которое показало бы, что ее рука здорова. Спустя некоторое время после отправки письма в Скотленд-Ярд Люси пришла к выводу, что пора действовать. Но ей надо было подождать приезда Сары, которая была в Лондоне. В день приезда Сары она надела рубиновый кулон и, уговорив Сару сыграть в теннис, симулировала травму руки. Присутствующим на корте она продемонстрировала свой саквояж со скальпелем, а затем отправилась к себе и спокойно ждала удобного момента для нанесения удара. Она знала, что Иэн всегда работает один до полуночи. В начале одиннад-

«Всемирная литература» в «Нёмане»

цатого к ней пришел Филипп и сказал, что не может найти ее мужа. Люси сразу поняла, что Спарроу в парке с Сарой и потому уклонился от встречи с Дэвисом, который просил его об этом после ужина. Очень возможно, что это подтолкнуло ее к быстрым действиям. Она ведь не знала, что роман Сары со Спарроу угасает, по крайней мере, со стороны Сары. Впрочем, я не думаю, что это остановило бы ее. Теперь важны были два момента: первый — алиби для Спарроу, и второй — отсутствие алиби для Сары. В 10.45 Люси приходит к Саре и одалживает пишущую машинку. Сара у себя, и ничто не указывает на то, что она собирается выйти. Через минуту или две Люси стучит в мою дверь. Обрати внимание, что в этот самый момент ее муж разговаривает с Гастингсом, а Филипп в своей комнате ожидает ее прихода. Таким образом, она знает, где находятся все люди, которые могли бы спуститься к Иэну. Люси Спарроу, отнеся машинку в свою комнату, стояла на пороге моей комнаты уже со скальпелем под платком, поддерживающим ее якобы травмированную руку, а кулон и перчатки лежали в ее кармане. Она была готова. Когда моя дверь закрылась, она сбежала вниз. Но ей надо было иметь алиби, хоть какое-нибудь алиби, на тот случай, если бы кто-нибудь заметил ее, когда она будет возвращаться, что было возможно, потому что, например, Гастингс мог выйти от Спарроу. И вот она бежит к буфету, наливает себе стакан апельсинового сока и возвращается. Она ставит сок в темном холле на каминную полку, входит к Драммонду и, сжимая скальпель под платком, говорит: «Иэн, пожалуйста, напиши несколько слов от меня моему профессору...» Иэн, конечно, соглашается. Но едва лишь он написал два слова, как Люси наносит удар. Она торопится. Ее алиби построено на визитах в комнаты соседей. Ведь позже никто не сможет вспомнить, приходила она на несколько минут раньше или на несколько минут позже. И здесь она ошиблась. Я знал, что она пришла ко мне в 10.50, а Филипп, который ожидал ее и нервничал, заметил, что она пришла в 11.02 — 11.03. Тебя не удивила смелость убийцы, который убивает в доме, полном людей, нанося удары скальпелем в спину? Только хирург мог точно знать, куда нанести удар, чтобы жертва не могла вскочить! Обычный человек никогда не решился бы на такое преступление. И тут мы видим поистине великую импровизацию убийцы: Люси наносит три удара! Потому что Сара декламировала монолог, и все его запомнили. Затем она мгновенно бросает на пол свой застегнутый кулон. Рука, которую она прятала под платком, уже заранее была в резиновой перчатке. Теперь Люси не снимает ее, но обмакивает в кровь другую перчатку. Все это происходит за считанные секунды. Ведь у Люси при себе лист бумаги, который она одолжила у меня. Она заворачивает в эту бумагу окровавленную перчатку и выходит, не оставляя никаких следов. Она бежит наверх. И здесь — ошибка. Она забывает о соке, который оставила на камине. Впрочем, неудивительно — в такую минуту, сразу после убийства, холл погружен в темноту... Она бежала, она старалась оказаться как можно дальше. Наконец она поднялась наверх, никем не замеченная. Она оставляет перчатку в шкафу и входит к Филиппу. Теперь она успокоилась. Теперь она могла разговаривать со Спарроу, плакать и узнавать, что в его жизни есть другая женщина. Я подозреваю, что она затеяла этот разговор умышленно, чтобы продлить время его алиби. Но возможно, она тем самым и себе хотела помочь. Ведь она велела Филиппу спуститься вниз и попросить денег у Драммонда. Филипп должен был это сделать. Но он не поднял тревоги. Не поднял тревоги также и Спарроу, после того, как спустился вниз и вернулся. Итак, Люси оставалось только ждать. Наконец, три часа спустя, кто-то вызвал полицию. План был идеальный. Если бы на нее пало подозрение из-за скальпеля и кулона, то, во-первых: какой у нее мотив, чтобы убивать Иэна? А если она это сделала, то зачем разбросала

«Всемирная литература» в «Нёмане»

вокруг убитого свои вещи, убивая с заранее обдуманным намерением, своим собственным скальпелем, который многие видели? Что за бессмыслица! А если бы ты не обратил внимания на кулон, она могла бы сделать это сама, спросив тебя, считаешь ли ты, что нерасстегнутый кулон можно потерять во время борьбы. Уж слишком много следов указывало на нее, чтобы можно было ее всерьез подозревать. А кроме того, еще была Сара, которая спала с мужем Люси и, вероятно, ненавидела ее. Явно кто-то хотел бросить подозрение на Люси. А она, добрая, великодушная до границ отчаяния, призналась, что убила Иэна! Ты понимаешь, какой это гениальный ход? Она призналась, потому что хотела дать понять, будто этим прикрывает своего мужа, которому сама создала лучшее в мире алиби. Это было совершенно безопасно, потому что сразу рассеивало все подозрения: ведь у нее не было никакого мотива этого убийства. Разумеется, тот настоящий, скрытый мотив должен был навеки остаться известным лишь ей одной. А позже ловкий ход с этими перчатками, спрятанными столь нелепо лишь в тех местах, доступ к которым имели только сама Люси и Сара. Ведь если бы Люси убила, она бы не прятала их так бессмысленно? Значит, это могла сделать только Сара. Так эти перчатки становились предметом, дающим алиби всем, кроме Сары и Люси, но Люси сумела остаться вне подозрений. У нее не было мотива убивать Иэна Драммонда и не было причин бросать на себя подозрение. А у Сары был мотив для убийства мужа, и потому она хотела бросить тень подозрений на Люси. С самого утра Люси ждала, когда мы обнаружим все это. Она повела себя очень тактично. Но заметь: когда выяснилось, что Иэн был убит ее скальпелем, — это не вызвало у нее никакой видимой реакции, но когда ты сказал ей, что кулон был найден в крови рядом с убитым, — она тут же призналась. Этим она хотела сказать нам, что теперь уже у нее нет никаких сомнений, что убийство совершил кто-то из двоих — Сара или Спарроу, но она боится, что это мог быть ее муж, а поскольку она любит его безмерно, то предпочитает погибнуть, лишь бы только он был счастлив.

И все же Люси Спарроу, гордая и спокойная богиня нейрохирургической операционной, которая спасла жизнь стольким людям, что, по ее внутреннему убеждению, одного можно бы и убить, — совершила несколько ошибок:

1. Во время допроса она утверждала, что отсутствие скальпеля в чемоданчике она сразу заметила бы, но чуть раньше сказала, что сегодня утром она положила в этот чемоданчик эластичный бинт. Это значит, что отсутствие там скальпеля утром не удивило ее, хотя по ее легенде она должна была удивиться. А не удивило ее это потому, что она точно знала, где этот скальпель находится — он был в спине Иэна.

2. Кулон. Я обратил внимание, что она надела его по очереди к двум разным платьям в один день, что с женщинами случается крайне редко. Тогда я подумал, что Люси просто не придает значения тому, как она выглядит, но позже, когда кулон приобрел значение в деле, я обдумал это еще раз. Она хотела, чтобы этот кулон врезался всем в память.

3. Это она сказала: «У Сары есть маленький “Ремингтон”», хотя вчера говорила мне, что совершенно не разбирается в пишущих машинках. Как правило, женщины никогда не говорят так, они говорят просто: «Я одолжила пишущую машинку»...

4. Стакан. Только убийца мог оставить этот стакан. Никто из тех, кто сошел вниз позже: Филипп, Спарроу, Гастингс, Сара, снова Филипп и я, не были в том психологическом состоянии, чтобы спуститься вниз за соком. То есть, это было бы возможно, если бы мы застали Драммонда живым. Но каждый из нас, сходя вниз, имел к Иэну какое-то дело, и когда каждый из нас убеждался, что он убит, — тут уж не до сока было. И лишь один

«Всемирная литература» в «Нёмане»

убийца мог спуститься за соком, оставить его на каминной полке, войти в кабинет, убить Иэна и быстро вернуться, забыв о соке. Сара не нуждалась бы в таком оправдании, чтобы спуститься вниз. Она тут хозяйка и могла пойти за чем угодно. Никто бы этим даже не поинтересовался. Взять сок после 10.30 могла только Люси, больная Люси Спарроу, муж которой сейчас был занят разговором, а она не хотела отрывать его от гостя. И притом лишь одна Люси Спарроу заявила, что она вообще не спускалась вниз. А зачем ей надо было ставить этот стакан на камин? Только затем, чтобы в темноте открыть рукой в перчатке дверь кабинета Иэна. Если бы она держала в одной руке стакан, ей пришлось бы открывать дверь другой, а тогда куда девать скальпель? В ту минуту этот стакан очень мешал ей. А потом она о нем забыла. Но мне недоставало еще одной детали, и я пошел в ее комнату, когда вы были внизу и ты потом спросил меня, где я был. Я пошел за сожженным бумажным листом.

— За чем? — спросил Паркер, отирая со лба пот. — За чем?

— За листом бумаги, в который Люси завернула окровавленную перчатку! Ей же надо было во что-то ее завернуть, чтобы не испачкать кровью халат. А потом она должна была его немедленно сжечь, потому что Филипп с минуты на минуту мог обнаружить убийство, и тогда было бы поздно. И я нашел этот лист, полностью сожженный — в камине, конечно.

Паркер встал.

— М-да, — сказал он тихо. — Я думал обо всем этом... Обо всех этих фрагментах... Порой я был в этом убежден так же, как и ты... Но мне не хватало мотива. А ты его нашел. Но как... как мы докажем ей это? Да — это улики... Ты знаешь и я знаю, что все было именно так. Иэн тоже знал в последнюю минуту своей жизни. Но суд? Какой суд в мире приговорит ее на основе твоей гипотезы и даже эффектных, как скажет ее адвокат, выводов из этой гипотезы? — Он подошел к Алексу. — Джо, это страшно!

Алекс встал, подошел к двери и выглянул.

— Могу ли я задать один вопрос мистеру Джонсу?

— Ну разумеется! Джонс!

— Да, шеф? — Джонс появился так мгновенно, будто вырос из-под земли.

— Спускалась ли миссис Спарроу вниз, пока мы тут беседовали в кабинете?— спросил Алекс.

— Да. Она звонила в Лондон, сказала, что не приедет на операцию и чтобы ее заменил какой-то другой хирург...

— Пошли, — сказал Алекс и первым зашагал вверх по лестнице. Перед дверью комнаты Люси Спарроу он остановился и без стука осторожно нажал на ручку двери.

Паркер вошел следом и застыл на пороге.

Люси Спарроу лежала на кровати одетая. Казалось, она спит. И лишь когда Алекс подошел к ней и прикоснулся к ее руке, инспектор шагнул в комнату. Рука женщины бессильно опустилась, свисая к полу. Алекс склонился над ней.

— Цианистый калий, — сказал он тихо и указал на дверь, ведущую в комнату Спарроу.

Паркер повернулся к камину. На углях лежал лист бумаги, но не сожженный, а совсем целый, даже не помятый.

— «Я хочу спасти тебя от суда, унижений и презрения людей, — прочел инспектор. — Доказательств достаточно, и тебя отправят туда, куда ты отправила Иэна. Если ты могла быть столь жестокой, Люси, будь же теперь мужественной. Через несколько минут сюда явится полиция и на тебя наденут наручники. Избавь от этого меня, кого ты любила, не позволь мне увидеть тебя на скамье подсудимых, не допусти до того, чтобы тебе пришлось

«Всемирная литература» в «Неман»

публично рассказывать о нас, обо мне, о ней, о себе...» Гарольд Спарроу? А если не он, то кто-то другой, кто написал это от его имени. Это... это ты написал? — спросил он шепотом.

Ни слова не говоря, Алекс взял его за руку и вывел из комнаты.

— Это письмо тоже написано на машинке Сары Драммонд, — сказал Джо, — и я сомневаюсь, что ты когда-либо найдешь его автора. Я знаю только, что его, вероятно, написал тот, кто хорошо знал, каким гордым человеком была Люси Спарроу и как она любила своего мужа. Поставленная лицом к лицу с жестокой правдой, с тем, что ее преступление раскрыто, она даже не думала о том, как она будет защищаться и удастся ли ей это. Игра была проиграна. И она ушла.

— Должно быть, это написал кто-то, кто очень дорожил памятью об Иэне и не хотел, чтобы его личная жизнь стала темой для сотен пронырливых судебных репортеров... — сказал Паркер.

Они спустились вниз и остановились в холле.

— Вас к телефону, сэр, — сказала Кейт Сандерс, появляясь из темного коридора.

— Меня? — Алекс встряхнулся и подошел к телефону. — Алло?

— Это я, — сказал знакомый голос. — Как ты там?

— Каролина?

— Да.

— Как ты нашла меня здесь?

— Позвонила твоему издателю. Я сижу тут одна у моря, и как-то мне грустно стало. Я подумала и позвонила тебе.

— Завтра же выезжаю в Торки![1] — сказал Алекс. — Буду в полдень у отеля «Эксельсиор».

— Ах, мой милый! — сказала Каролина и повесила трубку.

Алекс вернулся в холл. Сквозь окна виднелся парк в солнечных лучах. Каролина. Добрая, спокойная, милая Каролина. Сейчас она нужна была ему как никогда раньше. Каролина — это гармония, покой, тишина, жизнь без крови и преступлений. Любимая, славная Каролина...

Он взглянул на парадный подъезд. Черный «ягуар» привез его вчера в этот дом. Из «ягуара» выскочила стройная девушка и бросилась на шею Иэну Драммонду... «Все благовония Аравии...»

— Я устал, — сказал он Паркеру. — Ты отвезешь меня в Лондон в своем автомобиле?

— Конечно, — сказал инспектор и обнял Алекса за плечи.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО при участии Владимира КУКУНИ.

[1] Торки — самый большой из трех юго-западных курортов Англии. *(Примечание переводчика.)*

ВЛАДИМИР МАКАРОВ

Войны нового века: постмодернистские технологии

Нет в этом мире добра и зла.
Есть государство, в нем воля воль.
Бессилен скальпель — плохи дела.
Введите морфий — уменьшит боль...

Редьярд Киплинг

Вечная тема — тема «добра и зла». Именно она особо актуальна в новом веке с его вызовами и угрозами.

Современная война — это не только высокоинтеллектуальное оружие и космические технологии, это не просто акции информационной войны, на которые необходимо отвечать в режиме реального времени.

Объектом поражения в современной войне является, прежде всего, социокультурное ядро народов, а ее цель — разрушение сознания посредством трансформации социокультурного архетипа, менталитета больших социальных групп, целых этносов. Массированные авиационные и ракетно-артиллерийские удары, террористические акты лишь завершают это разрушение...

В качестве оружия, поражающего сознание, активно используются философские теории, например, постмодернизм с его концептами отрицания подлинности.

Постмодернистские тенденции отражаются на всех сферах, включая военную деятельность. Но наиболее отчетливо и ярко они проявляются в культуре и искусстве. Воспеваемая и навязываемая «современным» искусством идея о том, что нет добра и зла (почти по Киплингу), что всё относительно, что у каждой стороны существует своя правда и никого нельзя судить, — все это удивительным образом оказывается отрицанием правды и нравственности вообще...

Поэтому в качестве эпиграфа и приведен фрагмент стихотворения Киплинга — поэта и величайшего стратега разведки, автора термина «большая игра»... Тем более что вполне справедливо называть современную войну войной-игрой, которую ведут субъекты особого игрового типа, вооруженные совершенно новыми методами и способами воздействия на своих геополитических конкурентов.

Советский Союз в свое время этого не понял и не смог отреагировать на подобную игру по-настоящему. Результаты проигрыша сходны с результатами поражения в самой сокрушительной войне...

1

В истории (за исключением короткого периода с 1933 по 1945 годы) никогда столь явно не проявлялась реальность покушения наиболее реакционных деструктивных сил на проект «Человек», как в XXI веке. Причем данные угрозы, с учетом возможностей новейших постмодернистских технологий, несопоставимы с потенциалом угроз со стороны нацистской Германии.

Опасность постмодернизма как мощного оружия четко уловили мировые религии. Но то, что увидели иерархи Церкви, пока недоступно широким слоям общественности. В этом отношении показателен такой пример. Когда в 2015 году в ходе одной из лекций перед достаточно уважаемой и компетентной аудиторией мною были приведены характеристики постмодернизма и либерального воспитания (как не ведущего к жизни в соответствии с добродетелями и стремящегося к одной лишь цели — воспитания ничем не ограниченного человека), то почтенная аудитория не поверила, что это слова Архиепископа Тадеуша Кондрусевича (с 2015 года председатель Конференции католических епископов Беларуси). Присутствующие посчитали подобное мнение «реликтом коммунистической пропаганды».

Тем не менее, в ходе международной конференции «Православно-католический диалог: христианские этические ценности как вклад в социальную жизнь Европы» в выступлении именно Тадеуша Кондрусевича прозвучали следующие слова: «Постмодернизм не приемлет моральных и этических норм. Постмодернизм характеризуется следующими двумя основными идеями. Первая — это исключение объективной правды. Вторая — право на индивидуальность и ничем не ограниченную свободу, что ведет к исключению постоянных нравственных принципов и норм поведения.

Все это ведет к появлению этического плюрализма, который исключает понятие объективного нравственного добра и зла и разницы между ними.

Либеральное воспитание стремится к одной цели — воспитать ничем не ограниченного человека. Исключая национальные, семейные, расовые, религиозные, культурные и человеческие ценности, оно направлено к абсолютной свободе жить так, как хочется, быть открытым на любой стиль жизни, любую идеологию и поведение. Сторонники такого воспитания утверждают, что самыми опасными для свободы являются нравственные нормы, ибо они ограничивают человеческие возможности».

Эти же постмодернистские тенденции достаточно четко проявляются и в особенностях современной вооруженной борьбы. Трагические события, разворачивающиеся на территории Украины, Сирии, Ирака, позволяют говорить о них как о носителях несомненных признаков формирования новой негативной цивилизационной и геостратегической реальности. Войны, ведущиеся в этих регионах, определяются экспертами как новый, современный тип вооруженной борьбы, включающий в себя широкий диапазон элементов противоборства — от наиболее современных знаний и технологий до буквально архаичных, диких способов истребления людей при отсутствии у убийц даже тени моральных сомнений в своей правоте.

Постмодернистами стерта грань между добром и злом!

Следует согласиться с одним из ведущих военных экспертов генералом А. И. Владимировым в том, что на наших глазах формируется другое человеческое общество — контробщество. Это путь от организованных форм вооруженной борьбы, военного (гуманитарного) права и этики к тотальному геноциду людей на территории противника и культу смерти как таковой. Путь устранения моральных ограничений для насилия. Новые стратегии базируются на принципе «Можно все, что запрещено». Речь идет о новом варварстве.

Война сознательно выведена радикальными группировками, боевиками за все допустимые рамки...

Но главные сражения с использованием постмодернистских технологий разворачиваются в нематериальной сфере, в сфере сознания и в борьбе за сознание людей. Посмотрите, как беснуется желтая пресса накануне юбилеев Великой Победы. Причем этот процесс характерен по существу для государств как дальнего, так и ближнего зарубежья...

Не стал исключением и текущий год, особенно в преддверии 70-летия Великой Победы.

Есть сайт так называемой русской православной церкви за границей. Это тот самый сайт, предоставивший площадку для радикалов типа Просвирина с его «днем отмщения», которым маргинал называет день Памяти и Скорби 22 июня 1941 года...

Но не все так просто. Речь идет не только и не столько о маргинальных сайтах и их авторах. Ведь переоценкой событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, пересмотром их итогов заняты известные зарубежные авторы, в том числе немецкие, а также не менее известные авторы в государствах на постсоветском пространстве.

С немцами все понятно — они, надо полагать, «устали каяться за Гитлера». В фильме немецкого режиссера Оливера Хиршбигеля «Бункер» (2004 год) сначала показывается нацистская верхушка, проявляющая такие свойства, которые не могут не породить у зрителя вопроса о том, а так ли плохи были столпы нацизма, проявлявшие в критический момент и человечность, и способность к осуществлению взаимной поддержки, и беспредельную верность идеалам национал-социализма. А затем автором показана Красная Армия в виде большой, аморфной, пьяной массы, занявшей пространство вокруг Рейхстага, — настоящее нашествие варваров...

Почти как по «воспоминаниям» эсэсовца Леона Дегреля «Гитлер на 1000 лет»: «Десятки тысяч танков, миллионы монголов и киргизов хлынули в Польшу, Румынию, Венгрию, Австрию, затем в Силезию и Восточную Пруссию. Бесчисленное количество раз, когда мы отбивали немецкую деревню, захваченную советами, мы наблюдали такую картину зверств: кастрированные старики, агонизирующие на земле в лужах крови; женщины — как старухи, так и совсем маленькие девочки, — изнасилованные по пятьдесят раз, слабо шевелились в липком месиве, со все еще привязанными руками и ногами. Эсэсовцы тысячами героически гибли в неравных боях с юдо-коммунистическими ордами, чтобы дать возможность эвакуироваться гражданскому населению и избежать ужасов семитских зверств».

2

Не только немецкие авторы пытаются реконструировать историю. «Новое прочтение искусства» — это кинокартины (типа «Сволочи»), появившиеся на постсоветском пространстве в последние десятилетия.

В 2007 году фильм «Сволочи» был объявлен «лучшим» фильмом, ему присуждена премия под названием «Кинонаграда MTV» в соответствующей номинации. Эта же лента получила награду за якобы самую зрелищную сцену и объявлена «Прорывом года». Напомним, что фильм посвящен якобы созданной в СССР диверсионной школе, в которой из преступников подросткового возраста готовили диверсантов для заброски в тыл немцев.

Школа, где готовились из подростков диверсанты, действительно была, только создали ее фашисты. Авторам фильма не могло не быть известно, что существовал диверсионный центр Абвера «Буссард», где проходили подготовку подростки 11—14-летнего возраста. Из детей, потерявших родителей, нацистские изуверы пытались воспитать чудовищ, нацеленных на разбой и убийство своих соотечественников.

Не менее подлым и мерзким фильмом является фильм режиссера из Орла Михаила Сегала «Франц+Полина». Он получил множество международных призов: Гран-при за лучший фильм кинофестиваля в Кабурге (Франция), приз FIPRESCI на Международном кинофестивале Cinema-Tout-Ecran (Женева, Швейцария), приз за лучшую женскую роль на XIV Международном фестивале актеров кино «Созвездие-2006». В нем говорится о любви белорусской девушки и немецкого солдата. Причем не просто солдата, а эсэсовца. Описание фильма на популярном сайте kinopoisk.ru звучит так: «Вместо того чтобы уничтожить жителей, эсэсов-

цы становятся их добрыми и милыми постояльцами. Но успеет ли самый юный из солдат Франц объясниться с Полиной, дочерью своей хозяйки, до того, как поступит новый приказ?..»

Принципиально важно, что в основу фильма положен рассказ «Немой» и сценарий, написанный еще в 1992 году белорусским писателем Алесем Адамовичем. Его дочь объясняла, что рассказ и написанный к нему сценарий — это итог военной темы, на которую много писал ее отец, а главная тема произведения — «тема примирения двух народов».

Но примириться в данном случае — значит «понять и простить» фашистов. Причем не просто фашистов, а эсэсовцев, среди которых, оказывается, тоже есть люди! Это позиция не просто цинична.

Подобно киносюжету Лилианы Кована «Ночной портье» в фильме «Франц+Полина» «любовь» нациста (надо знать, как отбирали в войска СС соответствующий контингент) и жертвы (принадлежавшей к народу, которому была уготовлена смерть) имеет четкое научное название, связанное с садомазохистскими извращениями.

Правда, в данном случае речь идет, прежде всего, об извращении сознания соответствующих авторов. Трудно придумать иное название для характеристики трансформации сознания отдельных представителей поколения «шестидесятников» (восхищавшихся в свое время Гагариным и Великой Победой) и ставших самыми злобными разрушителями советского прошлого в 80—90-е годы XX века, вплоть до призывов «раздавить гадину» и «эстетического удовлетворения» от залпов танковых орудий, расстреливавших российский парламент в 1993 году...

Еще одним шедевром лживости и военно-исторического невежества явился фильм «Штрафбат» Эдуарда Володарского. Того самого автора, который пытался закрепить за маршалом Жуковым ярлык кровожадного мясника, славшего новобранцев на верную смерть, приписав ему фразу «Ничего, русские бабы еще нарожают», сославшись при этом на генерала Эйзенхауэра в интервью «Московскому комсомольцу»:

«Генерал Эйзенхауэр в своих воспоминаниях написал, как он увидел под Потсдамом огромное поле, устланное трупами русских солдат. Выполняя приказ Жукова, они штурмовали город в лоб — под кинжальным огнем немцев. Вид этого поля поразил Эйзенхауэра. Ему стало не по себе, и он спросил Жукова (не дословно, но за смысл я ручаюсь): «На черта вам сдался этот Потсдам? Зачем вы за него столько людей положили?» В ответ Жуков улыбнулся и сказал (эти слова, воспроизведенные Эйзенхауэром, я запомнил точно): «Ничего, русские бабы еще нарожают».

В действительности этой фразы в мемуарах генерала и президента США, разумеется, нет и не могло быть вообще! И автор «Штрафбата» не мог этого не знать. Но зачем ему правда истории, если его сознание претерпело трансформации и извращено псевдолиберальной пропагандой. Поэтому в том же интервью и Володарский заявил, что он «убежден в том, что победа в конечном счете осталась за нами вовсе не в силу полководческих гениев Сталина, Жукова и прочих маршалов. В народе проснулась душа, которая была замордована советской властью, коллективизацией и массовыми репрессиями».

Пять лет назад, как раз накануне 65-летия Победы, вышел фильм Н. С. Михалкова «Утомленные солнцем-2: Предстояние», который был показан и в кинотеатрах Минска. Положительных отзывов на фильм очень мало. Но что примечательно — именно в белорусских оппозиционных изданиях были размещены так называемые впечатления небезызвестного П. Шеремета, который четко уловил главный смысл картины: «...скажем спасибо Никите Сергеевичу за Сталина-урода, за безжалостный расстрел политзаключенных, за бестолковых советских генералов, за тех советских граждан, которых гнали на убой, как баранов».

Очень опасная игра с историей — формирование понимания советского прошлого, как всего негативного и преступного. Иными словами, народы и Беларуси, и России, и иных государств на постсоветском пространстве позиционируются не как преемники Великой Победы, а преемники преступлений.

Все эти примеры показывают, как применяются постмодернистские технологии, ставящие под вопрос саму подлинность тех или иных явлений и событий. Именно постмодернисты ввели понятие «симулякр», то есть форму, которая не имеет содержания. Именно постмодернистские технологии стирают грань между видимостью и сущностью, между формой и содержанием, покушаясь на самое главное — подлинность. Но когда уничтожается подлинность? Когда из жизни исчезает категория подвига.

И сегодня, нанося удары по самым ярким страницам нашей истории, главные цели определяются достаточно четко — от дегероизации к уничтожению подлинности Победы.

Именно такая коллизия показана в фильме Никиты Михалкова «Предстояние» в 2010 году, а два года спустя — в очередном скандальном фильме Александра Устюгова «Служу Советскому Союзу» на канале НТВ. Сюжет фильма «Служу Советскому Союзу» — это очередной вымысел, не подкрепленный никакими историческими фактами. Летом 1941 года немцы подступили к советскому исправительному лагерю. Охрана лагеря разбежалась, а заключенные не просто отбили нападение — они еще и сорвали планы немцев, не дав их десанту закрепиться. О произошедшем заключенные сообщили в НКВД Мурманска. Им объявили благодарность, а потом в лагерь пришли спецслужбисты, заключенных расстреляли, а награды за уничтожение немецкого десанта получило сбежавшее руководство лагеря...

Можно однозначно согласиться с мнением Марии Рыжовой, изучившей феномен культурной войны, ведущейся на постсоветском пространстве: «Нам предлагают в виде правды о войне даже не комиксы, не суперпримитивную продукцию для дегенератов, а сгустки желчи и гноя, извергаемые неким коллективным творческим антисоветским организмом, чувствующим, что память о советском сохранена и носит победительный характер. Это чувство мутит, вызывает бешенство, желание уже не просто выполнить заказ, а изрыгнуть нечто непотребное».

Кстати, общественность обращалась в Министерство культуры России в связи с планируемым показом фильма «Служу Советскому Союзу». Министр Владимир Мединский написал даже открытое письмо главе канала НТВ Владимиру Кулистикову с призывом отказаться от показа фильма 22 июня. Письмо министра телеканал проигнорировал, фильм показал, а в дальнейшем даже предоставил и ответ.

«НТВ.Ru публикует ответ министру культуры РФ Владимиру Мединскому. Недавно тот требовал от телеканала снять с эфира фильм «Служу Советскому Союзу», действие которого происходит в годы Великой Отечественной войны в лагере для заключенных.

...Министр Мединский, Вы новатор крепкий:
Такие в твиттер бложат и постят.
А приглядишься — сталинские щепки
Из Вашего компьютера летят.
Хотите, мы программы все прикроем,
Все саги о ментах и о братве?
А может быть, хотите стать героем
Скандальных спецпроектов НТВ?»

В преддверии 70-летия Великой Победы вышло несколько фильмов, для которых характерен так называемый принижающий сюжет.

Здесь и фильм «Молодая гвардия» режиссера Леонида Пляскина, который даже представители «Эха Москвы», далекие от симпатий к советскому прошлому, оценили как пример абсолютной профанации темы. Одновременно с этим фильмом вышел на экраны и клон культового советского фильма «А зори здесь тихие». Режиссер Ренат Давлетьяров, как он сам заявил, хотел «рассказать молодому поколению о войне их же языком». Видимо, поэтому в фильме кроме «классических» приемов голливудских боевиков непременно присутствуют сцены в формате «знойного эротического клипа», а сам же фильм уже получил название «военно-эротического кино».

Опасность здесь не в самих фильмах, а в тенденции (под видом «разговора с молодежью на их языке») уничтожения творения предшественников посредством максимального упрощения героев, десакрализации священных символов и в итоге формирования примитивного «несложного» человека.

Сходные процессы идут и в современной литературе, театре, даже в исторической науке в государствах на постсоветском пространстве.

Прав главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков: «Выросло целое поколение идейных скандалистов. Почему без конца снимают фильмы о смертных штрафбатах, злобных политруках, безжалостных особистах, кровавых генералах, отдающих дурные приказы? Потому что иначе на фестивали, особенно, в Европу, не возьмут. За «Балладу о солдате» нынче не дадут даже копыта от «Кинотавра». Задача любым способом, в том числе с помощью искусства, убедить народ, что семьдесят лет он скитался по тоталитарной пустыне, зачем-то воевал с культурными нациями, пока его не вывели, сами знаете куда и сами знаете кто...»

Мы справедливо говорим, что в Беларуси не удалось и не удастся переписать историю войны. Республика, потерявшая в борьбе с фашизмом каждого третьего, не продает и не предает своего прошлого...

Но и здесь на протяжении четверти века имеют место изощренные попытки разрушения исторического сознания. По поводу одиозных авторов, включая так называемых докторов и профессоров Л. Лыча, А. Тараса и других, написано достаточно много.

Нашлись также авторы (Д. Нупрейчик, В. Пономарев), пытавшиеся предложить в преддверии 70-летия Великой Победы сценарий фильма «Застава». Сценарий представляет интерес для понимания парадоксальной трансформации сознания подобных представителей мира искусства.

Одна из первых сцен фильма — несколько дней до войны — пограничная застава — помещение дежурного — раннее утро. Сержант Володя Ерфилов возвращается из самовольной отлучки, заходит в помещение. Приветливо кивает дежурному. Тот, выпучив глаза на кого-то позади Ерфилова, тоже кивает в ответ. Оценив ситуацию, сержант резко разворачивается и со всего размаха припечатывает кулаком физиономию младшего политрука Моисея Ильича Оконского. Политрук слишком поздно реагирует на прием Ерфилова, от удара заваливается назад и падает на пол.

Политрук поднимается с пола, вытирает кровь с разбитой губы. Пару секунд мужчины смотрят друг на друга. Сержант Ерфилов с откровенным вызовом, политрук Оконский с плохо скрываемой ненавистью. Далее политрук: «Три наряда вне очереди...»

Я не говорю о законах и уставах того времени. Если бы кто-то поднял руку на начальника (тем более в погранвойсках Наркомата внутренних дел), то до сталинских лагерей он точно бы не доехал.

Речь идет о другом. У части людей, пытающихся называться «творческой элитой», сформировано примитивное, по существу, основанное на гитлеровской пропаганде, отношение к прошлому, к самой войне. Неужели до сего времени на какую-то часть «элиты» такое впечатление производят гитлеровские листовки типа «Бей политруков! Бей жидов! Переходи к немцам!»? В первый

же месяц войны гитлеровцами было распространено более 200 миллионов подобных листовок.

Разумеется, киносценарий остался нереализованным. В Министерстве культуры Беларуси и других государственных органах работают достойные люди, способные эффективно защищать национальные интересы.

3

Отношение к Великой Отечественной войне как к священной борьбе с фашизмом во все времена было показателем совести, чести и нравственности.

В этом отношении приведем следующие исторические примеры. Антон Иванович Деникин в гневе выставил прочь эмиссаров Власова, требовавших благословить их на борьбу против СССР. Русский генерал бросил им в лицо: «Если бы я смог стать генералом Красной армии, я бы показал немцам...» Митрополит Сергий Страгородский в первый же день войны 22 июня 1941 года призвал к Священной Отечественной войне и заявил: «Господь дарует нам победу!» Рахманинов давал концерты по всем штатам Америки, а деньги переводил Сталину...

Пару лет назад на одном из так называемых «независимых» Интернет-ресурсов появилась короткая заметка — мнение девочки, приехавшей в Беларусь из Германии и высказавшей свое величайшее удивление в связи с тем, что при строительстве дома обнаружены останки погибших в годы войны. «Что вы за нация такая, что до сих пор не можете похоронить своих же соотечественников?» — вопрошала она. Конечно, не знала данная особа, что ее соотечественники на временно оккупированной территории БССР проводили нацистскую политику геноцида и выжженной земли. Не знала, что со всей Европы гитлеровцы привозили в Беларусь на ликвидацию евреев. Не знала, что самый крупный лагерь уничтожения на временно оккупированной территории СССР был в Тростенце. Не знала, что в Беларуси действовали 14 лагерей по забору крови у детей, а в лагере в Красном Береге был апробирован «научный» метод забора крови — детей подвешивали под мышки, сжимали грудь, кожа на ступнях отрезалась — вся кровь стекала в герметичные ванночки, а тела детей сжигали. Немцам нужна была свежая подростковая кровь. Почему подростковая? В этом возрасте проходит бурное гормональное развитие — такая кровь является целебной...

Немецкая девочка этого действительно не знала. Но «отечественные» ниспровергатели прошлого не могут этого не знать.

Двадцатипятилетняя психологическая и «культурная» обработка не проходит даром. Среди беснующихся ниспровергателей прошлого в текущем году в Беларуси оказался представитель, так сказать, самого «креативного» класса. Сей представитель своеобразно «поздравил» ветеранов Великой Отечественной войны, повторив весь набор нацисткой пропаганды и традиционные в среде последователей горбачевско-яковлевской номенклатуры тезисы по поводу «бездарно выигранной войны».

И хотя адекватная реакция на пассажи автора хамских «поздравлений» последовала незамедлительно, как со стороны государственных органов, так и общественности, следует понимать, что война и спустя 70 лет после Великой Победы за сознание людей продолжается...

У Александра Твардовского (в годы войны корреспондента газеты «Красноармейская правда» — сегодня это «Белорусская военная газета «Во славу Родины») есть стихотворение «Я убит подо Ржевом», где передан весь трагизм ситуации и одновременно высочайший смысл великого подвига Красной Армии:

И у мертвых безгласных
Есть отрада одна.
Мы за Родину пали,
Но она спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.
Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам все это, живые,
Нам отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,
Вы должны это знать.
Вы должны были, братья,
Устоять как стена.
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна...

Именно в этих строках классика зашифрован философский священный наказ для будущих поколений. Сражение за Победу и спустя 70 лет продолжается. И сегодня надо устоять как стена, ибо мертвых проклятье...

А значит необходимо формировать у людей понимание высокой значимости Великой Победы в контексте процессов, происходящих в настоящее время в мире. Речь идет о попытках наиболее реакционных деструктивных сил в мире ответить на глобальные вызовы современности архаизационными фундаментализмами (говоря языком науки). То есть ликвидацией «лишнего» человечества. Причем технологии уничтожения людей отработаны — соответствующие процессы уже проходили с 1933 по 1945 годы, когда буквально из преисподней было выпущено сатанинское начало, реально угрожающее человечеству. Это сатанинское начало было уничтожено Объединенными Нациями при решающей роли Советского Союза.

Этим необходимо гордиться!

Но как говорил Бертольд Брехт, «еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада». А значит, главные сражения за священную память, за мир и безопасность еще впереди.

Чтобы не потерять волю к Победе и подлинному развитию, надо познать сущность технологий обнуления потенциала реальности в современных условиях. Познать сущность постмодернизма как тончайшего и опаснейшего оружия, с помощью которого новые господа могут использовать технические возможности виртуализации мира для окончательного порабощения человечества.

Тем более что сегодня объективно разворачиваются два процесса в связи с прогрессирующим развитием новейших информационных технологий.

Первое — это наращивание потенциала виртуальной реальности (именно ее стремится полностью подчинить и захватить постмодернизм).

Но есть и второй процесс — если в виртуальном мире начнут работать новые Эйзенштейны, то именно они будут выстраивать более глубокие связи между виртуальностью и реальностью, обнаруживая новые богатства в окружающем мире и внутреннем мире человека.

Поэтому альтернатива здесь одна: или проект «Человек» — или нетократия с наращиванием скудости, убожества реальности, убийство реальности как пространства для творчества и самореализации человека.

Верим, что победит проект «Человек», победит высокая культура!

Диалог сотворчества

Переписка Миколы Лобана и Евгения Мозолькова

Проблема писатель — переводчик существует столько, сколько существует литература. Иногда посредственный переводчик не мог донести до читателя все нюансы художественного произведения. И наоборот — иной раз талантливые переводчики добавляли блеска посредственному писателю. Однако наилучший вариант — это когда писатель и переводчик ведут диалог сотворчества и своими талантами обогащают творчество друг друга. Такой диалог получился у белорусского писателя Николая Павловича Лобана и переводчика его романов Евгения Семеновича Мозолькова. После того как первый роман трилогии «Шеметы» «На парозе будучыні» был сначала напечатан в журнале «Полымя», а потом в 1964 году вышел отдельным изданием, Е. С. Мозольков получил от издательства «Советский писатель» предложение перевести роман на русский язык. С этого момента начался диалог сотворчества писателя и переводчика.

Несколько слов о Евгении Семеновиче Мозолькове. Он родился 30 сентября 1909 года в местечке Кричев Чериковского уезда в семье сельского учителя. С 1919 года воспитывался и учился в детском доме, а затем в детской сельскохозяйственной колонии г. Мстиславля. С сентября 1924 года (после окончания девятилетки) по сентябрь 1926 года работал в Москве на кондитерской фабрике Центрсоюза (позже фабрика «Рот Фронт») учеником, затем подручным конфетчика. В 1926 году поступил на литературное отделение этнологического факультета МГУ, которое закончил в 1930 году.

С 1924 года Мозольков состоял членом Замоскворецкого рабочего литкружка «Искра», а затем группы комсомольских писателей «Молодая гвардия». После окончания университета, с сентября 1930 года по февраль 1931-го, он сотрудник бюро печати «Союзлес». С марта 1931-го по сентябрь 1932 года — редактор редакции языка и литературы Учпедгиза.

В 1929 году Евгений Семенович заболел туберкулезом легких и в 1932—1935 годах находился на пенсии по инвалидности. С марта 1935 года по сентябрь 1939-го он работал редактором в редакции литератур народов СССР Гослитиздата.

С июня 1941 года Мозольков принимал активное участие в обороне города Москвы, сначала в качестве бойца пожарной команды, затем начальника группы самозащиты домоуправления № 17 Бауманского района.

С октября 1941 года он редактор русского издания журнала «Беларусь». С 1942-го — член Союза писателей СССР, а с 1948 по 1969 годы — председатель Совета по белорусской литературе при правлении Союза писателей СССР.

Е. С. Мозольков награжден медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Печататься Евгений Семенович начал в конце 1924 года в журнале «Московский пролетарий». С 1925 по 1930 годы его стихи печатались в газетах «Молодой ленинец», «Комсомольская правда», в журналах «Октябрь», «На литературном посту» и других.

Наиболее крупными произведениями являются его очерки «Янка Купала» (1949), «Якуб Колас» (1953), «Поющая земля» (1965). В 1950 году за книгу «Янка Купала» Мозолькову была присуждена Государственная премия СССР.

Он перевел на русский язык трилогию Коласа «На ростанях» (1955—1957), романы А. Н. Кулаковского «Встречи на перепутье» (1963—1964), два первых романа Лобана из трилогии «Шеметы», «Незабываемые дни» М. Т. Лынькова. С 1936-го по 1969 годы вышло более ста книг белорусских и украинских писателей, в которых Мозольков участвовал как переводчик, составитель, редактор или автор вступительных статей. В декабре 1963 года Евгению Семеновичу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры БССР».

Умер Е. С. Мозольков 15 декабря 1969 года.

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (фонд 259) хранится его архив.

В письмах Мозолькова отражаются его воззрения на особенности перевода с белорусского языка на русский, существовавшие в то время. Многие русские переводчики (особенно московские) отмечали, что в те времена, когда белорусский язык считался наречием, диалектом русского, в тексте не возбранялось оставлять белорусизмы, а с тех пор, как его признали самостоятельным языком, этого стало делать нельзя. И Мозольков, и Лобан называли такой подход неверным. Евгений Семенович писал: «Я лично приветствовал, если переводчик умело, с тактом, с хорошим чувством языка вводил в перевод белорусское слово, которое хорошо укладывалось в русский текст. И дело здесь не только и не столько «в колорите», сколько в том, что языки эти действительно родственны (в отличие от английского или французского), и многие слова существовали раньше и в русском, и в белорусском языке, а сейчас они сохранились в белорусском и утрачены в русском литературном языке, хотя и существуют порой в русском народном языке».

Мозольков не только прислушивался к пожеланиям Лобана по переводу, но и давал ему дельные и компетентные советы относительно названий книг, характеристики персонажей, особенностей работы с московскими издательствами. И такое сотрудничество имело свой результат: романы Лобана стали популярными среди читателей Советского Союза, а отношения писателя и переводчика переросли в настоящую дружбу.

Уважаемый Николай Павлович!

У меня был предварительный разговор о «Шеметах» в изд-ве «Сов. писатель». Отношение к предложению благожелательное, но просят, естественно, заявку, рукопись. Если Вы пришлете рукопись или верстку бел. издания, то в течение 2—3 месяцев может быть окончательное решение. Я сам, скажу откровенно, прочитал не весь роман. То, что прочитал, мне понравилось — написано хорошо, добротно, жизненно. Если весь роман написан так, я, видимо, не откажусь сделать перевод.

План «Сов. пис.» на 1964 год уже утвержден, значит, можно рассчитывать лишь на план выпуска 1965 года. Присылайте полный текст романа, а в изд-ве «Беларусь» пока не отказывайтесь. Когда здесь будет выявлено отношение к роману, можно будет просить изд-во «Беларусь» перенести русское издание на 1966 год — ближе к 50-летию Октября.

С приветом Е. Мозольков.

27.XI.63 г.

* * *

Глубокоуважаемый Евгений Семенович!

Благодарю за письмо. Два дня тому назад выслал в «Советский писатель» верстку романа. Кстати, он у меня называется не «Шеметы», а «На парозе будучыні». «Шеметы» — это общее название трех задуманных мною романов. Высланная верстка не правлена, но, я думаю, это не имеет существенного значения, так как

вот-вот будет книга. Как только появится, вышлю Вам. Относительно издания романа в «Беларуси» — следую Вашему совету.

С приветом М. Лобан.

8.XII.63 г.

* * *

Многоуважаемый Николай Павлович!

Я читал только вторую книгу романа, а то, что было в № 7 «Полымя» за 1961 год, — не читал. В 1961 году я не получал «Полымя», и у меня этого номера нет. Если Вы сможете выслать мне книгу первую, т. е. № 7 за 1961 год, буду очень благодарен.

Из изд-ва «Сов. писатель» звонила мне редактор А. И. Чеснокова, сказала, что пришлет мне верстку романа на отзыв, но, с одной стороны, если я буду переводить, м. б. не совсем удобно мне же и рецензировать книгу, с другой — они заняты сейчас планом сдачи в набор на декабрь, а это для нас дело не такое срочное.

То, что я прочитал (вторая книга), мне нравится, и я взялся бы перевести эту книгу. Можно будет дать ее и в журнал, дело это тяжелое, но не безнадежное.

С приветом Ваш Мозольков.

18.XII.63 г.

В том, что книга пройдет в издательстве, я не сомневаюсь, во всяком случае, она вполне может быть рекомендована для издания в «Сов. пис.».

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Вы, возможно, немного в обиде на меня. И на Ваше последнее письмо (март) я толком не ответил, и при встрече нам не пришлось поговорить. В письме Вы задали мне ряд вопросов, на один-два я, кажется, ответил, а кое-что сейчас скажу, — так постепенно отвечу на все. Относительно трудностей перевода. Прежде всего, я считаю (может, это субъективная оценка), что Ваш роман — лучшая книга из тех, которые мне приходилось переводить в последние годы. В числе других достоинств — богатый, красочный язык. Переводить Вас труднее, но и интересней. Попалось мне 5—6 слов, которые я не знаю. Но дело не в этом. У Вас сравнительно много слов и выражений, которые я условно назову «вспомогательными» («А што ж», «А то ж», «жа», «аж», «гэта», «гэты», «бо», «дык мо ж» и т. д.). Непосредственно информационное, смысловое значение их часто невелико, но в белорусском народном языке они несут большую эмоциональную и интонационную нагрузку. По-русски это редко получается. Я не лингвист, но м. б., Вы поймете, что я хочу сказать. Чтобы Вам понятней было, приведу самый простой пример. Если белорусское «бо» перевести как «потому что» — длинно, перевести — «так как», «ведь», «ибо» — это все книжно-литературные слова и в речи интеллигента не вызывают особых возражений, но к речи неграмотного крестьянина мало подходят. Сказанное об этом самом «бо» относится к переводам с белорусского вообще, и здесь как раз нетрудно найти выход. Но у Вас много более трудных слов, выражений. Но это все мои трудности, у Вас здесь все в порядке (в основном). А вот слово «кулак», насколько я помню (здесь я исхожу только из личного опыта), вошло в крестьянский обиход в конце 20-х годов, в период коллективизации и раскулачивания, в 1917 году, да еще сразу после февральской революции, я его не слыхал в деревне. Я помню это время, вместе с другими деревенскими мальчишками бегал громить имение Каменского возле Климовичей, ухватил горсти две вишен маринованных из разбитой банки

и второпях (примчался из Климовичей офицер-сынок Каминского с группой своих друзей военных и начал стрелять по окнам) стопку книг в нарядных обложках, которые валялись на полу в панских покоях. Книги, к моему великому огорчению, как потом выяснилось, оказались все на польском языке.

У Вас, начиная с 143 стр., — «кулаки», «кулак». Хорошо бы проверить.

Да, митинг в Минске написан очень сильно, дальше, на каком-то отрезке, более схематично.

Перевел я почти 2/3, часть у машинистки, часть в рукописи, а ту часть, которая переписана, — посылаю Вам. Рукопись не вычитал после машинки, пока — для экономии времени. Мне ведь придется еще читать, и не раз (включая верстку), а Вы заодно (ведь Вам читать сейчас все равно необходимо) сможете исправить, что заметите.

Договор со мной до сих пор еще не заключен. Предложение подписали Кирьянов (зав. редакцией) и Карпова (гл. редактор), но Лесючевский, видимо, как сказала мне Карпова, поставил в плане тираж 100 тыс., и Лесючевский сомневается: вдруг они не соберут столько книготорговских заявок. Я сказал — пусть в плане будет обычный тираж, а не массовый, это даже лучше. И вот «это даже лучше» вырвалось у меня непосредственно, но оказалось лишним. Она насторожилась. Я спросил, м. б., мне приостановить работу, Карпова ответила: ни в коем случае, продолжайте.

Из последних мне звонила Чеснокова. Говорит, что как только я сдам перевод, они сдадут роман в набор, хотя он в плане выпуска 1965 года.

И. Науменко сообщил мне, что Вы оставили службу. Мне понятно Ваше увлечение работой, я сам увлекся работой и переводил первую часть даже в те дни, когда у меня была температура 37,3.

Желаю Вам успеха в работе.

С глубоким уважением Евг. Мозольков.

P. S. Я боюсь, что редакция включит рукопись в план сдачи в набор — июльский или августовский и, подписав договор, сразу же начнет требовать, клянчить перевод, а я хочу, чтобы 2—3 месяца перевод полежал у меня, м. б., попытаетесь договориться с каким-либо толстым журналом. Ну, здесь, конечно, постараюсь сделать как лучше.

* * *

Уважаемый Николай Павлович!

«Полымя» получил. Теперь я прочитал весь роман, и мое отношение к нему укрепилось. В «Сов. пис.» роман, как будто, дали кому-то на рецензии. Я разговаривал сегодня с предполагаемым редактором А. И. Чесноковой, — она после 10.I. начнет читать роман (сейчас она занята другой работой). В общем, эта книга в изд-ве, я думаю, пройдет, — во всяком случае, она заслуживает этого. Но план выпуска на 1965 год официально будет утвержден в мае-июне (судя по опыту прежних лет), и тогда лишь изд-во заключит договор. Я мог бы начать переводить уже сейчас, если Вы не собираетесь обращаться к другому переводчику.

Когда выйдет роман отдельным изданием на белорусском языке? Что сейчас пишете? Есть ли у Вас короткие рассказы?

С приветом Е. Мозольков.

9.I.64 г.

* * *

Глубокоуважаемый Евгений Семенович!

Я очень рад, что у Вас утвердилось положительное отношение к роману в целом. Меня только немножко удивили Ваши слова, не собираюсь ли я обра-

щаться к другому переводчику. Разве так можно? Я с Вами веду серьезный разговор. И претензии мои, поверьте, самые скромные.

Если у Вас выдалась такая благоприятная для меня пора в смысле времени, то можно бы и начинать переводить. Правда, в полымянскую редакцию романа я внес кое-какие изменения, но только стилистического порядка. Они небольшие, но все же потребуют фронтальной считки. Белорусское издание романа должно быть в январе. Я немедленно его Вам вышлю. Стоит ли Вам начинать перевод, смотрите сами.

С 12-го сижу в Королищевичах. Пишу 30-е годы «Шеметов» (1933—37). Видимо, весь этот год, а может быть, и следующий, буду занят этим романом. Хочется его сделать хорошо, так как период весьма ответственный.

Рассказов, ни коротких, ни пространных, я не пишу, вернее — давно не пишу. А то, что когда-то было написано, — не представляет никакой ценности. Впрочем, надолго не зарекаюсь: какие-то замыслы вертятся в голове.

Я забыл у Вас спросить: может быть, следовало бы к рукописи приложить рецензии, которые появились в свое время в нашей республиканской печати («Звязда», «Літаратура і мастацтва»)? Мне показалось это некорректным.

Чеснокова читает по-белорусски?

С приветом М. Лобан.

16.I.64 г.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Вчера я узнал о Вашем звонке. Правда, слышимость была очень плохая, и жена не совсем уверена в точности информации. Я понял, что Вам нужна срочно книга. Но что сделать? Она задерживается, и может быть, на месяца полтора. У нас, как всегда, чего-то не хватает. Я выпросил в редакции еще один экземпляр верстки, может быть, это будет выходом из положения. В этом экземпляре не будет двух первых (из каждой книги) страниц — производственникам они для чего-то понадобились, но я думаю, — Вы их восполните по журнальному варианту. В местах лишних строк сделаны вставки на это количество знаков. К сожалению, я не смог перенести их в этот экземпляр верстки, так как единственный экземпляр с правками находится в типографии. Книгу я Вам немедленно вышлю, как только она появится.

Книга на рецензии у Б. Яковлева? Очень хорошо, я надеюсь на его благосклонное отношение.

Я имел разговор с зав. редакцией художественной литературы А. Божко. Мне пришлось признаться, что Вы переводите роман для «Советского писателя». Он был очень доволен и сказал, что роман на русском языке будет планировать на 1965 или 1966 год, в зависимости от того, пойдет он или не пойдет в «Советском писателе». Очень важно было бы как можно скорее узнать окончательное решение изд-ва «Советский писатель» — пусть до официального утверждения плана. Прочла ли роман Чеснокова и каково ее отношение?

Все еще в Королищевичах. Работаю и наслаждаюсь прелестями зимы. С 7 февраля буду дома.

С уважением М. Лобан.

10.2.64 г.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Одна положительная рецензия на роман уже имеется в изд-ве. Написал ее М. Горбачев. Вторую рецензию пишет Б. В. Яковлев. Он задержал немного это

дело — у него какой-то конфликт с гл. редактором журнала «Дружба народов», где он работал и откуда сейчас ушел. Сегодня я разговаривал с ним — он уже прочитал роман и на днях обязательно сдаст рецензию в изд-во — рецензию также положительную, хотя у него есть какие-то замечания. Обычно, если есть два положительных отзыва, то на третью рецензию не посылают. В редакции говорят об издании романа как о деле бесспорном, но договор со мной заключат лишь после официального утверждения плана, а это будет в мае-июне-июле. Я перевожу роман без договора, и гарантией для меня служит качество романа и договоренность с Вами.

Копию рецензии Горбачев дал в «Дружбу народов». Он рекомендует напечатать роман в журнале. Два понедельника подряд должен был встретиться со Смирновым В. А. (<…>), но оба раза не смог приехать в редакцию. Один понедельник нездоровилось, а вчера задержался дольше, чем предполагал, в изд-ве «Сов. пис.», в редакции критики и литературоведения, где в этом году должна выйти моя книга. Надеюсь в ближайший понедельник поговорить с ним, хотя до рецензии Горбачева я, откровенно говоря, нацеливался на «Октябрь».

Чеснокова роман не читала, не знаю, будет ли она редактором и будет ли читать вообще.

И. М. Барашка (он был в Королищевичах) рассказал мне по телефону, какой Вы спортсмен и лыжник, и я позавидовал. С конца сентября не был ни разу за пределами Москвы, да и в Москве редко выхожу.

С приветом Евг. Мозольков.

18.II.64 г.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Как у Вас дела с переводом? Испытываете ли затруднения? Я иногда беру текст романа и пробую некоторые места — как они будут звучать по-русски. И у меня что-то не получается. Если я не уеду с 1 апреля в длительный творческий отпуск — прошусь на полгода, — то в начале апреля буду в Москве на совещании в Институте языкознания. Сможем встретиться.

Написал ли Яковлев рецензию? Мне очень хотелось бы знать его замечания. Удобно ли просить копию этой рецензии, так как они, видимо, закрытые? В нашем издательстве их держат в тайне. Может быть, это существенные замечания и их следовало бы учесть? Каково Ваше мнение? И что, Вы считаете, следовало бы поправить?

Чисто из любопытства: чем окончились Ваши переговоры со Смирновым? Поверьте, что меня этот вопрос очень беспокоит. Для меня помещение романа в каком-либо московском журнале — слишком большая роскошь.

Я уже Вам выболтал свою сокровенную мечту: хочу хоть на время уйти на творческую работу. Вот уже двадцать лет я работаю над словарями. Вы не представляете, как они мне осточертели! Ведь это не наука, а чудовищно изнурительный и опустошающий труд, как копать заступом землю или ручной пилой валить лес. Все эти годы я жил с неудовлетворенной жаждой творческой работы. Кажется, я решился рискнуть. Я делаю первый шаг к окончательному уходу от этой работы. Кроме всего, второй мой роман, который я хочу обязательно завершить к маю 1965 года, требует очень много труда и внимания. Ведь это 1933—1937 годы. Я хочу весь отдаться ему.

Как Ваше здоровье? Как думаете проводить летнюю «кампанию»? Предвидится ли посещение Минска?

Всего наилучшего.

С уважением М. Лобан.

Минск, 30. Кирова 51, кв. 38.
8.III.64 г.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Простите, что несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Я живу сейчас в Доме творчества «Переделкино» под Москвой и в какой-то степени оторван от дома. Недавно ездил на один день в Москву, звонили из «Сов. писателя», — сказали, что Ваша книга включена в план и со мной уже оформлен договор на перевод. В «Дружбе народов» говорил с заместителем гл. редактора и с зав. отделом прозы, как будто договорились, но я не знаю, какова цена этой договоренности, — ведь никто из них книги не читал, и мне даже неудобно настаивать на заключении с ними договора. 31 марта кончается срок моей путевки, продление брать не хочу, таким образом, скоро буду в Москве.

Постараюсь встретиться с гл. редактором журнала В. Смирновым, который сейчас в творческом отпуске и в редакции бывает редко.

На другие Ваши вопросы отвечу немного позже.

Всего доброго.

С уважением Евг. Мозольков.

22.III.64 г.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

На днях вышлю Вам страниц 160 перевода. Дело идет к концу. Договора со мной еще нет, но меня это мало волнует, т. к. книга твердо стоит в плане.

Относительно «кулаков» я еще подумал и пришел к выводу, что это слово надо оставить, лишь в некоторых случаях, м. б., заменить его словом «богач», «богатый», «богатырь» и пр., т. е., например, — «Не получат богачи земли!»

Речь Кондрата на сходе волостных представителей (главка 9) немного публицистична. Он ушел в армию из такой темной, дремучей крестьянской массы, а через год-полтора, возвратясь с фронта, говорит уже не только как вполне сознательный, но и образованный пропагандист. Мне кажется, будет лучше, если те же мысли он выскажет более «шероховато», по-своему, не так публицистично-лозунгово. Речь идет о 10—15 строчках.

Вот и все пока. Когда перевод будет готов — начну переговоры с каким-либо журналом — «Октябрем», например.

Да, во второй книге у Вас будет ответственный период, и хорошо, если Вам удастся избежать уже сложившегося трафарета. Как идет работа над второй книгой? Пишите.

С приветом Е. Мозольков.

10.VI.64 г.

В 1919—1920 гг. я находился в Мстиславле в детском доме (тогда он назывался еще по-старому «приютом»). Могилев был оккупирован немцами, и в Мстиславле некоторое время был административный центр Могилевской губернии (Губсовнарком и пр.). Издавалась тогда в Мстиславле печатная газета — очень небольшого формата и выходила не каждый день. Как Вы думаете, можно ли в Минске, в Библиотеке им. Ленина разыскать комплект этой газеты?

Да, большое спасибо за «Словарь» — он мне пригодится. При ближайшей встрече уплачу Вам стоимость. Встретимся мы в ближ. 3—4 месяца обязательно. Может, я летом приеду в Минск, или Вы в сентябре, перед сдачей книги в набор, приедете в Москву.

Ваш Евгений.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Конечно же, мне хотелось с Вами посидеть, поговорить. Но что сделаешь? Видимо, Москва для этого не совсем приспособлена. Как-нибудь встретимся. Ведь нам придется, видимо, некоторые вопросы решать совместными усилиями.

Из-за экстренных дел с переводом я еще почти не знакомился. Прочитал из любопытства некоторые места, как они получились на русском. Кое-что хочется поправить. Но пусть Вас это не беспокоит, я постараюсь не задержать с авторизацией.

Считаете ли Вы необходимым пересмотреть образ Параски? Мне не хочется ее делать крестьянской богородицей. Это девушка, которая родилась в глухой деревне и поступает так, как подсказывают ее чувства. Виктора она не совсем осознает как классического врага. И, возможно, она бы пошла на близость с ним при критических обстоятельствах. Но вместе с тем она и стойкая, героическая, умеющая ненавидеть смертельно.

Замечания Б. Яковлева я по ходу работы буду проверять и по тем из них, по которым найду необходимым, внесу поправки.

Что касается «кулаков» (у Б. Яковлева много подобных замечаний), то действительно из тех лет и моя память не сохранила это слово. Оно появилось позднее. Но я этим пренебрег сознательно. Газеты того времени были полны подобных слов. Поэтому в авторской речи они вполне допустимы. Что касается прямой речи, то будем смотреть, кто говорит.

Вы как-то писали о своих переговорах с «Дружбой народов». Разве «ДН» отказалась? Что бы это могло значить? Помешала «бульба»? Впрочем, если Вам удастся поместить в «Октябре», то это даже лучше. Я думаю только, если издательство сдаст роман в сентябре в набор, то где-то в первом квартале выйдет.

Как решили с тиражом, и вообще, какие они предлагают условия? Почему они так тянут с договором?

Ушел с работы на шесть месяцев, не знаю, вернусь ли. Очень уж не хочется!

Работа над романом подвигается неплохо. Где-то в сентябре-октябре вчерне закончу. Там начнется мучительная доработка, боюсь трафарета, страшно боюсь, но без арестов не обойтись. Такие годы.

О мстиславльской газете сообщу Вам сразу же, как только наведу справки.

С уважением М. Лобан.

15.VI.64 г.

P. S. Не считаете ли Вы возможным в диалогах крестьян оставлять большее количество белорусизмов? А что если сделать так, как в «Вечерах» Гоголя? Шолохов допускает очень большое количество слов казачьего диалекта. Мне кажется, читатель должен узнавать в диалоге белорусскую речь. Это будет сочнее. Нельзя, чтобы нижегородцы говорили на своем диалекте, а белорусы не сохраняли его. Надо подумать. Может быть, пустить одно-другое словечко и что-либо из служебных и из синтаксиса? По-моему, язык «На Иртыше» менее понятен русскому человеку, чем белорусский.

P. P. S. Да не посмейте возвращать деньги за словарь — обижусь!!!

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Относительно «кулаков» у меня было возражение, но потом я подумал и пришел к выводу (до Вашего письма), что этим можно пренебречь, лишь

нужно смягчить кое-где, чтобы простая неграмотная крестьянка не сыпала: кулачье, кулаки и пр. (я не цитирую, а говорю «к примеру»). Важно, что когда впервые читаешь Ваш роман, создается впечатление, что написан он человеком, который сам наблюдал ту жизнь, или даже участвовал в событиях. А вот когда я читал И. Мележа («Люди на болоте»), у меня было впечатление, что автор изучал жизнь по книгам. Если бы нам проснуться лет через 50 и начать читать романы о наших днях, написанные писателями 2000-х годов, вероятно, у нас возникли бы несколько похожие ощущения. Не поймите меня, что я не ценю достаточно высоко роман Мележа. Первая (положительная), так называемая внутренняя рецензия на этот роман И. Мележа в Москве была моя (для «Сов. пис.»). Он знаком с этой рецензией. У Мележа есть свои достоинства. Он, в силу своих возможностей, стремится к большей психологизации, изображению переживаний, внутреннего мира героев. У Вас очень много событий, стремительное чередование их придает роману динамичность, занимательность. Этот поток событий, часто очень драматических, захватывает читателя. Машинистка, которой я давал первую книгу по частям (по 2—3 листа), с нетерпением ждала продолжения и жалела, что отпуск помешал ей «дочитать» до конца. Это точно.

Но обилие событий, мне кажется, мешает Вам иногда с достаточной детализацией, говоря «литературоведческим» языком, раскрывать характеры изнутри, думы, переживания героев. В целом же Ваш роман нравится мне больше, чем роман Мележа, потому что я вижу в нем больше настоящей жизни, подлинных людей того времени. Лично для меня это очень важно. У Мележа, условно говоря, больше «литературщины».

По поводу Параски. Рецензии Яковлева я не читал. Редактора А. И. Чеснокову смущало то, что Параска так легко, «случайно» вышла замуж за Титка. Меня тоже при первой читке резануло это, но потом как-то я переварил, принял ее нелепое замужество. Но вот когда она с Виктором идет на гумно и затем в гумне, вдвоем, в темноте барахтается с ним в жите, у меня снова возник протест. Зная Виктора, можно удивиться, как она ускользнула при таких обстоятельствах от него. Во всяком случае, уж он-то «давал волю рукам». А затем Параска с вызовом говорит Титку: «Ходила и хожу к нему по ночам» (это опять-таки не цитата). Здесь Параска как-то роняет в глазах всего села свою честь, честь семьи, мужа. И обидно за Кондрата, если все село такого мнения о его жене. А надеяться на благородство Титка, на то, что он будет молчать, не приходится, тем более что Параска и не просит, и не ждет от него, чтобы он хранил эту «тайну». С замужеством можно оставить как есть, а историю с Виктором, мне кажется, нужно как-то подправить. Пусть Параска идет за рожью к нему, но пусть у нее будет какая-то уверенность, что ее честь не будет задета, пусть будут у нее какие-то, даже воображаемые, существующие лишь в ее воображении, гарантии «безопасности». Может быть, один или два абзаца, или если удастся, одна-две фразы смягчат ситуацию, чтобы не падала на нее тень от всего этого не только в глазах односельчан, но и в глазах читателей. Не нужно здесь, в истории с Виктором, снижать образ Параски, а такое снижение имеется.

О белорусизмах. Я учту Ваши замечания, тем более что я всегда придерживался в этом вопросе точки зрения, которая примерно совпадает с Вашей. Начиная я 1935 года, я редактировал книги Купалы в русских переводах. С большой охотой обращался к Исаковскому. Кое-кто из русских поэтов-переводчиков осуждал его за то, что он оставил такие слова, как «краина», потом это осуждение стало почти всеобщим. За несколько дней до Вашего письма (такое совпадение) я разговаривал в ЦДЛ на разные темы с А. Гатовым. Он горячо ратовал за белорусский язык. «Раньше, когда бел. язык считали наречием, диалектом русского языка, можно было оставлять бел. слова, теперь это даже оскорбительно для белорусского народа. Ведь когда переводят с английского, французского — не оставляют «для колорита» французские, английские

слова». Вот, примерно, его точка зрения, отражающая в основном точку зрения группы московских переводчиков.

Я лично приветствовал, если переводчик умело, с тактом, с хорошим чувством языка вводил в перевод белорусское слово, которое хорошо укладывалось в русский текст. И дело здесь не только и не столько «в колорите», сколько в том, что языки эти действительно родственны (в отличие от английского или французского), и многие слова существовали раньше и в русском, и в белорусском языке, а сейчас они сократились в белорусском и утрачены в русском литературном языке, хотя и существуют порой в русском народном языке. Я боялся оставить название трилогии Коласа «На росстанях» (было «На перепутье»). Колас в письме ко мне специально просил оставить название «На росстанях». А спустя некоторое время, перечитывая однотомник А. Твардовского, я дважды встретил в его оригинальных стихах слово «росстани». У Шолохова я находил слова, которые я, в свое время, боялся оставлять в переводе с белорусского и иногда заменял, по существу, словами-суррогатами. Многие переводчики сейчас стремятся переводить сугубо «чистым» русским языком, обедняют язык, переводят языком, похожим на дистиллированную воду, — нет никаких примесей, но и нет никакого вкуса. Жалко, что мы раньше не поговорили с Вами на эту тему. Видимо, я в этом отношении стал сдавать свои позиции — уступая точке зрения распространенной среди многих переводчиков и редакторов, часть из которых не чувствуют по-настоящему ни белорусский, ни русский язык.

На днях А. Прокофьев видел отпечатанный типографским способом план выпуска книг на 1965 год изд-ва «С. п.». Там Ваш роман, и тираж указан 30 тыс. План смотрел и М. Лужанин, который и обратил мое внимание на Вашу книгу. (Я сказал ему перед этим, что перевожу и что книга хорошая.) С «Дружбой народов» был разговор, но это именно разговор. Никто от романа не отказывался, т. к. никто и не брал на себя никаких обязательств, никто из редакции романа не читал. Яковлев сейчас в журнале не работает, и у него такие отношения с руководством журнала, что его рекомендация может сыграть скорее отрицательную роль. Да и не уверен я, что он по-настоящему, от души будет рекомендовать роман в журнал. С тех пор никаких изменений не произошло, и когда будет готов перевод, можно будет предложить им. «Бульба» никак не мешала и не мешает, тем более что печатать ее они не собираются. «Бульба» включена в план издательства «Мол. гвардия» на 1965 год, и там она пойдет. На всякий случай я послал ее в ленинградскую «Неву». Я думаю о каком-либо другом журнале лишь потому, что мне не нравится, как поставлено дело в «Д. Н.». С моей точки зрения, там многое зависит от случайностей и разных привходящих обстоятельств. Я хочу подумать о том, где больше шансов, а произведение должно само говорить и отвечать за себя. Это так, между прочим.

Договора нет, потому что Лесючевский вообще до сих пор не подписывал договор на перевод книг плана 1965 года. А на днях он ложится в больницу. Пусть Вас это не смущает. Мне осталось перевести менее 70 страниц книжного текста (из 370). Работа идет, и книга пойдет обязательно.

Я печатаюсь с конца 1924 года, в журнале «Октябрь» за 1925 год в трех номерах мои стихи. В журнале «Комсомолия» в 1926 году была статья Г. Лелевича (он тогда занимал в критике примерно такое положение, как сейчас Ермилов) обо мне как о поэте. (Лелевич сейчас реабилитирован.) С 1939 года я нигде не служу и живу только на гонорар. За это время не было слуху, чтобы я трудился зря. Вернее, был лишь один случай, когда я, чтобы отвязаться от одного очень назойливого автора, перевел одну небольшую вещицу так, «на выброс», будучи почти абсолютно уверен, что она не пойдет. Но и эта вещица, я думаю, в течение ближайших лет будет опубликована.

Я почему-то не могу писать Вам коротко, хотя чертовски некогда. Вот почему я пишу не обо всем сразу и иногда задерживаюсь с ответом, и вот почему нужно бы встретиться и поговорить. Думаю, что встреча не за горами. Можете править

перевод, все, что улучшает текст, будет принято искренне и без всякой обиды. Об остальном в другой раз.

С уважением Е. Мозольков.

22.VI.64 г.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Посылаю Вам перевод романа и заодно план «Сов. пис.», м. б., Вам интересно будет посмотреть как он, план, выглядит вообще.

На аннотации не обращайте внимания — я не знаю, как и кто их пишет, во всяком случае, я это могу сказать относительно своей книги (по разделу критики и лит.).

Со мной подписан договор на перевод Вашего романа, и я получил уже часть гонорара, который никак не подлежит возврату. Это еще одна гарантия, если у Вас есть сомнения. Книга выйдет в 1965 году безусловно, тираж 30 тыс, значит, в 1966 году изд-во «Беларусь» может выпустить ее массовым тиражом. Вчера со мной говорил редактор «Роман-газеты», у них на ближайшие 2—3 месяца «окно» — нечего сдавать, говорят и работники журнала «Др. народов», но это все пока разговоры, не читая и не в последней инстанции. В понедельник дам кому-либо почитать. Я, как редактор, роман напечатал бы и в журнале, и в «Р.-газете».

Эпизод, где Андрюшка и Матвей учатся пахать, кажется мне скучноватым и слишком растянутым. Все замечания Вы выслушиваете, а делаете по-своему. Параска, например, моей жене (она окончила ИФЛИ — Институт лит-ры, философии, искусства; работала уполномоченным Главлита в Гослитиздате — политредактором) и машинистке нравится такой, какая она есть.

В августе-сентябре хочу побывать в Минске — приехать на недельку, а м. б., и в Королищевичи недели на две.

Срок предоставления перевода по договору — 1 ноября, роман поставлен в ноябрьский план сдачи в набор.

С приветом Евг. Мозольков.

24.VII.64 г.

P. S. Моя книга «Поющая земля» сдана в набор, уже в типографии, скоро верстка.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Получил остальную часть перевода. Читаю. Кое-где предлагаю другие русские соответствия, не выходя за пределы допустимого по нормам русского литературного языка. Очень хорошо, что Вы намереваетесь приехать в Минск. Если это будет не начало августа, а где-то в середине или во второй половине и тем более в сентябре, то я закончу читать, и мы смогли бы просмотреть мои предложения и замечания по переводу. Обязательно сообщите мне о дне Вашего выезда. Я встречу и, если у Вас нет более интересных приглашений, то я буду весьма рад видеть Вас у себя.

Любите ли Вы собирать грибы? В Королищевичах есть много грибов, и это время — самая пора. Можно будет поехать и в более интересные в грибном отношении места. Я на них большой любитель, хотя собирать не очень умею: всегда с завистью смотрю в корзинки других.

В то, что роман будет печататься, я уже давно поверил. Меня немножко тоже удивила аннотация. Какой я литературовед и критик, да еще и известный? И дру-

гие ошибки. Но бог с ними. Я начинаю привыкать к этим ошибкам, их в нашей жизни слишком много. Я думал, что Вы писали аннотацию, так как Вы зачитывали мне по телефону какие-то добавления. У меня возникла мысль: не следует ли поменять название романа? Или теперь уже неудобно, поскольку вышел план? Мне оно очень не нравится, и такое же мнение я слышал от очень многих. Знаю, что плохо, и не могу придумать ничего другого. Может быть, у Вас подвернулось что-либо? Нет?

Заканчиваю первую редакцию романа. Может быть, это даже и не редакция, это какой-то этап. Я пишу какими-то концентрическими кругами: сначала запись сюжета на карточках с разбивкой на части и главы, а затем прокладываю первый след. Все внимание содержанию и никакого искусства. Даже пугает меня: когда же будет настоящее, съедобное мясо? Вот этот первый след я и кончаю. Для окончательного завершения оставляю 9 месяцев. За это время я хочу пройтись по всему роману, сделать огромное количество вставок и переписать своей рукой. Затем опять пройтись и опять переписать. В результате этого предполагается, что на костях должно нарасти мясо высокой кондиции.

У нас прошел слух, будто в следующем году перестанут платить гонорар авторам за книги, изданные в переводе на русский язык. Вы тихонечко об этом узнайте, только не распространяйте, чтоб в Москве не заговорили, а то тогда обязательно снимут, скажут — по желанию писателей. Мне этот гонорар был бы весьма кстати, так как я думаю не возвращаться на работу. Хотя меня и называют лингвистом, но я в лингвистике — плохо прирученный волк вблизи леса. Сегодня я еще слышу свист хозяина, а после октября он уже будет слишком отдаленным и потеряет аромат. Вы не угадываете, что я хочу написать собачий рассказ? Уже было сел, но не сумел переключиться и оставил. Вот как только завершу бег по кругу, обязательно сяду за рассказ. Должен, кажется, быть хороший рассказ. О дружбе.

Что касается некоторых вопросов перевода диалогической речи, то я с Вами не совсем согласен. Но об этом я не стал писать, так как не хотел втягивать Вас в ненужную, может быть, полемику. Встретимся — поговорим.

С уважением М. Лобан.

27.VII.64 г.
Минск

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Название романа мне тоже не нравится. Вот первые варианты, пришедшие в голову: «На рассвете», «Сквозь грозы», «Начало жизни», «Зарево над Некрашами». Если название будет изменено, первую книгу романа можно назвать «На перевале», вторую «Родня святой Магдалены». Все эти дни был очень занят и озабочен, немного отдышусь и подумаю, может, придумаю еще что-нибудь.

В Минск собираюсь, наиболее подходящее время конец августа или 5 сентября. Возьму дней на 12 путевку в Королищевичи или просто поживу 5—6 дней в гостинице. Очень хочется, чтобы второй роман удался, от души желаю Вам успеха в работе.

Первый роман хороший, и я уверен — он не пройдет незамеченным.

С уважением Е. Мозольков.

6.VIII.64 г.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Наконец я присылаю Вам рукопись. Не знаю, в чем будет состоять Ваша дальнейшая работа над ней перед тем, как сдать ее в Издательство, но она требу-

ет обязательного Вашего просмотра. В таком виде перепечатать и сдать нельзя, я оставил много вопросов, которые, мне кажется, должны решить Вы. И вообще, хотелось бы, чтобы некоторые мои правки не были для Вас неожиданными. Я оставил, например, на Ваше усмотрение написание имен Хведор или Федор, Хведько или Федько. Как решите, так и будет, но нужно будет поправить, привести к общему знаменателю. Когда будет машинистка переписывать, предупредите ее о написании названий Некроши и Морочанка. Очень хочется сохранить написание имени Александар. Такие слова, как «батько», «братко», «божечко», «браточко», лучше дать через о. Очень прошу сохранить в диалогах крестьян слова «коли» вместо «если», «туды», «сюды». В разговоре детей и вообще крестьян допустить изменение фамилии Хведько (Хведька, Хведьку). Выражение «Дзіва што…», видимо, лучше переводить выражением «Диво ли…».

Кроме обычной правки я внес и другие изменения в текст романа. Теперь у меня Семен Хведор и Антон Балаба — одно лицо. Мне кажется, это лучше будет, роман будет стройнее, будет узнаваться сюжетно две линии: Кондрат — Параска — Андрюшка и Хведько — Раечка — Андрюшка. Как я об этом раньше не догадался? Немножечко упростился язык выступлений Кондрата на собраниях, сделал некоторые сокращения. Все небольшие вставки я делал на русском языке. Лишь одна вставка осталась на белорусском. Это в начале рукописи. Забудьте об этих двух страницах.

Все замечания Б. Яковлева проверил, кое-что поправил, кое-что оставил без изменений, так как он делал эти замечания в основном по предположениям, а не на основании знания фактов. Если у редактора в связи с рецензией Яковлева будут какие-либо сомнения, то скажите ей, пожалуйста, что я могу подтвердить все, с чем не согласился, документально.

Евгений Семенович, я очень затянул авторизацию, не затягивайте и Вы. Как можно скорее сдавайте рукопись в издательство. Пусть идет в работу.

Очень хотелось бы узнать Ваше мнение о последней части романа: стала ли она лучше.

С дружеским приветом М. Лобан.

13.10.64 г.
Минск

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Отыщите, пожалуйста, в рукописи страницу, соответствующую 200 стр. книги. Это 8 гл. I части II книги.

В книге дано: «Падавайце заявы ў Расійскую камуністычную партыю бальшавікоў».

Я паправіў у рукапісу на «запісывайцеся». Но, видимо, это для 19 года поздновато.

Напишите, пожалуйста, так: «Подавайте заявление в партию большевиков».

Слова «Российскую Коммунистическую» обязательно уберите. В тот момент партия еще называлась РСДРП.

Как Ваши дела?

С приветом М. Лобан.

21.10.64 г.
Минск

* * *

Глубокоуважаемый Евгений Семенович!

Вы не подаете никаких признаков существования. Как там дела? Я начинаю очень серьезно волноваться. Уже начался май, а никто меня не беспокоит.

Работает ли издательство над романом? Я, кажется, сорвусь и прилечу в Москву. Ведь уже все минчане (Брыль, Соболенко, Новиков) давно заключили договора и живут себе спокойно. Сегодня от волнения, зная, что Вы в Переделкино, написал Чесноковой и Лукашевичу.

Вчера я получил от Совета по критике приглашение принять участие в заседании Совета, посвященном обсуждению литературных произведений на историко-революционные темы, появившиеся в советской литературе за последние годы. Я, кажется, дам согласие на участие. Заседание состоится 25—27 мая. Я, признаться, очень обеспокоен, чтобы Дорофеев не накапал и чтобы это не повлияло на положение дел. Я еще не узнавал, кажется, от республики будут свои докладчики.

Я очень прошу Вас, как только Вы будете в Москве, узнайте поподробнее, пожалуйста, обо всем, что меня волнует. Как Вам понравилось новое название романа? Как восприняли его в «Дружбе народов»?

Киностудия «Белорусьфильм» ведет разговоры со мной о написании киносценария по роману. Может быть, буду писать.

В издательстве не говорите ничего об этом заседании Совета по критике. Пусть они не ждут с вызовом меня. Если я нужен, я приеду два раза, меня не смущают расходы.

Жду Вашего письма.

С наилучшими пожеланиями М. Лобан.

3.V.65 г.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Сердечно поздравляю Вас, уважаемую Брониславу Леопольдовну и Ваших дочерей с праздником 20-летия Победы над фашистской Германией.

Последние два дня сидел с Евгенией Львовной Усыскиной — редактором отдела прозы «Дружбы народов». Она подготовила первую половину рукописи для 7-го номера (193 стр., т. е. около 8 листов). Мы смотрели ее правку, «снимали» вопросы. Вчера она сдала рукопись в производство. В конце мая будет верстка и обязательно будет готова вторая часть рукописи (для 8 номера). В конце мая сдает в набор Вашу рукопись и Чеснокова («Сов. пис».). Поэтому Вам нужно в конце мая (числа 24—25-го) быть в Москве. Это мое мнение. Редакция и изд-ва избегают официальных вызовов — ведь это обязывает их и материально (оплата билета, устройство номера в гостинице), и создает лишние хлопоты редактору. Но если Вы приедете сами — все будут довольны. Позвоните мне за несколько дней, и я через Союз писателей постараюсь устроить Вам гостиницу. Если будет вызов на совещание об историко-рев. литературе, приезжайте обязательно.

В конце августа, или даже раньше, Вам нужно подготовить два экземпляра рукописи для «Роман-газеты». Это также нужно иметь в виду. Но об этом нужно специально поговорить. Нужно сделать так, чтобы издание в «Роман-газете» не помешало изданию 1966 года в Минске на русском языке.

С приветом и уважением Е. Мозольков.

8.V.1965 г.

P. S. Если будут какие вопросы — звоните.

Вы не видели правку Усыскиной (правка небольшая, сокращений не было) в рукописи, — посмотрите в верстке. Печатается журнал в изд-ве и в типографии «Известия» — теперь все пойдет очень быстро. Месяца через полтора будет сигнал. Для журнала нужен титульный лист с Вашей подписью «Перевод авторизирован». Есть такое правило. Тот титульный лист, который Вы присла-

ли, я сдал в «Сов. пис.». Если почему-либо Вы не сможете приехать 23—24 мая, пришлите титульный лист почтой.

Е. М.

* * *

Дорогой Николай Павлович!

У меня к Вам два вопроса.

Первый: какой вариант романа дать в «Роман-газету» — журнальный («Дружба народов») или издательский («Сов. писатель»)? Мне лично больше нравится полный издательский вариант, и я отдал бы этот экземпляр.

И второе. Мне кажется, Вам стоит поговорить в изд-ве «Беларусь» о выпуске на русском языке Вашего романа («Земля моя — судьба моя»), м. б., за счет резерва. Роман к 50-летию Октября, и это должно учесть изд-во. Поговорите с Казекой. Издание на русском языке в Минске тиражом 100 тыс. не отразится на решении вопроса в «Роман-газете». Для них это не имеет значения, тем более что они могут выпустить раньше, чем «Беларусь».

Как живется, работается? Возможно, во второй половине октября или в середине месяца буду в Минске, — тогда увидимся, поговорим.

Привет уважаемой Брониславе Леопольдовне и дочери.

Ваш Е. Мозольков.

2.X.65 г.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Относительно варианта романа для «Роман-газеты». Мне тоже хотелось бы дать полный вариант, но дело в том, что если редакция согласится печатать, то, видимо, она потребует сокращения, так как полностью в одном номере вряд ли поместится весь роман. Поэтому не лучше ли дать сразу то, что должно печататься, тем более что в отзывах многие считают необходимым сократить именно то, что я и сократил. Кроме того, я слышал, будто Дорофеев играет в редколлегии «Р. Г.» какую-то роль в качестве рекомендующего, и я полагаю, что без его участия этот вопрос не будет решаться. А он, если помните, как раз и возражал против линии Раечка — Хведько. Взвесьте, пожалуйста, это и отдайте тот вариант, который Вы сочтете более выгодным.

Получил № 9 «Дружбы народов», прочитал первый абзац и схватился за голову. «Лапти с веревочными оборами». Ведь я же дважды правил «веревочные» на «волосяные», а в конечном счете все же осталось «веревочные». Это возмутительно! Ведь обора, оборка — это и есть веревка. Получается «веревочная веревка». Какой же дурак будет указывать, что веревка (обора) веревочная? Вот когда она из конского волоса, тогда в определении есть смысл, так как волосяные оборы — это несколько необычное явление. И не важно, что в Москве не знают, какие оборы были у полешука в 60-е годы XIX века. Это должно оставаться на совести автора. Редактор здесь ни при чем. Усменина же влезает туда, куда ей совершенно не следует влезать. Получу № 10 и, может быть, напишу в «Лит. газету». Надо дать по рукам за такое самоуправство. Говорил с Божко относительно издания романа в издательстве «Беларусь». Он сказал, что на 1966 год нет никакой возможности издать, так как в издательстве какие-то затруднения с бумагой. Он сказал, что можно будет запланировать только на 1967 год.

С уважением М. Лобан.

11.X.65 г.
Минск

* * *

Дорогой Николай Павлович!

Хочу напомнить наш разговор в Минске. Нужно настаивать на издании сначала романа «На пороге будущего». Я имею в виду издание в Белгизе на русском языке. Не нужно связывать издание первого романа со вторым. Кстати, как обстоят дела с новым романом и как работается вообще?

С приветом и наилучшими пожеланиями Е. Мозольков.

23.X.66 г.

P. S. Сообщаю Вам на всякий случай свой новый адрес и телефон: Москва, D—22, М. Грузинская, д. 31, кв. 54, тел. 2-41-26.

* * *

Дорогой Евгений Семенович!

Относительно издания романа «Земля моя — судьба моя» в «Беларусі» я придерживаюсь точно такого же мнения, как и Вы. На днях видел главного редактора, спрашивал. Сказал, что роман запланирован в серии, посвященной пятидесятилетию, но когда они издадут — бог весть. В 1967 году издаются Колас, Чарот и еще кто-то. Мой роман — где-то на 1968 год или даже позднее.

Новый свой роман «Городок Устронь» я сдал после доработки в «Полымя». Планируют на 1—2 номера. Послал рукопись в «С. П.». Не знаю, что там делают с ней. Наталия Михайловна что-то не отвечает на мои письма. Зная Вас как весьма осторожного человека, не предлагаю переводить. Но если желаете — пожалуйста, — а вдруг понравится?

Я давал читать Макаенку, ему роман очень понравился, и он просит, чтобы я отдал его в «Неман». Я, кажется, это и сделаю.

С уважением М. Лобан.

31.10.66 г.

Подготовка к публикации и предисловие
Александра ВАЩЕНКО.

Театр

ЗОЯ ЛЫСЕНКО

Традиции российские, опыт — мировой

Обмен сценическими площадками различных театральных коллективов одинаково важен как для зрителей, так и для актеров. И очень отрадно, что в последние годы эта тенденция все больше нарастает, это позволяет надеяться если не на возрождение былых больших гастролей, то хотя бы на возможность периодически выезжать за пределы страны, чтобы, как говорится, и себя показать, и других посмотреть, а также дать возможность своему зрителю познакомиться с лучшими постановками приезжих театров.

Обычно обменные гастроли организуются между театрами одного жанра. Но вот Белорусскому академическому музыкальному театру удалось наладить такое взаимодействие не только со своим собратом по жанру — Свердловским академическим театром оперетты, но и с рядом российских драматических театров — из Смоленска, Калуги, Тулы... А в конце последнего театрального сезона, с 15 по 25 июня, перед минской публикой впервые предстал коллектив Ставропольского академического театра драмы имени М. Ю. Лермонтова. Белорусский музыкальный театр в это время находился на гастролях в Туле, а с ответными гастролями в Ставрополь отправится в начале следующего сезона. (Интересные формы взаимодействия наладились также с театрами Литвы и Латвии, но это — тема отдельного большого разговора.)

Каждый из российских провинциальных театров интересен по-своему. А ставропольский примечателен в первую очередь тем, что находится в городе, образно именуемом вратами Кавказа, и посему призван выполнять роль форпоста русской культуры в многонациональном регионе. Это первый русский театр на Северном Кавказе, который в этом году отмечает свое 170-летие. И понятно, что имя Михаила Юрьевича Лермонтова он носит неслучайно. Здесь великий русский поэт служил, здесь он отбывал ссылку после написания стихотворения «Смерть поэта», здесь встречался с сосланными декабристами и подружился с одним из них — поэтом Одоевским. Пребывание Лермонтова на Кавказе как раз и начиналось со Ставрополя, о чем свидетельствуют сделанные им многие зарисовки этого города. Потом был Пятигорск, вблизи которого, у подножия горы Машук, и произошла роковая дуэль... В этих же местах бывали и его предшественники — Грибоедов и Пушкин. Так что русская классика, и в первую очередь произведения ее основоположников, неизменно присутствует в репертуаре Ставропольского театра драмы, который по праву носит звание академический.

Само собой разумеется, что здесь всегда идут спектакли, поставленные по произведениям Лермонтова. Сегодня в репертуарной афише театра их два — «Герой нашего времени» и «Маскарад». Оба поставил известный московский режиссер народный артист Российской Федерации Юрий Еремин (к первой из названных постановок он сам создал сценарий, то есть перевел произведение с языка прозы на язык драматургии).

Спектакль «Маскарад» ставропольский театр ставил специально к 200-летию М. Ю. Лермонтова, и его премьера прошла 15 октября 2014 года — в день рождения поэта. (Эта пьеса была написана Лермонтовым в 21 год, и именно ее он впервые счел достойной театра. Но опубликована она была уже после смерти поэта, а появилась на сцене и того позже.) К юбилейным торжествам театр также приурочил проведение межрегионального фестиваля «Театральные встречи на Кавказе. Лермонтов и Кавказ», на котором были показаны спектакли по произведениям Лермонтова, поставленные в различных российских театрах. И здесь нельзя не отметить, что режиссер-постановщик «Маскарада» Юрий Еремин был награжден медалью «200-летие М. Ю. Лермонтова», учрежденной Российским Лермонтовским комитетом.

— Естественно, гастроли в Минске мы хотели открыть именно «Маскарадом», — говорит директор Ставропольского театра, заслуженный работник культуры Российской Федерации Евгений Луганский. — Но, к большому сожалению, этого не удалось сделать по техническим причинам: спектакль поставлен с применением поворотного круга, которым не оборудована сцена Белорусского музыкального театра. А просто перевести на планшет сцены эту постановку невозможно. Поворотный круг придает не только особенную динамику действию, но и создает иной характер построения сцен, иную сценографию и так далее. Это иной технологический уровень создания спектакля. Обычно эта драма во всех театрах идет три часа, а у нас — полтора, на едином дыхании. Скажу, что лучшего «Маскарада» я нигде не видел! Не потому, что он поставлен в нашем театре, — к своим работам я отношусь всегда очень критически, а потому, что это действительно выдающийся спектакль. И в следующий раз в Минск мы его обязательно привезем! Я уже договорился с руководством русского драматического театра, сцена которого оборудована поворотным кругом, что для показа «Маскарада» мы сможем специально арендовать их помещение.

Спектакли гастрольной афиши

Свою гастрольную афишу Ставропольский театр формировал так, чтобы в ней не было названий, повторяющихся на репертуарной афише Минска. Везли недавно созданные спектакли, половина из которых была поставлена в последнем театральном сезоне; среди них один детский — в Ставрополе нет ТЮЗа, и его функции берет на себя театр драмы. Все привезенные спектакли отличаются тематическим и жанровым разнообразием, есть даже музыкальные. И поставлены они в основном по пьесам современных российских и зарубежных авторов. Из мировой классики — Шекспир, а из русской — Фонвизин.

Именно с фонвизинского «Недоросля» и хочется начать рассказ о гастрольных спектаклях, потому что поставил его наш известный театральный деятель — главный режиссер Белорусского музыкального театра Михаил Ковальчик. И это сотрудничество было неслучайным. Михаил Станиславович долгое время работал в России, имеет звание заслуженного деятеля искусств Российской Федерации. И что важно в данном случае, он немало лет проработал на Ставропольщине — в 1990-х годах был художественным руководителем Пятигорского театра музыкальной комедии. А этот театр сложно назвать провинциальным, ведь Пятигорск — крупнейший город-курорт Кавказско-Минераловодской агломерации. А значит зритель в местном театре — почитай вся страна, и в первую очередь творческая интеллигенция. Так что дефицита в творческих контактах там не было.

— Я знаю Ставропольский театр со времен моей работы в Пятигорске, — говорит Михаил Станиславович, — и уже тогда его возглавлял Евгений Иванович Луганский. Он — выпускник ГИТИСа, сам бывший актер, и потому сумел собрать уникальную актерскую труппу. Среди постановщиков спектаклей было также немало столичных театральных деятелей, с которыми Евгений Иванович поддер-

живал творческие связи. Короче говоря, в Ставрополе я увидел настоящую школу русского психологического театра. И теперь, когда Евгений Иванович пригласил меня на постановку «Недоросля», я был просто польщен, что попал в обойму таких режиссеров, как Еремин, Константинов и других известных постановщиков, которые сотрудничают со Ставропольским академическим театром драмы.

В свою очередь Евгений Иванович Луганский отмечает, что он действительно испытывал проблемы с поиском режиссера для «Недоросля», потому что по своей форме это очень необычный спектакль — достаточно сказать, что из драматической комедии он превратился в музыкальную. (А музыкальные спектакли театр начал ставить не очень давно.) К тому же немногие режиссеры одинаково хорошо могут работать в обоих жанрах, с артистами как музыкального, так и драматического театра. К числу таких универсальных постановщиков как раз и относится Михаил Ковальчик.

— Ставропольский театр мне предоставил уже полностью готовый материал к спектаклю, — продолжает Михаил Станиславович. — Музыку к нему написал московский композитор Юлий Ким, а либретто по пьесе Фонвизина сделал Леонид Эйдлин. И когда я познакомился со всем этим материалом, то не разочаровался, потому что в нем было сохранено самое главное — фонвизинский дух, а пьеса если где-то и сокращена, то бережно и умело, без нарушения основной фабулы. Учитывая характер музыкального материала, мне стало ясно, что спектакль надо ставить в гротесковой форме, с определенной долей наигрыша, чтобы он был современным по принципу постановки, но при этом чтобы ничего не потерял ни в содержании, ни в идее. И нам удалось в этом искрометном и комическом действе сохранить дух фонвизинской сатиры, добавив к нему изрядную долю юмора. Например, наш Стародум не монументальный образец добродетели и морали, который в пафосной форме нудит свои нравоучительные монологи, а живой и непосредственный человек, наделенный чувством иронии и сарказма, смелый и остроумный в высказываниях. И я даже сделал упор на его звездные монологи. Так, вспоминая своего отца, который служил Петру Великому, и в целом характе-

Директор Ставропольского академического театра драмы имени М. Ю. Лермонтова Е. И. Луганский и главный режиссер Белорусского музыкального театра М. С. Ковальчик.

ризуя Петровскую эпоху, Стародум говорит потрясающие вещи: *«В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные!»* Или следующее: *«Тогда один человек назывался «ты», а не «вы». Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нынче многие не стоят одного».* А каковы его рассуждения о богатстве: *«Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь».* Ну разве это не актуально сегодня, и вообще — во все времена? А разве не актуален такой человеческий порок, как способность в угоду собственным интересам мгновенно перевернуть маску? Эту мимикрию основного отрицательного персонажа — Простаковой — мы показали очень выпукло и остро за счет гротесковых средств выразительности. Боясь допустить даже в мыслях, что дядюшка Софьи может быть жив, Простакова безапелляционно заявляет: *«А разве ему и умереть нельзя? Не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал! Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали?»* И эти сентенции Софья вынуждена выслушивать, показывая ей письмо от дядюшки. А когда он сам появляется в имении Простаковой, она в мгновение ока преображается до уничижения: *«Гость наш бесценный!.. Батюшка!.. По милости божией дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки... Второй наш родитель к нам теперь пожаловал по милости божией».* Вот так образно и наглядно проводится авторская мысль о том, что деспотия и неприкрытое отвратительное лицемерие — вытекающие один из другого пороки.

«Сатиры смелой властелин», — так отозвался Пушкин о Фонвизине. Ведь «Недоросль» — не просто русская бытовая комедия (хоть ее автор и считается создателем таковой), а пьеса, окрашенная в резко сатирические тона, содержащая открытую критику деспотического режима Екатерины. И ее постановка была связана для Фонвизина с многими трудностями. Сначала он получил отказ в Петербурге, а потом и в Москве, — цензоры испугались смелости и резкости многих реплик, которыми изобиловала пьеса. Но спустя некоторое время с помощью друзей ему удалось все же пробить постановку «Недоросля» на сцене Вольного Российского театра в Петербурге. Но за это Фонвизин впоследствии жестоко поплатился: все его попытки опубликовать хоть что-либо в печати пресекались самой императрицей.

Сменяются эпохи и формы государственного устройства, но общественно-политическая проблематика этого произведения не устаревает — вопросы служения Отечеству и воспитания молодого поколения актуальны всегда. К примеру, такого Митрофанушку — инфантильного бездельника и самодовольного глупца — нетрудно найти и среди современных тинейджеров. И разве не актуальна для сегодняшнего дня последняя реплика Правдина, обращенная к нему: *«С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...»*

Эта комедия актуальной будет всегда также живучестью поднятых в ней нравственных проблем и правдивостью мастерски выписанных образов. В пьесе что ни персонаж — то яркий социальный тип с присущими только ему характерными чертами. Ведь не зря им даны говорящие фамилии. И в этой коллекции многогранных образов наиболее ярко выделяются именно отрицательные персонажи.

С первой же сцены спектакля перед зрителем предстает самый главный из них — барыня-крепостница Простакова, властная супруга и исступленная мать, *«которой адский нрав делает несчастье целого их дома».* Ей показалось, что кафтан, сшитый дворовым Тришкой для Митрофанушки, жмет ее чадо до смерти. А потому несчастный Тришка у нее и *«скот»*, и *«воровская харя»*, и за свою работу достоин лишь наказания: *«Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!»* Однако Простакову, отцу Митрофанушки, этот же кафтан показался мешковат... Правда, после этих слов бедный муж не знал, как ретироваться, подобострастно оправды-

ваясь: *«При твоих глазах мои ничего не видят».* А Скотинин, дядюшка Митрофанушки, счел, что *«кафтанец сшит изряднехонько»*, однако просит сестру *«отложить наказание до завтрева».* То есть зрителю сразу же предоставляется возможность, выражаясь словами Правдина, во всей красе наблюдать *«тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно».*

И каким же колоритным, до мельчайших деталей живым и правдоподобным оказался образ Простаковой в исполнении народной артистки Натальи Зубковой! Просто невероятный талант перевоплощения, чрезвычайно остро проявившийся в целом комплексе выразительных средств — в интонациях, жестах, позах и во всем пластическом рисунке роли. Общее впечатление об этом образе дополняет и удачно созданный костюм.

«С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится», — великолепное самопредставление персонажа. Угрожающие, как раскаты грома, вопли Простаковой и ее не менее угрожающие жесты просто парализуют дворовых, пригибая их к земле... Подобные сцены пробирают зрителя аж до мурашек по телу. Актриса, обычно выступающая в амплуа героини, в данном спектакле предстала в острохарактерной роли, сразив, как говорится, всех наповал. И не нужно забывать, что это — музыкальный спектакль, где она к тому же прекрасно солировала, проявив не только свою музыкальность, но и все качества синтетической артистки. Остается только добавить, что Наталья Зубкова еще и профессиональный режиссер, и половина привезенных в Минск спектаклей поставлена ею.

Очень ярким и запоминающимся в роли Скотинина оказался заслуженный артист Александр Жуков. По словам директора театра, он тоже обычно выступает в амплуа героя, но в этом спектакле предстал в почти экзотической характерной роли. Подобно опереточному персонажу Зупану, Скотинин тоже очень любит свиней, и все устремления его жизни направлены на увеличение их поголовья. И явился он в дом Простаковых, чтобы обтяпать дельце — обговорить с сестрой его женитьбу на Софье (о чем девушка даже и не подозревает). По той причине, что *«ввечеру быть уже сговору»,* он и просил сестру отложить Тришкино наказание на завтра. Хотя, по собственному признанию Скотинина, ему нравится не девчонка и даже не ее деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего его смертная охота: *«Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою».* Скотинин, как и его сестра, жестокий крепостник и сатрап *(«Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата!»)*, но при этом он не утруждает себя никакими разборками и эмоциональными всплесками: *«Всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду».* К тому же он беспросветно глуп — никак не может понять, почему Простакова упорно не хочет признавать дядюшку Софьи живым: *«Сестра, ну да коли он не умирал?» — «Избави боже, коли он не умирал!»* — как эхо вторит жене Простаков.

Вот такой характер предстояло отобразить артисту. И как же великолепен оказался Александр Жуков в этой роли! Зрителя в нем притягивает то, что в театре называют отрицательным обаянием. Напомним, что этот артист — типичный герой, а обладатель этого амплуа кроме чисто актерских качеств всегда выделяется яркой сценической фактурой: рост, плоть и стать — все при нем! И вот такой герой предстал в роли Скотинина... Обычно созданию характерного образа очень помогают характерные грим и костюм. (Как в случае с Натальей Зубковой в роли Простаковой, где, естественно, не подчеркивалась, а наоборот, микшировалась изящная фактура исполнительницы.) Однако в случае с Александром Жуковым все выглядело с точностью до наоборот — костюмчик на него был сшит уж поистине изряднехонько! И сидел он на нем как на благородном барине, и выглядел отнюдь не аляповатым. Как будто создатели костюма специально ста-

рались подчеркнуть великолепие фактуры исполнителя этой роли. Порой даже казалось, что сам артист, осознавая это, как-то старался упростить свой облик, не демонстрировать благородство осанки — за счет заведомо невыигрышных поз, неуклюжести движений и, конечно же, за счет характерной образной пластики. Но как при этом он сумел отобразить характер своего персонажа! Чего только стоят этот низкий, со специфической хрипотцой голос и интонации, одновременно передающие и самодовольство, и скудость внутреннего мира Скотинина. И в то же время невербально, только за счет тщательно подобранных выразительных средств артисту удалось изобразить даже тугоподвижность мыслей своего персонажа! Вот что значит талант перевоплощения.

И наконец, знаковый отрицательный персонаж пьесы — недоросль Митрофанушка. Вообще, каким мы его представляем чисто внешне? Конечно же, не тщедушного вида подростком. И об этом в самом начале пьесы нам говорит автор словами Простаковой, которая учинила разнос дворовому Тришке: *«Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения»*. А какого же сложения быть этому дитяти, если, например, всю ночь он животом отмучился, потому что *«почти и вовсе не ужинал... Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть»* скушать изволил.

Так что все ожидания зрителя относительно фактуры Митрофанушки исполнитель этой роли полностью оправдал — при его первом появлении на сцене в зале даже пронесся гул одобрения: дородный, плотного телосложения крепыш, весь такой упитанный и объемный, к тому же круглолицый и румяный. Кажется, артисту Дмитрию Ушаневу нужно было появиться в этом театре уже хотя бы для того, чтобы стать исполнителем этой колоритной роли. К тому же и в создании образа и характера Митрофанушки он также оправдал ожидания зрителя. И что самое интересное: в игре артиста трудно было обнаружить... присутствие игры — настолько натуральным и непосредственным он был на сцене.

В тришкином кафтане канареечного цвета и с белым жабо на шее Митрофанушка ярким крупным пятном выделялся среди прочих персонажей и на ассоциативном уровне напоминал огромного цыпленка — особенно в сценах его взаимодействия с маменькой и нянькой. Безразличный ко всему и ко всем вокруг, ленивый и расхлябанный, он даже не почитает своих родителей: *«Ночь всю така дрянь в глаза лезла... то ты, матушка, то батюшка»*.

Конечно, особенное оживление в зале вызывали те сцены, хрестоматийные реплики из которых каждый помнит со школьной скамьи. Например, пассажи Митрофанушки, связанные с его отношением к учебе и мечтами о женитьбе. В связи с этим напомним некоторые перипетии пьесы: узнав, что дядюшка Софьи нажил «*десять тысяч рублей доходу*», Простакова сразу же признала его живым, а когда она услышала, что наследницей этого дохода становится Софья, то сразу же решила женить на ней свое ненаглядное шестнадцатилетнее чадо: *«Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек»*. А пока она просит Митрофанушку поучиться для виду, чтобы это дошло до ушей недавно приехавшего дядюшки. *«А там что?»* — вопрошает он. *«А там и женисся». — «Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь. Только чтоб это был последний раз и чтоб сегодни ж быть сговору». — «Придет час воли божией!» — «Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. ...Вот я сел»*. То есть чадо соизволило согласиться на урок с учителем Цыфиркиным и попыталось ответить на собственный вопрос, сколько будет единожды ноль.

Чтобы представить во всей красе новоиспеченного женишка, Простакова просит Стародума *«взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен»*. И Митрофанушка с готовностью заявляет, что в грамматике он знает много: *«существительна да прилагательна»*. И одна дверь у него — *«прилагательна, потому что она приложена к своему месту»*, а вторая, что стоит у чулана и еще

не навешена, *«покамест существительна»*. А когда речь зашла о географии, которая «*на первый случай сгодилась бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь»*, в диалог вмешалась маменька: *«Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская! ...То вздор, чего не знает Митрофанушка»*. — *«В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь»,* — заключает Стародум.

И здесь хочется еще раз подчеркнуть, насколько в либретто бережно сохранены все знаковые места пьесы и насколько в постановке воссоздан фонвизинский дух. И это при том, что спектакль — музыкальный, с множеством вокальных и танцевальных номеров. Но все сцены в нем скомпонованы так, что никаких «швов» между ними не замечается — музыкальный номер как бы иллюстрирует предшествующий хрестоматийный диалог.

Ну а с положительными героями при постановке спектакля все обстояло гораздо сложнее. Они статичны, не наделены никакими яркими характерными чертами и в пьесе выступают как бы с позиции наблюдателей и резонеров, передающих авторскую мысль. (Ведь еще Белинский отмечал схематичность образов Стародума и Правдина прямолинейную нравоучительность сцен с их участием.) Однако режиссеру удалось если и не вдохнуть в них такие же живость и яркость, присущие другим персонажам (что в принципе и не нужно), то уж точно — минимизировать их схематичность. А чтобы, при небольшом наборе внешних выразительных средств, каждый из этих положительных героев выглядел со сцены и внушительно, и нескучно, эти роли должны исполнять, так сказать, матерые актеры, умеющие держать паузу.

Так, заслуженный артист Михаил Новаков показал публике такого Стародума, которому присущи ирония и даже юмор, а не только лишь морализаторство и нравоучительность. Бесспорно, Стародум — чистейший образец высокой нравственности и морали, для которого превыше всего честь и достоинство человека: «*отроду язык его не говорил «да», когда душа его чувствовала «нет»*. Однако он не только высокопарно вещает: *«Прямую цену уму дает благонравие»,* но и с оттенком юмора, нисколько не выпячивая свое умственное и моральное превосходство, как бы подшучивает над Митрофанушкой: *«Так поэтому у тебя слово «дурак» прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?»*

В роли Правдина выступил многоопытный артист Игорь Барташ, благодаря которому его герой также приобрел многие живые черты. Этот персонаж практически никакого участия в действии не принимает, а наблюдает его как бы со стороны. Как член здешнего наместничества, Правдин, объезжая округ, столкнулся с жестоким своеволием и дикостью нравов в доме Простаковых и *«уведомил уже о всех здешних варварствах»* свое начальство. В результате от имени правительства он зачитывает указ, согласно которому под его опеку отходят дом и деревни Простаковых. *«Вот злонравия достойные плоды!»* — основная мораль, заключенная в последней строчке пьесы. (Выходит, что даже нарисованный Фонвизиным образ справедливого государственного чиновника, употребившего свою власть против безграничного своеволия крепостников, не сгладил обличительный пафос всего произведения.)

В спектакле есть еще два положительных персонажа, по своим воззрениям примыкающих к Стародуму и Правдину: Софья и ее жених, доблестный офицер Милон, для которых вся эта история заканчивается как нельзя лучше. Софья, образованная и благонравная девушка, потеряв своих родителей, вынуждена жить в доме Простаковых, находясь под их опекой. Но внезапное появление здесь дядюшки и жениха переворачивает всю ее жизнь. Исполнители этих ролей Анастасия Шимолина и Александр Черепов предстали перед зрителем очаровательной романтической парой. Они влюблены и воспринимают жизнь в розовых тонах. Режиссер даже привнес в их дуэт немного пафоса, что наиболее чувствуется в музыкальных номерах с их участием. Но в то же время через этот розовый флер просвечиваются подлинные чувства — и в этом заслуга как режиссера, так и актеров.

Исполнители всех остальных ролей вместе с главными героями образуют замечательный ансамбль, куда органично вписываются и участники массовых сцен, выполняющие в этом спектакле функцию хора. Все поют вживую под фонограмму-минус, при этом еще и танцуют, выполняя попутно дополнительные актерские задачи. То есть зрители увидели настоящий музыкальный спектакль, однако не совсем обычный, а построенный на чисто драматическом материале и исполненный драматическими артистами.

— По жанру это музыкальная комедия, но по форме — фольк-опера с определенной долей наигрыша, — отмечает режиссер Михаил Ковальчик. — Мой замысел разделила и балетмейстер Татьяна Глигор: отталкиваясь от характера музыки, она поставила не только танцы, но и создала соответствующее пластическое решение всего спектакля. И если посмотреть по нашим минским театрам, то такой формы спектакля ни в одном из них нет. К тому же, при его постановке использовался поворотный круг. Специально для минских гастролей нам удалось перенести спектакль на плоскость сцены, что, естественно, снизило его качество. В первую очередь исчезла динамика действия, пропал эффект изменяющегося пространства, в котором в результате быстрой смены декораций выстраивается объемная панорама, и многое другое. Но мы сделали все возможное, чтобы на минской сцене этот спектакль не выглядел каким-то выездным вариантом, и судя по всему, нам это удалось.

Отметим, что художественное оформление спектакля принадлежит также Михаилу Ковальчику. По его замыслу, основным художественным мотивом в сценографии стала гжельская роспись, сама по себе являющаяся одним из основных символов России, что в широком смысле символизирует народный характер произведения, воссозданный в народном духе спустя столетия. Как видим, и постановка приобрела форму фольк-оперы.

А вот спектакль «Колыбельная для Гамлета», в основе которого лежит чистейший образец мировой драматургии, по своей эстетике и принципу постановки — нечто совершенно неординарное. В программке под названием спектакля имеется подзаголовок: *Музыкально-мистическое действие по пьесе У. Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце датском».* И действительно, это и есть некое сценическое действие, а не спектакль в привычном всем понимании. И если предположить, что в зале оказался человек, не знакомый с этим шекспировским шедевром, то он даже не поймет, о ком или о чем это действие. Да и тот, кто это произведение когда-то читал или даже видел на театральных подмостках, не сразу разберется, кто же из артистов, мечущихся по сцене, собственно Гамлет: потому что, во-первых, их два (Гамлет юный и взрослый), во-вторых, это спектакль без указания действующих лиц, и в-третьих, все исполнители одеты одинаково — но не в средневековые костюмы, а в современные, напоминающие то ли спортивные, то ли цирковые.

И как ни странно, зритель быстрее всего мирится с, казалось бы, неадекватным «прикидом» исполнителей, потому что понимает, что вот в этих коротких штанишках и свободных майках, в этих спортивных тапочках или вовсе без них артистам просто-напросто удобно не только бегать-прыгать-кувыркаться, но и исполнять чуть ли не акробатические трюки... Потому что спектакль этот — бесконечный музыкально-пластический этюд, или точнее — череда таких этюдов. Это своеобразный коллаж из смыслообразующих мизансцен, где отображаются не перипетии всем известного сюжета, а вызванные ими ассоциации в виде пластических образов. Хотя периодически звучат подлинные шекспировские монологи и даже диалоги, последовательность которых подчиняется логике монтажа мизансцен, а не последовательности их размещения в тексте произведения. (К слову, «Гамлет» — самая длинная пьеса Шекспира.)

Следя за этим странным, непривычным способом существования актеров на сцене, нельзя не восхититься отточенной слаженностью их ансамблевой игры.

Сцена из спектакля «Колыбельная для Гамлета».

Она настолько едина, что понимаешь: чье-то одно неверное движение может разрушить всю сложную конструкцию той или иной мизансцены — взаимозависимость исполнителей почти как на манеже. Понимаешь также, через какой тренинг пришлось пройти артистам драматического театра. И хоть, как уже отмечалось, это спектакль без указания действующих лиц, нельзя не назвать двух исполнителей: Ольгу Буряк и Владислава Таранова, которые выступили в образе юного и взрослого Гамлета. Их виртуозно слаженная игра выделялась ярким дуэтом, включенным в сложные ансамблевые построения.

Таким образом, зритель увидел спектакль, по своей эстетике и принципу постановки относящийся к современному европейскому постмодернизму, о котором у нас многие имеют весьма смутное представление. А в репертуаре ставропольцев он появился благодаря тому, что их театр выиграл грант в рамках проекта сотрудничества в 2014—2015 годах с арт-агентством ArtUniverse (Великобритания) и международным университетом «Всемирный театральный опыт» IUGTE (Италия). В Ставрополе работала международная постановочная группа во главе с режиссером и хореографом Сергеем Остренко, выходцем из России, ныне проживающим в Великобритании.

— Этот проект в нашем театре стал возможен потому, что в последние годы здесь сформировалась молодежная труппа — поющая и танцующая, — говорит Евгений Иванович Луганский. — Сначала партнеры из Европы провели с нашими артистами цикл мастер-классов, а потом началась очень активная работа по усвоению современных техник сценического искусства. На протяжении месяца актеры трудились с утра до позднего вечера, и нужно сказать, эти колоссальные нагрузки выдержали не все. Осталось пятнадцать человек, которые и заняты в спектакле. Вскоре после премьеры, осенью 2014 года, мы с успехом показали этот спектакль на XIX Международном фестивале в Анкаре — столице Турции. Наш театр оказался там единственным представителем России, хотя в фестивале принимало участие множество коллективов более чем из 60-ти стран мира. Вообще в Ставрополе наш драматический театр — один на весь город, а зритель хочет видеть не только классическую драму, но и спектакли других жанров,

стилей и направлений. Поэтому наша репертуарная афиша очень разнообразная, а теперь в ней появился и этот авангардный спектакль, который дает представление о современных театральных тенденциях, существующих на Западе. Но при этом, разумеется, мы никогда не свернем с нашего магистрального пути русского психологического театра.

А если говорить о минском зрителе, то он все же более-менее знаком с экспериментальными, авангардными постановками, которые можно увидеть и в некоторых столичных театрах, и во время различных театральных фестивалей, — все же находимся на перекрестках Европы. Не так давно театр из Латвии представил на сцене Белорусского музыкального театра интересный спектакль на стыке жанров на музыку Раймонда Паулса. А некоторые наиболее «продвинутые» театралы сами ездят в Прибалтику на интересные постановки. Так что на спектакль «Колыбельная для Гамлета», не считая театральных гурманов, пришла в основном более-менее подготовленная публика. Реакция одних была восторженной, других — более сдержанной, а некоторые просто озадачились увиденным... Наверное, не всем это действо понравилось, но наверняка — оно никого не оставило равнодушным. И абсолютно все с благодарностью рукоплескали артистам, видя, сколько труда ими было вложено в этот спектакль.

Но прежде чем взяться за такую пластически сложную постановку, как «Колыбельная для Гамлета», в Ставропольском театре был поставлен спектакль «Casting/Кастинг», который его создатели назвали пьесой на танцевальные темы. «Это первый спектакль, где наши актеры затанцевали, — говорит Евгений Иванович Луганский. — Я посмотрел этот спектакль в Москве в постановке Юрия Еремина и загорелся желанием поставить его у себя, учитывая, что труппа у нас молодежная и в театре есть замечательный балетмейстер Татьяна Глигор, которая смогла бы должным образом подготовить наших актеров. Пьесу к этому спектаклю написал также Юрий Еремин, но наш режиссер Софья Гонзиркова ее адаптировала под состав нашей труппы. Например, был заново выписан образ главного героя, режиссера Александра Владимировича, рассчитанный на нашего актера — Александра Владимировича Ростова, заслуженного артиста. В спектакль был введен также образ казака, которого, конечно, нет в пьесе Еремина, были созданы и другие колоритные образы».

Но здесь нужно сделать, как говорится, отступление на тему. Режиссер Софья Гонзиркова, взяв за основу спектакля пьесу Юрия Еремина, внесла в нее существенные изменения. Однако и Юрий Еремин был не оригинален: свою пьесу он создал по мотивам либретто Джеймса Кирквуда к культовому бродвейскому мюзиклу «Кордебалет». Впоследствии это же либретто послужило сценарной основой для американского одноименного фильма, который стал доступным и советской публике. Так что теперь уже точно и не скажешь, по мотивам чего — мюзикла или фильма — писалась пьеса и создавался спектакль Юрием Ереминым в Театре имени Моссовета. С одной стороны, театральному режиссеру ближе бродвейская постановка, а с другой, и на нем не могло не сказаться влияние широко известного фильма. Но в любом случае американские коллизии он переносит на родную российскую почву — действие в его пьесе происходит в провинциальном театре, где и разгораются страсти вокруг проходящего там кастинга. То же самое мы видим и в спектакле Ставропольского театра (только, как уже говорилось, с поправкой на местный колорит). А Юрий Еремин здесь выступает в качестве художественного руководителя постановки.

Спектакль построен по принципу «театр в театре»: знаменитый режиссер-хореограф Александр Владимирович проводит в провинциальном театре кастинг танцовщиков, чтобы сформировать труппу кордебалета для своего будущего шоу. Перед ним проходит череда соискателей, и среди них он хочет отыскать не просто тех, кто хорошо танцует, но и владеет драматическим даром. Поэтому перед тем как показать собственно танец, режиссер просит каждого претендента рассказать о себе — самое главное, то, что составляет суть его жизни (то есть, представить

Сцена из спектакля «Casting/Кастинг».

свой актерский этюд). И по тому, как Александр Владимирович реагирует на каждый из таких рассказов, как задает уточняющие вопросы или бросает оценочные реплики, начинаешь понимать: не так однозначен этот строгий и бескомпромиссный режиссер, и вся эта масса молодых людей для него не просто человеческий материал, из которого нужно отобрать для себя наиболее подходящий. Это первый посыл публике: не все в шоу-бизнесе так обезличенно бездушно...

Ну а любой кастинг по своей природе — арена, где идет борьба за выживание. И здесь непременно должны всплыть на поверхность те, у кого больше животного инстинкта... И вот кто-то проливает на пол масло, чтобы его соперник поскользнулся и вывихнул (а хоть бы и сломал) себе ногу, кто-то подсыпает толченое стекло в пуанты — традиционный набор средств «обезвреживания» более сильного. Есть и нетрадиционные... Но есть также и неистребимая ни при каких обстоятельствах человечность, проявляющаяся в запале борьбы. И это — второй и еще более сильный посыл публике.

В этом спектакле нет сюжета как такового. Зритель видит панораму образов, где все персонажи в принципе равны — каждый исполняет одну и ту же роль: представляет себя. Но при этом решаются такие актерские задачи, что каждый из образов оказывается не только своеобразным и неповторимым, но и несет в себе информацию о социальной среде, из которой он вышел. И в результате складывается реальная картина жизни данного многонационального региона, где пытаются устроить свою судьбу даже беженцы.

Поставленный как бы в импровизационной манере, этот спектакль на самом деле является образцом очень продуманной режиссуры. Нет ощущения повторяющегося однообразия сцен, хотя перед зрителем проходят пятнадцать участников кастинга — их выходы «разбавляются» маленькими сценками, иллюстрирующими хитросплетение их же взаимоотношений между собой и внутреннюю жизнь закулисья. Ну и каждое самопредставление — это мини-спектакль из двух частей, драматической и танцевальной, где вторая часть ярко иллюстрирует первую. В этом — несомненная заслуга хореографа-постановщика Татьяны Глигор, которая сумела в танце каждого персонажа раскрыть его внутреннюю сущность.

В результате получился спектакль, где драматическая и музыкально-танцевальная составляющие в принципе равны между собой как по объему, так и по силе воздействия на зрителя.

Однако если учитывать отзывы о московской постановке этого спектакля, то она все же более нацелена на блестящее танцевальное шоу. В постановке же Ставропольского театра нет явно выраженного тяготения к шоу-эффектам (не считая финального яркого и экспрессивного танца), но в ней есть трогающие душу психологические моменты. И наиболее сильный из них раскрылся в образе самоуверенного и самодостаточного Александра Владимировича, который всем казался образцом успешности. А на самом деле в момент кастинга просто обнажилась его душевная драма. Совершенно неожиданно в театре появилась его бывшая возлюбленная, классная танцовщица, которая бросила его ради новой любви и блестящей карьеры. Но и то, и другое у нее быстро прошло, и вот теперь она умоляет своего «бывшего» взять ее в кордебалет. Она становится в общий ряд и танцует — она согласна быть такой, как все. Но он не согласен! Он не может допустить, чтобы бывшая солистка, которой нет здесь равных, вдруг стала такой, как все. А может быть, он не может простить ей измены?.. Скорей всего, смятенный режиссер и сам не смог бы точно сказать, что именно заставило его расстаться навсегда с все еще любимой женщиной. И это был третий психологический посыл в зал: не все так благополучно в жизни деятелей шоу-бизнеса, как это многим кажется.

Ставропольский театр привез еще один спектакль Софьи Гонзирковой и Юрия Еремина, который по своей тематике, эстетике и принципу постановки можно считать антиподом предыдущему, — это глубоко психологическая и во многом философская вещь. Поставлен он по пьесе американского автора Уильяма Гибсона «Сотворившая чудо», которая уже давно стала драматургическим бестселлером и обошла все подмостки мира. Впервые эта пьеса была поставлена в 1959 году на Бродвее. В 1962 году появилась ее экранизация под тем же названием, которую осуществил тот же режиссер и главные роли в которой исполняли те же актеры, что и в театральной постановке. И спектакль, и фильм получили множество самых престижных наград.

И сегодня «Сотворившая чудо» идет во многих российских театрах. Так, в Москве Юрий Еремин поставил ее в Молодежном театре. Свою сценическую версию этой пьесы он и предложил Ставропольскому театру драмы. В программке спектакля в той строке, где обычно указывается жанр постановки, читаем: «Невыдуманная история». И это — чистая правда: в пьесе рассказывается о реальных событиях из жизни обыкновенной американской семьи, потрясших все общество, и даже имена действующих лиц в ней подлинные. Безнадежно больная, обреченная на бессмысленное существование слепоглухонемая девочка Элен Келлер благодаря своей учительнице Анни Сюлливэн смогла не только установить связь с внешним миром и научилась понимать его, но и впоследствии закончила Гарвард, стала доктором философии, овладела пятью языками.

...После того, как в семье Келлер перебывало множество учителей, владеющих самыми последними методиками работы с такими детьми и не добившихся ничего, в воздухе повисла мысль об определении несчастной девочки в приют. Ее существование подчинялось лишь природным инстинктам, и не было ни малейших признаков пробуждающегося сознания. Маугли на ее фоне выглядел очень продвинутым человеческим детенышем — ведь он прекрасно видел и слышал, свободно ориентировался в пространстве и был способен к действию.

Мать девочки уговаривает мужа пригласить еще одну учительницу — последнюю. И вот в доме появляется Анни Сюлливэн, которая сама была слепой в детстве, но после множества операций обрела зрение и стала лучшей ученицей доктора, который изобрел эффективную методику работы со слепоглухонемыми детьми. Но ведь предыдущим учителям не помогали никакие методики...

А у Анни, как выяснилось, вообще не было никакого педагогического опыта! Но, возможно, благодаря этому она эмпирическим путем и нащупала тот единственно возможный способ общения с девочкой, который и привел к пробуждению ее сознания и души. Вначале учительнице удалось обуздать чисто животные инстинкты ребенка и научить его есть при помощи столовых приборов. Но это все еще походило на результат дрессировки, а не осознанных действий. И учительница поставила перед собой, казалось бы, недосягаемую цель — научить девочку речи. «Потому что речь для мозга значит больше, чем свет для глаз», — объясняла она родителям Элен, когда те хотели ограничиться первыми успехами в обучении и ни о чем большем даже не мечтали.

И вот на протяжении всего спектакля зритель видит, путем каких невероятных усилий Анни Сюлливэн совершает свой педагогический подвиг, и при этом ей еще приходится бороться с неверием родителей девочки. Порой по 10—15 минут со сцены не произносится ни слова (ведь с девочкой разговаривать бесполезно), а зал сидит в напряжении, не отрывая глаз следя за действием. На сцене всего двое, и они ничего не говорят, но зритель явственно ощущает все нюансы их живого взаимодействия — до мурашек по коже и спазмов в горле...

Не каждый театр может поставить такой спектакль, потому что на главную роль нужна актриса-травести (и не в каждой труппе такое амплуа есть), и к тому же она должна обладать недюжинным драматическим даром. Молодая актриса Ольга Буряк как нельзя лучше соответствует этим требованиям. (Напомним, она выступает также в образе юного Гамлета.) Как отмечает Евгений Иванович Луганский, если бы не было в театре Ольги, то о постановке «Сотворившая чудо» даже не было бы и речи. Не говоря уже о внешнем, фактурном соответствии роли, зрителя поражает невероятно натуральное существование актрисы в этом образе. Абсолютно ни в чем не ощущается даже малейшей наигранности. Просто уму непостижимо, как же ей удается выразить такую гамму состояний этого маленького существа, притом без единого слова на протяжении всего спектакля. В роли Анни Сюлливэн выступила Ирина Баранникова. Сразу нужно сказать, что постановщиками был подобран просто потрясающий дуэт. Одна без

Сцена из спектакля «Сотворившая чудо».

другой они как бы и не существуют — учительница слилась со своей ученицей. Но при этом у Анни ярко выражена еще одна ипостась — недюжинная сила воли в стремлении реализовать свое призвание, свой педагогический подвиг.

По своей серьезности и философскому звучанию к этому спектаклю примыкает еще один — «Страсти по Торчалову» в постановке Натальи Зубковой. Автором одноименной пьесы является российский драматург Никита Воронов, написавший ее в начале 1990-х годов — в эпоху крутых перемен. Действие пьесы, с одной стороны, носит фантасмагорический характер, а с другой, основано на жизненных реалиях, в центре которых оказался крупный номенклатурный функционер Торчалов. Находясь в привилегированной больнице, он спокойненько себе засыпает, а просыпается... то ли в сумасшедшем доме, то ли в тюремной камере. С этой сцены начинается спектакль, и исполнитель главной роли, заслуженный артист Михаил Новаков, сразу же приковывает к себе внимание зрителя. Уже по первым его действиям и репликам видно — матерый актер, играет так правдоподобно, как будто проживает все это наяву (как тут не вспомнить Станиславского с его «жизнью человеческого духа»). Итак, Торчалов, не понимая, где он и что с ним, сразу же начинает действовать привычным образом: как человек системы, он пытается надавить на рычаги этой системы и хватается за телефонную трубку. Но сосед по палате объясняет новоприбывшему, что он, оказывается, умер и находится в приемнике-распределителе для новопреставленных, где высшие силы будут решать его дальнейшую судьбу.

Как ни странно, Торчалов без особого протеста принимает ситуацию и начинает жить в новой системе, где на продукты — талоны, а в туалет — по расписанию. Как и другие, он будет находиться здесь до тех пор, пока не вспомнит свой основной грех. Помочь в этом ему берется комендант-психолог Римма — железная леди, женщина без чувств и эмоций (эту роль исполняет Ирина Баранникова). И постепенно всплывает на поверхность, что Торчалов, оказывается, был стукачом — написал на человека донос, позднее подгреб акции партнеров, но самое главное: любил другую женщину, а жене лгал, что любит ее. У него не хватило смелости уйти к любимой, а у нее не хватило сил жить без него — в комендантше Римме Торчалов наконец узнает свою любимую, которая покончила жизнь само-

Сцена из спектакля «Страсти по Торчалову».

убийством и которой до скончания века придется маяться здесь, между небом и землей. Это последнее откровение стало для Торчалова началом его духовного перерождения — он переживает чувство искреннего раскаяния. С просветленной душой он уже иначе относится и к своим соседям по камере, вольно или невольно помогая им вспомнить свой основной грех.

Самые дружеские отношения у Торчалова сложились с ближайшим соседом по койке шофером Кушкиным — добрейшей души человеком, который так дружелюбно встретил его в их общей обители. В роли Кушкина выступил заслуженный артист Борис Щербаков — тоже многоопытный и сильный актер, который составил достойную партию Михаилу Новакову. Вот уже сорок лет пришедший сюда из советской действительности Кушкин никак не может вспомнить свой основной грех. Но как-то в обыденном разговоре с Торчаловым он рассказывает, что однажды чуть не лишил человека жизни: тот по собственной оплошности полез под машину, и оставалось либо раздавить его, либо расшибиться самому. Кушкин выбрал второе, хотя знал, какое «дрянцо» и подлец тот человек. И когда он в последний раз открыл глаза, то увидел, как тот, кого он спас, заносит над его головой лопату. «Так почему же ты не размозжил подлеца!» — возмущенно кричит Торчалов. «Так ведь сказано же — не убий», — оправдывается Кушкин. А потом, как бы прозрев, хватается за голову: «Убить его надо было, гада! Убить!» И в этот момент раздается долгожданный звоночек — сигнал правильно угаданного греха. А Кушкин и не догадывался, что основной его грех заключается в том, что он погиб сам, спасая подлеца.

Еще дольше находится в приемнике революционер и цареубийца Сашка, который ну никак не может вспомнить свой основной грех. Оказывается, расстрел царской семьи — не самый тяжкий из них. И в это легко поверить, глядя, как он пьянствует и дебоширит, игнорируя даже здесь строгость установленных законов. Но в то же время Сашка просто «плавится от страха», потому что ему грозит отправка на третий круг. Эту роль очень яркими мазками рисует заслуженный артист Александр Жуков. Его герой то развязно-самоуверенный, то раздавленный страхом, но не раскаивающийся ни в чем, потому что не в состоянии осознать глубину своей греховности. И вот Торчалов, понимая сущность неисправимой натуры Сашки и сострадая ему, со всем жаром души впервые в жизни обращается к Господу, и ему удается отмолить тяжкого грешника.

А после этого в системе приемника-распределителя происходит какой-то сбой, и Торчалова отправляют назад — доживать свою земную жизнь. Он просыпается в той же привилегированной больнице и вдруг видит, как в ярких лучах света к нему приближается Кушкин, держа в руках картонную коробку с полузамерзшим щенком, которого еще можно спасти. «Ты дыши, дыши. Насколько отдышишь, столько и проживешь...» — говорит ему добряк-Кушкин, тихо удаляясь.

Жанр этой философской постановки Наталья Зубкова определила так: некомедия. Но минский зритель смог убедиться в широте ее режиссерского диапазона, увидев настоящую комедию, а также современный мюзикл и детский музыкальный спектакль.

Так, комедия «Одолжите тенора» популярного американского драматурга Кена Людвига сегодня с успехом идет во многих театрах мира. Это типичная комедия положений — тот легкий, однако непростой для сценического воплощения жанр, который требует безупречного вкуса постановщиков и исполнителей. Несколько лет назад, во время гастролей в Минске Смоленского драматического театра имени А. С. Грибоедова, на сцене Белорусского музыкального театра был представлен спектакль по этой пьесе в постановке московского режиссера Игоря Войтулевича. Поэтому увидеть это же произведение в другой постановке и с другими исполнителями — особенное удовольствие для театралов.

Коротко о сюжете комедии: помощник директора кливлендской оперы Макс сам немного поет, но его, конечно, никто не принимает всерьез. Все в напряжении ждут приезда знаменитого итальянского тенора Тито Мерелли.

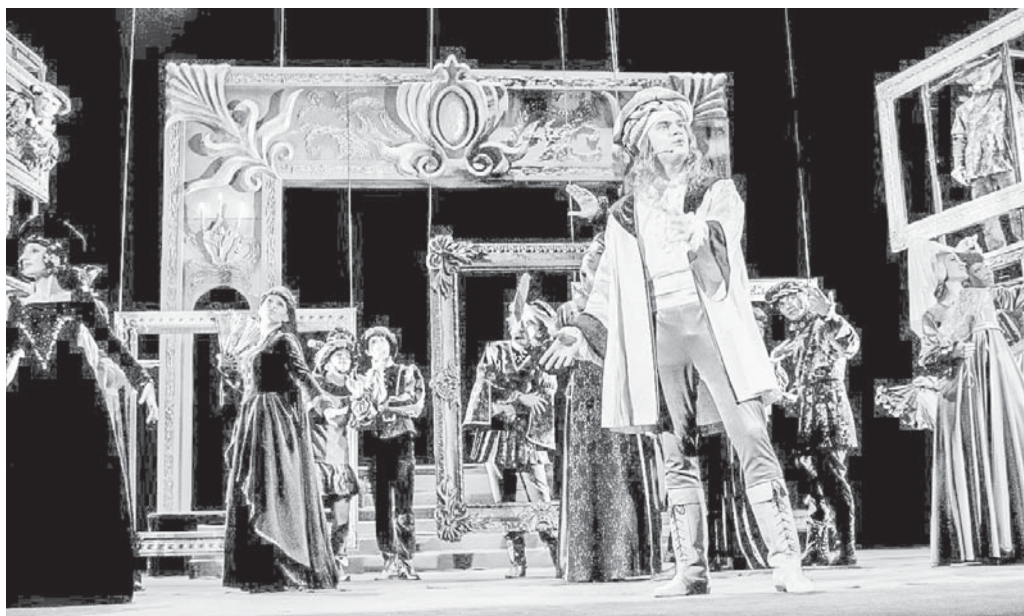
Но тот, объевшись макаронов, страдает болью в желудке. Пытаясь поправить свое самочувствие, бедный тенор незадолго до выхода на сцену «немножко умер», наглотавшись снотворного. Спектакль оказался под угрозой срыва, но положение спасает Макс, который вместо приезжей знаменитости выходит на сцену в образе Отелло.

В ставропольской постановке в роли Макса минский зритель увидел уже полюбившегося всем молодого актера Владислава Таранова, который действительно пел — вживую, как истинный тенор. А в роли Тито Мерелли — заслуженного артиста Александра Ростова, на долю которого выпала самая большая часть комедийной нагрузки. Этот искрометный спектакль наполнен невероятными поворотами сюжета, неожиданными комичными ситуациями и многими другими острыми моментами, присущими комедии положений.

Еще один спектакль в постановке Натальи Зубковой — мюзикл Кима Брейтбурга «Леонардо». Автор либретто Евгений Муравьев придумал интригующий сюжет, в котором рассказывается о нескольких днях из жизни молодого гения эпохи Возрождения. В доме Леонардо в Милане появляется новый ученик, и вскоре из мастерской маэстро пропадают тетради с записями его научных трудов. Зависть и интриги омрачают жизнь гениального ученого и живописца, которому не чуждо ничто человеческое — он влюблен... Так начинается рассказ о создании портрета Моны Лизы дель Джоконды — самого таинственного и самого знаменитого в истории изобразительного искусства.

В роли Леонардо предстал Владислав Таранов, на вокальные данные которого и сделал ставку автор мюзикла Ким Брейтбург. В спектакле заняты также Ирина Баранникова, Ольга Буряк, Евгений Задорожный, Александр Кошелевский, Елена Днепровская и другие актеры, благодаря которым и был создан слаженный ансамбль в этой сложной музыкальной постановке с множеством вокальных и танцевальных номеров.

В репертуаре Белорусского музыкального театра также есть мюзикл Кима Брейтбурга «Голубая камея». И в этих двух работах сразу ощущается творческий почерк маэстро — и в характере музыки, и в ее стилистике, и в принципе построения музыкальных номеров, и в целом в эстетике постановки. Работы яркого талантливого автора всегда узнаваемы.

Сцена из спектакля «Леонардо».

И наконец, еще одна комедия положений английского драматурга Питера Шеффера «Случай в темной комнате» в постановке заслуженного деятеля искусств республики Марий Эл Владислава Константинова. Это уж действительно история с анекдотическим сюжетом, названная автором беспросветной комедией, потому что все действие в ней происходит в темной комнате во время отключения электричества (то есть для персонажей спектакля комната темная, а для зрителей все же кое-как освещенная — ведь должны они видеть, что происходит на сцене!).

Итак, темная история, происходящая в темной комнате: молодой скульптор Бриндсли Миллер приглашает к себе известного ценителя искусства — потенциального покупателя своих творений. Но его жилище выглядит очень бедно, и чтобы не упасть в глазах высокого гостя, он перетащил к себе мебель зажиточного соседа, собирателя антиквариата, когда того не было дома. Эти события произошли «за кадром», зритель их не видел. А видел он невероятные усилия бедного скульптора по перетаскиванию «одолженных» предметов обстановки обратно к соседу, а своих — от соседа, потому что тот внезапно вернулся. И происходило все это в темной комнате скульптора в присутствии того же соседа и других близких и не очень близких ему лиц. И при этом никто ничего не понимал и не замечал, кроме его возлюбленной, которая и подтолкнула его на эту аферу.

В роли бедного скульптора предстал все тот же Владислав Таранов, которого публика отметила с самого первого дня гастролей. Всего в спектакле восемь персонажей, и все они вовлечены в действия хозяина темной комнаты, но никто даже не догадывается, чем он все время занимается. Даже тогда, когда один из гостей, встав с мягкого кресла, обратно уже плюхается в разбитое кресло-качалку. Главное, что все эти нелепые ситуации содержали в себе определенный смысл и порой даже были проникнуты тонким психологизмом. И главное, вся эта темная история совсем не выглядела пошлой.

Гастроли Ставропольского театра в определенном смысле были даже уникальными, потому что актеры, пользуясь своим пребыванием в Минске, параллельно репетировали с Михаилом Ковальчиком новую постановку по пьесе российского драматурга Александра Коровкина «Тетки». Премьера спектакля намечена на начало нового сезона.

— Это будет комедия с элементами фарса, дающая повод и для смеха, и для размышлений, — говорит Михаил Станиславович. — Я восхищен, что есть такие современные авторы, которые в неожиданной, гротескной форме умеют затронуть сегодняшние насущные проблемы. В этой пьесе показано столкновение двух миров: духовного и потребительского. Двух старушек, проживающих в старом особняке в центре города, хотят хитро провести и черные риэлторы, и представители власти, и свои же племяннички. Но эти божьи одуванчики настолько сильны духом, что побеждают их всех. Пьеса Коровкина притягательна еще и тем, что, несмотря на острую комедийность, в ней отчетливо присутствует чеховская нота. И мы будем стараться своей постановкой подчеркнуть непобедимость поистине интеллигентного человека.

Инструмент, объединивший мир

Евгений Гладков стал самым успешным учеником и преемником выдающегося белорусского музыканта, цимбалиста-виртуоза, педагога, народного артиста СССР Иосифа Жиновича. Среди замечательных, преданных искусству воспитанников легендарного мастера именно Гладков оказался тем достойным наследником, кто сумел поддержать и развить на современном уровне идеи, начинания, устремления и традиции своего наставника. Нынешнему лидеру белорусской цимбальной школы удалось максимально раскрыть собственную индивидуальность, проявить многосторонний талант, блестяще сочетая сольную карьеру и педагогическую, научно-методическую работу, музыкально-общественную, организаторскую деятельность. Достичь художественных высот в концертном исполнительстве, впечатляя публику сценическим темпераментом, чувственной тонкостью музыкальных интерпретаций, и воспитать плеяду именитых цимбалистов. Разменяв уже восьмой десяток, в последующие год, два, три, четыре — на пути к очередному грядущему юбилею — он сохраняет творческое долголетие, увлеченность преподавательскими задачами, неравнодушное отношение к насущным проблемам искусства...

Яркая личность. Серьезное, уважаемое имя в мире музыки, которое говорит само за себя. Впрочем, не мешало бы вспомнить и несколько красноречивых фактов, сопряженных с именем нашего героя.

Народный артист Беларуси, профессор, с 1980 года и по сей день он заведует кафедрой струнных народных щипково-ударных инструментов Белорусской государственной академии музыки. Почти полвека является художественным руководителем ансамбля академии «Лілея», организованного в сентябре 1966-го самим же Гладковым, который тем далеким летом закончил альма-матер и стал преподавать, одновременно завоевывая признание как солист филармонии. С 1997 года Евгений Петрович возглавляет Ассоциацию белорусских цимбалистов БСМД, созданную при его активном участии. Дважды был отмечен высокой наградой Президента Республики Беларусь: в 2001 году — Специальной премией за воспитание творческой молодежи, в 2011-м — Специальной премией деятелям культуры и искусства.

А ведь на заре его жизни не было и намека на то, что именно цимбалы увлекут одаренного, любознательного и вдумчивого подростка в профессиональную музыку, станут судьбой.

Выбор

Пути таланта неисповедимы. И необъяснимы, как сам талант. А у Евгения Гладкова даже начало краткой творческой биографии, опубликованной в «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі», выглядит весьма загадочно. Родился он в российской глубинке, в деревне Иванькково Пермской области, где исстари бытовали свои, народные русские инструменты. Но академическое музыкальное образование получил почему-то в далекой от тех мест Беларуси, выбрав для обучения наши исконные, вышедшие из фольклорной среды, самобытные цимбалы. Впрочем, это кажется не таким уж странным, когда вдумываешься в дату его рождения: 10 октября 1941 года. Очевидно, в судьбу нашего героя вмешалась война и он появился на свет вдали от родного дома, оставленного семьей в оккупированной Беларуси? Евгений Петрович подтверждает догадку.

«До войны наша семья жила в Гомеле. Мама работала на железнодорожной станции радисткой. Она рассказывала, как в тот июльский день прибежала ее начальница и распорядилась: «Ниночка, срочно уезжай, немцы уже возле Гомеля!» Мама поспешила покинуть город, беспокоясь о будущем ребенке (это меня она носила под сердцем). По дороге бомбили... Но каким-то чудом удалось добраться до глубокого тыла. Там, в Казанской области (приютившая нас деревня теперь относится к Пермской области), я и родился. И неизвестно, смогла ли бы мама меня выкормить, если бы не хозяйка, у которой мы жили: она держала корову и давала нам молока, да еще была незаменимая «бульба». Со временем перебрались в Свердловскую область, на станцию Егоршино — это в Кировском районе. Так семь первых своих лет я прожил вдали от Беларуси. А затем вернулись в Гомель. Там и пошел в школу. В связи с переездами семьи из одного района города в другой приходилось менять и школы. И таким образом я попал в класс, где учился мальчик, который играл в оркестре русских народных инструментов при Дворце культуры железнодорожников. Он затащил меня на репетицию, познакомил с Константином Антоновичем Корниловым — органи-

Евгений Гладков (слева) с отцом Петром Григорьевичем и братом Эдуардом.

В юности.

затором и руководителем коллектива. Я стал играть в оркестре на балалайке — по так называемой цифровой системе, совершенно тупиковой, не имеющей никакого отношения ни к музыке, ни к элементарной нотной грамоте. Но занятия в настоящем оркестре так захватывали!

Вообще-то живая музыка у нас и дома звучала. Была мандолина, на которой я немного играл, семиструнная гитара — ею владел отец, благодаря которому я тоже освоил этот инструмент. Пришел из армии брат Эдуард. Он был летчик и мечтал пилотировать появившиеся тогда сверхзвуковые самолеты, но первое же испытание нагрузками в барокамере стало сильнейшим ударом по его организму, едва не погубило. Его признали негодным к таким полетам, комиссовали. Брат страшно переживал уход со службы, потерю своей мечты. В семье решили, что лучшим утешением в такой ситуации станут занятия музыкой, и по просьбе Эдуарда для него был куплен аккордеон. Заодно я тоже научился на аккордеоне играть, а потом еще и на четырехструнной домре».

В 10-м классе произошло событие, перевернувшее жизнь Евгения Гладкова, перенаправив ее из пестрого мира любительских музыкальных увлечений на путь к серьезному профессиональному творчеству. Однажды он заметил объявление об организации при Дворце культуры кружка цимбалистов. Не раздумывая, записался! Юному любителю музыки к тому времени уже доводилось слышать живое звучание цимбал. В городе над Сожем гастролировал знаменитый белорусский солист Аркадий Остромецкий, сам Жинович приезжал в Гомель со своим уникальным народным оркестром, давал великолепные концерты в парке. Евгений был очарован звучанием цимбал, мастерством исполнителей. Как же хотелось самому прикоснуться к этому необычному инструменту, приобщиться к миру новых пленительных звуков!

«Руководитель оркестра русских народных инструментов Корнилов приревновал меня к цимбалам. У меня были заметные успехи в игре на балалайке, а тут вдруг появился коллектив-конкурент, репетиции которого я также стал регулярно посещать. А вскоре «жизнь на два оркестра» и вовсе пришлось прекратить: после 10-го класса я поступил в Гомельское музыкальное училище. Конечно же, на цимбалы! Приходилось усердно заниматься, наверстывая упущенное. Ведь рядом со мной в классе были ребята, которые продолжали учиться здесь после окончания музыкальной школы и восьми классов общеобразовательной. Я был хоть и постарше, и с уже законченным средним образованием, но — абсолютным новичком, безграмотным в элементарной теории музыки. Услышав на уроке сольфеджио от учителя общее для всех задание — записать интервалы, я был в ужасе от собственного невежества: просто не понимал, о чем речь, что это за «интервалы», как их надо записывать. Но на цимбалах я, признаться, играл здорово — потому и в училище приняли.

Первый педагог, которому я благодарен за то, что приобщал меня к инструменту еще во Дворце культуры, подготовил к поступлению в училище и там принял в свой класс, — Георгий Иванович Беспалько. Он был «апантаны» музыкант-самоучка, восхищал неисчерпаемым энтузиазмом, преданностью творчеству. Но большой минус заключался в том, что он пришел руководить цимбальным оркестром и преподавать специальность, не имея базового музыкального образования. Выходец из самодеятельности, Георгий Иванович, к сожалению, недооценивал значение в процессе воспитания профессионального цимбалиста общих музыкальных знаний, глубокого изучения сольфеджио, гармонии, владения игрой на фортепиано. Этого он не требовал от своих учеников, и мы пребывали в досадном заблуждении, считая, что главное — практические навыки, а теория не стоит особых стараний, в «сопутствующие» музыкальные дисциплины можно и не вникать: сдал кое-как — и забыл. Так что в Гомеле мне — увы — не хватало контакта с человеком, который обладал бы широкой музыкальной эрудицией (к слову, даже сольфеджио у нас вел педагог, специализировавшийся не в этой сфере, — гобоист по образованию). Но кто бы мог представить, как спустя несколько лет повернется жизнь! Когда я после окончания Белорусской консерватории стал там преподавать, в числе моих студентов-заочников оказался и собственный первый учитель — Георгий Иванович Беспалько...

К сожалению, судьба его сложилась драматично: высшее образование он так и не получил, проучился только полтора года, причем с невероятными трудностями — сказывалась контузия времен войны. Кафедрой в то время руководил Георгий Жихарев, известный своим крутым нравом, высочайшей требовательностью к себе, коллегам, студентам. Он строго следовал своим профессиональным принципам, не допускал никаких поблажек, часто ставил «тройки» даже студентам дневного отделения, заочники же особенно страдали от его максимализма. Возможно, если бы тогда был жив Жинович, отличавшийся спокойным и мягким характером, особой мудростью, все сложилось бы иначе. Но Жихарев поспособствовал отчислению Беспалько из консерватории».

В 1961 году, когда Евгений Гладков был студентом 2-го курса Гомельского музыкального училища, в Беларуси состоялся первый республиканский конкурс исполнителей на народных инструментах. Наш герой принял участие в этом турнире талантов — и стал победителем! (Евгений Петрович, кстати, замечает, что как раз тогда, почти 55 лет назад, было положено начало традиционному и главному профессиональному конкурсу музыкантов-«народников», который после смерти Жиновича стал носить его имя. К сожалению, этот факт нынче знают немногие, поэтому летосчисление одного из наших старейших и престижных творческих соревнований ошибочно ведется с более позднего времени.)

Поехать в Минск и приобщиться к событию, происходившему впервые, да еще получить I место на таком ответственном конкурсе, — сколько незабываемых впечатлений...

«Все было потрясающе. Конкурс проходил в главном корпусе консерватории, построенном в 1957 году, и тогда, в 61-м, это совсем еще новое здание выглядело таким торжественным и величественным. Интерес к самому событию был огромный. Атмосфера — праздничная. Публика — в основном, конечно, молодежь — буквально с визгом ломилась туда. Для меня же увидеть перед собой зал, набитый зрителями, которые живо реагируют на выступления конкурсантов, было так здорово! Помню, я исполнял сложнейшее произведение Жиновича: «Протяжная и хороводная». А цимбалы у меня были без ножек, инструмент приходилось держать на коленях. Во время игры цимбалы начинали сползать, я их отработанным жестом подхватывал...»

Бурные овации зала. Наивысшая оценка жюри. А потом снова — шквал аплодисментов... Была ли победа двадцатилетнего кумира публики стимулом к его еще более напряженным занятиям ради дальнейших достижений? Сложно об этом судить. Ведь у истинного таланта есть глубоко сокрытая от посторон-

них глаз внутренняя творческая мотивация, и его вдохновенная натура вряд ли нуждается в каких-либо «подталкиваниях извне». Когда еще и речи не было ни о каких конкурсах, Евгений Гладков, по его словам, готов был играть на любимых цимбалах сутками. Что ж, обычно в таких случаях замечают: не он выбрал музыку как смысл своей жизни, а она сделала его своим спутником; не он отдал предпочтение инструменту, однажды покорившему его своим звучанием, а совсем наоборот...

«Будучи студентом училища, я много занимался самостоятельно. В течение года продолжал посещать оркестр. А когда наступало лето, начиналась пора каникул и отпусков. В Гомельском дворце культуры устанавливалось затишье, я туда ежедневно приходил и «пахал» часов по восемь. Там давно меня знали, выдавали ключ от помещения, в котором я мог позаниматься на цимбалах, никому не мешая. Было невыносимо жарко, но ни о каких купаниях, походах в лес или развлекательных экскурсиях я не думал. Уединившись, сбрасывал одежду, как на пляже, открывал окна и «дубасил» по струнам».

Через пару лет Евгений поступил в консерваторию и стал учиться в классе Иосифа Жиновича.

Разгадать Жиновича?

Цимбалист-легенда, Артист милостью Божьей, снискавший международное признание; основоположник академической школы игры на самобытном белорусском народном инструменте и автор первой монографии на эту тему; композитор, обогативший репертуар исполнителей на цимбалах блестящими обработками фольклора и оригинальными пьесами; руководитель уникального оркестра,

Солирует Евгений Гладков.

ставшего музыкальной визиткой Беларуси и уже много лет носящего его имя... Все это — о Жиновиче.

О нем пишут, рассказывают, вспоминают; его фантастическая игра на цимбалах поражает воображение даже с экрана — и в документальных сюжетах с участием выдающегося солиста, и в кадрах из исторического художественного фильма «Лесная быль», снятого Юрием Таричем, где совсем еще юный виртуоз исполнил роль талантливого деревенского мальчишки.

Признавая в Жиновиче легендарного Мастера, нет-нет да и задумаешься: а кем он был для своих учеников?

«Для нас он тоже был легендой. Яркие, техничные музыканты, умеющие произвести впечатление своей виртуозностью, артистизмом, есть. Но повторить совсем особенный, удивительный звук, отличавший игру Жиновича, не мог и не может пока никто. Как он добивался такого звука — секрет, оставшийся нераскрытым, загадка, которую наш учитель унес с собой. Как ни странно, я не могу сказать, что Иосиф Иосифович старался нам передать практическую часть своего музыкального опыта. Но мы получили от него в наследство теоретические труды, касающиеся цимбальной исполнительской школы. На занятиях в классе он не показывал каких-то приемов звукоизвлечения, мы учились непосредственно на его игре, наблюдая, слушая, схватывая на лету. Он играл мощным звуком, но при этом не возникало ощущения, что музыкант «дубасит»: не было удара, а было погружение в струну, отчего звук получался красивый, обогащенный. Как такое возможно? В движении кисть его руки напоминала резиновый жгут. Но какое при этом должно быть внутреннее ощущение у музыканта? Опять же, загадка. Сегодня для того, чтобы пояснить какой-либо прием игры, мы делимся определенными навыками, берем ученика за кисть и показываем технику того или иного движения. Жинович этого не делал. Надо было самому «подсматривать» за мастером и запоминать, каким должно быть состояние предплечья, запястья, кисти, пальцев. Он словно не участвовал в игре студента, не вмешивался, не останавливал, не разбирал ошибки. Мог просто сделать замечания относительно художественной выразительности, темпов. Или сказать: «Мало звука!» Но никогда не говорил студенту, что у того зажата рука. У Жиновича была невероятная кистевая пластика. Наверное, поэтому его инструмент пел, палочка будто прилипала к струне и тянула за собой звук. Помнится, когда он играл с оркестром парафраз на темы Штрауса, то его соло прослушивалось сквозь весь цимбальный оркестр (при том, что такой оркестр не умеет тихо играть, аккомпанируя солисту) — подобно тому, как флейта-пикколо пронзает звуковую массу в оркестре симфоническом. Наши современные ребята «дубасят» громче Жиновича, а кисть-то зажата. Вот и звук соответствующий...

С Жиновичем было очень приятно общаться, он создавал хорошую обстановку на занятиях, никогда не кричал, все было окрашено какой-то некрикливой, скромной мудростью. Конечно, общение с таким мастером было уроком на всю дальнейшую жизнь, хотя «загадка легенды» так и осталась при нем».

В тот год, когда наш герой поступал в консерваторию, набор на его специальность был совсем невелик: из четырех абитуриентов приняли двоих — Евгения Гладкова да Марию Мицуль. Преподавал у цимбалистов один Жинович. Но в Беларуси возрождался интерес к национальным народным инструментам, открывались классы в музыкальных школах — словом, кафедру пришлось расширять.

«*Уже на 4-м курсе мне предложили преподавать. Я стал одним из первых молодых педагогов-«почасовиков», занимался с ансамблем цимбалистов и с двумя студентами. Поначалу относился к преподаванию довольно равнодушно, говоря себе и всем: это временно, пока не получу диплом, — потому что считал себя музыкантом-исполнителем. Меня уже знали в филармонии, ждали на работу. На распределение оттуда пришел даже художественный руково-*

дитель — композитор Григорий Анчиков. Но присутствие Анчикова никак не повлияло на позицию нашего ректора, Владимира Владимировича Оловникова, который рассудил так: «Вам предлагают на выбор два места работы. Если вы останетесь преподавать на кафедре в консерватории, то вы — гарантирую — будете участвовать и в филармонических концертах. Если вы пойдете в филармонию, то место на кафедре займет кто-то другой, и при желании вернуться в консерваторию вам никто этого гарантировать не сможет». Я продолжил преподавать».

В 1970 году преемник легендарного музыканта окончил аспирантуру. Через четыре года, подготовив свою научную редакцию «Школы для беларускіх цымбал» Иосифа Жиновича, осуществил ее издание. А в 1983-м издал уже собственную «Школу игры на цимбалах». Вообще же у Евгения Петровича немало и опубликованных, и пока еще не изданных работ: научных, творческих, методических. Среди них, например, —«Совершенствование приемов звукоизвлечения и артикуляции при игре на белорусских цимбалах»; «Альбом цимбалиста», «Белорусские узоры», «Гусляр» и другие сборники пьес для сольных исполнителей и различных народно-инструментальных составов; инструментовки, переложения произведений белорусских, западноевропейских, русских советских композиторов, сделанные, в частности, для Академического народного оркестра имени Иосифа Жиновича. Есть, между прочим, и «Программа обучения иностранных туристов игре на цимбалах»: написанная три десятка лет назад, она, может быть, именно в наши дни станет актуальной и востребованной!

А класс Белорусской государственной академии музыки, где проходят занятия профессора Гладкова, стал настоящей современной школой цимбального искусства, которую прошло уже не одно поколение исполнителей и педагогов.

«Учеников у меня много. Всех, наверное, уже более 70-ти, а на сегодняшний день в классе — шестеро молодых музыкантов. Признаюсь, и подсчеты такого рода, и попытки перечислить самых примечательных своих воспитанников — дело неблагодарное. Каждого, кого помнишь, все равно не назовешь, приходится говорить: «И другие». Имена многих известны в стране и за рубежом: это лауреаты различных, в том числе международных, конкурсов, успешные артисты, выступающие и сольно, и в составе нашего Национального академического народного оркестра, и в других коллективах, занимающиеся педагогической деятельностью. Кто-то в расцвете сил, кто-то уже на заслуженном отдыхе, чья-то звездочка только-только взошла на музыкальном небосклоне... Татьяна Ченцова (Елецкая) — несколько лет назад уехала к дочери в Люксембург, нянчит внука. Ангелина Ткачева устроила свою жизнь в Греции, там продолжает концертировать, нередко приезжает в Минск, выступает в филармонии. Талант Ларисы Рыдлевской украшает программы оркестра имени Жиновича. Там же играют и другие мои выпускники: Геннадий Климович, Сергей Забаронок... Римма Подойницына сегодня — опытнейший педагог, активист Белорусского союза музыкальных деятелей и нашей ассоциации цимбалистов. Веронике Прадед удается совмещать блестящую сольную карьеру с научной работой на кафедре. Катя Анохина увлеклась джазовым вокалом, перебралась в Москву, но цимбалы не бросает. Светлана Загуменкина, Оксана Хохол, Надежда Каракулько, Ольга Борушкова, Екатерина Василькова, Юлия Кузьменко, Алина Воронцова, Лидия Куксик, Ирина Морозова, Анна Лоб, Дмитрий Колотило, Виктор Михальчук, Виктор Вашкевич — все это мои замечательные ученики разных лет и нынешняя перспективная молодежь.

А еще есть ансамбль цимбалистов «Лілея». К весне планируем подготовить программу праздничного филармонического вечера в честь 50-летия этого необычного творческого коллектива, который создавался при Жиновиче как сугубо учебный, а вырос до высокого профессионального исполнительского уровня».

«Цимбалят» все!

Вот как бывает... Безо всякого воодушевления согласившись однажды на преподавательскую работу, убежденный, что «это ненадолго», Евгений Гладков неожиданно для себя вошел во вкус и очень скоро понял: дела в классе, в ансамбле, «на родной народной» кафедре — для него уже не временная, а пожизненная забота. Но состоявшийся педагог вовсе не собирался ставить точку невозврата в своей концертной жизни, к началу 1970-х достигшей расцвета. Публика его уже знала и любила; мастерство молодого солиста высоко ценили композиторы, обращавшиеся именно к нему с просьбой исполнить их новые сочинения для цимбал, хотя в ту пору еще не сошел со сцены всеобщий фаворит, заслуженный артист БССР Вениамин Буркович.

Один случай из того далекого прошлого Евгений Петрович вспоминает со смешанными чувствами, до сих пор укоряя себя за поступок, в котором не было ничего предосудительного. В 1974 году Дмитрий Смольский написал Второй концерт для цимбал с оркестром, посвятив его памяти Жиновича. Это произведение, признанное в наши дни белорусской музыкальной классикой минувшего столетия, композитор принес Гладкову. Что же было дальше?

В советское время подготовкой фонограмм для выпуска пластинок с музыкой народов СССР (фольклор, эстрада, все разнообразие академических жанров) занималась всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия». Бригада московских специалистов, оснащенная высококлассной звукозаписывающей техникой, с определенной периодичностью посещала каждую республику. Когда эти желанные, но редкие гости в очередной раз пожаловали в Минск, планировалось записать, среди прочего, и новый цимбальный концерт Смольского, а партию солиста предложили исполнить Вениамину Бурковичу.

«Я оставался в стороне от этого события, не вникая, что и как там происходит, да и хватало других забот. Была пора экзаменов, я с утра присутствовал в аудитории, чувствовал себя разбитым — не отдохнул, не выспался, потому что накануне засиделся допоздна в дружеской беседе. С экзамена меня буквально «выдернул» Дима Смольский и попросил срочно приехать на запись. Пояснил, что Буркович просто не сможет записать его Концерт: мол, пробует играть, но не получается, все звучит нечисто: «Это должен сделать ты!» Композитор был настроен решительно, а ничего, кроме замешательства, не чувствовал. Я очень трепетно относился к таланту Бурковича, уважал его чувства и не мог

С ансамблем «Лілея» после «сеанса одновременной игры».

себе позволить перейти дорогу коллеге. Всеми способами пытался отказаться: ссылался и на плохое самочувствие, и на неуверенное знание нотного текста, и на то, что у меня при себе даже нет цимбальных палочек. Но Смольский отчаянно настаивал: «Выручай! Сорвется ответственная запись, москвичи ждать не будут!» Пришлось уступить. Запись состоялась, автор музыки был доволен, хотя я понимал, что при других обстоятельствах мог бы сыграть и лучше, а коллеги недоумевали, как мне удалось это вообще сделать, — ведь я вынужден был играть чужими палочками. Мне рассказывали, что Буркович, мечтавший сделать эту запись на пластинку, страшно переживал свою неудачу, был расстроен до слез, и я почему-то до сих пор чувствую себя виноватым...

Кстати, репертуар — одна из насущных наших проблем. Для цимбал писали, пишут, за малым исключением, все белорусские композиторы: оркестровые, сольные, ансамблевые сочинения. Это тема для большого разговора. О том, например, чем примечательны произведения Генриха Вагнера, Андрея Мдивани, Сергея Кортеса, Виктора Войтика, Леонида Захлевного, Валерия Иванова, Вячеслава Кузнецова, Владимира Курьяна, Сергея Янковича, Виктора Малых... О том, что мы испытываем постоянный репертуарный голод: нам не хватает оригинальных произведений, которые раскрывали бы новые выразительные возможности инструмента, помогали искать и раскрывать его резервы. А еще способствовали бы творческому росту исполнителя и привлекали внимание публики. Репертуар все время требует поиска! Мне и самому неинтересно повторять то, что уже трижды звучало с большой сцены. Думаю, обновления ждет и публика, которой не хочется слушать ни примитивные обработки, ни мудреные, усложненные опусы современных авангардистов».

В составе творческих групп Евгений Гладков много ездил по Беларуси, с успехом выступал за рубежом, в некоторых странах — неоднократно. Для тех, кому интересно «с этого места поподробнее», уточню. В Германии гастролировал шесть раз, в Литве — пять, по три раза — в Венгрии, Польше, России, Чехии; дважды — в Молдове, Латвии, Украине, Эстонии. Гастрольные маршруты приводили нашего героя в Австралию и Новую Зеландию, Австрию, Англию и Уэльс, в Анголу, на острова Маврикий и Мадагаскар, в республику Мозамбик, в Сирию и Иорданию, Словакию, Узбекистан, Францию, Чехословакию, Чувашию...

И повсюду — об этом знает не только Евгений Петрович, но и его коллеги-артисты, — белорусские цимбалы публика принимает на ура. Он видел, как цех крупного промышленного предприятия превращался в импровизированную концертную площадку и работники устремлялись туда в обеденный перерыв, едва успев перекусить. Видел, как в разгар летней страды, когда полевые работы длятся почти до полуночи, селяне не спешили разойтись по хатам, чтобы отдохнуть накануне нового напряженного дня, а собирались на концерт. Чопорные британцы с искренним интересом вслушивались в звуки классических старинных мелодий и аплодировали тонкой трактовке клавесинных пьес Люлли, Дакена, Куперена, оказавшихся столь гармоничными в переложении для цимбал. А непосредственные африканцы приходили в восторг, услышав знакомые интонации своих народных мелодий да еще и «глиссандо», эффектный виртуозный прием, от которого звонкие струны сливались в ошеломляющую звуковую волну...

«Три года назад мы с участниками ансамбля «Лілея» выезжали в Швейцарию на международный фестиваль-конкурс «Классика на улицах города», о проведении которого узнали совсем случайно. Он длился 9 дней, участвовали музыканты разных направлений, коллективы, солисты-скрипачи, вокалисты, баянист... Проходили выступления на открытых, но специально оборудованных площадках, музыканты играли просто для публики, а тем временем за ними наблюдали представители жюри. Еще у каждого участника были специальные карточки, которые потом заполняли слушатели и пересылали в оргкомитет, — это также влияло на отбор для заключительного тура. Для него было отобрано семь номеров, в это число попали и мы. Финалистам надо

Лауреат международных конкурсов Алина Воронцова и профессор Евгений Гладков на репетиции.

было подготовить программу продолжительностью до 20 минут, и непременно классику. Такие произведения у нас были. Мы сыграли Концерт Вивальди для двух скрипок в переложении с фортепиано и «Венецианский карнавал» Паганини. Жюри выбрало из семи номеров три лучших. Так белорусские цимбалисты попали в число лауреатов и заняли третье место. Первое присудили вокалистке из Украины, второе — швейцарскому пианисту. Но главное, слушали нас с интересом, принимали восторженно».

Удивительный инструмент! Его фольклорной природе и яркому национальному колориту не противоречит выражение изящества чувств, восторга и возвышенной печали, созерцательности и нежности, погруженности в себя и драматизма. Цимбалы по праву заняли свою нишу на академической музыкальной сцене, где звучат и соло, и в компании с тембрами других инструментов, и в ансамбле с вокалом. Но кто-то, возможно, не знает, настолько цимбальное семейство многолико, разноголосо и велико: оно заселяет буквально всю планету!

«В 1993 году благодаря Союзу музыкальных деятелей многое изменилось в жизни наших цимбалистов. Председатель БСМД Михась Дриневский, его заместители Томас Курило и Наталья Витченко, узнав, что в чешском городе Брно будет проходить Всемирный конгресс цимбалистов, решили меня туда командировать, проявив непонятную для меня настойчивость. Я не очень-то представлял, что за мероприятие там готовится, и особого энтузиазма не испытывал. А вернулся с конгресса в совсем другом настроении, с чувством огромной благодарности мудрым и прозорливым товарищам по союзу. До поездки в Брно я знал, что кроме Беларуси цимбальное музицирование развито в Венгрии, где бытует свой, очень примечательный инструмент; слышал, что в какой-то степени цимбалы распространены в Украине и в Польше. Приехав на конгресс, я был поражен: оказывается, «цимбалит» весь мир! Варианты этого инструмента есть практически у каждого народа. Свои названия; определенные внешние, конструктивные различия, а значит, и особенности в звучании, в выразительных возможностях, но все это — собратья, древние цимбалы, и они живут в сегодняшнем

Народный артист Беларуси,
профессор Евгений Гладков.
Июль 2015 года

мире, на них играют, для них пишут пьесы, они звучат в быту и собирают публику на концертах! Я увидел и услышал цимбалы австралийские, немецкие, французские, румынские, турецкие, китайские, вьетнамские, швейцарские, индийские, американские, чешские, сирийские, калмыцкие, английские… Я познакомился с президентом Всемирной цимбальной ассоциации Викторией Херенчар, венгерской исполнительницей. Мы стали общаться. Госпожа Виктория приезжала в Беларусь с большими венгерскими цимбалами, корпус которых путешествовал на крыше легкового автомобиля, а за рулем был ее муж Иштван. Наша гостья даже побывала в Поставах и Глубоком — выступила на Международном фестивале народно-инструментальной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік». Через созданную при БСМД Ассоциацию белорусских цимбалистов удалось установить официальный контакт со Всемирной ассоциацией и в 1999 году провести ее очередной конгресс у нас, в Могилеве. Грандиозное получилось событие! А белорусские цимбалы и высококлассные исполнители произвели фурор, стали открытием для большинства наших зарубежных коллег — впечатлили, что называется, и числом, и умением.

Но не могу не обратить внимание на качество белорусских инструментов. Оно в последнее время стремительно падает, а перспективы возрождения производства цимбал настолько туманны, что заставляют с тревогой говорить о реальной угрозе «музыкальному символу» нашей страны. На цимбалах в Беларуси играют сотни людей. Инструменты ветшают. Предприятие в Борисове, производившее их, давно закрыто. Мастера, работающие индивидуально, не могут обеспечить своим изделиям надлежащее качество. Если проблема не будет решена оперативно на государственном уровне, а останется в руках кустарей-одиночек; если не будет создана эффективно, на профессиональной научной основе работающая лаборатория по изготовлению народных инструментов (речь ведь не идет об открытии фабрики!), то мы рискуем «потерять лицо», инструментальный голос Беларуси, визитку своего народа. Потому что играть цимбалистам, в том числе тем, на которых держится оркестр имени Жиновича, скоро будет не на чем.

К сожалению, финансовые проблемы не позволяют поддерживать сегодня наше членство во Всемирной ассоциации, участвовать в конгрессах, в крупных творческих форумах, проводить совместные творческие акции, обмениваться гастрольными проектами с зарубежными коллегами. Но цимбалисты нашей страны продолжают участвовать в международных конкурсах и побеждать,

подтверждая высокий профессиональный и художественный уровень белорусской национальной академической школы. А вместе с БСМД стараемся делать то, что нам по силам, на республиканском уровне.

Главное достижение нашей ассоциации — традиционный фестиваль «Сярэбраны звон цымбалаў». Проводим его раз в два года в Молодечно, где наш коллега по союзу Рыгор Сорока, директор Музыкального колледжа имени Огинского, помогает принять, поселить участников, которые съезжаются из разных регионов страны. Принимаем далеко не всех желающих выступить в Молодечно, а только представителей тех учебных и творческих коллективов, которые входят в ассоциацию и платят членские взносы».

* * *

В марте 2016 года должен состояться очередной фестиваль «Сярэбраны звон цымбалаў». Такой цимбальный форум не подразумевает никаких острых конкурсных ситуаций. Он способствует пропаганде инструмента, создает условия для общения любителей и профессионалов в живой творческой среде. Позволяет увидеть уровень развития цимбального исполнительства, поддержать одаренную молодежь, детей, их педагогов, увидеть проблемы музыкального воспитания, формирования репертуара.

«Фестивали, творческие форумы и, конечно, конкурсы, проводимые для юных цимбалистов на всех стадиях обучения, — важная система в поддержании и продолжении наших национальных музыкальных традиций, в воспитании как исполнителей, так и сведущих слушателей. Меня очень порадовало, что при участии БСМД в Лиде, в стенах музыкальной школы, появился новый республиканский фестиваль-конкурс детского искусства «Лидский венок», в котором участвуют представители множества специальностей и жанров, в разных возрастных категориях. Я уже второй год подряд присутствовал на этом конкурсе в составе жюри. Особенно потрясло участие ансамбля из шести цимбалистов, в котором играют совсем еще маленькие мальчишки, и здорово играют! Думаю, это добрый знак для нашего музыкального завтра».

Светлана БЕРЕСТЕНЬ
Фото автора, а также из архива Евгения ГЛАДКОВА.

С точки зрения рецензента

Будущее, запечатленное в прошлом

Книга Татьяны Ивановны Шамякиной «Парадоксы времени, или Романтика советской науки» вызвала у меня бурю эмоций. Я ровесник автора, и в книге в первую очередь меня затронуло описание мира нашего детства, романтического времени мечтаний о светлом будущем, времени, когда мы запоем читали, в том числе и фантастику. «Туманность Андромеды» И. Ефремова, «Человек-амфибия» и «Звезда КЭЦ» А. Беляева, «Аэлита» А. Толстого, «Возвращение со звезд» С. Лема были и у меня настольными книгами. Это было время, когда фантастика становилась реальностью с непостижимой быстротой. Я читал «Аэлиту» еще при керосиновой лампе, в бревенчатом деревенском доме, где стоял ткацкий станок (кросны), печь, в которой варили еду, где было много самодельной деревянной посуды, а первыми вестниками технического прогресса стали радиоточка и примус. Но по радиоточке я услышал о первом в мире полете человека в космос, она приносила новости о первом атомном ледоколе, об атомной электростанции, строительстве грандиозных ГЭС, новинках техники. А по железной дороге возле дома уже начинали ходить тепловозы, в небе летали реактивные «Миг-15», вскоре появились сначала электричество, а с ним черно-белые телевизоры, позже портативные радиоприемники, магнитофоны. Такой резкий контраст между почти патриархальным бытом моего детства и теми явлениями, которые виделись как вестники будущего, будоражил ум, вызывал желание работать для этого будущего, приближать его и, может быть, хоть краем глаза увидеть его. Естественно, хотелось узнать, как представляют себе грядущее писатели-фантасты. Поэтому фантастикой зачитывались. Помню, как же мне хотелось раздобыть фантастическую повесть А. Колпакова «Гриада», которая в сокращенном виде печаталась из номера в номер на страницах газеты «Пионерская правда». Даже обратился в издательство с наивной просьбой выслать ее. А «Туманность Андромеды» купил и давал читать до тех пор, пока ее следы не затерялись.

Татьяна Ивановна решилась взглянуть на тогдашние произведения советской и зарубежной фантастики

с позиций уже наступившего будущего. Ведь многие предвидения не только в фантастике, но и в так называемых утопиях сбылись и продолжают сбываться. Станислав Лем признавался, что перестал писать фантастику, когда заметил, что некоторые его идеи, казавшиеся исключительно фантастическими, стали проявляться в реальности. В книге «Парадоксы времени» Татьяна Ивановна рассказала о том, что привлекало тогдашних читателей в «Туманности Андромеды» в «эпоху НТР» и что кажется сегодня где-то наивным, а где-то и пугающе знаковым. Взялся перечитывать роман И. Ефремова и с горечью убедился, что тогда не замечал некоторых описанных им реалий будущего, к примеру, его прогнозов относительно распада семьи, преобразования природы планеты до гипертрофированных «преимуществ» расселения жителей планеты у берегов теплых морей, поднятия уровня мирового океана. Тогда все это не казалось таким уж плохим, в первую очередь захватывали описания рукотворной деятельности землян во вселенском масштабе. Космос тогда занимал умы едва ли не больше, чем земные дела. Имена первых космонавтов были у молодежи на слуху, стать ими мне хотелось больше, чем некогда летчиком или машинистом паровоза. В отдельной главе «Зов Космоса» автор рассказывает о том, как восторг от успехов советской космической науки в изучении околоземного пространства, Луны, Венеры и Марса незаметно сменился скепсисом под влиянием сомнений в том, действительно ли американцы высаживались на Луне. А затем она неожиданно, однако вполне логично поворачивает разговор на то, что подготовило всплеск интереса к Космосу, создание своеобразной атмосферы про космизм земных мифов и их отражение в художественной литературе. И далее, тоже вполне логично и обоснованно, автор повествует о до сих пор не разгаданных земных тайнах, также связанных с проявлениями космизма сознания, ставшего реальностью начиная со времени запуска первого искусственного спутника Земли. Вспоминаю свои ощущения после того, как прочитал скромную информацию об этом на странице газеты «Зорька». Казалось, что все пространство вокруг, с родной деревней, близлежащими городками Глубокое и Воропаево, дальше которых не бывал, сузилось, сжалось. Как же так, ведь спутник летает не *над*, как самолеты, а *вокруг*! Хотя и до того я знал, что Земля круглая (ее тогда рисовали как карту, с меридианами и параллелями, и только потом, когда появились снимки, сделанные со спутников, ее стали изображать с облаками), но тут пришло ощущение чего-то необъятного, ранее немыслимого.

В книге говорится и о том, что с началом космической эры по-иному стали смотреть и на многие загадки, которые никак не удавалось объяснить ученым: Тунгусский метеорит, Атлантида, а там дело дошло и до Всемирного потопа, из-за отсутствия доступа к Библии отраженного в умах тогдашнего воспитуемого в атеизме молодого поколения только опосредствованно. Т. Шамякина в рассуждениях о возрожденном интересе к мифам прошлого и настоящего привлекает свои обширные познания в мифологии, неоднократно связывает прежние и нынешние представления о них с научными гипотезами, с произведениями художественной литературы. Она подвергает сомнению и новые, на глазах рождающиеся с помощью зарубежных СМИ якобы факты, а, по ее мнению, типичные мифы (о разрушенных якобы арабскими террористами башнях-близнецах, о якобы посещении Луны американцами, о пророчествах в желтой прессе), не боясь того, что ее неправильно поймут.

Не хочется, чтобы у читателей журнала сложилось мнение, будто книга Т. Шамякиной интересна только тем, кто пожил в советскую эпоху. Да, им есть что вспомнить, есть что сравнить в их прошлом и в том будущем, которое пришло сегодня, четче, конкретнее видится в завтрашнем. А тогда не виделось. Разве можно было представить, что в СССР (а это государство казалось построенным на века) будет разрешено *любому* пользоваться компьютерами, мобильными

телефонами, интернетом с его возможностью беспрепятственнно передавать информацию. Это ж какой простор для шпионажа, для подрывных действий! Я помню, как контролировались первые ксерокопировальные машины: как бы кто не распечатал нечто антисоветское! С каким интересом я узрел в каком-то зарубежном фильме, как один из его персонажей пользуется беспроводной телефонной трубкой. Если бы не распад СССР, многие достижения современной техники до населения не дошли бы, были бы в пользовании только у элиты или являлись жутким дефицитом. Это уже начиналось, когда появились первые видеоплейеры.

Во вступительной аннотации сообщается, что книга адресована представителям молодого поколения. Очень хотелось бы, чтобы оно этой книгой заинтересовалось. Кажется, проходят времена, когда все советское очернялось, то, что было в недалеком прошлом, охаивалось и осмеивалось. Но без прошлого не может быть ни настоящего, ни будущего. Татьяна Ивановна показывает на многочисленных примерах, что современное общество продолжает использовать многое из того, что было создано в советские времена, разрабатывает идеи, зародившиеся в те годы, когда, как теперь некоторые пытаются представить, якобы не было простора для творческой мысли.

Современная так называемая фантастическая литература уже не занимается пророчествами, предвидением, моделированием возможных коллизий будущего. Она стала чисто развлекательной, сблизилась с детективной, приключенческой литературой и в какой то степени с мифологией, фольклором. Это скорее сказки, чем фантастика, а уж от научности там ничего не осталось. Книга Т. Шамякиной возвращает читателя к проблемам, которые продолжают волновать человечество и которые некогда уже были на слуху и в сознании благодаря прогрессу науки и техники, взлету творческой энергии, что нашло отражение и в художественной литературе.

Михаил КЕНЬКО

С точки зрения рецензента

Энциклопедия казахского народа

Передо мной книга казахского писателя Немата Келимбетова «Лісты да сына», вышедшая сравнительно недавно в «Издательском доме «Звязда» в переводе на белорусский язык. Писать о ней мне, с одной стороны, несложно, ибо с ее содержанием я знаком очень хорошо — вместе с Алесем Карлюкевичем переводили мы книгу Келимбетова на белорусский язык.

С другой же...

Немат Келимбетов — для Казахстана знаковая фигура. Писатель, доктор филологических наук, профессор, академик Академии гуманитарных наук Республики Казахстан, лауреат Международной премии ЮНЕСКО имени Франца Кафки... и так жаль, что его уже нет среди живущих...

Но остались его многочисленные научные труды, остались книги... и этому творческому наследию Немата Келимбетова предстоит весьма и весьма долгая жизнь.

В том числе и книге «Лісты да сына», о которой и пойдет речь.

Это необычная книга. Трудно даже вот так сразу определить ее жанр. Что это: роман-эссе, сборник научно-популярных исторических очерков или все же пусть и своеобразное, но художественное произведение? Чем-то напомнила мне эта книга известный роман-эссе «Память» Владимира Алексеевича Чивилихина, который я когда-то прочитал, как говорится, на одном дыхании...

Интересно и необычно само построение книги «Лісты да сына».

«Лісты» — это «письма»... и книга действительно представляет собой письма отца к сыну, уехавшему на учебу очень далеко. Их тридцать два, этих «письма», и читая их, одно за другим, даже не просто читая, а внимательно вчитываясь в них, постепенно ощущаешь удивительную красоту, самобытность и неповторимость казахского этноса, его мудрых обычаев и свято соблюдающихся традиций, непростую многовековую историю зарождения, становления и постепенного развития казахской государственности.

И начинаешь понимать, что возникшая в 1991 году Республика Казахстан как самостоятельное независимое государство, и даже возникшая ранее Казахская ССР, образовались не на пустом месте. И древнее государство саков,

и Тюркский каганат, и племенные объединения кипчаков-половцев — в образовании всех этих великих и грозных для соседей государственных объединений предки нынешних казахов приняли самое активное участие. Как, впрочем, и предки других среднеазиатских народов.

И даже нынешний государственный флаг Республики Казахстан — голубое полотнище с изображением в центре его золотого солнца, под которым, раскинув крылья, вольно парит золотой беркут, — возник не просто как вольная фантазия его создателя, известного дизайнера и художника, заслуженного деятеля искусств Казахстана Шакена Ниязбекова.

Вечному и великому Солнцу издавна поклонялись далекие предки казахов, в то время еще зороастрийцы (кстати, именно из зороастризма перешел в ислам и известный праздник Навруз, к которому в Казахстане готовят суп, состоящий из семи компонентов и называемый Наурыз-коже), и этот древний обычай поклонения небесному светилу нашел свое историческое толкование в книге Немата Келимбетова. Как и голубой цвет государственного флага Республики Казахстан. Это традиционный цвет всех тюркских народов, символизирующий одновременно и цвет неба над казахской степью, и цвет ее немногочисленных рек и озер. Ну, а свободно парящий золотой орел — это любовь к свободе, благородство мыслей и планов всех народов современного Казахстана.

Читая книгу «Лісты да сына», ощущаешь многое...

И гордость автора за свой народ, и в то же время горечь от осознания того факта, что многие древние традиции уже не соблюдаются молодыми казахами, а если и соблюдаются, то чаще всего формально.

Вот пожилая казашка с гордостью сообщает, что дочь ее выходит замуж за англичанина, и все знакомые сразу же начинают горячо (а многие и с завистью) поздравлять будущую тещу английского зятя. Вот молодой казах-бизнесмен, принявший автора в своем доме в самых лучших казахских традициях (и не напоказ, как некоторые, а вполне искренне). На блюдо перед уважаемым гостем положили голову барана, перед трапезой прочитали молитву из Корана. А после трапезы завязалась неспешная беседа... А в самом конце беседы хозяин дома (кстати, весьма симпатичный и главному герою книги, и, безусловно, ее автору) рассказал гостям, что скоро увезет беременную жену в Америку, потому что в Казахстане опасно рожать. Нет никаких условий, нет медицины...

Зато с какими теплом и любовью рассказывается о Шолпан Абылкадыровне Аюповой, враче, ученом, лауреате Государственной премии.

А с двенадцатого письма и начинается, собственно, повествование об историческом прошлом казахского народа. И начинает его автор аж со Всемирного потопа и горы Казыкурт. Ведь именно сюда, если верить казахским легендам, причалил ковчег Ноя, а вовсе не к Арарату...

А далее Немат Келимбетов вступает в полемику с теми учеными-историками, которые не признают за кочевыми народами права на собственную цивилизацию. Дескать, дикими таборами двигались они куда глаза глядят, разрушая и уничтожая все на своем пути.

«Неправда!» — возражает им Келимбетов и приводит весьма убедительные доводы о развитой, хоть и своеобразной, культуре кочевников, об их высокой духовности, об удивительных произведениях искусства, созданных именно в степях и именно кочевыми народами...

Все это так, но кое в чем хотелось бы и возразить уважаемому автору, ибо не со всеми его утверждениями могу я согласиться...

Например, с тем, что индоиранские племена киммерийцев и скифов были далекими предками тюркских народов.

Хотя... Накатываясь одна за другой на скифскую степь, «волны» последующих ее завоевателей — печенеги, торки, половцы, — наверное, все же смешивались с остатками индоевропейского скифского населения. Так что какая-то доля истины в утверждении уважаемого Немата Келимбетова есть,

и скифы тоже были одними из предков тюрков, а значит, и современных казахов. Как и киммерийцы, что жили тут еще до скифов, как и сарматы, пришедшие скифам на смену и в свою очередь овладевшие на некоторое время Великой степью, или, как ее называли древние греки, Великой Скифией...

Трудно мне принять на веру и такое, к примеру, утверждение автора, что гунны и их предводитель Аттила были для Европы в целом, и для Римской империи в частности, не злом, не «бичом божьим», а чуть ли не великим благом, и именно гунны «*фактычна выратавалі Рым*» ад германских племен.

И уж тем более никак не могу я согласиться со следующим утверждением уважаемого мною Немата Келимбетова, что гунны в Европе «*...не зверствавалі, не прыніжалі іншыя народы*».

Вот как описывает действия гуннов во время одного из их европейских захватнических походов церковный писатель того времени Григорий Турский: «*Они предали город огню, убивали народ острием меча, а самих служителей господних умерщвляли перед священными алтарями. Во всем городе не осталось ни одного неповрежденного места, кроме часовни блаженного Стефана*».

Сколько людей, столько и мнений. Для кого-то гунны были великими и прославленными предками, в буквальном смысле этого слова потрясшими всю известную в то время Вселенную, и отблеск этих их деяний и всемирной славы косвенным образом ложится и на сегодняшних их потомков. А для тех народов, по землям которых гунны прошли кровавым всеуничтожающим пожаром, являлись они простыми завоевателями, одними из многих, жестокими и не ведающими жалости.

Впрочем, и действия монголов времен Чингисхана и его внука Батыя тоже вряд ли получат одинаковую оценку в монгольской и, к примеру, в русской исторической литературе. Вот и в книге «Лісты да сына» Немат Келимбетов пишет, что Чингисхан «*...нібыта чорны смерч, наляцеў на квітнеючыя гарады Цэнтральнай Азіі, разбурыў іх дашчэнту, пакінуўшы толькі попел, над якім лёталі зграі варон»,* что он, «*...заліў крывёю квітнеючы кіпчацкі стэп,ператварыў у руіны цудоўныя гарады, спаліў бібліятэкі, знішчыў многія тысячы людзей*».

С этим трудно не согласиться, ибо все так и происходило... но ведь за тысячу лет до этого гунны в Европе совершали подобные деяния...

А кем все же считать таких известных исторических деятелей, как Бабур, основатель империи Великих Моголов, Авиценна, великий врач, философ и поэт, Аль Бируни, ученый-энциклопедист, — казахами или все же узбеками (а в современном Иране Аль-Бируни и вообще считается персом)? Немат Келимбетов называет их всех казахами... впрочем, в то далекое время были в Средней Азии совсем другие государства со своими границами, совершенно не совпадающими с границами государств нынешних.

Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Станислав Манюшко — кем были они, поляками или все же белорусами? А знаменитый русский первопечатник Иван Федоров — не из наших ли белорусских земель он родом? Удивительно легко отрекаемся мы от своих прославленных земляков, просто «отдавая» их соседям... а вот Немат Келимбетов с таким легкомысленным подходом к собственной истории категорически не согласен!

И знаете, о чем я подумал, прочитывая страницу за страницей книги «Лісты да сына»? Я подумал, что, к сожалению, пока что не нашлось у нас, в Беларуси, писателя, который бы отважился взяться за подобный труд. Который таким же образом описал бы нашу собственную историю: от времен нынешних хотя бы вплоть до времени легендарных антов, их предводителя Божа, «веков Трояновых»... И чтобы написано это было так же талантливо и с такой же любовью к своему народу, как это сделал Немат Келимбетов.

Своеобразной энциклопедией казахского народа считаю я книгу «Лісты да сына», и дай Бог каждому народу таковую иметь!

Геннадий АВЛАСЕНКО

С точки зрения рецензента

Цветет душа поэта

В прошлом году в Минске, в издательстве А. Н. Вараксина увидела свет книга стихов «Крылья» могилевчанина Михаила Клапоцкого. Возможно, оттого, что тираж маленький, а может, что автор редко печатался, это событие осталось практически незамеченным. Если не считать презентации в одной из могилевских библиотек, в которой приняло участие лишь около полутора десятка читателей. А книга, на наш взгляд, стоит того, чтобы о ней сказать громче. Коротко об авторе. Михаил Владимирович Клапоцкий родился 9 марта 1960 года в деревне Заозерье Белыничского района. Чудесный край иконы Белыничской Божьей Матери сам по себе — поэзия. Его воспел на своих художественных полотнах всемирно известный мастер пейзажа В. К. Бялыницкий-Бируля, который здесь родился, знал каждый лесок, каждую речушку, каждую криничку. Эта земля дала и известного русского поэта Игоря Шкляревского.

Первое стихотворение в двенадцать строк Михаил Клапоцкий написал в 17 лет. Затем сочинял в армии. «Писал по памяти, без ручки, и сейчас так пишу», — говорит Михаил. В книгу «Крылья» автор собрал произведения, которые создавал всю жизнь. Это как бы его судьба в лирических стихах. Тематика их не очень широка: женщина, любовь, Родина, природа. О городской жизни стихов практически нет. Ибо «Давит душу прогресс. // Суматошное время. // До корней рубит лес // Неразумное племя».

Природу автор «слушает сердцем своим», и тогда рождаются слова:

Окинешь взором луг цветущий.
В ответ все глянет, как родня:
И ручеек, к реке бегущий,
Цветы, березок зеленя.

Немало в книге стихов о женщине, о любви. В них автор особенно искренен и лиричен:

Я люблю тебя, знай. Знай то,
Что ты — сны мои и грезы,
Что нежней ты нежной розы,
Или — ты, или — никто.

Стихотворение «Крылья» дало название книге. В нем автор утверждает, что человек как существо выше всех на земле, «но без Родины он — как бескрылая птица».

К числу лучших стихотворений сборника можно отнести: «Сон-трава», «За деревней поле...», «Речки синь и солнце...», «И ночь пришла, и душу в плен взяла...», «Окинешь взором луг цветущий...», «Я разлюбить тебя не смог...», «Ветер гладит осину...», «Зори падают в пруд...», «Лето в самом разгаре...» и другие.

И ночь пришла, и душу в плен взяла,
Обняв воздушно-женскими руками,
Глазами звезд свет в душу пролила,
Душа ответила бессонными стихами.

Такие стихи читаются легко, с упоением. А почему? Потому, прежде всего, что они образны. Автор, используя художественные средства, словами рисует картину за картиной. «Бьется грива, словно пламя», «Твоих нив дышу ветрами», «Прозрела синью даль», «Ромашек вьюга»... Строки, подобные этим, читатель найдет во многих стихотворениях Михаила Клапоцкого. Это потому, что он стремится, «чтоб цвела душа поэта в буквах писанной строки». Всегда ли удается? Об этом скажет читатель.

Виктор АРТЕМЬЕВ

Тень Пушкина его усыновила

Среди коллекционеров разного толка есть феноменальные личности, чьи собрания становятся легендой и являются недостижимой мечтой для последующих поколений собирателей. Среди тех, кто собирает Пушкиниану, фигура Отто-Онегина Александра Федоровича — легендарная, почти мифическая. О себе он знал точно только день рождения — 10/22 декабря 1845 года. Все остальное — легенды: нет никаких сведений о родителях, известно одно: он был найден в Александровском саду, что около Петропавловской крепости. Ему нашли приемную мать, именно она дала ребенку свою фамилию Отто, и с этой фамилией он вошел в жизнь, а впоследствии и в историю. В девять лет его отдали в 3-ю привилегированную Санкт-Петербургскую гимназию. Здесь, в гимназии, он узнал, что незаконнорожденный, без роду-племени. Придирки и издевательства одноклассников сделали его озлобленным и вспыльчивым. В двенадцать лет он подружился с одноклассником Павлом Жуковским, сыном Василия Андреевича Жуковского известного поэта и воспитателя наследника престола. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Александру не удалось окончить гимназию, так как после смерти госпожи Отто он ушел из гимназии и стал жить мелкими литературными приработками. Помогал ему только Павел Жуковский, который к этому времени тоже осиротел. Он помог Александру выехать в Лондон, однако из-за незнания языка и отсутствия приработка эта попытка оказалась неудачной. Вскоре богатой вдове З. А. Власовой в Петербурге потребовался гувернер для ее малолетнего сына, и Павел помог Александру получить рекомендацию у И. С. Тургенева для этой работы. Александр был принят в дом З. А. Власовой и на протяжении пяти лет работал гувернером. В эти годы он познакомился с А. В. Плетневой — вдовой П. А. Плетнева, бывшего ректора Петербургского университета, друга А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Встречи и беседы с ней, рассказы о А. С. Пушкине и его эпохе заинтересовали Александра, и он решил собирать документы, связанные с жизнью и творчеством великого поэта. В конце 1877 года закончилось репетиторство, и Александр Отто уезжает в Париж. Во Франции всегда была большая диаспора состоятельных россиян, нередко они проводили там большую часть своей жизни. Свободное владение французским языком позволило Александру завязать нужные знакомства, войти в общество и приступить к осуществлению своей мечты: находить и приобретать книги, рукописи, произведения искусства, связанные с именем А. С. Пушкина. Здесь следует заметить, что он собирал и то, что, как говорится, попутно попадалось, но имело большую мемориальную ценность. Так, он приобрел по случаю рукописи Байрона, Гете, Золя, рукописи Мериме, включая его переводы пушкинских текстов, в том числе рукопись перевода «Пиковой дамы» А. С. Пушкина на французский язык.

Во Франции, учитывая наличие большой русской диаспоры, «ходило» достаточно много русских рукописных материалов. Их привозили с собой, присылали с почтой. Нельзя не отметить, что эти, зачастую весьма интересные автографы оказывались во Франции

как подарки французским знаменитостям от их российских поклонников или друзей. В руки Онегину — так он стал себя именовать — например, попала рукопись пушкинского «Скупого рыцаря», которую актер М. С. Щепкин, восхищенный игрой актрисы Рашель, подарил ей в знак признания. Друг Пушкина С. А. Соболевский, выполняя просьбу французского литератора Проспера Мериме о присылке автографов русских литераторов, выслал ему полный беловой текст пушкинского «Гусара», который впоследствии был передан в собрание коллекционера автографов Рекиена. Об объеме этого собрания автографов можно судить по тому, что «Гусар» числился в нем под № 7916-17. В собрании Онегина был автограф «Гусара», но не полный, а отрывок, который начинался со слов: «Вот кочерга…», а далее по тексту. Кстати, «Гусар» так и печатался по автографу из собрания Онегина в пушкинских сборниках, до тех пор, пока известный французский исследователь-славист Анри Монго не нашел полный текст «Гусара» в архиве библиотеки и музея «Кальвэ» в Авиньоне в 1930-е годы. И тогда «Гусар» был опубликован впервые в полном объеме, в частности, во «Временнике Общества Друзей Русской Книги в Париже», выпуск 4 за 1938 год с иллюстрациями А. Бенуа.

В 1883 году в Баден-Бадене П. Жуковский передал другу бесценный подарок — пакет с рукописями А. С. Пушкина, которые пятнадцать лет хранились в библиотеке его отца. Они стали основой и гордостью коллекции. Спустя два года, в 1885 году, были переданы материалы, которые касались дуэли и смерти А. С. Пушкина, в том числе личные материалы В. А. Жуковского, его собственноручные заметки, материалы опеки, документы жандармов, производивших обыск на квартире поэта на Мойке, 12 и т. д. Позже П. Жуковский, желая распродать библиотеку отца, предлагает другу отобрать и забрать в коллекцию 600 книг по его выбору, что и было сделано. Это позволило значительно пополнить библиотеку собрания. Кроме книг было передано:

- переписка В. А. Жуковского — свыше 2000 писем;
- рукописные материалы И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и других не менее знаменитых литераторов;
- картины и графические листы из собрания отца, включая работы К. П. и А. П. Брюлловых, фон Рейтерна, братьев Чернецовых («Пушкин в Бахчисарайском дворце»), акварели М. Ю. Лермонтова, Т. Г. Шевченко и т. д.

Онегин пополнил собрание подарками от друзей и знакомых Пушкина:

- от наследников А. О. Смирновой (Россет) поступили автографы Гоголя плюс личные вещи Гоголя — его бювар;
- подарки поступили от дочери поэтессы Е. П. Ростопчиной, О. А. Новиковой (урожденной Алябьевой);
- И. С. Тургенев передал в дар около 40 фотографий и ряд рукописных документов.

Онегин и сам вел активные поиски материалов для своего собрания, его хорошо знали букинисты Парижа (они не выставляли на продажу русские книги, пока их не просматривал Онегин), аукционные дома Франции, России и Германии знали его запросы и дезидераты.

В 1890 году произошло знаменательное событие: по указу императора Александра III Александр Федорович Отто получил право носить фамилию Онегин и тем самым узаконил свою фамилию. В этом ему явно помог П. Жуковский, который с восьми лет был знаком с будущим императором (они были ровесники), воспитателем отца которого был В. А. Жуковский. Интересный факт, что друг другу их представил Николай I — дедушка будущего императора Александра III, когда им было по восемь лет.

Следует заметить, что, желая знать все подробности трагической дуэли Пушкина, Онегин решился на встречу с его убийцей Дантесом. В 50-ю годовщину смерти поэта в 1887 году ему удалось договориться с родными Дантеса о встрече с ним, и она состоялась. Из всех вопросов Онегина интересовал ответ на один: «Как Дантес мог решиться на эту дуэль, заведомо

зная известность Пушкина как литератора?» — «Мы дрались на пистолетах, и он мог убить меня», — ответил Дантес. «Но Пушкин национальная гордость России. Как могла у вас подняться рука на него?» — возразил Онегин. «Ведь и я пэр Франции, сенатор», — ответил тот. Онегин тут же откланялся и ушел. Об этой встрече он рассказал на вечере, устроенном русской эмиграцией в 1912 году в Париже по поводу 75-й годовщины со дня смерти Пушкина. Он больше никогда не виделся с Дантесом, но переписывался и встречался с его сыном. По крайней мере, в архиве собирателя сохранились три письма сына Дантеса, в одном из которых тот просил прислать фотографию какой-нибудь рукописи, подписанной Пушкиным, и договаривался о встрече с Онегиным.

Количество материалов и экспонатов увеличивалось, и в 1882 году Онегин снял трехкомнатную квартиру на первом этаже дома 25 по улице Мариньян в центре Парижа, недалеко от Елисейских Полей. В этой квартире Онегин и прожил всю оставшуюся жизнь, наполняя ее новыми находками. В квартире все было подчинено культу Пушкина: на столике под колпаком лежала посмертная маска поэта, на стене висел барельеф поэта работы скульптора С. Д. Меркурова, перед ним постоянно горела электрическая лампочка, как символ свечи.

Шкафы для книг и рукописей были изготовлены по спецзаказу, большинство книг были в марокеновых переплетах работы лучших парижских мастеров, стоимость их услуг доходила до 500 франков за переплет — очень большую по тем временам сумму. На стенах висели тщательно оформленные картины и графические работы. «Музейчик», как называл свое собрание Онегин, имел разделы серьезного музея: рукописный — здесь гордостью были рукописи Пушкина (около 70) и писателей его круга, автографы известных литераторов, как России так и зарубежья, в первую очередь Франции (А. Франс, Э. Золя, П. Мериме и т. д.), Германии (Гете, Гейне и др.), Англии (лорд Байрон) и так далее.

Библиотека: около 3500 книг, большинство из которых в марокеновых переплетах, все в безупречном состоянии, многие с автографами или маргиналиями авторов, включая таких, как Пушкин, Мицкевич, Жуковский, Тургенев и др.

Музейная часть: картины, гравюры, рисунки, скульптуры и т. д. Среди раритетов рисунки В. А. Жуковского и Ф. А. Бруни, изображающие Пушкина в гробу, подлинный рисунок Гете, картины выдающихся живописцев, работы граверов и т. д. Необходимо отметить наличие нескольких интересных скульптур на пушкинскую тематику. Кроме того в этом разделе была масса так называемых «сопутствующих» вещей, связанных с Пушкиным или героями его произведений. Знаменитый красноярский библиофил — купец Юдин, например, прислал ящик так называемых бонбоньерок-«абрикосовок» то есть конфетных фантиков и оберток шоколада с рисунками на пушкинские сюжеты, которые выпускала фабрика купца Абрикосова в Москве, в экспозиции были выставлены: мыло «Красавицы пушкинских времен», ученические тетрадки и папиросные коробки с портретами Пушкина, всякого рода безделушки. Там, в частности, были даже детские игрушки: пароход «Александр Пушкин», игра «Герои Пушкина». Именно этому разделу посвятил эпиграмму Н. М. Минский:

К чему прикосновенен Пушкин,
Все в кучу ты валишь, как Плюшкин:
Калошу, шляпу, пряжку, трость.
Прими же в дар и этот гвоздь.

Имелось 14 альбомов, в которые были вклеены вырезки из газет и журналов с материалами, посвященными Пушкину или его творениям. Все это с большой гордостью демонстрировалось посетителям. Поэт Валерий Брюсов, навестивший «музейчик» в 1903 году, грустно вспоминал: «Он (Онегин) показывал нам папиросы, коробки, спички etc., относящиеся к Пушкину очень подробно, а бумаги очень бегло». В то время как навестившему Онегина в 1911 году литературоведу А. Б. Дерману были показаны рукописи, книги,

а в беседе за чаем многое было рассказано из жизни собирателя «Пушкинианы». Следует заметить, что в гости А. Б. Дерман явился не с пустыми руками. По совету друга гость принес владельцу «музейчика» рекомендательное письмо, газетные вырезки о поэте и папиросную коробку с портретом А. С. Пушкина, что расположило Онегина к гостю, жаль только, что написал посетитель об этом не сразу, а только спустя 30 лет.

Как уже отмечалось, характер Онегина был тяжелый, зачастую он бывал озлоблен на окружающих, неуживчив, а с возрастом стал мнителен и весьма обидчив. Встречаться с ним, тем более беседовать, необходимо было крайне осторожно. Известный историк-архивист Б. Л. Модзалевский, командированный Российской академией наук в мае 1908 года в Париж, чтобы произвести опись и научное обследование собрания Онегина, в письме к своему коллеге В. А. Рышковскому так описывал свои впечатления от посещений Онегина: «Дело с Онегиным… идет благополучно вперед. Работаю ежедневно с 9 утра до 7 вечера с перерывом в 2 часа на завтрак». Я уже писал, что мои симпатии на его стороне… Обращаться с ним приходится очень, очень осторожно, т. к. он человек крайне самолюбивый и озлобленный. Можешь себе представить, во что обходится моим нервам ежедневное совместное, в течение 10 часов нахождение! Пока мы с ним в самых лучших отношениях, но я не застрахован ни на одну минуту». И надо сказать, что это не единственное откровение о неуживчивости Онегина. Он был известен в своем районе, например, тем, что круглый год в любую погоду ходил без пальто, никогда не содержал прислуги, обходился минимальными затратами, жил практически впроголодь. Все свои средства он тратил только на пополнение коллекции. Следует отметить, что никто не знал, откуда у Онегина были средства на все эти покупки, не считая денежных переводов от Павла Жуковского. Однако в 1902 году Павел женится и уже не может уделять столько внимания другу, да и Онегин начинает задумываться о судьбе своего собрания. По его просьбе академик А. Н. Веселовский дважды, в 1902 и 1903 годах, докладывал Президенту Императорской академии наук Великому князю Константину Константиновичу (1858 — 1915) (среди литераторов был известен как поэт под псевдонимом К. Р.) о желании Онегина передать свое собрание в Россию. Но или А. Н. Веселовский был неубедителен, или руководство Академии не было заинтересовано в собрании Онегина, но никаких решений не принималось, и это очень раздражало собирателя. Смерть Веселовского в 1906 году прервала связь Онегина с руководством Академии, поэтому, видя безуспешность попыток друга, в дело вмешался Павел Жуковский. Имея придворное звание шталмейстера (пожаловано в мае 1893 года) и право свободно посещать Зимний дворец в силу своего хорошего знакомства с царской семьей, он в 1907 году подал памятную записку императору Николаю II, в которой рассказал о значении собрания Онегина для России. Результатом стало поручение Николая II министру финансов В. Н. Коковцеву, между прочим, царскосельскому лицеисту XXXII выпуска, который летом 1907 отправлялся на лечение во Францию, осмотреть собрание Онегина и внести предложения. Встреча в Париже состоялась, и собрание «Пушкинианы» настолько поразило Коковцева, что по возвращении он представил доклад на высочайшее имя. Во время аудиенции у Николая II от себя лично добавил, что если Россия откажется от собрания Онегина, то коллекция попадет иностранному государству, что явится неоценимой потерей для российской культуры и истории. Следует заметить, что в это время, точнее, 14 июля 1907 года, при Императорской академии был учрежден Пушкинский Дом, существующий и поныне, куда была передана специально приобретенная у сына поэта личная библиотека А. С. Пушкина. После посещения музея Коковцевым и оценки собрания, которая была доведена до сведения Николая II и президента Академии В. К. Константина Констан-

тиновича, было принято решение дать научную оценку собрания и составить мнение о целесообразности его приобретения, имея в виду в дальнейшем его передачу в Пушкинский Дом. Вначале планировали направить Б. Л. Модзалевского и В. А. Рышковского, но из-за нехватки средств в мае 1908 года в Париж уехал только Б. Л. Модзалевский, который по возвращении представил подробный доклад-отчет и описание рукописной части собрания. Оно было издано в 1909 году отдельным изданием. Возвращаясь в Санкт-Петербург, Б. Л. Модзалевский заехал в Веймар к П. В. Жуковскому и попросил его написать письмо В. Н. Коковцеву о том, что опись собрания Онегина закончена и все препятствия устранены. Уже 18 июня 1908 года на докладе Непременного Секретаря Академии академика С. Ф. Ольденбурга появилась резолюция президента Академии: «Можно от души порадоваться, что благодаря отчету г. Модзалевского собрание А. Ф. Онегина уже не оставляет сомнений в неоценимости приобретения его для России вообще и для Пушкинского Дома в частности. Уверен, что В. Н. Коковцев примет все меры к тому, чтобы собрание Онегина возможно скорее было застраховано от всяких случайностей, как будущее достояние отечества». На основании этих решений был подготовлен договор между Императорской академией России и А. Ф. Онегиным, в соответствии с которым все собрание А. Ф. Онегина переходило в собственность Академии, а А. Ф. Онегин был назначен пожизненным хранителем. При этом было оговорено, что Академия оставляет за собой право распоряжаться рукописями по своему усмотрению. 30 апреля 1909 года в Париже обеими сторонами договор был подписан. Были решены финансовые вопросы: Онегину выплачивалось единовременно 10 000 золотых рублей и устанавливалась пенсия — 6000 золотых рублей в год при условии, что часть этих средств будет идти на пополнение коллекции.

Пристроив коллекцию, Онегин с азартом стал ее вновь пополнять, но в 1912 году умирает его единственный друг Павел Жуковский, и Онегин остается один со своим собранием. В августе 1914 года начинается Первая мировая война, затем происходит Октябрьская революция, связи с Россией рвутся, но решение передать свою коллекцию Отечеству не меняется. В 1920 году составляется завещание, согласно которому все состояние Онегина — коллекции и его собственные денежные средства — передаются Пушкинскому Дому Российской академии наук. Онегин встречается с руководством Посольства РСФСР во Франции, в гостях у него побывал Л. Б. Красин — нарком внешней торговли советской России, и все они, понимая ценность собрания, добиваются решения Правительства о заключении нового договора на передачу собрания. Надо отметить, что, опасаясь утраты собрания Онегина, в 1922 году в Петербурге издательство «Атеней» выпустило книгу «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук». В сентябре 1922 года в Париж приезжает М. Л. Гофман — хранитель рукописного отдела Пушкинского Дома, с задачей составить опись собрания и договориться о заключении нового договора его передачи. Переговоры продолжались около трех месяцев, и в конце 1922 года стороны подписали договор и зарегистрировали в установленном порядке у нотариуса. В соответствии с договором Онегину немедленно выплатили 100 000 франков в качестве компенсации за неполученную пенсию, при этом собрание Онегина становилось собственностью советской страны, сам Онегин назначался пожизненным хранителем. Он стал составлять самые подробные инструкции по перевозке коллекции в Петроград в случае его смерти, от упаковки до размещения во время перевозки. Он успел составить все необходимые указания, но годы и болезни брали свое, и 23 марта 1925 Александр Федорович Онегин, «жрец Пушкинского культа», как было написано в некрологе, окончил свой жизненный путь. В некрологах отмечались его заслуги перед русской литературой и культурой, перед Францией,

его служение памяти великого Поэта России Александра Сергеевича Пушкина. Здесь необходимо заметить, что А. Ф. Онегин в 1909 году был удостоен высшей французской награды — офицерского креста ордена Почетного легиона. В 1918 году он оформил завещание, которое было вскрыто после его смерти. Согласно завещанию, покойный просил похоронить его «по шестому разряду», не устраивать церковных церемоний, тело предать кремации, а пепел не сохранять. Воля Александра Федоровича Отто-Онегина была исполнена в точности: тело было предано сожжению в крематории кладбища Пер-Лашез. Согласно завещанию душеприказчики, а ими были названы В. А. Маслаков — бывший посол во Франции, и В. Н. Коковцев, бывший министр финансов Российской империи, так много сделавший для того, чтобы собрание поступило в Российскую академию наук, передали представителям посольства Советского Союза во Франции: Волину, Ждан-Пушкину и Соколову капитал в сумме около 600 000 франков и коллекции, включая личные драгоценности и памятные предметы быта.

После кончины владельца собрания встал вопрос о вывозе собрания и документов на наследство. Процедура затянулась на два года. В итоге, после уплаты пошлины за денежную часть в размере 55 % от 600 000 франков, 26 октября 1927 года коллекция перешла в собственность Пушкинского Дома Академии наук Советского Союза, и началась подготовка к ее вывозу. С учетом важности, наиболее ценные вещи: посмертная маска в специальном футляре и рукописи в восьми чемоданах были вывезены дипломатической почтой дипкурьерами Советского посольства во Франции, оставшаяся часть общим весом 9 тонн была отправлена в 50 контейнерах морем и в марте 1928 года прибыла в Ленинград.

В январе 1930 года Пушкинский Дом в специально подготовленном зале открыл выставку поступивших материалов собрания Онегина. Вместе эти материалы демонстрировались снова только в 1995—1997 годах на выставке: «Тень Пушкина меня усыновила» в Пушкинском Доме на выставке, посвященной двум датам: 150-летию со дня рождения А. Ф. Онегина и 90-летию Пушкинского Дома.

Post scriptum. При всей своей видимой мрачности и недружелюбии А. Ф. Отто-Онегин был весьма приветлив, если видел в посетителе родственную душу, знание Пушкинианы. Не жалея, он мог подарить гостю редкое издание из своих дуплетов. У известного ленинградского библиофила Моисея Семеновича Лесмана я видел 2-е издание поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» 1828 года в переплете с золотым тиснением, на переплете монограмма А. Ф. Отто-Онегина. На форзаце надпись: «Н. О. Лернеру — дуплет из моей Пушкинианы — к сожалению, без обложки и портрета. А. Онегин. Paris. 1905. Запись Н. Лернера: «Получ[ено] 23 марта 1905 г. СПБ».

Среди книг, полученных Онегиным из библиотеки В. А. Жуковского, оказался томик поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод», изданной в Париже в 1830 году. В 1908 году Онегин подарил эту книгу Музею Адама Мицкевича в Вильно, сопроводив записью: «В музей Мицкевича от А. Онегина. Paris 18/08. № на обложке ex libris поэта В. Жуковского». Во время Первой мировой войны собрание музея А. Мицкевича было вывезено из Вильно, книга оказалась в фондах Государственной исторической библиотеки в Москве, а в 1958 году была передана в создаваемый Государственный музей А. С. Пушкина, и ее можно было увидеть в постоянной экспозиции.

Так, латинское выражение «Habent sua fata libeli», т. е. «Книги имеют свою судьбу», и маргиналии владельца напомнили и о судьбе А. Ф. Отто-Онегина — человека, влюбленного в Пушкина и во все, что его окружало, на примере судьбы двух книг, одной, так и не вернувшейся в стены родного музея, и другой, нашедшей место в собрании коллекционера, понимавшего значение Пушкина для русской культуры.

Олег СУДЛЕНКОВ

Петровна

Белорусы ничего не просят у Бога,
они всего дождутся.
С. Гудилин

— Уж я так переживаю, что взяла у тебя этот половичок. Может, я назад принесу. А?

Я поднимаю глаза. Ну конечно, это Людмила Петровна — моя соседка.

За последние два часа она приходит ко мне с этой фразой в шестой раз. И я в шестой раз уверяю ее, что кусок старого ковра, который я ей отдала, мне совершенно не нужен. И если бы она его не забрала, я бы его просто выбросила. Но по многолетнему опыту общения с ней знаю, что через двадцать минут она придет ко мне и в седьмой раз, и в восьмой с этим же вопросом. И мне надо решить, как поступить, чтобы прервать ее посещения на сегодня. Посмеяться над ее назойливостью? Или демонстративно разгневаться и прогнать ее?

Она не обидится на меня. Она никогда ни на кого не обижается. За всю жизнь так и не научилась... Она вообще многого не умеет. И больше всего — отдыхать, беречь себя.

Моя соседка на пенсии уже лет десять, и ей не надо подниматься на работу, но каждый вечер она ставит будильник на пять часов утра. Даже в выходные и праздники. Встает по звонку и сразу ищет себе занятие: зимой — в доме, весной, летом — во дворе, на огороде. Дом у нее старый, огород — огромный. Работы с лихвой хватает всегда. Так она и проводит весь день в заботах и хлопотах, пока к ночи не упадет от усталости.

Я лет пятнадцать живу рядом с ней. С тех пор, как наша семья купила старенькую хатку как раз напротив ее дома. Остальные дома на нашей улице заброшены, и я общаюсь только с Петровной. Люди мы очень разные: я всю жизнь прожила в городе, интеллигентка мягкотелая, к тяжелому деревенскому труду неприученная. И рассматриваю поездки в деревню, в первую очередь, как отдых. Людмила Петровна, местная, из крестьянской семьи, без работы на земле своей жизни не представляет. Как и десятки поколений ее предков. Тяжелая крестьянская работа — для нее не столько потребность, сколько удовольствие.

Больше сорока лет назад она окончила местную школу и уехала в Минск в поисках лучшей жизни. Устроилась простой рабочей на флагман белорусской промышленности. Так и простояла за конвейером до пенсии.

Она одинока. Как-то рассказала мне, что был у нее в молодости кавалер, долго ухаживал за ней, но так и не смог перебороть ее робость и стеснительность.

Еще в советское время она получила от завода однокомнатную квартирку, но на пенсии большую часть года она проводит здесь, в родительском доме, который очень стар и требует непрерывных забот.

То крыша в доме протекает, и она лезет, пристраивает кусок шифера на дырку. То на веранде вывалилось стекло от ветра, и она полдня стучит молотком. А вот, вижу, тащит старые чугуны, сгибаясь до земли под их тяжестью, — взялась порядок наводить в погребе.

Дом, построенный еще до войны для большой семьи, отнимает все ее силы. Гниют оконные рамы. Разваливается и дымит печь. Осыпается крыльцо. Людмила Петровна суетится, чинит то одно, то другое, растрачивает все силы на эти бесконечные заботы. Но даже мысли не допускает отказаться от них. Она твердо убеждена, что обязана досматривать родительский дом до своей смерти. Хотя и понимает, что оставить его некому.

Не меньше сил отнимает у нее огород. Она копает, полет, поливает — возится на грядках с утра до вечера — до изнеможения.

Огород слишком велик для нее одной. Урожай всегда неплохой, но ей не нужно столько этих тыкв, кабачков, моркови, свеклы. Но уменьшать «посевные площади», чтобы не тратить лишние силы, она не хочет. Я сначала не понимала: почему? Это облегчило бы ее жизнь. Ведь столько бессмысленного труда! А могла поберечь себя, отдыхать больше. Но узнав ее лучше, я поняла: станет меньше работы, чем она займет себя, как заполнит освободившееся время?

Смысл, содержание и цель ее жизни — работа, пусть сколь угодно тяжелая. Никакой ее не пугает труд.

Вот вижу, как она, согнувшись до земли, тащит тяжелый мешок с мусором подальше — в карьер, там местная свалка. А вот, не разгибаясь, полдня подбирает яблоки с дороги. Год урожайный, яблок не счесть, и это настоящее бедствие: они опадают и гниют, привлекая множество пчел. И Людмила Петровна не ленится целыми днями собирать их. А вот с утра слышен стук топора: Людмила Петровна взялась вырубать кустарник вдоль забора.

Из ее родственников жив только старший брат, пенсионер лет восьмидесяти. Он иногда наезжает к Людмиле Петровне: проконтролировать, как она смотрит за родительским домом. Каждого его приезда она ждет с тревогой — боится, что не угодит. И старик всегда и всем недоволен, придирается по мелочам и матерно ругает ее за любую оплошность. Сил помогать сестре у него нет, и свое старческое бессилие он компенсирует бранью.

После этих «проверок» моя соседка начинает еще усерднее обихаживать дом и огород.

А я невольно наблюдаю за ее ежедневными трудовыми подвигами.

Вот сегодня она полдня ползает на четвереньках вдоль забора — срезает разросшуюся траву древним (настоящий музейный экспонат!) тупым серпом. С утра она забежала ко мне предупредить, что по деревне ходила бригадирша и приказывала всем навести порядок перед домами: в деревне ждут районное начальство с проверкой.

Наша улочка тупиковая, дорога на ней совершенно разбита, и очевидно, что никакой чиновник сюда не потащится. Но Людмила Петровна с торопливой готовностью исполнит каждое указание любого начальника.

Вот и сейчас спешит, старается. Работает она всегда в одном и том же старом свитере... На солнце уже, пожалуй, градусов под тридцать, по ее лицу ручьями льется пот, но она не прячется в тень и не идет переодеваться. На мой недоуменный вопрос: почему? — отвечает: в свитере, мол, комары, не кусают. Не жарко ли ей? Жарко, конечно, очень. Но жару-то она потерпит — ей не привыкать.

Да, потерпеть, перетерпеть, приспособиться, безропотно покориться любым обстоятельства — вот что она умеет лучше всего в жизни.

Я не могу больше видеть ее мучения, поднимаюсь с шезлонга, предусмотрительно расположенного в прохладном местечке, иду к ней:

— Людмила Петровна, вы же так сейчас тепловой удар получите. Да бросьте вы эту траву, я вам вечером ее триммером за пять минут уберу. Пусть жара спадет хоть немного, мне не хочется на таком солнцепеке возиться.

— Ничога, ничога. Мне не тяжка, — отвечает она мне как всегда, поднимая свое красное и мокрое от пота лицо.

Махнув рукой, я снова прячусь в тенек.

У нее есть коса. Отличная, с широким полотном, легкая, острая. Косить ей одно удовольствие. Но Людмила Петровна очень ее бережет и почти никогда не пользуется. Мне объяснила: не дай бог, испортится, жалко — коса хорошая. А вот свои руки, спину, сердце ей не жалко. Вот и ползает на четвереньках на солнцепеке.

От моей помощи она отказывается не только из-за стеснительности: уж очень она не любит людей беспокоить. Но и из расчета. Если я помогу, значит, полагается меня чем-то отблагодарить — а это расходы. Жизненный опыт научил ее, что без выгоды для себя никто ничего делать не станет.

Поэтому она старается обходиться без чужой помощи. Да она ей, пожа-

луй, и не нужна: мне кажется, что нет такой работы, с которой не справилась бы эта семидесятилетняя женщина.

Трудовые подвиги ее порой беспримерны. Рядом с ее домом росла огромная старая груша-дичка. Людмила Петровна постоянно беспокоилась, говорила мне: не дай бог, буря или гроза сильная, сломает дерево, оно упадет на крышу. Я, честно говоря, не могла представить стихию такой силы, которая справилась бы с толстым стволом, покрытым бугристой корой, как броней.

Но однажды после долгого отсутствия я приехала на дачу и с изумлением увидела, что от этой груши остался только пень. Петровна не без гордости рассказала мне, что это она в одиночку спилила «опасное» дерево.

— Тяжко было, — призналась она.— Ох, долго возилась. Попилю, попилю, пока руки не начнут отниматься, тогда посижу — отдохну! И снова… С одного бока попилю, с другого… Вот и справилась сама.... — с гордостью сказала она.

В углу двора валялся неподъемный кругляк.

Я была потрясена: неужели нет трудностей, которые испугали бы эту несгибаемую старую женщину?

Изумляет и ее выносливость. Несмотря на преклонный возраст, за весь день она отдыхает лишь часполтора: днем посидит у телевизора, посмотрит очередную серию любимого сериала. Да еще полчасика вечерком на лавочке у дома, пытаясь обсудить со мной очередную порцию «страстей человеческих», но собеседница из меня никакая: я не смотрю эти «продукты кинематографии».

Тогда она поделится со мной своими переживаниями: на капусту гусеницы напали, крот морковку попортил, а как тяжело полоть одуванчики, корни у них — длинные, цепкие.

Посидит немного со мной и снова спешит на грядки. И возится там до самой темноты. А порой ее фигура, словно призрак, мелькает на огороде и при свете звезд.

А ведь она могла бы избавиться от всех хлопот и жить в городской квартире со всеми удобствами, где не надо носить воду, рубить дрова, топить печи и чинить крышу.

Но она променяла бесхлопотное городское житье на тяжкий деревенский труд. Да еще и усложняет себе жизнь.

Как-то мы отдали ей свой телевизор. Ее старый сломался, и она была этим очень расстроена: как же без любимых сериалов. И мы отдали свой — все равно не смотрим, пользуемся Интернетом.

Это, в сущности, незначительное событие кардинально изменило ее жизнь: раньше на зиму она возвращалась в город, чтобы не тратиться на дрова. А теперь решила зимовать в деревне, чтобы протапливать дом, иначе в холодном доме новый телевизор испортится.

Первая же зимовка плохо сказалась на ней: она сильно похудела, осунулась, стала выглядеть совсем старухой. В доме всю зиму было сыро: она экономила на дровах. Неделями не мылась, спала в одежде.

Я попыталась объяснить, что нужно заботиться не о телевизоре, а о своем здоровье. Она как всегда не возражала, не спорила, отводила глаза и повторяла свое обычное: «Ничога, мне не тяжка».

Злополучный телевизор, к моей радости, через пару лет сломался! Я обрадовалась, подумав, что теперь Людмила Петровна будет снова на зиму уезжать в город.

Но за лето она прикормила двух кошек. (В нашей деревушке постоянно умирают одинокие старики, пустеют дома, и по деревне бродят одичавшие животные.) И теперь она решила зимовать, чтобы позаботиться об этих хвостатых нахлебниках.

Эта забота ей вроде бы и не в радость: она постоянно жалуется мне на кошачье обжорство, подробно перечисляет съеденное зверюшками, вздыхая, подсчитывает расходы. Но бросить животных или избавиться от них ей и в голову не приходит.

Возможно, заботой об этих обреченных существах она спасается от одиночества. И дает им то, что сама

недополучила в жизни — заботу и внимание.

Но известно, куда выстлана дорога «благими намерениями».

Кошки стали регулярно приносить котят. И Людмиле Петровне приходится избавляться от новых нахлебников. Когда котята родились в первый раз, она попросила меня помочь ей утопить новорожденных. Но я, дама городская, впечатлительная, категорически отказалась помогать ей в таком ужасном деле. И даже обиделась на нее: как она могла подумать, что я способна на подобную жестокость?

Людмила Петровна грустно вздохнула и покорно пошла искать другого помощника. Местный пьяница за бутылку без сантиментов избавил ее от несчастных котят.

Она очень переживала случившееся: я слышала, как она со слезами в голосе просила прощения у кошки, мечущейся в поисках детей, объясняла ей, что не сможет прокормить ее малышей.

Мне было жалко всех: и несчастных котят, и бедную их мать, и Людмилу Петровну, и себя, невольную свидетельницу этой маленькой трагедии.

Котята, естественно, родились снова.

На этот раз она не стала искать помощников, чтобы больше не тратиться на «благодарность», и сама избавилась от малышей, утопив их в ведре.

Так теперь и решает эту проблему: складывает новорожденных в мешочек, чтобы не видеть их, и, заливаясь слезами, кидает в ведро, полное воды. Закопает где-то и снова плачет, просит прощения у кошки.

И несет груз этих переживаний так же покорно, как и тяжесть сельского труда.

Ее огромный огород в идеальном состоянии. Каждый комочек земли она не один раз перебрала своими огрубевшими руками со стертыми ногтями. И благодарная земля приносит обильный урожай, который по осени она раздает родственникам, соседям, несет продавцу автолавки, почтальону. Любому готова отдать, чтобы добро не пропадало, — самой-то все это не съесть.

Я много раз предлагала ей уменьшить огород, чтобы поберечь свои силы. Она охотно соглашается с моими доводами, жалуется на больную спину, ломоту в руках. Но каждую весну снова перекапывает всю землю и оправдывается передо мной, словно виновата в чем-то: «Я ж так добра землю разработала, столько сил ушло. Ни камешка, ни травинки, но как же ее запустить — жалко».

И снова я целыми днями вижу ее согнутую фигуру на грядках под палящими лучами солнца. Слышу, как она разговаривает с картошкой, капустной и огуречной рассадой, жалеет их, ругает, уговаривает расти, не болеть.

Раз в месяц Людмила Петровна ездит в город: получить пенсию, оплатить коммунальные услуги, помыться. Но больше чем на день она не задерживается! Спешит назад, в деревню. Как там без нее: кошки не накормлены, капуста не полита, морковка не прорежена, жуки картошку попортят.

Добирается она до города самым длинным и неудобным, но самым дешевым способом. В день поездки встает в четыре часа утра, перекидывает через плечо тяжелые сумки, связанные веревочкой. Сначала идет три километра по огромному росистому полю, потом четыре километра через лес. Еще километр — пересечь соседнюю деревню. Ближайшая остановка автобуса от нас в восьми километрах.

На местном автобусе она доедет до райцентра, там час надо ждать другой автобус. На нем доедет до электрички. На ней еще часа полтора до города. Такой маршрут она выбирает потому, что у пенсионеров скидки только на пригородный транспорт.

— Да что ж вы вчера с родными на машине в город не поехали? — изумлялась я первое время.

— Да зачем? Им со мной, старухой, может, и сидеть неприятно. Да ничога, я сама, мне не тяжка, я привыкла.

Я несколько раз предлагала подвезти ее до города, но за двадцать лет знакомства она удостоила меня такой чести только раза два. Обычно отказывается, повторяя свое обычное: ничога, мне не тяжка. Никому не хочет быть обязанной.

Старается жить как можно незаметнее и очень боится «общественного мнения».

Однажды стучит она ко мне рано утром, открываю, вижу — лицо расстроенное.

— Что-то случилось? — удивляюсь: никогда не видела ее такой.

И Людмила Петровна шепотом, чтобы никто не услышал (и кто же мог нас слышать на пустой улице?) рассказала, что вчера к ней в гости заходила дальняя родственница. А тут как раз в сенях картошка была на просушку рассыпана. И гостья эту картошку заметила. И, конечно, решила, что она, Людмила Петровна, — неряха, в доме не убирает.

Она ночь не спала, так переживала. И вот решила сбегать к той родственнице, извиниться за беспорядок и попросить, чтобы та никому про эту картошку не рассказывала! Не дай бог, односельчане о ней плохо подумают!

— Да чего вы так переживаете? — удивилась я. — Это же пустяки!

Но после этого, на мой взгляд, ничтожного события Людмила Петровна больше никого не пускает к себе ни в дом, ни во двор. Даже меня…

Деревня наша малолюдная. Живут в основном старушки да несколько опустившихся мужиков, которых с самого утра начинает истязать похмелье. Они бродят по улице, унижаются, клянчат, на худой случай, даже соглашаются поработать ради спасительной жидкости.

Приходят они и ко мне, просят одолжить денег, но я их прогоняю с плохо скрываемой брезгливостью.

Людмила Петровна ведет себя иначе: выслушает каждого. Денег она, конечно, им не даст, но и прогонять, как я, не станет. Она и побаивается этих мужиков: могут обворовать или по-другому напакостить. И жалеет их по-своему, поэтому и ведет «душеспасительные» беседы. Объяснит незваному гостю, что тот, несомненно, человек хороший, но живет неправильно, себя не жалеет, о близких не думает. И после разговора вынесет просителю кабачок, морковки или картошки прошлогодней! Пусть поест, бедолага.

Но это не бездумное милосердие. В разговорах со мной она осуждает пьяниц за безволие и лень. Вот она, земля, сколько ее, работай, не жалей себя, и будешь сыт, и достаток какой-никакой будет. И попрошайничать не надо будет. И на вино хватит, если без него не можешь. Но если человек не способен работать на земле, он, по ее мнению, заслуживает жалости.

И я вынуждена признать, что эта простая женщина превосходит в великодушии меня, начитанную интеллигентку. После разговоров с ней меня посещает мысль, что жизнь людей была бы проще и счастливее, если бы их принципы были б так ясны и незатейливы, как у Людмилы Петровны.

Мирок ее интересов невелик. Ее не мучают глобальные вопросы бытия, она не интересуется политическими и общественными проблемами.

И назвать ее глупым человеком нельзя: книг она, конечно, не читает, но о событиях и людях судит вполне здраво.

Посмотрит иногда новости по телевизору, посетует мне: «Ну чего они там воюют? Что делят? Надо уступить кому-нибудь, помириться надо. Разве войной чего добьешься? Люди гибнут! И почему они не могут договориться? И что такое важное они там поделить не могут, объясни мне?»

И после ее таких простых и правильных вопросов эти всемогущие «они» превращаются в примитивных существ, неспособных понять очевидные истины.

Горький многовековой опыт предков подготовил ее к любым испытаниям: начнется голод — станет есть меньше, вырастут цены на проезд — будет ходить пешком дальше, носить сумки еще тяжелей. Всегда и во всем она будет рассчитывать только на саму себя и будет готова противостоять любым жизненным трудностям с неистребимым упорством.

Запас этой прочности кажется мне бесконечным. Он выкован веками испытаний. Ее предки вынесли на своих плечах и лихие годы войн, и голод, и репрессии — невзгоды обрушивались на эту землю с избыточной

регулярностью. И научились выживать и приспосабливаться, заложив на генетическом уровне эту способность в своих потомках.

За свою долгую жизнь она пережила несколько эпох: и сталинскую, и хрущевскую, и застой, и перестройку. И безропотно принимала любую власть, лишь бы она не претендовала на незатейливый уклад ее жизни.

Последние годы я стала замечать в ней тревожные перемены. Пятнадцать лет назад, когда мы только познакомились, она была нестарой миловидной женщиной с густыми черными волосами. Но тяжелый труд и равнодушие к себе за годы нашего общения превратили ее в старуху. Она сильно исхудала, лицо потемнело, покрылось морщинами, волосы, по-прежнему густые, сильно поседели.

У нее стала болеть нога, она сильно хромает, жалуется на здоровье. Я по-своему привязалась к ней, поэтому переживаю, с беспокойством спрашиваю: «Что же вы к врачу не сходите? Может быть, у вас что-то серьезное. Лечиться надо, может хуже стать». Она машет рукой: «Потым, потым! Я ж была в городе, записалась к врачу. А тут по радио сказали, что ночью заморозки. А у меня капуста на огороде не укрыта. Головок десять, ничога такая капуста. Я все бросила и сюда скорее…» — «А врач, а нога?» — «А ничога, потым».

Она похудела, сгорбилась, стала многословной, даже немного навязчивой собеседницей: словоохотливо обсуждает со мной знакомых, односельчан, кто сколько зарабатывает, кто что купил. С особым увлечением рассказывает, какой у кого дом, какой огород, какой забор поставили. И при этом постоянно повторяет: «Ты ж не думай, я не из зависти. Что мне завидовать? Мне добра как есть».

Не знаю, искренна ли она в этих уверениях. Но если она и завидует, то беззлобно, без желания зла счастливчикам.

Однажды я поступила неумно: устала наблюдать за ее мытарствами и решила объяснить, что она живет неправильно. И стала приводить, как мне казалось, очень убедительные доводы:

— Посмотрите, как вы себя губите этой работой. Постарели, болеете. Пожалейте вы себя, наконец. Толку, что вы сажаете столько этой треклятой картошки, вы ж до конца лета едите прошлогоднюю, чтобы не копать себе молодой! Во всем себе отказываете, на всем экономите. Ради чего? Кого?

Людмила Петровна смотрела на меня сначала растерянным, потом испуганным взглядом: «Чего ты на меня так рассердилась? Что я не так сделала?» — робким голосом спрашивала она.

Ее нежелание или неспособность понимать очевидное разозлила меня окончательно. Я повысила голос. Она тоже что-то раздраженно крикнула в ответ. Мы впервые за пятнадцать лет соседства разругались и разошлись, обиженные друг на друга.

А через полчаса она появилась на моем дворе с миской малины и с упреком сказала: «И зачем ты мне нервы треплешь своими разговорами?»

Я попробовала еще раз объяснять, что мне жалко ее, что женщина должна по-другому относиться к себе. Но, к счастью, поняла, что я не имею права читать ей нравоучения. Какой смысл разрушать систему ее ценностей? По-другому она жить не умеет. И нет смысла критиковать ее тяжелое, неказистое, но привычное для нее житье-бытье.

Я поблагодарила ее за малину и повела показывать, как колорадские жуки попортили картошку. Она вздыхала и охала, а потом мы вместе стали собирать полосатых вредителей.

Больше нравоучительных бесед я с ней не веду.

Но за пятнадцать лет знакомства я никак не могу определиться со своим отношением к ней. Она привлекает своим великодушием и терпимостью. Я жалею ее, когда она доводит себя работой до изнеможения. Но мне не симпатичны ее безропотность, равнодушие к себе. Ее выносливость изумляет, но ее покорность пугает и отталкивает.

Неужели так надо жить?

Мара РУСОВА

ЗЕЛЕНКО Вера Викторовна. Родилась в 1956 г. в Москве (Россия). Окончила математический факультет Белорусского государственного университета. Публиковалась в периодических изданиях Беларуси. Автор книги прозы «Время ничего не значит». Живет в Минске.

КУЛЕШ Михаил Иванович. Родился в 1956 г. в д. Полкатичи Ивановского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор книг поэзии «Белые ночи», «Окна». Живет в Бресте.

БРИТ Александр (Кривонос Александр Павлович). Родился в 1966 г. в Минске. Окончил филологический факультет БГУ. Печатался в белорусских литературно-художественных изданиях «Нёман», «Літаратура і мастацтва», «Маладосць». Живет в Минске.

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич. Родился в 1938 г. в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии, многочисленных публикаций в изданиях Беларуси и России. Живет в Светлогорске.

ЧАРКАЗЯН Ганад Бадриевич. Родился в 1946 г. в Армении. Окончил Белорусский политехнический институт. Поэт, прозаик, переводчик. Пишет на курдском и армянском языках. Автор книг поэзии и прозы «Прочность», «Цвет доброты», «Пространство и время», «Тоска по дому», «Опередить смерть» и др. Живет в Минске.

ЗЭКОВ Анатолий Николаевич. Родился в 1955 г. в д. Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор свыше десятка сборников поэзии, прозы, литературных пародий и книг для детей. Живет в Минске.

НОСОВ Сергей Анатольевич. Родился в 1957 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения и Литературный институт имени А. М. Горького. Прозаик, драматург. Автор книг «Внизу, под звездами», «Памятник Во Всем Виноватому», «Хозяйка истории», «Грачи улетели», «Музей обстоятельств», «Полтора кролика» и др. Произведения писателя входили в шорт-листы премий «Большая книга», «Русский Букер», «НОС», «Национальный бестселлер». Живет в Санкт-Петербурге.

АРТЕМЬЕВА Римма Альбертовна. Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей, Союза журналистов Республики Казахстан. Автор поэтических книг «Странница», «Прикосновения», сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас…», одна из авторов антологии «Независимый Казахстан: Антология современной литературы» и др. Живет и работает в Алматы.

ДЖО АЛЕКС (Сломчинский Мацей). Родился в 1920 г. в Варшаве (Польша). Польский писатель, переводчик и драматург. Автор псевдоанглосаксонских детективов и милицейских повестей, среди которых «Я третий нанесла удар», «Лабиринты смерти», «Пусть найдут своих врагов», «Черные корабли», «Серая тень» и др. Кавалер Ордена Возрождения Польши. Умер в 1998 году в Кракове (Польша).